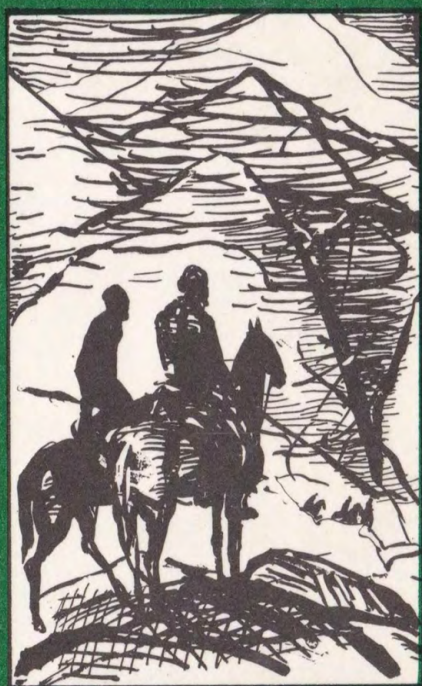

Т.ЭМАР

Т. ЭМАР

Scan Kreyder - 18.02.2018 - STERLITAMAK

Γ. ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1995

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том двадцать третий

Заживо погребенная

Валентин Гиллуа

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1995

ББК 84.4 Фр.
Э54

Оформление художника
А. ЕВДОКИМОВА

Э54 Эмар Г.
Собрание сочинений: В 25 т. Т. 23: Заживо погребенная;
Валентин Гиллуа: Романы / Пер. с фр. — М.: ТЕРРА,
1995. — 528 с.

ISBN 5-300-00116-3 (т. 23)

ISBN 5-85255-092-2

В настоящий том Собрания сочинений известного французского писателя
Гюстава Эмара (1818—1883) вошли романы «Заживо погребенная» и «Ва-
лентин Гиллуа».

Э 4703010100-162 Подписное
А30(03)-95

ББК 84.4 Фр.

ISBN 5-300-00116-3 (т.23)

ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

Заживо погребенная

Часть первая

ГЛАВА I

В сентябре 1851 года, в седьмом часу вечера, приблизительно в четырех верстах от деревни Луберия в Пиренсеях, почти уже на границе Испании, двое мужчин гуляли по аллеям сада, спускающегося до самой речки Нивеллы. Сад примыкал к дому готической архитектуры, почерневшему от времени. На берегу речки была устроена маленькая пристань, к которой были привязаны две красивые лодочки, принадлежавшие владельцу этого прекрасного поместья. В гулявших нетрудно было, по сходству их, узнать отца и сына. Отцу казалось лет сорок пять-сорок шесть, а сыну — не более двадцати лет. По осанке отца легко было догадаться, что он военный, что еще и подтверждалось красной ленточкой ордена Почетного легиона, которую он носил в петлице. Его сын, красивый брюнет, удивительно пропорционально сложенный, казался еще привлекательнее в своем оригинальном национальном костюме.

В этом уголке Пиренсеев еще уцелели потомки древних кантабрийцев, называемых теперь басками. Принадлежа прежде к Испании (присоединение их к Франции произошло только во второй половине семнадцатого столетия), они сохранили язык и костюм своей прежней родины. На молодом человеке была синяя бархатная куртка, шелковый шейный платок, концы которого были продеты в кольцо с крупным бриллиантом, белоснежная рубашка из тонкого батиста с широким отложным ворот-

ником, пунцовая жилетка, пестрый шелковый кушак, в котором прятался каталонский нож. На голове была огромная фуражка без козырька, так называемая «бэрэ», на ногах веревочные сандалии. Его длинные черные волосы падали до плеч, на руке висела на ремне дубина из орешника, без которой ни один добрый кантабрисц шагу не сделает.

Отец доказывал сыну, только что вернувшемуся из Парижа, где он кончил курс медицинских наук, что он будет скучать в этом захолустье. Сын же, со своей стороны, уверял отца, что только здесь, на родине, он чувствует себя хорошо и привольно, что он никак не мог привыкнуть к шумному Парижу, что он просто задыхался в каменных сундуках, которые называются домами, и что все его желания ограничиваются тем, чтобы навсегда остаться в этом забытом уголке.

— Я от души рад этому, сынок, — сказал отец. — Но ты еще слишком молод!

— Но ведь я с каждым днем излечиваюсь от этого недуга, — возразил сын, смеясь. — А к тому же я так горжусь тобою, отец! Все тебя так любят и уважают в окрестностях, твое имя восхваляется здесь всеми. Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе.

— Ты мне льстишь! — сказал отец нежно. — Я стараюсь по мере возможности помогать всем нуждающимся. Впрочем, у нас своего рода честь — медицинская, которую следует поддерживать, в нашей семье я представляю уже седьмое поколение врачей.

— А я буду представлять восьмое, когда заступлю твое место, отец! Потому-то я и не желаю более расставаться с тобою.

— Ну, хорошо, хорошо! Перестаньте ко мне подъезжать, господин доктор Юлиан Иригойен! Я подозреваю, что вовсе не сыновняя любовь привлекает вас сюда и возбуждает в вас такую страсть к уединению, а скорее какая-нибудь...

— Отец! — перебил его вдруг молодой человек, указывая на другой берег. — Посмотри туда!

— Ах, да! «Заколдованный дом». Но ты стараешься замять разговор, а я говорю, что...

— Смотри же, отец! — вскрикнул ностерпеливо сын.

— Ну что там еще? — возразил доктор с некоторой досадой.

— Я вижу свет!

— Свет! Где же?

— В «заколдованном доме».

— Вздор! Там никто не живет.

— Да я и не спорю, а все-таки посмотри — я тебя уверяю, что вижу свет, смотри, вот видишь?.. Огонек пошел из дому... Вот он в саду, вот опустился и не шевелится, вероятно, поставили на землю.

Доктор наконец посмотрел внимательно в указанном направлении.

— Действительно, — сказал он минуту спустя, — сомнения не может быть — это огонь. Что бы это значило?

— Кто знает, отец? Этот дом уже давно наводит ужас. Не готовится ли там новое преступление?

— Ты с ума сошел, Юлиан!

— Ведь уже кого-то убили в этом доме?

— Да, это было до твоего рождения; двадцать пять лет тому назад было совершено в этом доме убийство, сопровождавшееся зверскими истязаниями.

— Отец, я чувствую безотчетный страх, я предчувствую несчастье; пойдем посмотрим, что там происходит или будет происходить. Ведь стоит только пересечь на ту сторону. Через десять минут мы можем узнать, в чем дело.

— Гм! — сказал старый доктор, качая головой. — Нехорошо из одного любопытства вмешиваться в чужие дела.

— В иных случаях это правда, но здесь другое дело. Впрочем, мы не покажемся, никто нас не увидит, и если там ничего преступного не происходит, чего я, признаться, не допускаю, — то мы вернемся домой.

— Не лучше ли вовсе не ехать, сынок? Это было бы более разумное.

— Как хочешь, отец, оставайся; но я так убежден в справедливости моих предчувствий, что решил ехать и поеду один.

Настала минута молчания, доктор думал, он хорошо знал своего сына и боясь, что он один подвергнется опасности, решил ехать с ним.

— Ну будь по твоему, — сказал он, — поедем, упрямец, если ты уж этого непременно желаешь.

Они спустили лодку. Юлиан принялся грести, а отец его сел у руля. Юлиан стал под тенью ив подниматься

по течению, желая пересечь реку выше дома, к которому они направлялись, но вдруг, бросив весла, он схватил большую ветвь, опускавшуюся над водой, и мгновенно остановил лодку.

— Что такое? — спросил тихо доктор.

— Посмотри, — ответил также тихо сын.

Лодка с двумя мужчинами, из которых один греб, а другой правил, быстро приближалась, несмотря на то, что также шла против течения. Она прошла так близко, что едва их не задела, но благодаря густой темноте они не были замечены незнакомцами. Эта лодка направилась прямо к заколдованному дому.

— Ты видел? — спросил Юлиан отца.

— Да, — ответил тот, — и мне кажется, у того, который правил, на лице была маска.

— Ну, отец, скажешь ли ты теперь, что мои предчувствия пустяки?

Пока отец с сыном перскидывались этими торопливыми фразами, таинственная лодка причалила к другому берегу. Юлиан пересек на ту же сторону, но несколько выше, причалил и тщательно спрятал лодку в кустах.

Отец и сын направились к покинутому дому. Они шли почти на ощупь, так как под деревьями было очень темно.

Огонек в саду исчез.

Но сквозь щели ставен двух окон нижнего этажа вырывались полосы света, которые ложились кровавыми бороздами на аллею сада. Юлиан и его отец, подстрекаемые уже не любопытством, а страшными предчувствиями, тихонько проползли сквозь обвалившуюся в одном месте изгородь, подкрались осторожно к окнам и приложили глаза к щелям в ставнях.

Вот какое зрелище предстало их испуганному взору: в небольшой комнате, в которой находились только три простых стула и некрашенный стол, молодая женщина, одетая в изящный домашний наряд, лежала на скамье, связанная по рукам и ногам и с повязкой на рту. Слабый свет фонаря, стоявшего на столе, едва освещал трех мужчин, сидевших около стола. Мерцание фонаря придавало еще более злобещий вид этой картине. Возле фонаря были расположены бутылки с какой-то жидкостью, шкалик, свинцовая чернильница,

перья, несколько бумаг, из которых одна была наполовину исписана. Вот все, что можно было разглядеть в этой комнате.

Двое из сидевших были одеты матросами.

Черты их загорелых лиц были грубы; третий же был очень изящно одетый господин, с лентой Почетного легиона в петличке. На его лице была маска, и он наполовину был закутан в военный плащ.

— Сними веревки и повязку, Себастьян. — сказал господин в маске повелительным тоном.

Один из матросов встал и исполнил приказание.

— Помогите! — закричала раздирающим душу голосом женщина, почувствовав себя свободной.

Она хотела броситься вон из комнаты, но матрос ее грубо схватил и привел к стулу, на который силой заставил сесть.

Это была женщина высокого роста, стройная, с великолепными светло-русыми волосами. Ей было около двадцати двух лет, и она была дивно хороша, несмотря на мертвенную бледность.

— Напрасно будете кричать, — сказал хладнокровно человек в маске, — никто на ваш зов не придет, мы здесь в пустыне.

— Ах! Этот голос, — сказала она шепотом, глядя на него с ужасом. Потом прибавила: — Нет такой пустыни, куда бы не проникал взор Божий! Сжальтесь, ради Бога! Я невиновна, зачем вы меня сюда привели? Что вам от меня нужно?

— Вы это узнаете сейчас же, — ответил замаскированный человек, с жестокой усмешкой, — но прежде всего подпишите эту бумагу.

С этими словами он протянул ей исписанную бумагу, лежавшую на столе.

Молодая женщина взяла бумагу и неохотно стала читать ее. Вдруг она вскочила в порыве сильного негодования и, разорвав бумагу на клочки, крикнула:

— Убейте меня! Убейте! Никогда я не подпишу своего бесчестия, я чиста, я всегда была непорочной и верной супругой. Это известно Богу, и Он за меня отомстит.

Она бросила на пол клочки разорванной бумаги.

Незнакомец быстро сбросил маску. Черты его лица были очень красивы, но выражение глаз, которые как

будто прятались под полуопущенными веками, было крайне неприятным.

— Презренная! — крикнул он с бешенством. — Осмелишься ли ты мне в лицо повторить, что ты невинна?

— Боже мой! Я вас узнала по голосу! Убейте же меня, подлый мучитель беззащитных! Но знайте, что богатства, для которых вы хотите и меня лишить жизни, не попадут в ваши руки. Меры предосторожности приняты. Что же? Я жду!

Она стояла, выпрямившись, перед ним, скрестив руки на груди и устремив на него презрительный взгляд.

Незнакомец посмотрел на Себастьяна и сделал ему знак, тот откупорил склянку и вылил заключающуюся в ней жидкость в стакан.

— Вырыта ли могила? — спросил незнакомец другого матроса.

— Да, полковник, — ответил тот, — она вырыта, как вы приказали — длинная и глубокая.

Во время этого разговора Себастьян, поставив склянку на стол, стал незаметно за спиной своего товарища.

— Хорошо, — сказал тот, которого называли полковником, — в каком месте вырыта могила?

— Посреди поляны, полковник.

— Возьми, это тебе!

И он бросил ему кошелек, который матрос подхватил на лсту, с выражением алчной радости.

— Действуй! — сказал незнакомец.

В это мгновение руки Себастьяна опустились на шею его товарища и стали его изо всех сил душить. Этот последний был человек сильный и, хотя был захвачен врасплох, старался защищаться, но тот был сильнее его. Несмотря на все усилия, ему не удалось высвободить своей шеи из сдавливавших ее тисков. Его лицо исказилось, глаза налились кровью и стали закатываться, затем он весь побагровел и страшно захрипел. Тогда Себастьян разжал руки, и могильщик повалился на пол, как сноп. Последние судороги прошли по его членам, и он остался лежать неподвижно. Он умер.

— Унеси! — приказал незнакомец тем же резким, повелительным голосом.

Матрос взвалил себе на плечи тело убитого им товарища и, не торопясь, вышел из комнаты.

Тогда незнакомец обратился к несчастной молодой женщине, которая стояла все в том же месте, как бы оцепенев от совершенного при ней убийства, и, вынимая из портфеля другую бумагу, протянул ее со словами:

— Вот второй экземпляр той бумаги, которую вы разорвали! Согласны ли вы теперь ее подписать? То, что вы сейчас видели, не заставило вас перемнить ваше намерение?

— Да, — ответила она коротко.

— Стало быть, вы согласны! — вскричал он с невольной радостью.

Она взглянула на него с невыразимым презрением и ответила:

— После того, что видела, милостивый государь, я пришла к убеждению, что если я и соглашусь подписать эту бумагу, вы меня все-таки убьете — я слишком неудобный свидетель... Стало быть, лучше умереть сейчас.

И она протянула руку к стакану.

— Пейте же, если таково ваше убеждение, — сказал он ей со странным выражением.

Молодая женщина бросила на него взгляд, заставивший его опустить глаза, взяла со стола стакан и выпила его залпом.

— Вы когда-нибудь пожалуете, что совершили такое отвратительное и бесполезное убийство — я умираю невинная, и вы это отлично знаете, прощайте! Я прощаю вам свою смерть!

И молодая женщина опустилась на стоявший возле нее стул.

— Благодарю, только вы, кажется, слишком поспешили даровать мне прощание, — сказал он со своей схищной усмешкой, — от того, что вы выпили, вы еще не умрете.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она, хватаясь руками за отяжелевшую голову. — Я не умру?

— Да, не умрете. Не сейчас по крайней мере. Вы выпили сильное наркотическое средство. Вы проснетесь только в могиле! Ваша смерть от яда была бы слишком скорая. Я хочу, чтобы вы долго призывали к себе смерть, прежде, чем она сжалится над вами.

— Боже! — вскричала она. — Вы изверг!

— Нет, — расхохотался он, — вы меня разоряете, и я мщу.

Молодая женщина хотела еще что-то сказать, но силы ей изменили. Сильное усыпляющее средство уже проявляло свое действие, глаза ее закрылись, и она осталась неподвижной.

В это время матрос вернулся.

— Возьми, и свяжи ее покрепче! — скомандовал незнакомец.

Матрос повиновался, не выказывая ни малейшего сожаления.

— Теперь унеси ее! — слышался тот же повелительный голос.

Матрос взвалил несчастную на плечо, и оба направились к вырытой могиле, где уже лежал тот, чьими руками она была вырыта.

Незнакомец шел впереди, освещая дорогу.

Страшная яма была видна посреди поляны.

Незнакомец подошел с фонарем к самому краю.

— Брось ее, ей тут хорошо будет, — сказал он с циничной улыбкой.

Себастьян тряхнул плечом, и тело несчастной упало в яму, слышался глухой стук одного тела о другое.

Матрос взял лопату и стал заваливать могилу.

— Готово? — спросил незнакомец.

— Готово!.. Прикажете крест поставить? — отвстил матрос своим грубым голосом.

— Это еще для чего? — сказал незнакомец, пожимая плечами. — Дурак! Тебе хочется оставить след?

— И то правда, я и не подумал. Я только притопчу немножко землю.

— Совершенно напрасно. Она крепко связана, к тому же никто сюда не придет. А нам нужно спешить — ты знаешь, что в два часа ночи мы уже должны быть на корабле, который нас ждет на взморье.

— Да, надо, чтобы никто и подозревать не мог, что вы провели несколько часов во Франции.

— Перестань разговаривать. Собери инструменты, запри двери дома, потуши фонарь и — пойдем.

Матрос быстро исполнил все приказания: он отнес лом и лопату под навес, а фонарь бросил под куст.

Они направились к своей лодке, слышался плеск весел, и вскоре злодеи исчезли во мраке.

ГЛАВА II

Доктор Иригойсен и сын его Юлиан, как уже известно нашим читателям, присутствовали при ужасной сцене, которую мы описали в предыдущей главе.

Под влиянием душевного негодования молодой человек несколько раз порывался броситься в дом и стать между жертвой и ее палачом, но отец его каждый раз удерживал. Действительно, его вмешательство не спасло бы молодую женщину, и он бы только сам погиб в неравной борьбе.

Когда плеск весел утих, доктор первый выскочил из засады и крикнул сыну:

— Скорее, принимайся за дело! Нельзя и минуты терять!

Юлиан зажег фонарь, который ему нелегко было найти под кустом, где он был брошен. При свете фонаря он взял из-под навеса лопаты, одну передал отцу, и оба принялись немедленно за работу.

К счастью, матрос, спеша скорее закончить, небрежно набросал землю в могилу, и она оказалась настолько рыхлой, что в несколько минут они ее всю выкинули обратно на лужайку.

Доктор остановился и, приказав сыну держать фонарь, сам продолжал осторожно руками выгребать землю, стараясь прежде всего очистить голову молодой женщины, чтобы скорее открыть воздуху доступ к ее легким.

По странной и счастливой случайности молодая женщина упала лицом вниз, на тело матроса, и поэтому

земля не коснулась наружных дыхательных органов и не могла ее мгновенно задушить.

Вскоре все тело незнакомки было высвобождено из-под земли. Отец и сын спустились осторожно в могилу, чтобы вынуть ее оттуда. Юлиан, при всей храбрости и навыке к обращению с трупами, не мог не почувствовать холодную дрожь, когда ему пришлось наступить на мягкое и еще теплое тело убитого матроса. Они берсжно вынесли усыпленную незнакомку и положили на траву, на плащ, который доктор бросил на землю.

Он перерезал веревки, которыми она была связана, и, став на колени, приложил ухо к ее груди.

Юлиан, затаив дыхание, в мучительном ожидании следил за всеми действиями отца.

— Слава Богу! Она жива! — вскрикнул, наконец, доктор, приподнимаясь на ноги.

— Неужели могло быть сомнение? — спросил с ужасом молодой человек.

Доктор молча улыбнулся, закутал женщину в плащ и опять взял лопату.

Отец и сын поспешили опять засыпать могилу, в которой осталось еще одно тело, поставили на ней наскоро связанный из двух кольев крест, и затем, подняв молодую женщину, понесли ее поспешно к своей лодке.

Четверть часа спустя, они внесли к себе в дом добычу, вырванную ими из когтей смерти.

Было только девять часов вечера; старая служанка доктора давно уже ушла на посиделки, откуда она обыкновенно возвращалась не раньше одиннадцати часов и прямо отправлялась в свою комнату, не заходя к «господам». Единственный же представитель мужской прислуги, который в доме доктора исполнял должности лакея, кучера и дворника, спал крепким сном в конюшне. Отец и сын были, стало быть, совершенно одни в своем доме и могли легко скрыть от посторонних глаз все случившееся в этот вечер.

Во всех домах этой части Франции всегда есть прекрасно убранная комната, предназначенная для друзей, приезжающих погостить, или для запоздалых путешественников, которых принимают по старинному обычаю. В эту комнату Юлиан отнес молодую женщину и положил ее на кровать, потом пошел помогать отцу в приготовлении средств, с помощью которых доктор надеялся прервать ее наркотический сон.

Прежде всего доктор раздел больную и уложил в нагретую постель. Потом оба принялись ее растирать, доктор с трудом влил ей в рот несколько ложек крепкого кофе с эфиром, и наконец наука восторжествовала: больная шевельнулась, открыла глаза и слабым голосом произнесла на языке басков:

— *Bicia salbat len hauza...* (Вы мне спасли жизнь).

— *Eghia da* (это правда), — ответил на том же языке доктор.

Но вскоре вместе с сознанием воскресла и память, молодая женщина задрожала.

— О! Боже мой! — вскрикнула она, сжимая голову руками. — Какое страшное видение! Где я! Не сон ли это? Ради Бога, скажите!

— Успокойтесь, сударыня, — сказал доктор ласково. — Успокойтесь, пожалуйста, мы ваши друзья и в этом доме вы в совершенной безопасности.

— Стало быть, это произошло наяву? Значит, я не во сне видела, что этот ужасный человек, мой муж, дал мне выпить наркотическое средство?

— К несчастью, это так и было, сударыня!

— Боже мой! Боже мой! — говорила она с ужасом. — Стало быть, я уснула?

— Да, сударыня.

— А потом, что было потом?

Доктор медлил ответом.

— Говорите, я вас умоляю, я должна, я хочу все знать, не скрывайте от меня ничего, мне необходимо знать до какого злодейства мог дойти этот человек.

При этих словах глаза ее засверкали огнем ненависти.

— Этот человек, ваш муж, сударыня, исполнил свою угрозу, он ее довел до конца с холодной и беспощадной жестокостью.

— Стало быть, когда я уснула...

— Он приказал своему сообщнику вас связать. Взгляните на кисти ваших рук.

— Это правда, — сказала она вполголоса, взглянув на свои истерзанные руки. — Ну а потом? Неужели он решил меня бросить?..

— В могилу, заранее вырытую человеком, которого он приказал задушить! Да, сударыня, вы были брошены в могилу и засыпаны землей.

— Ах! Это ужасно! — вскрикнула она в отчаянии. — И этот изверг продолжает быть членом общества и еще занимает высокую должность! И у него есть друзья... Но каким же образом вы меня спасли?

— Мы с сыном тайно присутствовали при этой гнусной сцене; вы оставались не более четверти часа под землей, мы вас оттуда вынули, как только ваш палач уехал.

— О! Каким образом могу я вас вознаградить за это?

— Мы уже достаточно вознаграждены вашим спасением.

— Скажите, пожалуйста, далеко ли отсюда до Сен-Жан-де-Люса!

— Часа два езды, не более.

— Что же мне теперь делать? Что предпринять?

— Но ведь ничто не мешает вам вернуться домой, сударыня?

— Я теперь уже для всех умерла! Неужели же мне опять идти и отдаться в руки моему мучителю, моему палачу?

— Вам нечего опасаться вашего мужа, сударыня, по крайней мере теперь.

— Что хотите вы этим сказать, сударь? Я вас не понимаю.

— Ваш муж, как видно, прибыл во Францию тайно и старается тщательно скрыть свое пребывание здесь. Корабль, привезший его, ожидает его на взморье; вот почему едва успел он совершить свое преступление, как поспешил уехать, чтобы поспеть на корабль к двум часам ночи.

— Правда ли это? Уверены ли вы в этом? Не сердитесь, пожалуйста, за мое недоверие.

— Я сам слышал, как он говорил об этом матросу. У него не могло быть причины не говорить откровенно с этим человеком, которому тоже, по-видимому, известно, что он должен нынешней же ночью отплыть на корабле. Я даже расскажу вам возмутительную подробность, которую я от вас скрыл и которая вас окончательно убедит в правдивости моих слов.

— Говорите, говорите, сударь, я все хочу слышать!

— Знайте же, сударыня, что когда могила была завалена, матрос спросил, не нужно ли притоптать землю,

и ваш муж ему ответил: «Не нужно, она связана, к тому же мы должны спешить». Матрос же на это ответил: «Правда! Надо, чтобы никто и подозревать не мог, что вы были сегодня во Франции, а корабль нас будет ждать на взморье до двух часов, надо спешить».

— О! Я вам верю, я вам верю, сударь! — вскрикнула она, вздрагивая. — Но каким образом я могу теперь вернуться домой?

— Каким образом попали вы сюда?

— Мой муж проник ко мне в дом через тайный ход и похитил меня, никто этого не видел, все в доме думают, что я сплю, потому что дверь моей спальни заперта изнутри задвижкой.

— Кто же вам мешает возвратиться домой тем же путем? Завтра, когда вы встанете, никто и подозревать не будет вашего временного отсутствия.

— Вы правы! Это легко, даже очень легко было бы сделать, если бы я была в Сен-Жан-де-Люс, но, к несчастью, меня там нет.

— Пожалуйста, об этом не беспокойтесь — отдохните еще несколько минут, и я сам вас отвезу в своем экипаже в Сен-Жан-де-Люс. Я даю вам слово, что вы будете у себя раньше двенадцати часов.

— О, как вас благодарить, сударь, за все ваши заботы обо мне?

— Помилуйте, сударыня, я исполняю свой священный долг. Успокойтесь же. Все, что вы выстрадали, будет только казаться вам дурным сном, — прибавил он, улыбаясь.

— Я должна вам сказать, кто я, чтобы вы знали, кому вы так благородно спасли жизнь.

— О сударыня!

— Я этого желаю — разве я могу иметь от вас тайну? Меня зовут Лсона де Вернель, маркиза де Жермандиа.

— Как! Сударыня, вы...

— К несчастью, да, сударь! И, поверьте, я не буду неблагодарной.

— Сударыня...

— Поймите меня, — сказала она, протягивая ему руку с обворожительной улыбкой. — Я хочу быть дочерью для вас и сестрой для вашего сына. Неужели вы мне откажете в этом?

— Юлиан, — обратился доктор к сыну, вероятно, для того, чтобы скрыть свое волнение, — ты хотел отправиться на посиделки. Тебе необходимо туда сегодня показаться, чтобы отвлечь подозрения. Твое присутствие здесь более не нужно. Простись с маркизой и отправляйся туда. Я уже буду дома, когда ты вернешься.

— Слушаю, отец, — ответил Юлиан.

И он подошел к молодой женщине.

— Поверьте, сударыня, — сказал он почтительно, — что я буду одним из преданнейших...

— Нет, не так, Юлиан, брат мой. Зовите меня Леона, я так хочу, и любите меня, как я вас и вашего отца люблю.

И, нагнувшись к нему, она ему подставила лоб, которого молодой человек почтительно прикоснулся губами.

— А теперь, до свидания, до скорого свидания, брат мой Юлиан, — сказала она с грустной улыбкой.

Молодой человек от волнения ничего не мог ответить и, поклонившись, молча вышел из комнаты.

Если бы не этот странный и непредвиденный случай, который совершенно отвлек мысли доктора в другую сторону, он бы тоже пошел с сыном на посиделки, конечно, не для того, чтобы за ним присматривать, а с целью убедиться воочию, насколько молодой человек близко сошелся с красавицей Денизой, как ее звали в деревне.

Доктор думал, что это маленькая вспышка любви, и имел намерение сразу пресечь ее, прежде, чем она превратится в серьезное чувство.

Брак между его сыном и Денизой ему несколько не нравился; не потому, что девушку можно было в чем-нибудь упрекнуть, напротив, Дениза была не только самой красивой девушкой во всей окрестности, но и самой благоразумной, самой добродетельной. Семейство Мендири, к которому она принадлежала, было тоже одно из самых древних и благородных в их околотке, но они сильно обеднели, а доктор Иригойен, хотя и не был скуп, но знал цену деньгам и мечтал о блестящем будущем для своего сына. У него был капитал, дававший ему от восемнадцати до двадцати тысяч франков дохода — что в этом уголке было очень много, — но отец желал, чтобы

сын поселился в Париже, а для этого нужно было по крайней мере утроить этот доход.

Доктор имел в Байоне старого друга детства, тоже доктора, очень богатого, у которого была прелестная дочь. Вот ее-то и прочил он сыну в невесты. Отцы уже между собой порешили этот вопрос, и нужно было только согласие самих молодых людей, которым этот разговор еще не был известен.

В этом именно положении находилось дело при начале нашего рассказа. Отцы только ожидали случая, чтобы привести в исполнение давно задуманный ими план.

Но подобные проекты очень редко осуществляются, в большинстве случаев какое-нибудь непредвиденное ничтожное обстоятельство является преградой в последнюю минуту.

То же случилось и на этот раз. Доктор все рассчитал, но не позаботился заручиться согласием сына, а последний, не подозревая отцовского плана, самым неожиданным образом влюбился.

Однажды утром, стоя у окна и следя глазами за удалявшимся отцом, он заметил молодого парня, который показался ему знакомым. Юлиан от нечего делать позвал его, и тот поспешил подойти.

По мере его приближения Юлиан убеждался, что знает этого молодого человека. Действительно, это был один из его товарищей и друзей детства, с которым он очень любил играть, потому что тот был старше его тремя годами и всегда брал его под свою защиту.

— Эй! Бернардо! — крикнул он. — Разве ты меня не узнаешь?

— Ах, Боже мой! Какое счастье! — вскричал Бернардо, всплеснув руками. — Это ты, мой Юлиан!

— Наконец-то, ты вернулся!

— Ну, да! — ответил Юлиан, смеясь. — Войди же, старый товарищ!

Они обнялись и расцеловались от души. Они стали припоминать времена своего детства и остальных друзей и товарищей.

Бернардо остался завтракать у Юлиана, причем, перебирая всех живущих в окрестностях, произнес имя Денизы с особенной похвалой.

Это имя, произнесенное мимоходом, воскресило в памяти Юлиана образ прелестной девочки, соучастницы

его игр, сердце его забилося и он стал припоминать подробности их детской дружбы.

Семейства Мендири и Иригойен были очень дружны в то отдаленное время. Они почти жили вместе, а их дети просто не расставались. Юлиан называл Денизу своей маленькой женой, а Дениза называла его маленьким мужем.

Все эти проснувшиеся воспоминания возбудили в Юлиане сильное желание увидеть опять ту маленькую девочку, которая теперь, по словам Бернардо, превратилась в прелестную девушку, которую все окружающие боготворят.

В этот же день Юлиан в сопровождении Бернардо отправился в село.

Он был принят с восторгом старыми товарищами, которые все его любили и от души ему обрадовались.

С этой минуты он опять сделался кровным баском. Он опять надел национальный костюм, стал посещать все сборища, игры в шары и посиделки.

Дениза, увидев его, вскрикнула от радости и бросилась ему на шею со слезами. Бедная девочка не переставала о нем думать и наивно призналась ему в этом, не стараясь скрывать свою радость при свидании с ним.

Когда она после долголетней разлуки увидела этого красивого, статного молодого человека, она поняла, до какой степени любила его.

Юлиан тоже полюбил ее всеми силами своей души, но вместе с любовью у него зародилось и другое, несведомое ему до сих пор чувство ревности.

Дениза была слишком хороша собой, чтобы не иметь вздыхателей. Но последние относились к ней с величайшей почтительностью. Они любили молодую девушку, но не решались высказывать ей это открыто. Между ними был один, который более других возбуждал опасения в сердце Юлиана: это был рослый и красивый молодой человек лет двадцати четырех. Он был сыном богатого хлебопашца из соседнего села и очень гордился своей красотой и своим богатством. По силе и ловкости он не имел соперников и поэтому часто позволял себе высокомерные выходки.

Говорили, что он не отличался примерным поведением — он уже обольстил нескольких девушек, которых потом бросил. Подобные вольности часто увлекали его

в неприятные истории, но благодаря влиянию богатых родителей он до сих пор выпутывался из беды. Но вследствие всего этого он был нелюбим и его отчасти даже боялись.

Этого молодого человека звали Фелиц Оианди. Он не скрывал своей любви к Денизе, хотя молодая девушка, по-видимому, ее вовсе не поощряла. Но это несколько не обескураживало Фелица, и он поклялся, что так или иначе молодая девушка будет ему принадлежать.

В то время как Юлиан Иригойен входил в помещение посиделок, все общество было уже в полном сборе: тут были молодые люди, молодые девушки и их родители, — болс тридцати человек. Пряли, разговаривали, вышивали, хохотали, пели и даже плясали; было очень весело.

Посиделки составляют старинный и любимый обычай басков. Тут, под зорким наблюдением старших, молодежь знакомится и влюбляется. На посиделках же происходит, при всех, обручение сговоренных, после чего уже все вздыхатели отходят от обрученной, около которой продолжает оставаться один жених.

Помолвленные, таким образом, уже не могут отказаться друг от друга под страхом всеобщего презрения.

Мы скоро представим читателю случай присутствовать при исполнении этого трогательного и величественного обычая, который носит первобытный и патриархальный характер.

Посиделки в тот вечер происходили в доме Мендири, в большой и высокой комнате — стены были обшиты дубовыми филснками, почерневшими от времени, земляной пол был, как ток на гумне. У одной стены огромный камин мог приютить нескольких человек под своим выступом. Мебель состояла из нескольких плетеных стульев для стариков и деревянных скамеек, расставленных в беспорядке, для молодежи. Освещение состояло из первобытных каганцев, подвешенных кое-где под потолок, и главным образом из пылавшего камина...

Отец и мать Денизы сидели по правую сторону камина, окруженные знакомыми, Дениза сидела за прялкой в кругу остальных девушек.

Когда Юлиан вошел, все работали и весело разговаривали; Фелиц Оианди с нахальной усмешкой что-то рассказывал в группе молодых людей.

Юлиан, не обращая на него внимания, прошел через всю комнату и, поздоровавшись с отцом и матерью девушки, ласково приветствовал Денизу, и подошел к тем молодым людям, с которыми был дружен.

Однако при появлении Юлиана произошло заметное смятение среди присутствовавших. Все обратились в его сторону: молодые девушки шептались и хихикали, глядя на него, молодые люди прекратили свой разговор, заметное молчание воцарилось на несколько минут, точно все ожидали чего-то.

Но это волнение длилось недолго. Вскоре разговоры и хохот возобновились во всех углах еще громче прежнего.

Время шло, было уже около одиннадцати часов, некоторые девушки стали складывать свою работу, настала пора расходиться по домам.

В это время Фелиц Оианди подошел к камину и, наклонившись к Денизе, подкладываявшей дрова в огонь, сказал:

— Сударыня, кажется, дрова плохо горят, позвольте мне подложить это полсно...

И он положил свое полсно в то место, где огонь ярче горел.

Мертвая тишина воцарилась в зале, все ждали — кто с замиранием сердца, кто просто с любопытством, — что произойдет.

Дениза молча взяла щипцами полсно молодого человека и отставила его в сторону, так что оно мгновенно потухло.

Фелиц Оианди вздрогнул, лицо его позеленело от злости. Он попробовал улыбнуться и затем поспешил скрыться, преследуемый хохотом молодых девушек.

Аллегорический ответ Денизы означал отказ самый решительный. Вынув полсно из огня и дав ему потухнуть, она этим сказала молодому человеку: «Я вас не люблю и любить не буду».

Когда Фелиц Оианди исчез в группе молодых людей, Юлиан Иригойен в свою очередь подошел к Денизе. Наклонившись к ней, он сказал дрожащим голосом:

— Позвольте мне, дорогая Дениза, положить в огонь это полсно, которое я тщательно выбрал.

И он прибавил с грустной улыбкой:

— Может быть, оно лучше загорится, чем первое.

— Пожалуйста, Юлиан, — ответила девушка с выражением искренней нежности в голосе, — вот сюда положите — огонь, может быть, и не станет от этого жарче, но все-таки станет светлее.

— О! Благодарю! Благодарю! — крикнул Юлиан страстно.

И он бросил полено в огонь.

Радостные возгласы слышались со всех сторон и приветствовали выбор девушки. Все любили Юлиана и потому все его искренно поздравляли. Отец и мать обнимали Денизу, повторяя, что она не могла сделать лучшего выбора.

Что же касается Фелица Оианди, то он поспешно удалился, придумывая способ отомстить за нанесенную обиду.

Полчаса спустя все начали расходиться по домам.

Несколько товарищей Юлиана, зная злобный и мстительный характер Фелица, настояли на том, чтобы проводить Юлиана домой. Как он ни отговаривался, ему пришлось уступить, но так как он более всего боялся, чтобы Фелиц не мог его упрекнуть в трусости, то было решено, что он пойдет один, а друзья будут за ним следить издали, для того чтобы в случае нужды они могли поспеть к нему на помощь.

— Ну, если ты уж такой упрямый, то иди вперед, — сказал Бернардо, — во всяком случае, мы не дадим этому олуху тебя убить.

— Спасибо, — ответил, смеясь, Юлиан. — Но если уж быть сегодня драке, то едва ли Фелицу удастся меня одолеть, ему сегодня что-то не везет.

Молодые люди дружно расхохотались и отправились в путь.

Мы уже сказали, что село было окружено со всех сторон густым лесом. Юлиану приходилось пересечь этот лес, чтобы дойти до своего дома, и идти этим путем около получаса.

Луна светила с безоблачного неба, так что в чаще не было особенно темно, на полянах же было совсем светло.

Молодой человек уже прошел более половины пути, когда, подходя к довольно просторной поляне, увидел на ней четырех человек, которые, как казалось, его ожидали.

— Ого! — проговорил он про себя. — Неужели мои друзья были правы? Ну, пойду к ним навстречу, там видно будет!

И, попробовав, хорошо ли вертится в его руке дубина, он вышел на середину поляны.

В это время один из стоявших на поляне пошел к нему навстречу.

— Ага! Это ты, Пауло, — сказал Юлиан весело. — Что же ты тут делаешь?

— Я тебя ждал, Юлиан, — ответил ласково Пауло.

— Ну, так вот и я — что же тебе от меня нужно?

— Да мне-то, собственно, от тебя ничего не нужно, Юлиан; только, вот, Фелиц Оианди взбешен на тебя и говорит, что ты его очень оскорбил на посиделках.

— Фелиц Оианди с ума сошел: я воспользовался своим правом, также, как он воспользовался своим. Тем хуже для него, если ему отказали, мне до этого нет дела.

— Так скажи ты ему это сам, Юлиан.

— Пожалуй! Пойдем!

— Да, пойдем! — повторил Бернардо, который в это время подошел с четырьмя товарищами.

Силы были теперь равны, на стороне Юлиана был даже пересвс, так как со стороны Фелица было только четверо, а со стороны Юлиана шесть молодых людей.

Они все вместе подошли к Фелицу, который продолжал стоять посреди поляны.

— Ого-го! — сказал Фелиц насмешливо. — Вы пришли сюда целым стадом! Должно быть, вы что-то подозревали?

— С тобой всегда можно что-нибудь подозревать, — ответил сухо Бернардо.

— Молчи, пожалуйста, Бернардо, — сказал Юлиан. — Это дело касается меня одного! Впрочем, Фелиц едва ли мог задумать против меня измену.

— Мне никакой измсны не надо, чтобы проучить такую мокрую курицу, как ты! — крикнул Фелиц.

— Не будем терять времени на перебранки. Скажи мне прямо, зачем ты меня тут поджидал с товарищами в такой поздний час?

— Что я хочу? — крикнул Фелиц, изменившимся голосом. — Я хочу тебя убить!

Юлиан улыбнулся.

— Стало быть, будем драться, — сказал он с невозмутимым хладнокровием.

— Да, пока один из нас не останется на месте.

— В таком случае, я вот что предлагаю: мы бросим наши ножи, ножами совершаются убийства, и решим наше дело дуэлью.

— Но...

— Ни слова! Ты меня вызываешь, значит, я имею право выбрать род оружия; к тому же, ты гораздо старше и храбрее меня.

— Правда, правда! — закричали все присутствовавшие в один голос.

— Ладно! — проворчал Фелиц, принужденный согласиться.

— Мы будем драться дубинами. Дубина наше национальное оружие; можно также пускать в дело кулаки; секунданты не должны вмешиваться.

— Хорошо, — сказали секунданты.

— Хорошо, — повторил Фелиц глухим голосом. — Что же, все ли, наконец?

— Еще два слова.

— Скорее!

— Ну, не волнуйся, ты от меня не уйдешь, — возразил с насмешкой Юлиан. — Каждый из нас должен дать себя осмотреть, чтобы секунданты убедились, что у нас нет спрятанного оружия. Мы сбросим всю лишнюю одежду и останемся в одном белье...

— Как ты трусишь, однако! — расхохотался Фелиц.

— Дуэль только тогда прекратится, — продолжал Юлиан, — когда один из нас признает себя побежденным и скажет: «Я виноват, я подлец, меня справедливо наказал такой-то, я прошу у него прощения за то, что напрасно вызвал его на бой».

— Кончишь ли ты наконец! — заревел Фелиц.

— Да, принимаешь ли ты эти условия?

— Принимаю.

— Все? Даже слова, которые побежденный обязан произнести?

— Все, говорю тебе! Это ты, недоносок, их произнесешь!

— Это мы увидим! Господа, вы слышали? Будьте свидетелями.

— Да, — сказал Бернардо, — мы клянемся, что эти условия будут соблюдены!

Секунданты приступили к исполнению своих обязанностей: отняли у борцов их ножи и всю лишнюю одежду и, когда все было готово, поставили их друг против друга с дубинами в руках.

Юлиан, хотя и казался очень сильным для его лет, тем не менее еще не вполне сформировался физически, и поэтому он был значительно слабее своего противника. Но, несмотря на это, он весело улыбался.

Юлиан рассчитывал только на свою ловкость. Во время пятилетнего пребывания в Париже он брал уроки у знаменитейших профессоров бокса и саваты* и слыл талантливейшим из их учеников. Благодаря этим знаниям, человек сравнительно не сильный может справиться со всяким соперником, вооруженным только своей грубой силой.

Сигнал был дан.

Фелиц вскрикнул от радости и бросился на противника с поднятой дубиной, но удар его упал в пустое пространство. Юлиан быстро нагнулся, предпослав Фелицу два удара кулаком в лицо и удар ногой в колено.

Лицо Фелица обагрилось кровью, которая у него хлынула из носа и изо рта. С этой минуты он потерял всякое самообладание и стал изо всех сил наносить палкой направо и налево удары, которые попадали только в воздух.

Юлиан уклонялся от всех ударов, он вертелся вокруг противника и наносил ему удар за ударом вполне безнаказанно. Лицо несчастного Фелица уже потеряло образ человеческий, оно так распухло, что глаз почти не видно было, грудь издавала хриплые звуки при каждом новом ударе, наконец одним сильным ударом ногой в правое бедро Юлиан опрокинул его навзничь на землю.

— Ну вот, — сказал молодой человек, смеясь, — теперь отдохнем немного.

Свидетели этой необыкновенной борьбы были в восхищении. Они никогда ничего подобного не видали и

* Sabata (la savate) состоит в умении драться одновременно руками, ногами и головой. Удары, наносимые этим способом, отличаются меткостью и неотразимостью.

просто не понимали, каким образом Юлиан мог действовать так метко и так быстро.

Молодой человек был цел и невредим, между тем как Фелиц ревел от злости и боли. Секунданты привели его в чувство, но он точно лишился рассудка.

— Ах! Дьявол! — кричал он бешено. — Если ты только мне попадешься в руки, я тебя разорву на части.

— Я это отлично знаю и потому к тебе в руки и не попадусь, — ответил, смеясь, Юлиан.

— Ну, это мы посмотрим, — проворчал Фелиц глухим голосом.

— Ты бы уж лучше перестал драться, пока еще цел.

— Ни за что! Я тебя убью!

— Дурак! Я бы давно с тобой покончил, если бы захотел.

— Ты еще думаешь насмехаться надо мной, плюгавый недоносек! О, я тебя убью!.. Помогите мне встать, на этот раз я с ним порешу!

Секунданты повиновались.

— Ну, начнем опять, если ты этого желашь, — сказал Юлиан, становясь против него.

Борьба опять началась и с еще большим ожесточением, чем в первый раз. Юлиан уже не щадил своего противника, каждый удар его образовывал кровавый подтек, если не рану; противнику не только не удалось ударить Юлиана, но он даже не мог отражать ударов, которые тот ему наносил. Наконец он зашатался и, как сноп, повалился на землю.

— Он умер! — вскричали секунданты, в которых заговорило чувство жалости при виде страданий несчастного.

— Нет, он не умер, — сказал Юлиан, — но если он захочет еще раз сразиться, то я буду неумолим и убью его, как собаку.

— Как! Юлиан! Ты его до сих пор щадил? — спросил наивно Бернардо.

— Да, мой друг, я его щадил, я только хотел его проучить.

— Ого!

— Я тебе говорю сущую правду — ничего не было легче, как одним ударом головой в грудь убить его наповал, но, повторяю тебе, я его пощадил и не нанес ему ни одного смертельного удара.

Между тем Фелиц был в ужасном состоянии. Череп был в одном месте проломлен, нос раздавлен, несколько зубов выбиты, правое плечо вывихнуто, грудь расшиблена и одна нога повреждена.

При этих условиях продолжать борьбу было невозможно; Фелиц сам сознался в этом, когда был приведен в чувство.

— Ну, если так, — сказал Юлиан, — то пусть тебе это послужит уроком. Ты воспользовался своей силой, чтобы нагнать здесь на всех страх. Ты затеял со мной ссору только потому, что понадеялся на свою силу; теперь ты видишь, что и не одной грубой силой можно побороть человека. Я тебя более не трону, но и ты не трогай тех, кого я люблю, или я тебе покажу, как я умею наказывать. Теперь ты, как побежденный, должен сделать условленное заявление.

Фелиц что-то невнятно промычал.

— Говори сейчас, — сказал Юлиан, — или мы тебя бросим здесь волкам на съедение.

— Условия должны быть соблюдены, — отчеканил Бернардо, — или мы все отсюда уйдем.

— Ну, погоди! Я тебе отплачу! — проговорил Фелиц невнятно.

— Что ты говоришь?

— Ничего! Я скажу, если вы этого хотите.

— Мы этого потребуем.

Фелиц с затасанным бесшестством произнес условленные слова.

— Хорошо, — сказал Юлиан, когда он кончил, — я тебя прощаю, и молю Бога, чтобы он тебя скорее исцелил.

— Да, но я не прощу тебя, дьявол, и отплачу тебе, — произнес Фелиц так тихо, что никто этих слов не разобрал.

Молодые люди занялись приисканием способа для перенесения раненого домой. Наконец они сделали носилки из ветвей, разложили на них плащ, потом уложили Фелица на это наскоро приспособленное ложе и понесли его в Сэр, где он жил.

Фелиц лежал без чувств.

Юлиан оделся и пошел домой в сопровождении Бернардо, который не отставал от него и раз десять во время пути ему повторил:

— Прошу тебя, Юлиан, научи меня так же драться, как ты.

Наконец он так надоед Юлиану, что тот обещал ему выучить его этому искусству, только с тем условием, что он никому не разболтает о случившейся драке и убедит всех свидетелей никому о ней не говорить. Бернардо охотно обещал это исполнить.

(Однако или Бернардо забыл предупредить молодых людей, или сам не сдержал своего обещания, но на другое утро каждый уже на свой лад судил и рядил о необыкновенных подробностях ночного побоища).

У дома доктора друзья расстались; Бернардо ушел обратно в деревню, а Юлиан вошел к себе.

Доктор уже был дома, но, вероятно, утомленный всеми происшествиями и тревожениями этого дня, он, несмотря на общение дожидаться сына, лег в постель и заснул.

Юлиан был очень доволен тем, что не показался отцу в таком возбужденном состоянии, в каком он находился.

Он поспешил в свою комнату и вскоре тоже заснул.

Доктор Иригойен, через час после того, как сын его отправился на посиделки, исполнил просьбу своей милой пациентки отвезти ее домой в Сен-Жан-де-Люс.

Закутав ее потеплее в несколько мягких пледов, он снес ее на руках в кабриолет, который сам же запряг, и они быстро покатали.

Убаюкиваемая покачиванием экипажа, утомленная женщина закрыла глаза и заснула.

Расстояние, которое им нужно было проехать, составляло не более двух лье.

Это было дело получаса для такого рысака, как лошадь доктора. Стало быть, они должны были прибыть в город не позже десяти с половиной часов.

Город Сен-Жан-де-Люс, набережная которого с каждым днем все более и более подмывается волнами, в то время как его порт постоянно мелеет и, вероятно, скоро совершенно исчезнет, был когда-то значительным торговым пунктом.

Теперь Сен-Жан-де-Люс можно назвать мертвым городом, особенно во время долгой и суровой зимы. В десять часов вечера все дома уже заперты, огни потушены и улицы совершенно пусты. Поэтому доктор мог смело въехать в город, не опасаясь встреч и любопытных взоров.

Впрочем, он и его экипаж были настолько всем известны, что приезд его в какое бы то ни было время никого не удивил бы.

Мы воспользуемся молчанием доктора и его спутницы, чтобы несколько подробнее представить читателю личность доктора Иригойена, о котором мы еще только мимоходом сказали несколько слов.

Этот человек, которого мы встречаем в одной из забытых местностей нашего отечества, был замечательной и выдающейся личностью. Он в свое время занимал весьма важную должность в медицинском мире.

Громадные услуги, которые он оказал обществу во время холеры в Париже в 1831 году, когда ему было еще только двадцать семь лет, обратили на него вниманием правительства и он был пожалован кавалером ордена Почетного легиона и ему была предложена кафедра в медицинской академии.

В это время молодой доктор женился по любви на прелестной молодой девушке, принадлежавшей к очень хорошей фамилии. Жизнь улыбалась молодой чете: любовь, слава, богатство — все у них было, оставалось только жить и пользоваться всеми этими благами; но судьба распорядилась иначе: молодая женщина умерла во время родов через год после свадьбы, оставив сына, на которого в первом порыве отчаяния доктор и взглянуть не хотел.

Два месяца доктор находился между жизнью и смертью; наконец молодость восторжествовала над недугом; он выздоровел, но страдать не перестал.

Удрученный горем, он отказался от кафедры и подал прошение о переводе его в Африку, в действующую армию. Сына же он поручил кормилице, которая увезла ребенка в деревню и изредка писала ему о состоянии его здоровья.

Таким образом прошло три года. Вдруг доктор получил письмо, в котором его извещали, что сын его болен и находится при смерти.

— Я его спасу! — вскричал он, прочитав страшную весть. — Это все, что у меня осталось от женщины, которую я так любил. Я не хочу, чтобы он умер!

Доктор еще никогда не видел своего сына!

Приехав в Марсель, он верхом поскакал в село, где был его ребенок, и, час спустя, он был уже в Луберия, у кормилицы.

Ребенок был еще жив, и доктор вовремя приехал — днем позже его уже невозможно было бы спасти. В течение нескольких недель доктор не отходил от ребенка, у которого оказался пятнистый тиф. Борьба со смертью была ужасна, но наука и отцовская любовь взяли верх, и маленькое существо осталось в живых.

Все родительские чувства, которые дремали в его сердце, проснулись при виде этого ребенка, которому он второй раз даровал жизнь. Он так сильно, так беззаветно привязался к своему сыну, что, когда опасность миновала, он решил никогда более с ним не расставаться и сдержал свое слово.

Вот почему мы находим доктора Иригойсна в маленькой деревне Луберия в Пирснейх. Он поселился в своем поместье — где его сын вырос — и все время был истинным спасителем бедняков всего округа. Все его любили и уважали как человека и как медика.

В то время, когда начинался наш рассказ, уже прошло шестнадцать лет с тех пор, как доктор поселился в Луберия.

...Кабриолет продолжал быстро двигаться вперед. Вдали виднелись уже неясные очертания города. Маркиза проснулась и, высунувшись немного из экипажа, внимательно рассматривала дорогу.

— Через несколько минут вы будете дома, сударыня, — сказал ей доктор.

— Да, — произнесла она рассеянно, продолжая смотреть на дорогу. Вдруг она положила свою нежную ручку на руку доктора и сказала: — Остановитесь, доктор, мы присхали.

— Как присхали? — возразил доктор с удивлением. — Ведь мы в открытом поле!

— Да, но я не могу возвратиться ночью домой в этом наряде, когда никто из моих людей не знает, что меня нет в замке. Это возбудит толки, которых я хотела бы избежать. Я должна вернуться в свою комнату тем же путем, каким меня похитили. Я должна сказать вам одну вещь, которой вы, вероятно, не знаете. Замок Жермандиа — одна из последних феодальных построек, уцелевших в Сен-Жан-де-Люс.

— Я это знаю, сударыня, я даже знаю и то, что этот замок служил временной цитаделью в городе.

— Вот об этом именно я и хочу поговорить с вами, доктор. В массивных стенах этой феодальной постройки находится огромное количество потайных лестниц и помещений, о которых нынешнее поколение и понятия не имеет. Только я с моим мужем знаем все ходы и выходы. Одна из подобных лестниц ведет в мою спальню, и дверь так искусно скрыта, что ее невозможно замстить. Эта лестница ведет из моей комнаты прямо под крышу, а потом спускается в подземелье, вход в которое находится в гроте, недалеко от берега реки.

— Совершенно справедливо, сударыня, недалеско отсюда есть грот; но я в нем несколько раз бывал и могу вас уверить, что в нем, кроме входного, другого отверстия нет.

— О! Оно тщательно скрыто, — возразила молодая женщина с грустной улыбкой. — Именно через этот проход муж проник в мою спальню. Вот почему он мог меня увезти насильно. Понимаете ли вы теперь, доктор, почему я должна избрать тот же путь?

— Совершенно понимаю, сударыня; но будете ли вы в силах идти так далеко пешком?

— Успокойтесь, доктор, благодаря вам, мне теперь гораздо лучше. Впрочем, другого удобного пути я не вижу.

— Вы правы, сударыня, я согласен.

Доктор вышел из экипажа и, взяв лошадь под уздцы, повел ее к реке, где и спрятал ее вместе с экипажем в кустах. Затем, высадив молодую женщину, он снял с экипажа один фонарь, чтобы посветить ей, а другой потушил.

Маркиза пошла вперед вдоль реки. Две или три минуты спустя они дошли до пещеры, в которую немедленно вошли.

Это было природное углубление в скале, небольших размеров вход в него был ниже уровня воды, и поэтому река при поднятии воды должна была его затоплять.

Маркиза попросила доктора поднять фонарь, внимательно осмотрела каменную стену и нажала рукой на известную ей точку.

— Посмотрите, — сказала она доктору.

В ту же минуту вся гранитная масса тихо подалась и, повернувшись на невидимой оси, открыла вход в узкое подземелье, которое, по-видимому, было весьма длинным.

— Это удивительно! — сказал доктор. — Кто бы мог это угадать? Но, — прибавил он, — как же вы пойдете туда в темноте?

— Тут, наверное, найдется брошенный ими фонарь, когда матрос меня нес, муж ему светил фонарем.

Действительно, у входа в подземелье доктор нашел этот фонарь. Он его зажег и, передавая маркизе, сказал:

— Прощайте, сударыня, и помните, что я к вашим услугам, если смогу вам быть чем-нибудь полезен.

— Благодарю вас, доктор. Я хочу вас непременно завтра видеть, я скажусь больной и пришлю за вами!.. Мне нужно с вами о многом переговорить. Теперь же еще раз благодарю, до свидания!

Она протянула ему руку, которую доктор поцеловал, и они разошлись. Каменная глыба опять стала на свое прежнее место, и маркиза осталась одна в подземелье.

Полчаса спустя, она счастливо добралась до дверей своей спальни. Потушив фонарь и оставив его на лестнице, она заперла тайную дверь и упала в первое попавшееся кресло, в котором пролежала несколько минут без движения.

Затем она тщательно осмотрела свои вещи, бумаги, деньги. Все было цело; стало быть, муж ее действительно поспешил уехать, так как он не воспользовался ее отсутствием, чтобы похитить что-нибудь.

Убедившись в том, что ничего не тронато, она переменила платье, которое носило следы борьбы и пребывания ее под землей, и позвонила.

Вошла молоденькая, хорошенькая горничная, почти одних с ней лет, это была ее молочная сестра. Она вместе с маркизой росла и была искренно привязана к ней; ее звали Клер Мартен или, лучше сказать, Клеретта.

— Ах, как я испугалась, сударыня! — вскричала она, входя. — Я два раза стучалась к вам, а вы не отвечали. Дверь была заперта, я вас звала, но вы не откликнулись.

— Я, вероятно, уснула. Ну, не ворчи, мне что-то нездоровится, должно быть, мигрень. Принеси мне чаю.

— Сейчас, сударыня. Больше ничего не прикажете?

— Нет! Ничего. Ах, да! Слушай, я не знаю, отчего, но я вся дрожу. Мне страшно в этом древнем доме; ты себе постели здесь на диване, я хочу, чтобы ты спала у

меня. Прикажи одному из лакеев сходить завтра утром за доктором Иригойеном. Я хочу его видеть.

— Слушаю-с, сударыня. Как вы бледны! Не больны ли вы?

— Я надеюсь, что это только легкое недомогание; все-таки я хочу посоветоваться с доктором. Скорее, милочка! Ты мне поможешь лечь в постель, мне холодно.

— Еще бы не озябнуть! Огонь в камине почти погас.

— Ступай скорее!

Девушка вышла. Вскоре она вернулась с чаем, который поставила на столик перед маркизой, и в одну минуту раздула уголья, и огонь весело затрещал в камине. Затем она быстро приготовила себе постель на диване и сказала:

— Ну, вот и готово. Как я тут отлично спать буду — просто восхищение!

— Ты отдала приказание, чтобы завтра поехали за доктором?

— Да, сударыня.

— Ну так поди скажи, что все могут ложиться спать.

— Я и сама догадалась им это сказать, сударыня.

— В таком случас, садись тут возле меня и пей чай.

Молодая девушка повиновалась и приняла из рук маркизы чашку чая.

— Ты меня очень любишь, неправда ли, Клсретта? — спросила, немного погодя, маркиза.

— О да, сударыня, — ответила с чувством девушка, — вы такая добрая!

— Тебе было бы жаль со мной расстаться?

— Что вы, сударыня, да я с вами никогда не расстанусь!

— Ну а если бы мне пришлось уехать очень далеко отсюда?

— Я с вами поеду, только бы мне с вами не расставаться. Зачем вы меня об этом спрашивали, сударыня?

— Потому, душечка, что, по некоторым обстоятельствам, я могу быть вынуждена уехать надолго, может быть, навсегда. Может быть, придется даже совсем покинуть Францию.

— Сударыня, если вы мне все это говорите, чтобы меня испытать, то грешно вам, право, — вы знаете, как я вас люблю, вы знаете, что вы одни у меня остались, так как у меня нет ни отца, ни матери. Я ваша навсегда.

Зачем же вы мне говорите, что хотите расстаться? Боже мой, за что вы хотите от меня избавиться, куда я от вас пойду?

И бедная девушка горько заплакала. Маркиза привлекла ее к себе, вытерла своим платком ее слезы и, поцеловав ее в лоб, сказала:

— Не плачь, дурочка, я теперь знаю, что хотела знать, — я так же люблю тебя, как сестру, и никогда с тобой не расстанусь.

— Значит, правда, что вы куда-то собираетесь уехать, сударыня?

— Да, очень может случиться, что мы через несколько дней уедем из Сен-Жан-де-Люса.

— Куда же мы поедем, сударыня, в Париж?

— Может быть, и в Париж, но не забывай, что никто не должен знать об этом.

— О! Я умсю молчать, сударыня.

— Ну что, ничего не слышно нового в городе?

— Нет, сударыня, сколько мне известно, все идет по-старому... Ах, да! Говорят про какой-то корабль, который показался перед портом в то время как солнце садилось; капитан его не принял лоцмана, который к нему подъехал, сказав, что ему только нужно отправить несколько писем в городе и, поэтому ему в порт въезжать незначем.

— Как это странно.

— И, кажется, шлюпка действительно ездила от него в город, но в городе не остановилась, а, проплыв мимо, поднялась по реке неизвестно к какому месту. Два часа тому назад та же шлюпка опять проплыла тем же путем и подплыла из порта к кораблю, который ее дожидался на взморье. Бог знает, какие толки идут теперь между рыбаками по этому поводу.

Маркиза побледнела во время этого рассказа.

— А не известно, к какой нации принадлежит этот корабль? — спросила она, минуту спустя.

— Как же, сударыня, это испанский корабль. Это ужасно странно!

— Да, в самом деле. Однако раздснь меня, я лягу.

— Лучше ли вам теперь, сударыня?

— Немного, но я совсем разбита и хочу спать.

Полчаса спустя, при тусклом мерцании лампы обе женщины, казалось, спали спокойным сном, но маркиза

только притворялась спящей. Ни одной минуты в течение этой долгой ночи тревожные думы не оставляли ее. Только на рассвете ей удалось немного вздремнуть.

Впрочем, ночь прошла спокойно и ничто не нарушило тишины этого мирного жилища.

Рано утром молоденькая горничная потихоньку встала и унесла свою постель. В десять часов маркиза позвонила и спросила вошедшую Клеретту, ушли ли за доктором?

— Антон уже давно ушел, сударыня.

— Так он, вероятно, скоро придет. Дай мне одеться, я не хочу принять его в постели, я не настолько больна.

— Какое платье прикажете подать, сударыня?

— Утренний наряд, первый, который тебе под руку попадется, для докторов не следует наряжаться. Но помоги мне прежде встать.

Простой туалет маркизы занял час времени.

Клеретта принесла на подносе утренний шоколад.

Маркиза спросила ее, стараясь казаться равнодушной:

— Ну что же, больше ничего не узнали о вчерашнем таинственном корабле?

— Как же, сударыня, рыбаки видели, как шлюпка подплыла к кораблю, и вскоре после того на корабле распустили паруса, и он ушел по направлению к юго-западу. Все в недоумении, потому что оказывается, что никакого письма на лодке не привозили, и эти люди неизвестно куда ездили.

— Когда-нибудь узнают, зачем они приезжали, — сказала маркиза с грустной улыбкой, — а теперь убери все это, я больше есть не хочу.

Девушка вышла, унося шоколад.

— Он, действительно, уехал, — сказала маркиза, оставшись одна, — но кто знает — не вернется ли он опять? Защити меня тогда от него, Господи!

— Доктор Иригойен приехал, сударыня, и спрашивает, можете ли вы его принять?

— Да, да! — вскрикнула маркиза. — Проси, проси!

Доктор вошел и почтительно поклонился молодой женщине.

— Пожалуйста, доктор, пожалуйста, — сказала маркиза, — я вас ждала с нетерпением. Подай кресло, милочка, и оставь нас. Мне нужно говорить с доктором.

Клеретта подала кресло и ушла.

Маркиза и доктор остались одни.

— Как провели вы ночь, сударыня? — спросил ее доктор.

— Я всю ночь провела в тревоге и размышлениях, доктор, только под утро, когда стало уже совсем светло, я уснула и проспала часа три.

— Вам теперь нечего опасаться вашего мужа. Мне достоверно известно, что корабль, на котором он присежал, отплыл в два часа ночи.

— Я это знаю, доктор, но он может вернуться.

— Да, действительно, это может случиться; он, вероятно, вернется.

— Может быть, скоро?

— Я не думаю. Он предполагает, что вы умерли, ему и в голову не может прийти, что вы спаслись просто чудом.

— И это чудо совершили вы, мой добрый, мой милый доктор, — сказала она, взяв его нежно за руку.

— Я в этом случае был только орудием Провидения.

— Так вы думаете, доктор, что мой муж нескоро вернется?

— Сударыня, женщина, занимающая такое высокое положение в обществе, как вы, не может исчезнуть без того, чтобы все власти не всполошились; полиция разошлет агентов, сыщиков; нарядят следствие, начнут выслеживать, узнавать. Положим, в настоящем случае, благодаря предосторожностям, принятым вашим мужем, они, может быть, ничего и не откроют, но во всяком случае нужно будет выждать, чтобы об этом деле забыли. До того ваш муж не осмелится заглянуть сюда, он побоится навлечь на себя подозрение.

— Но как его могут заподозрить? Вот уже год, как он отсюда ушел. Это всем известно. Во время же нескольких часов, которые он здесь пробыл, его решительно никто, кроме вас и меня, не видал; вы же, конечно, никому об этом не скажете.

Доктор покачал головой.

— Предположите, что месть вашего мужа вполне удалась. В таком случае уже теперь полиция делала бы дознание в вашем отеле. Она не нашла бы ничего подозрительного, — согласен. Но тогда вспомнили бы о таинственном появлении корабля, о присылке им лодки,

неизвестно где причалившей и не привезшей в город тех писем, о которых упоминал капитан. Затем вспомнили бы не менее таинственный отъезд корабля, состоявшийся именно в ночь вашего исчезновения. Вы сами видите, какое подозрение должно родиться вследствие подобного стечения обстоятельств. Ваш муж, сударыня, не только не подумает сюда вернуться, а, напротив, он теперь всеми силами постарается, чтобы в случае нужды могли бы засвидетельствовать, что он вчерашний день был очень далеко отсюда. Пройдет, быть может, несколько лет, прежде чем он посмеет сюда показаться.

— Все это, может быть, и правда, доктор, но когда-нибудь он вернется, и тогда он меня убьет. Вот уже два раза, как он пытался убить меня. Я не могу жить в таком постоянном страхе. Этот человек возбуждает во мне неодолимое отвращение. Я хочу, во что бы то ни стало, оградить себя от его преследования. Это мое твердое решение. Если я вас пригласила к себе сегодня утром, то именно с целью попросить у вас совета — каким образом мне избавиться от человека, который думает только об одном, а именно — как бы меня окончательно обобрать. Он самым постыдным образом растратил все свое личное состояние; вот почему он хочет меня лишить жизни. Он отлично знает, что, пока я жива, я ему не уступлю своего состояния.

— У вас разве раздельное имущество? — спросил доктор.

— Да, доктор; я имсю право распоряжаться своим состоянием: покупать, продавать и т. д. в силу условия, заключенного у нотариуса. Условие это мой муж был вынужден подписать за час перед своим отъездом, взамен ста тысяч франков, которые я ему тогда отсчитала и с которыми он ушел на службу в Африку.

— И ваш муж разорен, говорите вы, сударыня?

— У него только эти сто тысяч, которые я ему дала; вернее сказать — ничего, потому что он, вероятно, их уже давно промотал. Вот почему он и приезжал сегодня ночью.

— Все это весьма вероятно. Но ведь он мог уничтожить данное условие, и, вероятно, по приезде в Африку поспешил это сделать?

— Да, я, кажется, что-то подобное слышала, но это все равно. На другой же день после его отъезда я поручу

чила своему нотариусу ликвидировать все мое состояние и купить фонды на вырученные деньги. Это было сделано дней в десять, то есть гораздо раньше, чем мой муж доехал до места назначения. И с тех пор все мое состояние постоянно находится при мне; правда, это мне обошлось недешево. Вследствие этой операции я потеряла около трехсот тысяч.

— Вы, стало быть, очень богаты, сударыня?

— Да, — сказала она печально, — поэтому мой муж и желает меня убить.

Она встала, открыла потайной ящик прелестного столика розового дерева и вынула из него нечто вроде альбома, окованного железом.

— Посмотрите, — сказала она.

Доктор взял альбом и открыл его машинально.

— Банковыс билеты! — вскрикнул он с удивлением. — Да тут их, должно быть, на огромную сумму?

— Этот альбом содержит два миллиона шестьсот пятьдесят тысяч франков, смотрите: тут чстыреста билетов в пять тысяч франков и шестьсот билстов в тысячу франков. Это огромнос состояние занимает, таким образом, мало мсста, и сго лсгко возить с собой всюду.

— Я вижу, сударыня, что вы предусмотрительны.

— Да, доктор, я сще тогда задумала бежать и скрыться от мужа, когда он однажды попробовал мсня отравить, добиваясь от меня дснег.

— Отчего вы не просите развода судебным порядком?

— Но если бы мне даже и удалось добиться формального развода, разве это помешает моему мужу меня убить и обокрасть? Понятно, нст. Стало быть, не стоит и хлопотать. Впрочем, каков бы ни был исход процесса, он всегда невыгоден для женщины. Разведенная жсна болсе ни девица, ни вдова, ни жсна, — положенис се отвратительно. Нст, мне надо исчезнуть, так, чтобы мой муж и подозревать не мог, куда я девалась. Если б можно было устроить дело так, чтобы он думал, что я умерла, то это было бы лучше всего. Таким только способом могу я обеспечить свою бсзопасность.

Доктор помолчал несколько минут и затем ответил:

— Сударыня, я не имею чести вас близко знать: я в душе убежден, что вы невинны. Впрочем, даже если и предположить с вашей стороны какую-нибудь вину, то нет на свете такого преступления, которое бы оправды-

вало страшное насилие, которому вы подверглись. Для меня ваш муж злодей, изверг, — вы тысячу раз правы, желая вырваться из его зависимости. Закон бессилен вас оградить, поэтому вы сами должны позаботиться о себе. Я, со своей стороны, всеми силами буду вам помогать и прошу вас на меня безусловно рассчитывать. Теперь, скажите мне, пожалуйста, что вы придумали?

— Я решила уехать отсюда, но, к несчастью, мне кажется, что это будет ужасно трудно устроить. Я одинока и окружена людьми, между которыми, как я подозреваю, есть шпионы моего мужа. Но это еще не все; предположим, что мне удалось бы бежать отсюда, никем из них не замеченной. Однако, как же я могу выехать из города без того, чтобы сейчас не стало известно, куда я поехала? Вы видите, доктор, что мне здесь оставаться нельзя, но нельзя и уехать, — словом, я в отчаянии. У меня есть только один человек, на которого я могу полагаться, как на самого себя — это моя молочная сестра и в то же время горничная, которая ко мне искренно привязана. Но что может сделать молодая девушка одних со мною лет, находящаяся в таком зависимом положении?

— Я полагаю, сударыня, что для того дела, которое вы замышляете, ваше одиночество — большое счастье. В подобных случаях самое лучшее не иметь сообщников и действовать одному. Затем, я полагаю, что вы могли бы прекрасно покинуть этот замок незамеченной, пользуясь тем путем, по которому вас уже раз похитили. Ваш муж воображает, что вы навеки остались в могиле, в которую он вас бросил. Если вы, например, сегодня ночью исчезнете при подобных же условиях, то есть запрете изнутри спальню, оставите лампу зажженной, словом, устроите ту же обстановку, при которой он вас вчера похитил, то завтра утром произойдет то, что произошло бы сегодня, если бы злодейский план вашего мужа удался. Ваш муж первый об этом узнает или через своих шпионов, если они у него есть, или по газетам, потому что переполох будет ужасный. Как я вам уже говорил, персона, подобная вам, не может исчезнуть незамеченной. Ваш муж убедится, таким образом, что вы умерли, потому что он отлично будет знать причину вашего исчезновения. В этом убеждении и будет заключаться ваше спасение. Не станет же он вас искать, зная, что вас уже нет более в

живых. Вы тогда можете легко избрать себе другое место жительства и жить спокойно, не опасаясь преследований.

— Вы забываете одно, доктор. Мой муж тотчас же догадается обо всем, когда прочтет, что я исчезла сутками позже, чем он меня похитил.

— Напротив, эта разница чистые пустяки. Ваш муж вообразит себе, что это ошибка, и будет очень рад, потому что таким образом, пребывание его в этот день в другом месте будет ему легче доказать. Стало быть, сударыня, будьте сегодня веселы, как всегда. Покажитесь прислуге, как ни в чем не бывало, и вечером, часов в восемь, закройте вашу спальню и отправьтесь по тайному ходу в пещеру на берегу реки.

— Хорошо, доктор, я так и сделаю.

— Скажите мне, сударыня, — спросил тут доктор, улыбаясь, — вы не трусливого десятка?

— О нет, доктор! Я воспитана моим отцом совершенно, как мальчик. Я езжу отлично верхом и с детства занималась гимнастикой, училась фехтовать, стреляла в цель. Я постоянно сопровождала отца на охоту с гончими, умею прекрасно плавать. Мой бедный отец любил меня наряжать в мужское платье и находил, что оно мне очень к лицу. Вы видите, доктор, что при подобном воспитании из меня не могла получиться трусиха.

— Если так, сударыня, то я вполне убежден, что наш план удастся. У вас, вероятно, уцелело ваше мужское платье?

— О да, у меня целый сундук принадлежностей мужского туалета.

— Ну и прекрасно. Вы наденете вечером мужское платье, возьмете чемоданчик с мужским же бельем, и выйдете к тому месту, где я прошлой ночью спрятал в кустах кабриолет, там будет вас ожидать оседланная лошадь. Вы найдете место?

— Да, доктор, будьте покойны.

— Вы сядете на лошадь и, объехав город, не въезжая в него, поедете прямо в Байонну. Под седлом лошади будет находиться паспорт. Куда думаете вы сперва ехать?

— В Париж, доктор, там, я полагаю, легче всего скрыть следы.

— Да, вы правы. Только не берите билет прямо в Байонну. Вы говорите по-испански?

— По-испански, по-итальянски, по-английски и по-немецки. Я отлично владею иностранными языками.

— Прекрасно. У вас будет паспорт испанский, на имя молодого человека, едущего из Бургоса в Тур, чтобы повидаться с родными. Из Тура вы поедете в Бурж. Из Буржа в Орлеан. И только из Орлеана поезжайте в Париж; таким образом, никто не найдет вашего следа.

— Я непременно последую вашему маршруту, доктор, но когда же я вас опять увижу?

— Когда вы приедете в Байонну, то остановитесь в гостинице «Париж». Там останавливаются все богатые испанцы. Вы меня там найдете. Если бы, против ожидания, я не мог туда приехать, то мой сын там будет и постарается вам служить вместо меня.

— Благодарю вас, доктор, от всей души. У меня только еще есть одна просьба. Я вам говорила о моей горничной, которую я люблю, как сестру. Нельзя ли что-нибудь придумать, чтобы мне с ней не расставаться?

— Как ее зовут?

— Клер Мартен.

— Надо, чтобы она сегодня под каким-нибудь предлогом уехала. Где она родилась?

— В Шавеле, близ Версаля.

— Через час она получит письмо, в котором ее вызовут на родину по экстренному делу. Пускай она это письмо всем покажет. Вы ее рассчитаете и при всех отпустите. Скажите ей, чтобы она вас ожидала в Байонне, в предместьях Святого Духа в гостинице «Большой олень». Только, пожалуйста, сударыня, скажите ей, чтобы она хорошо разыграла эту комедию; ведь в подобном деле малейшая оплошность может иметь гибельные последствия.

Тут доктор Иригойен простился с маркизой и уехал.

Маркиза позвала Клеретту и передала ей все, что было решено с доктором. Девушка запрыгала от радости и обещала маркизе в точности исполнить все, что требовалось для приведения плана в исполнение. Между тем маркиза занялась укладыванием своих драгоценностей. У нее было два обручальных кольца, вот по какому случаю: раз маркиза не нашла своего обручального кольца и, боясь гнева мужа, с которым тогда еще жила, заказала поскорее ювелиру другое. Когда ювелир принес новое кольцо, старое уже было найдено. Молодая женщина его все-таки взяла, но не сказала мужу. Она уже заперла чемоданчик, в ко-

торый положила некоторые необходимые вещи, когда Клеретта вбежала в комнату, держа в руках распечатанное письмо, и объявила ей, плача и смеясь в одно и тоже время, что у нее умер дядя, который оставил ей в наследство домик со всею обстановкой и пять дойных коров.

Комедия была сыграна при людях отлично. Клеретта горько плакала, прощаясь со своею доброй барынсией, которая в свою очередь не скрывала сожаления по поводу того, что теряла такую преданную горничную.

Когда Клеретта уехала, маркиза сказала дворецкому:

— Пожалуйста, Антон, постарайтесь завтра же найти мне другую горничную. Главное, чтобы она была расторопная и знала свое дело.

За обедом маркиза еще раз напомнила дворецкому про горничную, отдала приказание приготовить экипаж на другой день, так как намеревалась сделать несколько визитов по окрестным замкам, и в семь с половиной часов вечера ушла к себе и заперлась.

В восемь часов молодая женщина в мужском костюме и светлом парике садилась на приготовленную доктором Иригойсом лошадь и часа два спустя подъезжала в Байонне к гостинице «Париж».

На пороге двое мужчин дружно разговаривали и весело ей поклонились. В одном из них она узнала доктора, который заговорил с ней по-испански, называя ее дон Луис.

— Я все устроил по вашему желанию, дон Луис, — сказал ей доктор, — я нанял здесь в гостинице две комнаты, одну для вас, а другую для вашего лакея.

«Дон Луис» пристально взглянула на спутника доктора и узнала в нем персодетую Клеретту.

Все трое мужчин, из которых двое были персодетые женщины, вошли в гостиницу; хозяин вышел к ним на встречу и приветствовал дону Луису по-испански. Они все вошли в номер, отведенный дону Луису.

Посреди комнаты стоял накрытый стол. По испанскому обычаю весь обед стоял на столе, подогреваемый на спиртовых горелках.

— Мой человек будет нам прислуживать, — сказал дон Луис лакею, который внес чемоданчик и остановился в ожидании приказаний.

Лакей вышел. Вслед затем маркиза заперла дверь на задвижку.

— Теперь мы у себя! — сказала она весело. — Поставь еще прибор, милочка, и садись с нами ужинать.

— Позвольте вас поздравить, дон Луис, — сказал доктор молодой женщине. — Вы так сумели изменить свою внешность, и мужской костюм к вам так идет, что, когда вы подъезжали, я узнал не вас, а мою лошадь.

— А мне, доктор, позвольте еще раз поблагодарить вас от души. Без вашего содействия я никогда не выбралась бы из моего заточения.

При этих словах молодая женщина протянула доктору руку. Доктор пожал ее с жаром и, удерживая ее своих руках, воскликнул:

— Какая неосторожность, сударыня! Как это вы оставили на пальце ваше обручальное кольцо? Разве молодыс люди носят подобные кольца? Снимите его сейчас. Неужели оно было на вас и вчера?

— Да, доктор, я ношу его постоянно.

Доктор покачал головой.

— Как это я прежде не догадался об этом, — сказал он, помолчав немного, — теперь уже ничего не поделаешь.

— Что такое, доктор?

— А вот что, сударыня: при виде этого кольца, мне пришла одна мысль в голову.

— В чем же дело, доктор?

— Вот, видите, что следовало сделать, да, к несчастью, я об этом теперь только подумал. Надо было взять все, что на вас было вчера надето, в том числе и это кольцо, и все это надеть на какой-нибудь труп, который нетрудно для меня достать. Мы бы этот труп зарыли в ту могилу, из которой нам удалось вас спасти, и, таким образом, никакого бы сомнения не могло быть в том, что маркиза Жермандиа действительно сделалась жертвой преступления.

— Так за чем же дело стало, доктор? Это можно и теперь сделать. Вот кольцо, а все, что на мне было вчера, тут в чемодане...

— Зачем же вы это тряпье с собой захватили?

— Как зачем, доктор? А если бы завтра, когда меня будут всюду искать, нашли изорванное и перепачканное платье, какие бы толки и догадки оно возбудило? Нет, доктор, я не могла оставить подобной улики.

— О женщины! — вскричал доктор. — Вы всегда будете догадливей нас!

По знаку маркизы, Клеретта вынула из чемоданчика требуемые вещи, которые доктор завернул в свой плед; затем маркиза, сняв обручальное кольцо, передала его доктору.

— Да хранит вас Бог! — сказал доктор, прощаясь с маркизой. — Дай вам Бог избавиться навсегда от преследований этого изверга.

В тот самый час, когда в Байонне молодой дон Луис Парэдс де Очоа, прибывший накануне из Мадрида, сел в почтовую карету со своим слугой, направляясь в Тур, — недалеко от Байоны, в городке Сен-Жан-де-Люс, странный, невероятный слух разнесся по всем улицам и привел в ужас жителей.

Рассказывали, что маркиза Жермандиа, одна из самых знатных и богатых городских жительниц, исчезла бесследно из своего замка на набережной реки Невеллы.

Уверяли, что утром дворецкий, которому маркиза накануне поручила отыскать новую горничную взамен той, которая была накануне отпущена, не видя маркизы в обычный час и не слыша ни малейшего шума в ее спальне, решился постучаться к ней. Ответа не последовало, дворецкий попробовал отворить дверь, но она оказалась запертой изнутри на задвижку. Управляющий стал громче звать, стучать, но тщетно, ничего не нарушало тишины, царящей за дверью.

Тогда было призвана полиция и, когда взломали дверь — спальня оказалась пустой, маркиза исчезла!

Тотчас же приступили к самому тщательному дознанию: прислугу допрашивали несколько раз, весь огромный дом перешарили с чердака до подвалов, в течение всего дня происходили поиски, полицейские агенты выбились из сил, но не оказалось никакого следа побега или преступления.

— Однако не в трубу же вылетела маркиза! — заметил полицейский комиссар двум агентам, которые только что окончили тщательный осмотр спальни и пришли доложить, что никакого тайного выхода из этой комнаты они найти не могли.

— Я ведь и не говорю, господин комиссар, — ответил старший, — что не существует тайного хода, напротив, вероятнее всего, что он существует, только я вам докладываю, что мы не могли его найти.

— Стало быть, плохо искали.

— Нет, уж это напрасно вы изволите говорить, господин комиссар. В этих древних постройках тайные ходы так искусно бывают скрыты, что их только можно открыть, разобрав стены.

— Этот человек прав, — вмешался следователь. — Нечего нам долее время терять. Пошлите за мировым судьей — он наложит печати, а там видно будет, что делать.

Час спустя печати были наложены. В замке остались только дворецкий и привратник, которым было поручено караулить замок и наблюдать за сохранностью печатей.

Но полиция, несмотря на трудность задачи, не дремала. С виду дело казалось забытым, но тем не менее дознание продолжалось тайно с большой энергией.

Из Парижа прислали одного опытного сыщика. В течение целого месяца он тайно собирал всевозможные сведения по этому делу в городе и в окрестностях. По истечении этого времени, он в первый раз пришел с докладом к следователю.

— Я думаю, — сказал он, — что маркиза убита.

— Кем? — спросил следователь.

— Я бы вам ответил: ее мужем, если бы его присутствие в другом месте в то время не было доказано. Он постарается даже слишком тщательно доказать свое отсутствие.

— Ого! Берегитесь! Маркиз Жерманди принадлежит к одному из самых знатных родов Беарна; он полковник французской армии и на очереди к производству в генералы за отличие по службе и за храбрость.

— Гм! — промычал сыщик. — Герцог Прален тоже был знатного и древнего рода, да еще пэр, а это ему помешало...

— Убить свою жену — хотите вы сказать? Но тут дело совсем другое.

— Да, в том отношении, что этот маркиз гораздо умнее свое дело обставил. Рассказывают какую-то таинственную историю о корабле и лодке, проезжавшей через весь город, нигде не причалив. Кроме того, я узнал, что этот маркиз — человек безнравственный и крайне жестокий. Они с женою уже с год, как разошлись. Ее огромное состояние, которое она всегда имела при себе — два

миллиона шестьсот тысяч, — исчезло вместе с ней. Словом, хотя маркиз Жермандиа замечательно хорошо сумел скрыть следы своего преступления, но он сделал одну оплошность. Он перехитрил, и это его погубило. Зная поговорку: «Ищи кому преступление принесло пользу», я стал в этом направлении искать и, могу сказать, кое-что нашел!

— Да говорите же скорее!

— А вот пойдете в замок Жермандиа, я вам покажу свои открытия по порядку.

Полчаса спустя, те же лица, которые в первый раз так неудачно производили обыск в спальне маркизы, опять собрались в ней. Полицейский агент, который тогда объявил, что следует разобрать стены замка, чтобы отыскать тайный ход, посмивался, глядя на вновь прибывшего парижского сыщика.

Но сыщик не смутился; он вынул из кармана какую-то записку, просмотрев ее внимательно, он подошел прямо к стене и нажал рукой одну фигуру деревянной резьбы, которая украшала стены комнаты. Стена как бы расступилась, часть ее повернулась без малейшего шума и открыла ту лестницу, о существовании которой читателям уже известно.

— Вот через этот ход была похищена маркиза месяц тому назад, — сказал сыщик.

— Да каким же это образом вы, прибывши сюда так недавно, узнали о существовании тайного хода, о котором даже старожилы ничего не знают?

— Очень просто, сударь. Я узнал, что эта постройка существует уже без малого четырехста лет, что она имеет свою историю; мне и пришло в голову порыться в архивах города, думая, что найду, может быть, указания на ее тайны. Результат превзошел мои ожидания — я нашел план этого замка, снятый в то время, когда он служил городской цитаделью. Все тайные ходы, лестницы, подземелья, все было там очень ясно отмечено. Остальное пустяки; я удивляюсь, как никому подобная мысль раньше не пришла в голову?

— Честь и слава вам, сударь, — сказал мировой судья, — теперь спустимся по этой лестнице и посмотрим, что там скрывается.

Сыщик нагнулся и поднял фонарь, брошенный маркизой. Показывая его следователю, он сказал: «Обратите

внимание на этот фонарь. Он, несомненно, морской и на нем надпись «El Relampago» («Молния»).

— Вероятно, название таинственного корабля, — сказал следователь. — Это важная улика.

Сыщик провел всех присутствовавших до конца прохода, и там, надавив на известную ему часть скалы, вывел их через пещеру на берег речки. Тут уже ожидали их четыре лодки. Толпа любопытных собралась на берегу, и, когда увидали, что вся следственная комиссия, разместившись в лодках, отчаливает от берега, многие также достали лодки, и вскоре целая флотилия стала подниматься вверх по течению.

Пока они плыли, сыщик передал спутникам свое предположение о том, что маркиза была убита и зарыта в саду «заколдованного дома», где он открыл свежую могилу.

— Да у нас нет врача для медицинского осмотра, на случай, если мы отроем тело убитой, — спохватился мировой судья.

— А вот он, легок на помине, — возразил следователь.

В самом деле, доктор Иригойен, увидав следственную комиссию, направлявшуюся к «заколдованному дому», сел с сыном в лодку и присоединились к ней.

По указаниям парижского сыщика, они осмотрели пустой дом. На столе все еще стояли бутылка и пустой стакан. Оба доктора Иригойена, отец и сын, попробовав жидкость, находившуюся в бутылке, подтвердили, что это сильное наркотическое средство.

Полицейский комиссар, воспользовавшись пером и чернильницей, находившимися на столе, стал писать протокол.

В это время сыщик собрал валявшиеся на полу бумажные клочки и наклеивал их на лист белой бумаги.

— Что это вы делаете? — спросил его следователь.

— Прочтите, — ответил ему тот.

Это была та бумага, которую, как читатель помнит, маркиза Жерманди разорвала в порыве негодования, отказавшись ее подписать.

Сомнения после этого уже не могло быть. Преступником был маркиз Жерманди. Вскоре могила на лужайке была разрыта, и перед взорами изумленных зрителей предстал труп молодой женщины в белом платье, тело было в совершенном разложении, но волосы уцелели:

они были совершенно схожи с волосами маркизы Жермандиа; наконец, на правой руке было найдено золотое обручальное кольцо с следующей надписью внутри: «Танкред, Лсона, 25 мая 1848 года». На теле задушенного матроса была найдена рабочая книжка на имя Марциала Северина. Тело молодой женщины было крепко опутано всревками, связывавшими ее по рукам и по ногам, что служило явным доказательством, что она была заживо погребена!

Протокол подписали все члены полиции, доктор Иригойен и его сын. Так было констатировано, что маркизы Жермандиа более нет в живых.

— Теперь, — сказал сыщик, — половина моей задачи исполнена. Остается мне отправиться в Африку и постараться арестовать преступника прежде, чем до него дойдет слух о сделанных нами открытиях.

Действительно, вследствие испрошенных им в тот же день из Парижа полномочий, он выехал в Байонну и, четыре дня спустя, уже плыл в Алжир на трехмачтовом корабле, который перевозил в африканскую колонию переселенцев из земли басков.

Едва прибыл он в Алжир, как, не теряя ни минуты, отправился к генерал-губернатору.

Губернатор уже получил предписание от министра юстиции содействовать во всем сыщику. Он дал ему отряд солдат и все устроил для того, чтобы тот на другой день мог выступить внутрь страны, к тому месту, где находился маркиз.

Но когда на другой день сыщик уже садился на лошадь, чтобы отправиться в путь, его потребовали к губернатору, и он там узнал, к крайнему своему прискорбию, что три дня перед тем маркиз Жермандиа застрелился в своей палатке. Подробности об этом событии были только что получены губернатором.

Полковник получил перед этим письмо из Франции, которое его очень огорчило; впрочем, с некоторого времени он казался весьма озабоченным. На другой день по получении письма, которое он тут же уничтожил, ночью, когда все в лагере спали, полковник лишил себя жизни, пустив себе два заряда из револьвера прямо в лицо. Он был так обезображен этими двумя выстрелами, что его узнали только благодаря мундиру и кольцу, которое он всегда носил на мизинце левой руки.

Сыщик удалился в отчаянии, он готов был рвать волосы на себе от злости, что ему не удалось арестовать полковника. Смерть преступника прекращала все преследования.

Неделю спустя, бедный сыщик отбыл назад во Францию, пристыженный, как лисица, которую надула курица.

За два дня перед тем, ночью, двое незнакомцев тайно пробрались в Арзев, к берегу моря, и сели на судно испанских контрабандистов.

Один из этих незнакомцев был маркиз, другой — его преданный слуга Себастьян.

Стало быть, оба, муж и жена, находились в обоюдном заблуждении насчет смерти другого и бежали оба по разным направлениям.

Извещая об этом событии маркизу, которая уже дней десять как устроилась в Париже, на улице Монтель, доктор Иригойен прибавлял в виде постскриптума: «Не радуйтесь слишком этой смерти, сударыня; кто знает, не сделал ли ваш муж то же самое, что и вы; можно всего ожидать от человека подобного закала».

Доктор Иригойен постиг хитрость маркиза.

ГЛАВА III

Мы теперь вернемся к Фелицу Оианди, суровому горцу, который так долго наводил страх на всю молодежь в окрестностях и который теперь, избитый, изнемогающий от бессильной злобы, был унесен товарищами с места побоища.

Когда раненый был внесен в дом его отца, среди плача и криков сбсжавшейся семьи и прислуги, то большого труда стоило молодым людям, бывшим свидетелями поединка, уверить, что побоище было ведено совершенно честно. Зная его физическую силу и ловкость, родители не могли понять, каким образом противник мог нанести ему такие тяжкие увечья.

Но когда родители Фелица захотели узнать, как зовут того противника, который так изувечил их наследника, то молодые люди единодушно отказались открыть его имя. Они сказали, что только один Фелиц вправе назвать своего победителя и объяснить причину драки, и с этими словами они удалились.

Тотчас же послан был слуга за доктором Иригойеном, так как это был единственный врач во всем околотке, которому можно было смело довериться.

Доктор поспешил приехать и стал рассматривать раны молодого человека, не подозревая, что это работа его сына, с которым он расстался в девять часов вечера и который теперь безмятежно спал в своей постели.

Доктор опытной рукой перевязал раны, стянул в лубки поврежденные члены и объявил Фелицу, который уже

пришел в себя, что надеется недель через шесть поставить его на ноги.

— Теперь вам ничего другого не нужно, как покой, физический и нравственный. Я вам сейчас приготовлю микстуру, после которой вы отлично уснете, а завтра почувствуете уже значительное облегчение.

Доктор только тогда уехал, когда Фелиц Оианди, приняв его наркотическое средство, уснул мертвым сном. Он постарался успокоить встревоженных родителей и обещал им заехать опять вечером взглянуть на больного.

Юлиан забыл уже свою драку с Фелицем Оианди. Он был весь поглощен своей любовью и радостью, что Дениза его предпочла всем остальным сверстникам. Дни он проводил около нее в нежных разговорах и строя воздушные замки.

Доктор между тем еще ничего не знал о любви сына, но случай мог каждую минуту открыть ему все и он, конечно, имел бы основание быть недовольным сыном за подобную скрытность.

Юлиан сам понимал, что он должен был переговорить с отцом; надо было просто и откровенно ему все рассказать и чем скорее, тем лучше.

Но в последнюю минуту молодой человек робел и всякий раз успокаивался на том, что, как только подвернется удобная минута, он ею воспользуется и все скажет отцу.

С тех пор прошло без малого шесть недель; было восемь часов вечера. Дождь лил как из ведра и беснело стучал в окна. Ночь стояла темная и холодная.

Юлиан Иригойен, полулежа на турецком диване в своем кабинете, перечитывал в сотый раз «Мариен Дслорм».

Он остановился именно, на пятой сцене третьего акта, в которой Марион и Дидие, скрывающиеся в труппе странствующих комедиантов, являются в замок Нанжис и ночуют там в риге.

Вдруг дверь быстро распахнулась, и вошел доктор.

Юлиан вздрогнул и привстал:

— Эй, ты, лентяй! Что ты тут развалившись, делаешь? Дремлешь что ли? Тебя, кажется, прости Господи, гроза усыпила!

— Нет, отец, я не спал, а читал; но, кажется, ты сегодня раньше обыкновенного вернулся. Я тебя не ожидал раньше девяти часов.

— Мне удалось сегодня раньше покончить с больными. Ты еще не ужинал?

— Нет, отец, я тебя ждал.

— Ну, так пойдем. Ужасно есть хочется; я сегодня не завтракал и не обедал.

Они прошли в столовую и уселись за стол, уставленный солидным ужином. Несколько приборов, стоявших на двух маленьких столиках позволяли им обойтись без прислуги. Доктор любивший хорошо поесть и поболтать, терпеть не мог, когда в комнате находилась прислуга.

Старая его служанка, — преданное и добросущество, — любила сплетничать. Потребность все выведать и все разболтать имела у нее болезненный характер. Ее даже наградили характеристическим прозвищем. *Пикагандиа*, что значит: большая сорока. Это прозвище понемногу заменило ее настоящее имя, и она на него откликалась, несколько не обижаясь.

— Мы уже давно с тобой так рано не ужинали, — сказал молодой человек, улыбаясь.

— Да, сынок. У меня тут был молодой человек, к которому я постоянно заезжал в восемь часов вечера: но теперь он, слава Богу, выздоровел, и я с ним сегодня утром простился. Он отправился в Париж; я его даже снабдил рекомендательными письмами, так как он там никого не знает.

— Кто же это такой, отец?

— Да ты должен его знать; это сын старого Фелициана де Оианди.

— Фелиц Оианди! Ты его лечил! — вскричал молодой человек.

— Да. Он был очень болен.

— То есть, избит, хочешь ты сказать?

— Ну, да, избит. На этот раз он наскочил на мастера своего дела. Ты разве его знаешь?

— К кому дал ты ему рекомендательные письма?

— Я дал ему три письма: одно к генералу Бедо, с которым я служил в Африке; другое к моему другу, Шаберу, члену парламента, которого ты знаешь, и, наконец, третье к Петру Лефранку, чиновнику государственного совета.

— Какая досада! — вскричал молодой человек.

— Что значит твоё восклицание? Ты знаешь этого Фелица Оианди, что ли?

— Да как же мне его не знать, когда это я сам ему нанес те побои, от которых ты его лечил!

— Что ты говоришь! Да он в четыре раза сильнее тебя!

— Да, но я изучил все тонкости искусства борьбы и поэтому одолел этого быка.

— А он мне и не намекнул на то, что это ты его так отделал.

— Как жаль, что я не знал, что ты его лечишь!

— Какое нам теперь до него дело! Он отсюда уехал, и ты, вероятно, никогда болсе с ним не встретишься.

— Ошибаешься, отец. Фелиц Оианди злой человек и мстительный. Помпни мое слово, что он поехал в Париж с целью устроить нам какую-нибудь большую неприятность.

— Ты с ума сошел. Станет он тебе мстить за то, что вы оба подрались, как два дурака. Бог весть почему.

— А в том-то и дело, отец, что все есть причина. Кстати, я уже давно собирался тебе все открыть, но медлил, опасаясь твоего гнева...

— Говори скорее, в чем дело! Терпеть не могу предисловий.

— Отец, ты, вероятно, помнишь Денизу Мендири, с которой я рос и воспитывался?

Доктор так сильно ударил по столу кулаком, что вся посуда зазвенела и вилки и ножи полстели на пол.

— Ну, так и есть! Любовная интрижка!

— Не интрижка, отец, а ссрьзная, искренняя любовь.

— Ты любишь Денизу? И для этой девчонки...

— Я люблю Денизу и женюсь на ней, отец.

Тут Юлиан передал отцу все подробности помолвки, происшедшей на посиделках, обиду, которую Дениза нанесла Фелицу, оставивши его полено, и предпочтение, оказанное ему. Когда он кончил, старый доктор задумался и потом сказал:

— Что же, сынок; хотя я и мечтал для тебя о другом браке, но, видно, делать нечего; что же касается этого Фелица, то я сегодня же напишу своим друзьям, чтобы они не слишком-то радушно принимали этого бездельника. Хотя я с тобой и согласен, что ему, вероятно, очень бы хотелось нам напакостить, но что же может он сделать?

— Не говори, отец! Когда я уезжал из Парижа, там было не особенно спокойно, ходили тревожные слухи. Ожидается государственный переворот, говорили громко, что президент республики хочет провозгласить себя императором. А ты сам знаешь, отец, что при подобных случаях всегда наступает реакция. Трудно ли какому-нибудь непорядочному человеку сделать донос и выставить нас ярыми республиканцами, социалистами даже?

— Ну, к чему пугаться? Времена Бастилии прошли, теперь нельзя бездоказательно погубить человека, занимающего известное положение в обществе; к тому же, мы оба не занимаемся политикой, непричастны ни к какой партии и поэтому нам бояться решительно нечего.

При этих словах доктор встал из-за стола и отправился писать своим друзьям, а Юлиан ушел спать.

Несколько дней доктор ходил пасмурный и мало говорил с сыном. Ему трудно было примириться с мыслью, что все его планы насчет женитьбы сына должны рушиться вследствие того, что подвернулась нескстати эта девчонка! Но так как по природе доктор был добрейший человек и так как в конце концов счастье его единственного сына было для него дороже всего, он превозмог свою досаду и отправился к старику Мендири просить у него официально руки его дочери Денизы для своего сына Юлиана, как того требовал обычай. Радужный прием, оказанный доктору в семействе Мендири, красота и ласковое обращение Денизы окончательно утешили доктора и он от души прижал к сердцу свою будущую невестку.

Весь поглощенный приготовлениями к свадьбе, Юлиан совершенно забыл о Фелице Оианди; доктор же, со своей стороны по-прежнему не верил высказанным Юлианом опасениям.

Однако утром Бернардо прибежал, чрезвычайно встревоженный к доктору, в то время как он собирался вскрыть корреспонденцию, только что принесенную почтальоном.

— Здравствуй, мой милый, — сказал ему доктор, подавая ему руку. — Откуда ты это так бежишь?

— Из Сэр, — ответил молодой человек, вытирая платком вспотевший лоб.

— Что там нового?

— Много нового, доктор! Могу ли я видеть Юлиана? Мне нужно с ним поговорить.

— Ступай к нему в комнату, а я пока прочту свои письма. За завтраком поболтаем.

— Это ты, Бернардо! Что скажешь хорошенького? — приветствовал его Юлиан.

— К сожалению, Юлиан, кажется, кроме дурного, ничего сказать тебе не могу.

— Что случилось? Ты, кажется, совсем расстроен. Не случилось ли какого несчастья?

— Нет, несчастья-то ни с кем еще не случилось, но как бы с тобой не стряслась беда. Фелиц Оианди вернулась из Парижа такой гордый, самодовольный, что и не приступайся к нему; грозит, что многим тут пообржет крылья, и ясно намекал на то, что именно тебе и твоему отцу несдобровать. Наконец, он вчера вечером зачем-то был в Луберия у Денизы Мендири.

— Как это странно! — сказал смущенный Юлиан.

Вдруг дверь в его комнату растворилась и на пороге показался доктор, судорожно комкавший в руках какие-то бумаги.

— Боже мой! Что с тобой, отец? — вскрикнул испуганный Юлиан.

— Юлиан, сын мой! — сказал доктор, падая от изнеможения в кресло. — Ты был прав. Фелиц Оианди — твой смертельный враг и доказал это теперь на деле!

Голова старика упала на грудь, глаза закрылись и он лишился чувств.

Страшная опасность, грозившая его любимому сыну, сильно подействовала на этого энергичного человека.

Благодаря принятым Юлианом мерам, обморок его отца продолжался недолго. Придя в себя, доктор сказал:

— Нужно бежать, не медля ни минуты. Мне пишут, что Фелиц сделал на тебя донос, указав на тебя, как на влиятельного члена тайного общества. Не сегодня-завтра тебя могут арестовать, и мне совستуют тебя сейчас же отправить за границу.

— Но пусть меня арестуют! Моя невиновность будет доказана и меня выпустят!

— Когда? Мы теперь живем не в обыкновенное время. Мои друзья мне пишут, что империя будет провозглашена на этих днях; реакция будет ужасной, беспощадной. Вспомни 18-е Брюмера и имя настоящего президента. Он будет действовать по примеру дядюшки. *В подобное смутное время на поверхность всплывут*

такие личности, которым терять нечего, и, прикрываясь маской патриотизма, примутся обдeldывать свои грязные делишки. Поверь мне, я знаю, что говорю. Тебе стоит только быть арестованным — и ты сгниешь в тюрьме. Если ты меня любишь, Юлиан, то уезжай отсюда, как можно скорее, даже сегодня вечером, если можно.

— Куда же я поеду?

— Лучше было бы, конечно, поехать за границу, но пока поезжай сегодня же в И... У нас там есть родные, они тебя примут с радостью, а после мы решим, что делать. Я тоже поеду в Байонну, у меня там влиятельные друзья, они за меня вступятся, если ко мне также станут придирааться.

— Но неужели же я отсюда уеду, не простившись с Денизой?

— Нет, — сказал Бернардо, — я приведу ее через час, а ты в это время укладывайся.

— Странно, — сказал доктор, — она обещала прийти к нам сегодня утром, и до сих пор ее нет.

— Не случилось ли с ней чего-нибудь? — сказал Юлиан, бледнея. — Боже мой! Бернардо, ведь ты сказал, что этот Фелиц был у нее вчера вечером? Я сам пойду к ней узнать...

— Нет, ты не пойдешь, Юлиан — я сейчас туда побегу, — возразил Бернардо, уходя поспешно.

Через несколько минут он возвратился в сопровождении Денизы.

Молодая девушка была бледна, как смерть, и, увидав Юлиана, разразилась истерическими рыданиями.

Мужчины с ужасом смотрели на нее, не решаясь заговорить.

Но вскоре Дениза успокоилась и сама заговорила.

— Дорогой мой Юлиан! Мы должны расстаться. Я более никогда не буду твоей женой... — Рыдания, подступившие к горлу бедной девушки, не дали ей договорить.

— Что это такое? — вскричал Юлиан. — Что с тобой случилось? Почему ты мне говоришь подобные вещи?

— Так надо, так надо, мой дорогой! Я ему говорила, что я умру, а он расхохотался и стал еще уверять, что он меня любит! Он мне угрожал, он мне сказал, что у меня отца и мать выгонят на улицу, а жениха сошлют в каторгу, если я не соглашусь быть его женой. Но я не могу от тебя отказаться, я не в силах это сделать! Лучше

я буду жить в нищете, лучше пойду с тобой на каторгу, чем разлучиться с тобой! Прости меня, Юлиан! Прости меня!

При этих словах Дениза вдруг пошатнулась, протянула руки вперед, как бы ища опоры, и упала навзничь. К счастью, Юлиан и Бернардо вовремя подхватили ее.

Дениза лишилась чувств.

Юлиан отнес ее в комнату, в которой лежала маркиза Жермандиа, когда они ее спасли, и, позвав служанку, поручил ей раздеть девушку и уложить ее в постель.

— Что скажешь теперь, отец? Неужели ты и теперь посоветуешь мне уехать и оставить невесту во власти этого изверга?

— Болсе, чем когда-либо, друг мой. Он напугал бедную девочку, что нетрудно было сделать при ее неопытности. Но я всдь не ребснок, мсня напугать нелсгко. Я сейчас прикажу оседлать лошадь и поеду сам в Луберию узнать, что случилось. Я проучу этого Фелица Оианди; если Мендири ему должен, то сму дам денсг, чтобы он сейчас же с ним расплатился. Затсм, как только ты уедшь, я возьму с собой Денизу в Байонну и помсщу в таком доме, где никакой Оианди не найдет сс. Повсрь мне, что это гораздо лучше. А то ты полетишь туда, натворишь всякого вздора под влиянисм гнева, и дсло кончитс тем, что тебя же арсстуют за буйство.

— Ты всегда прав, отец.

— То-то. Ступайте же оба в столовую, а я пойду посмотреть, в каком положении наша больная.

Молодые люди ссли за стол, но плохо ели под влиянием только что случившегося. Вскорс доктор вернулс и объявил, что Дениза уснула и проснетс совершенно здоровой. Он передал сй то, что они решили между собой, и она, успокоившись, приняла лекарство.

После завтрака доктор, как обещал, уехал всрхом в Луберию, а Юлиан с помощью Бернардо стал приводить в порядок свои вещи, готовясь к отъезду. Дениза все еще спала. Два часа спустя доктор Иригойен вернулс, устроив все к лучшему. Старик Мендири развязалс с Фслицем, и с радостью согласилс отпустить Денизу с доктором в Байонну.

— Благодарю тсбя, отец, — сказал Юлиан, — но я отомсщу Фелицу Оианди, хотя бы мне пришлось ждть удобного случая для этого двадцать лет.

Часам к пяти пополудни Дениза встала и пришла в гостиную, где находились отец и сын.

Девушка совсем оправилась от испытанных ее тревог. Доктор кратко передал ей все, что он сделал, и кончил следующими словами:

— Юлиан уедет сегодня в десять часов вечера, мы его проводим до ущелья Кобра, а потом прямо отправимся в Байонну, где вы уже будете находиться в полной безопасности. Через несколько дней ваши родные посетят вас. Теперь поговорите друг с другом, а я пойду распорядится насчет отъезда.

Молодые люди остались одни. Мы не станем передавать читателю их любовных объяснений.

Дениза подарила Юлиану маленький золотой крестик, который мать надела на нее при рождении и с которым она никогда не расставалась.

— Береги его всегда! — сказала она со слезами на глазах.

— Клянусь тебе в этом, дорогая моя! — ответил Юлиан. — Возьми это кольцо, в нем волосы моей матери, которой я никогда не знал — это все, что я имею от нее. Береги его!

Молодая девушка взяла кольцо, поднесла его к губам и надела на палец, рядом с обручальным кольцом.

Однако время шло, и надо было ехать.

В десять часов они доскачили до ущелья Кобра.

Бернардо уже ждал там с двумя оседланными лошадьми.

Отец и сын заключили друг друга в объятия. Смутные предчувствия овладели ими в последнюю минуту.

Наконец, доктор высвободился из объятий сына.

— Уезжай, — сказал он ему дрожащим голосом, — ты, может быть, уже опоздал.

Юлиан стал прикреплять свой чемодан к седлу.

— Юлиан! Мой ненаглядный, прощай! — воскликнула Дениза.

Молодые люди обнялись.

— До свидания, Дениза! До скорого свидания, моя дорогая! — крикнул Юлиан, садясь на лошадь.

Всадники поскакали и доктор остался с Денизой. Они молча сели в кабриолет и, глубоко опечаленные, направились в Байонну.

Юлиан Иригойен и его преданный друг Бернардо Зумето решили ехать всю ночь, а днем отдыхать. Они надеялись таким образом избегать внимания полицейских властей. В течение первых дней юноши были чрезвычайно осторожны и несмотря на холод отдыхали только в открытом поле.

Бернардо обыкновенно отправлялся в ближайшее село и закупал там провизию, а после заката солнца они опять пускались в путь и ехали вплоть до рассвета.

Летом подобное путешествие было бы чрезвычайно приятным, но зимой нужно обладать железным здоровьем и необыкновенной выносливостью, чтобы не заболеть от холода и лишний.

Бернардо первый не выдержал, а Юлиан, видя его совсем обессиленным, решил, что они уже так далеко отъехали от Луберии, что прежние предосторожности были бы излишни, и потому молодые люди остановились в маленькой гостинице, вблизи одной деревни, на самом краю дороги. Они приказали дать себе поесть и наслаждались теплой пищей, которой лишены были несколько дней. Чтобы немного отдохнуть, они остались ночевать и заснули мертвым сном в теплых и мягких постелях.

Это было 3 декабря 1851 года.

Маленькое село Х., в котором они находились и в котором не насчитывалось и сорока дворов, было в страшном волнении.

Несмотря на холод и поздний час все население — мужчины и женщины, старики и дети — толпилось на единственной улице деревни, о чем-то крича и размахивая руками.

Наши путешественники просили через эту толпу, не обратив на нее внимания.

Усталые и продрогшие, они думали только о том, чтобы скорее добраться до гостиницы и отдохнуть.

Проснувшись рано утром, они сошли в общий зал, чтобы съесть что-нибудь, прежде чем отправиться в дорогу.

К их удивлению, зал оказался полон народу. Крестьяне, вооруженные — кто ружьем, кто косой, кто вилами, сновали взад и вперед, перекликались, выпивали наскоро стакан водки и наполняли ею фляжки, висевшие у каждого на поясе.

Юлиан перемигнулся с Бернардо, и они поспешно вернулись в свою комнату.

— Что это значит? — сказал Юлиан. — Эти люди, кажется, затевают что-то похожее на революцию!

— Кто их знает! — ответил Бернардо. — Может быть, это просто готовится облава на волков.

— Подождем, пока они отсюда уберутся, — сказал Юлиан.

— Конечно. Да и никто нас в шею отсюда не гонит, мы можем остаться даже несколько дней.

— Нет, здесь неудобно долго оставаться. Когда эти люди уйдут, мы поедем в V. — это порядочный городок, — там мы отдохнем несколько дней и потом отправимся прямым путем к родным в И. Однако, что это за шум. Посмотри-ка в окно, Бернардо...

— Они отправляются, — сказал Бернардо, глядя в окно. — Однако странно: строятся повзводно, как настоящие солдаты.

Юлиан подошел к окну.

Вооруженные люди стояли малыми отдельными группами, каждая из которых имела своего начальника.

Раздалась команда и все группы, примерно двести человек, двинулись в поход. Вскоре они исчезли за поворотом дороги.

— Странная облава на волков, — сказал Юлиан. — Пойдем, Бернардо, там, должно быть, теперь никого нет.

Действительно, зал опустел, там только находились две женщины, какой-то старик и двое малых детей. Даже хозяин гостиницы ушел с отрядом.

Увидев вошедших путешественников, говорившие сразу замолчали.

Юлиан сделал вид, что не замечает их смущения, и спросил завтрак; потребовав бутылку старого бургундского, он предложил стакан вина старику. Тот под влиянием хорошего вина сделался разговорчив и сообщил Юлиану, что 2 сентября президент республики был провозглашен императором и что вооруженные люди, которых он видел — республиканцы, которые решились протестовать против государственного переворота.

— Это ужасно! — вскричал Юлиан. — Гражданская война!

— Да, гражданская война и террор; вот, что нас ожидает. А вы, как видно, нездешние? Неудобно же время вы выбрали для путешествий!

— Но ведь я ничего не знал! Я еду в И., где у меня родные. Что мне теперь делать?

— Вам лучше было бы вернуться домой. Впрочем, кто знает, может быть, уже дорога за вами отрезана; народ всюду поднимается. Послушайтесь моего совета, поезжайте сейчас в И., но по дороге не заезжайте никуда, старайтесь держаться подальше от городов и сел. Родные за вас поручатся. Теперь следует опасаться как императристов, так и республиканцев.

— Благодарю вас за совет, — сказал Юлиан старику, протягивая ему руку. — Ну, Бернардо, займись лошадьми.

Четверть часа спустя, молодые люди уже ехали, погоняя лошадей.

Едва достигли они большой дороги, как заместили большое количество крестьян, которые группами в несколько человек шли по тому же направлению, по которому они ехали. Все были вооружены.

В это время на проселочных дорогах показались новые группы, которые направлялись к большой дороге и примыкали к шедшим впереди.

Несколько раз Юлиан собирался спросить кого-нибудь из них о ближайшей дороге в И. Но эти люди смотрели на него так пристально и так враждебно, что он не решился с ними заговорить.

Юлиан поехал еще скорее, стараясь обогнать эту подозрительную массу людей.

Но в ту минуту, как они с Бернардо поворачивали в сторону с дороги, они были внезапно окружены целой толпой вооруженных людей, которые приказали им остановиться и сойти с лошадей.

Всякое сопротивление было немыслимо — обоим путешественников окружала целая армия... Они беспрекословно повиновались, но спросили, однако, почему их остановили таким образом посреди большой дороги.

— Успокойтесь, господа, — сказал им какой-то приличной наружности человек, по-видимому, один из руководителей толпы, — мы вас остановили только для того, чтобы вы не могли нас опередить в З., куда мы идем. Вы нас извините, время теперь такое горячее, что трудно соблюдать все правила вежливости. Даю вам честное слово, что, как только мы вступим в З., вы будете

свободны и отправитесь, куда вам угодно; теперь же потрудитесь ехать с нами.

Юлиану и Бернардо оставалось покориться, и они, поклонившись в знак согласия, сели на лошадей.

По данному знаку, вся толпа двинулась вперед в большом порядке. Юлиан и Бернардо ехали несколько впереди, рядом с тем человеком, который с ними говорил.

Они, таким образом, казались предводителями этой вооруженной толпы, тогда как были ее пленниками.

Однако они вскоре достигли З., куда вступили без всяких препятствий, и направились к городской ратуше.

Мэр ожидал их у входа. Он протестовал против занятия ратуши и попытался воспротивиться этому, но безуспешно.

В эту минуту начальник вооруженного отряда объявил двум друзьям, что они свободны, и, указав им на находившуюся вблизи гостиницу, сказал:

— Ступайте к Петито, это лучший и добросовестнейший из людей. Вам у него будет хорошо. Оставайтесь у него, пока все успокоится.

Юлиан послушался этого доброго совета только наполовину. То есть он действительно переночевал в гостинице, но на другой же день утром, несмотря на уговоры Петито, пустился с Бернардо в путь. Ему хотелось скорее доехать до Б., чтобы там отдохнуть как следует.

Было семь часов утра, густой туман окутывал городок. В двух шагах ничего не было видно.

Однако несмотря на ранний час какие-то зловещие крики раздавались по городу.

Молодые люди решились уже было вернуться в гостиницу, но было поздно. Раздались крики отчаяния и вслед за тем грохот ружейных выстрелов.

Поднялась страшная паника; люди бежали кто куда.

Войска вступали в З., и началась страшная расправа. Солдаты стреляли в толпу, и ни один выстрел не пропал даром. Кавалерия рубила убежавших...

Юлиан и Бернардо последовали за беглецами и вскоре очутились в открытом поле, среди небольшой кучки людей, обезумевших от страха. Время от времени раздавался выстрел, и человек падал...

Они уже давно скакали, и думали, что спаслись, как вдруг за ними раздались выстрелы, и два человека покатились возле них в предсмертных судорогах.

В ту же минуту человек двадцать солдат бросились на них, и молодые люди оказались пленниками.

— Ну, марш! Поворачивай! — крикнул им грубо сержант.

— Куда же вы нас ведете? — спросил Бернардо, ошеломленный всем происшедшим.

— Увидишь, когда там будешь! — возразил еще грубее сержант. — Ну, иди и не разговаривай!

— Пойдем, — сказал тихо Юлиан.

Их отвели обратно в З. Входя в город, они встретили офицера штаба, который их остановил.

— Кого вы ведете? — спросил он сержанта.

— Бунтовщиков, господин лейтенант.

— Вот как! Что же, при них нашли оружие?

— Никак нет, господин лейтенант: они просто бежали; только у этого (сержант указал на Юлиана) мы нашли большую сумму денег золотом и банковыми билетами.

— Ага! — сказал офицер, глядя в упор на Юлиана. — Это, вероятно, один из покупателей.

— Вероятно, господин лейтенант.

Юлиан отвернулся, предварительно пожав плечами.

— Хорошо, — сказал офицер, — поместите их с остальными. После разберемся.

ГЛАВА IV

Юлиан Иригойен и Бернардо Зумсто были заключены, в числе других пленных, в какой-то темный, сырой и душный подвал.

Там несчастные томились в течение четырнадцати часов. Не позаботились даже дать им кусок хлеба для утоления голода! В подвале было так тесно, что можно было только стоять. Те, кто был слабее, падали, и остальные поневоле топтали их ногами...

Наконец, после двух суток невообразимых страданий, начался допрос арестованных. Но этот допрос ограничился записью их имен, фамилий, местожительства и рода занятий; затем все *бунтовщики* были посажены в телеги и отвезены в М., местопребывание военной дивизии, где их должны были подвергнуть военному суду.

В М. их заперли в городскую тюрьму, старое здание без всякой вентиляции, где они в душном, сыром и спертом воздухе промучились еще шесть недель. Многие из арестованных заболели, а некоторые умерли.

Наконец очередь дошла до Юлиана и Бернардо, и они предстали перед военным судом.

Входя в залу, они с ужасом переглянулись.

Они узнали в зале человека, который старался укрыться от их взоров. Этот человек был Фелиц Оианди...

Несмотря на то, что Юлиан и Бернардо были безоружны в то время, когда их арестовали, несмотря на отсутствие доказательств их участия в восстании, тем не менее на том только основании, что они бежали в то

время, когда их арестовали, они были приговорены к ссылке на десять лет в Кайенну.

Однако вещи и деньги были им возвращены.

Их отвезли в Гавр, где они должны были оставаться в тюрьме до отправки в Кайенну.

Со времени ареста молодые люди не получили ни одного известия от своих родных. Они часто и много писали, но все их письма оставались без ответа. Они приходили в отчаяние, не понимая, что означало это молчание. Наконец, один из тюремных сторожей, жалившись над ними, объяснил, что хотя заключенным и позволили писать письма, но эти письма никогда не выходили из стен тюрьмы, их систематически уничтожали по распоряжению свышс.

Наконец день отъезда настал.

Юлиан и Бернардо, в числе трехсот пятидесяти товарищей по несчастью, сели на фрегат «Беллона», который должен был доставить их в место назначения. Весь промежуток между двумя деками корабля был приспособлен к помещению ссыльных.

У каждого было свое назначенное место, где на ночь вешалась его койка и где он обязан был находиться днем.

В шесть часов утра ссыльные обязаны были убрать свои койки. Они имели одинаковый стол с матросами и обязаны были подчиняться всем установленным правилам. Утром, в течение двух часов, и всером, в течение трех часов, они имели право выходить на палубу и дышать свежим воздухом, остальное время проводили, как умели, в своем тесном помещении, стараясь каким-нибудь занятием или сном убить время.

Комендант «Беллоны», выбрал нескольких ссыльных, которым поручил надзирать за общим порядком и за раздачей пищи. Юлиан попал в число этих избранных, которые, сравнительно с остальными, пользовались большей свободой. Бернардо была тоже предоставлена эта привилегия. Всех старших было десять; у каждого под командой состояли пятьдесят пять ссыльных, за которых он отвечал. Переключка проводилась три раза в день в неопределенные часы, по приказанию дежурного офицера. Кроме того, два раза в течение ночи старшие, в сопровождении матроса, державшего зажженный фонарь, проходили между койками, делая проверку спящих.

Фрегат вторые сутки уже находился в море; ссыльные только что сошли в свое душное помещение между деками. Пробило восемь часов вечера. Юлиан, опираясь на пушку, глядел вдаль и думал неслесную думу, как вдруг почувствовал, что его кто-то слегка тянет за рукав.

Он обернулся и увидел незнакомого матроса, который его спросил:

— Вы доктор Юлиан Иригойсн? Вы замешаны были в беспорядках, происшедших в З.?

— Да, мой друг, это я. Что вам нужно?

— Возьмите вот это, — ответил матрос, подавая ему тоненькую бумагу, сложенную несколько раз.

— По прочтении этой записки разорвите ее на мелкие куски и бросьте их в море.

Юлиан поблагодарил матроса горячим пожатием руки и с жадностью принялся читать письмо, которое до него дошло таким странным образом.

При первых же строках у него сильно забилося сердце и он на минуту перенесся в тот мир, с которым, казалось, порваны были все связи.

Мы здесь приведем это письмо целиком:

«Дениз продолжает вас любить и не расстанется с вашим отцом, которого она утешает, как настоящая дочь.

На четвертый день вашего отъезда вы увидите бриг, который будет следовать по одной с вами дороге. Вы его сейчас же узнаете, потому что у него брамсель будет красный, а все остальные паруса белые.

Корабль незаметно начнет к вам приближаться и на закате солнца будет от вас в расстоянии двух кабельтовых. Говорят, что вы отличный пловец; стало быть, это расстояние для вас ничтожно.

В семь с половиной часов вечера спуститесь незаметно с фрегата в воду и плывите по направлению к бригу; лодка пойдет к вам навстречу; у нее будет зажженный фонарь на корме. Ваш отец посылает вам свое благословение, а ваша невеста любит вас всей душой. Дай вам Бог спастись для тех, которых вы любите и которые вас любят.

Чтобы в вас не было никакого сомнения относительно той личности, которая вам пишет, взгляните на подпись; только вы и ваш отец можете узнать, кто скрывается под этим названием.

«Живая умершая».

«Да, — сказал Юлиан, — я вас узнаю и поступлю, как вы мне советуете».

Он приложил письмо к губам и, несмотря на совет матроса, бережно спрятал его.

Ему оставалось еще двое суток ждать своего спасения.

Эти сорок восемь часов показались ему целой вечностью; его била лихорадка, он нигде не находил себе места и должен был напрягать всю свою силу воли, чтобы скрыть от посторонних глаз те чувства, которые его волновали.

Наконец настала зоря четвертого дня.

Как только Юлиану представился удобный момент, чтобы незаметно выйти на палубу, он бросился навстречу и стал искать глазами бриг, о котором упоминалось в письме. Корабль небольших размеров уже привлек внимание матросов. Его брансель был действительно из темнокрасного полотна.

— К какой бы нации мог принадлежать этот бриг? — спросил один из ссыльных.

— На нем нет флага, — ответил квартирмейстер, — это, должно быть, американец. Впрочем, мы сейчас узнаем. Капитан велел поднять наш флаг.

В ответ на вопрос, выраженный поднятием французского флага на «Беллоне», бриг поднял английский флаг.

Юлиан подошел к Бернардо, которому до этой минуты он еще ничего не сообщил о письме, и сказал ему на наречии басков, которого никто на корабле не понимал:

— Слушай, что я тебе скажу: как бы тебя ни поразило то, что ты от меня услышишь, не подавай виду, чтобы никто не мог догадаться, о чем мы говорим.

— Говори, Юлиан, я буду нем, как истукан.

— Этот бриг, который идет по одному направлению с нами, следит за нами, чтобы спасти меня. Ты впоследствии поймешь, как я об этом узнал. В семь с половиной часов вечера я спущусь в воду и меня подберет шлюпка. Умеешь ли ты плавать?

— Немного — могу продержаться на воде с четверть часа; но все равно я с тобой отправлюсь. Я предпочитаю утонуть, чем остаться тут без тебя.

— Ну так решено: или мы спасемся, или погибнем вместе! Часам к семи подойди к вантам фок-мачты на штирборте, — я уже там буду. Сними верхнее платье и

сапоги и перетянишь хорошенько кушаком. А теперь разойдемся, чтобы не возбудить подозрения.

Вечером, воспользовавшись легким беспорядком, который всегда происходил на палубе в то время, когда ссыльные собирались уходить в свое тесное помещение, наши друзья сошлись в назначенном месте и, сбросив с себя верхнее платье, спустились вдоль каната прямо в морские волны. Ночь была очень темная, но, к их счастью, ветер утих.

Они поплыли тихо, стараясь не производить шума... Первые десять минут прошли совершенно спокойно. Молодые люди плыли равномерно, не спеша. Они уже находились в порядочном расстоянии от «Беллоны», которая продолжала свой путь, но обещанной шлюпки с фонарем все еще не было видно.

Бернардо, видимо, начал уставать, и Юлиан по временам поддерживал его, чтобы дать ему возможность персвести дух; но у него самого силы заметно слабели, а спасительного света фонаря все еще не было видно.

— Прощай, Юлиан! — захрипел Бернардо. — Я более не в силах плыть.

Юлиан подхватил товарища левой рукой и продолжал действовать одной правой.

— Я тебя погублю! — стонал Бернардо. — Оставь меня, спасайся один, иначе и ты со мною утонешь!

Он разжал руки, которыми держался за Юлиана, и погрузился в волны. Но Юлиан быстрым движением вытащил его опять на поверхность и, приподнявшись над волнами, испустил пронзительный крик. Бернардо лишился сознания, и Юлиану стоило большого труда удержаться на воде с тяжелой ношей. Вдруг нахлынула огромная волна, и беглецы исчезли в пучине. Еще два раза выплывал Юлиан на поверхность и кричал о помощи... В ту минуту как Юлиан, выбившись из сил, перестал бороться и готовился умереть, он почувствовал, как сильные руки подхватили его и положили рядом с Бернардо на дно лодки.

В это время исчезновение наших друзей было замечено на «Беллоне». Тотчас же был отдан приказ повернуть назад, но вследствие темноты, а также вследствие того, что на шлюпке потушили фонарь тотчас после спасения молодых людей, «Беллона», пролавировав напрасно часа три, решила продолжать свой путь.

На судне был составлен акт о смерти двух ссыльных, Юлиана Иригойена и Бернардо Зумето, упавших по неосторожности за борт и утонувших у Зеленого мыса. Акт этот подписали капитан корабля и офицеры, и он был спрятан для представления начальству по окончании плавания.

Тем временем беглецы были спасены и, оправившись, весело приближались к мысу Горн на бриге «Леона».

На другой день утром, оба воскресшие из мертвых вбежали на палубу и жадно осмотрели кругом весь горизонт.

Море было свободно, ни одного паруса не было видно.

Юлиан радостно вздохнул.

— Я свободен! Свободен! — вскричал он с невыразимым чувством облегчения. — Я когда-нибудь вернусь во Францию, и тогда!..

Он не закончил, голова его опустилась на грудь, и он погрузился в воспоминания.

Что касается Бернардо, то он с наслаждался жизнью, которую ему спас Юлиан; и с той минуты его привязанность к Юлиану перешла в какое-то обожание и он весь отдался чувству дружбы и признательности.

Часть вторая

ГЛАВА I

Действие происходит в Скалистых горах, в конце 1865 года. Уже наступало холодное время года. По ночам стояли сильные морозы, и голодные американские красные волки нарушали ночную тишину своим визгливым лаем.

Густой лес, в котором кое-где встречались узкие тропинки, проложенные дикими зверями, расстилался по обширной долине и поднимался еще по склонам гор, вершины которых, покрытые вечными снегами, замыкали кругом горизонт.

Этот лес состоял из одной породы гигантских деревьев, настоящего чуда растительного царства, принадлежавших к семье кипарисов. Ученые присвоили им название: «*sequoia gigantea*!».

Деревья эти достигают в этом поясе таких исполинских размеров, что превосходят все, что человек может себе вообразить; поэтому первые путешественники, которые пытались их описать, были безусловно обличены во лжи.

Несколько речек, беря начало на вершинах гор, пересекают лес в различных направлениях.

На левом берегу одной из этих речек, которая была шире и глубже других, посреди лужайки, в то время, когда возобновляется наш рассказ, стоял домик, построенный из нетесанных бревен, наподобие тех, которые охотники строят в тех странах для зимних стоянок.

Дом этот был тщательно построян, окна были защищены крепкими ставнями, и весь его вид обнаруживал зажиточность и домовитость хозяина...

Дом этот принадлежал аферисту из Канады, который устроил в нем гостиницу для многочисленных путешественников, отправлявшихся в Калифорнию, в Утах, или возвращавшихся из этих двух стран в Соединенные Штаты через Небраску.

Штук двадцать гигантских кипарисов, о которых мы только что говорили, окружали гостиницу. Самый большой из них достигал шестидесяти метров в высоту и тридцати в окружности, у корня...

Один из этих исполинов, у которого вся середина была пустая, что не мешало ему быть совершенно свежим и здоровым деревом, вмещал в своем дупле конюшню в двенадцать стойл. К дуплу были очень искусно приспособлены дверь и окно, так что лошадей на ночь можно было для безопасности запирасть.

В тот день, когда возобновился наш рассказ, около семи часов вечера трое мужчин сидели вокруг стола в общей зале гостиницы, которая одновременно служила кухней, приемной и столовой.

Яркий огонь пылал в камине, окна и двери были тщательно закрыты, так как снаружи было холодно.

Две керосиновые лампы, стоявшие на столе, освещали своим ярким светом блестящую, как золото, кухонную посуду, развешенную по стенам.

За стойкой виднелось изрядное количество бутылок, всевозможных форм и размеров, и — что особенно характерно — тут же под рукою хозяина лежали заряженный шестизарядный револьвер и нож, называемый туземцами bowknife. Две двери, одна по правую сторону стойки, другая — по левую, вели в отдельные комнаты. В углу залы находилась витая лестница, которая вела во второй этаж. Наконец, в противоположном углу, заслон с железным кольцом, в настоящую минуту опущенный, закрывал вход в подвал, в который спускались по лестнице, стоявшей тут же. Несколько стульев, скамеек и столов довершали обстановку этой комнаты.

Три человека, о которых мы уже говорили, только что плотно пообедали и, распивая кофе с ликерами, курили, разговаривая по-французски. Все трое были высокого роста и развитые мускулы свидетельствовали об их

физической силе. Они носили костюмы охотников в саванне и были вооружены с головы до ног. Двое из них были помоложе, их звали, по принятому здесь обычаю всем людям давать клички, Темное Сердце и Железная Рука, первого — за постоянно грустное выражение лица одного и необычайную силу другого. Впрочем, первого часто еще называли доктором, причем рассказывали о производимых им чудесах исцеления.

Как бы то ни было, но они оба приняли эти странные клички, и настоящие имена их не были известны в прериях.

Третий собеседник был никто иной как содержатель гостиницы, дядюшка Ляфрамбуаз, уроженец Квебека. Ему было лет пятьдесят, но он был еще так свеж, что ему на вид нельзя было дать более сорока лет. Проохотившись лет десять в лесах, он женился на молодой девушке из Монморенси и прижил с нею шесть сыновей и одну дочь. Четверо из его сыновей вели теперь кочевую жизнь охотников, а оба младших с сестрой оставались дома, помогая отцу и матери по хозяйству. Сыну Иерониму было двадцать лет, Стефану девятнадцать, а Нанете восемнадцать лет.

— Надо, однако, сказать правду, — воскликнул дядюшка Ляфрамбуаз, — что вы, на мое счастье, вздумали сегодня ко мне зайти. Без вас мой бедный паренек и Нанета, может быть, не остались бы в живых. Пришло же в голову девчонке бегать по лесу, когда теперь красные волки всюду рыщут!

— Укусы не опасны, — ответил Темное Сердце, — а царапины Иеронима заживут через два дня.

— Благодаря вам, доктор, — сказал хозяин с чувством. — Сам Бог вас надоумил меня посетить.

— Не стоит придавать такое значение подобным пустякам; я рад, что мог вам услужить. За ваше здоровье! Что нового в вашем околотке?

— Правда! — прибавил Железная Рука. — Мы так давно здесь не были — ничего не знаем, что у вас тут делается.

— Хотят раз навсегда покончить с мормонами, — сказал хозяин.

— Кто это, индейцы, что ли? — спросил Железная Рука презрительно.

— Нет, президент Соединенных Штатов.

— Ого! Это дело серьезное!

— Очень серьезное; мормоны, говорят, не на шутку всполошились. Они вооружаются, входят в соглашения с краснокожими и даже, как говорят, помышляют о том, чтобы собрать войско из всех негодяев, которые со дня открытия золотых россыпей слетались сюда со всех сторон, как коршуны. Мормоны всюду разослали эмиссаров: и в Сан-Франциско, и в Сонору, и во все области Мексики по берегам Колорадо.

В это время Темное Сердце поднял голову и, крутя в пальцах папироску, сказал:

— Кстати, Ляфрамбуаз, не можете ли вы мне сообщить какие-нибудь сведения об одном разбойнике, который до моего отъезда из Нью-Йорка был настоящим бичом переселенцев, проезжающих через прерии, и золотоискателей, на которых он нападал даже на приисках.

— Погодите, — сказал хозяин, ударив по столу кулаком, — вы спрашивали о том предводителе шайки, которого зовут то Майор, то Бизохо?

— Именно. Жив он еще или его наказали по закону Линча?

— Он совершенно здоров и более прежнего наводит на всех страх. Он, должно быть, тут где-нибудь, по близости рыщет, потому что я его видел не далее как вчера. Он заходил сюда с некоторыми из своей шайки пообедать.

— Как же это вы к себе пустили подобного изверга?

— А что прикажете делать? Ведь я один, а он силен.

— И как это до сих пор не нашелся ни один человек между золотоискателями — ведь между ними немало храбрых и отважных людей, — который попытался бы избавить всех от этого чудовища?

— Ну, вот подите! Этот дьявол пользуется таким страшным влиянием на всех, он внушает к себе такой неодолимый страх, что никто не решается вступить с ним в бой. Охотники и золотоискатели уверяют, что он неуязвим, что у него есть заговор против пуль и холодного оружия, который будет действовать до тех пор, пока не наступит срок договора, который он заключил с нечистой силой.

— Это он сам про себя подобные рассказы распускает?

— Гм! Кто знает? Как бы силен он ни был, а все же не сильнее четырех человек. А я сам, своими глазами

видел, как он дрался один против восьмерых и всех их уложил, а сам остался цел и невредим.

— Стало быть, — сказал, рассмеявшись, Железная Рука, — этот разбойник сам сатана в образе человека.

— Враг силен. И здесь, в пустыне, никто не может сказать, насколько простирается его власть.

— Однако будь он, кто хочет, хоть сам черт, но если этот человек мне попадется на дороге, то, клянусь, я узнаю, в какой цвет окрашена его кровь! — сказал Темное Сердце.

В эту минуту две собаки, присутствие которых оставалось до сих пор незамеченным, напомнили о себе глухим рычанием.

Они вылезли из-за стойки, где, очевидно, лежали, и, подойдя к входной двери, стали обнюхивать порог.

Эти собаки своим видом внушали страх и представляли помесь ньюфаундлендской собаки и красного волка.

Хозяин обожал своих собак и не согласился бы их продать даже за тысячу долларов.

— Ну, собаки, что там случилось? — окликнул он их.

Обе собаки замахали хвостами, еще порычали, глядя на дверь, и, наконец, легли у ног хозяина, не спуская, однако, глаз с дверей.

— Собаки что-то чувствуют, — сказал хозяин, — для волков они бы не побеспокоились. Кто-то тут рыщет...

В эту минуту обе собаки бросились к дверям и неистово залаяли.

— Цыц! Молчать! — крикнул на них хозяин гостиницы.

Собаки повиновались и пошли на свое место за стойкой.

— Тут что-то неладно, — проворчал хозяин.

Все трое стали внимательно прислушиваться. Прошло несколько минут. Тишина была полная.

— Надо посмотреть! — сказал решительно Темное Сердце и отпер двери.

Великолепное зрелище предстало очарованным взорам наших авантюристов.

Мерцающий свет был разлит по всему небосклону и придавал фантастический колорит резким теням исполинских деревьев, ветви и стволы которых были покры-

ты вьющимися растениями, разлетающимися по ветру подобно длинным космам невидимого лесного духа.

Это было северное сияние — явление обычное в той стране.

Было так светло, что двум охотникам и дядюшке Ляфрамбуазу легко было убедиться, что вокруг жилища никого не было.

Они уже хотели войти в дом и запереть двери, как вдруг отдаленное ржание лошади пронеслось в воздухе и заставило их вздрогнуть. В ту же минуту они расслышали далекий гул, похожий на раскаты грома.

— Это конский топот, — сказал Темное Сердце, — скорее войдем в дом и запрем дверь.

Заперев дверь на все засовы и запоры, трое друзей посоветовались между собой и решили не отпирать дверей гостиницы, так как надо было полагать, что это приближался отряд разбойников, рыскающих в прериях. Хозяин же гостиницы был того мнения, что это был Майор со своей шайкой.

— Нсдаром он тут вчера шлялся, — прибавил он.

— Если так, — сказал Желсзная Рука, — то спрячьте лампы, заставьте собак молчать, и подождем. Топот теперь ясно слышен, через несколько минут они уже будут здесь.

Лампы убрали в шкаф, и каждый стал тщательно осматривать свое ружье. В эту минуту подъезжавшие на полном скаку неизвестные люди остановились на полвыстрела от гостиницы. Слышно было, как некоторые из них спешились и стали переговариваться на испанском языке.

Они говорили громко, по-видимому, нисколько не опасаясь, что их услышат.

Хозяин тихо подошел к Темному Сердцу.

— Я узнаю голос Майора, — сказал он дрожащим голосом.

— Ага! — проговорил охотник с каким-то странным выражением. — Наконец-то, я увижу этого человека!

ГЛАВА II

Пришельцы, по-видимому, совещаясь. Лошади фыркали и били нетерпеливо копытами о замёрзшую землю; из лесу доносились визжания и вой волков. В гостинице царила мертвая тишина.

— К чему это так долго толковать, кабальеро? — раздался вдруг сильный и твердый голос. — На пятьдесят миль кругом нам не найти лучшего помещения для задуманного нами дела.

— Тем более, — сказал другой насмешливый голос, — что по крайней мере там и напиться вволю можно.

— Хозяин теперь спит и ни за что не отопрет дверей в такой поздний час, — заметил кто-то.

— Ну сам не отопрет, так мы сумеем войти без его позволения.

— Однако смотрите, не врывайтесь к нему насильно. Ведь он купил у нас право свободной торговли, и мы не должны нарушать данного слова.

— Но ведь мы настоящие кабальеры и за все то, что у него возьмем, коли разобьем, щедро заплатим, начиная с его собственной толстой башки. Нечего раздумывать, войдем без дальнейших рассуждений.

Послышались приближавшиеся шаги, и тот же твердый и решительный голос произнес:

— Стучи крепче, стучи ружейным прикладом! У них, может быть, очень крепкий сон...

— Это голос Майора! — шепнул хозяин на ухо охотнику.

Последний ответил ему после нескольких минут размышления.

— Знаете что, лучше впустить их; хуже будет, если они ворвутся силой.

Хозяин едва удержал крик удивления.

— Да, да! Так будет лучше, мы за все отвечаем, — прибавил Железная Рука, который только что обменялся несколькими словами со своим товарищем.

Хозяин, скрепя сердце, вынул опять из шкафа зажженные лампы, и все трое уселись за стол, как бы продолжая начатую трапезу.

В ту же минуту раздался сильный стук в дверь.

Собаки бросились к двери с неистовым лаем.

— Цыц! Молчать! На место! Боном! Сахура! На место! — крикнул громко хозяин.

Стук в дверь не прекращался.

— Эй! Кто там стучит? — крикнул Ляфрамбуаз.

— Отпирай скорее, *mil demonios!* Или мы всю твою конуру мигом разнесем, — ответил чей-то резкий голос.

— Извольте-ка отойти от дверей подальше. Вы знаете пословицу: «Бережного Бог бережет».

— Ладно, мы согласны исполнить твоё желание, только отпирай скорее, а то...

— Ну! Без угроз, а то ни дверей, ни окон не отопру!

Послышались шаги нескольких удалявшихся людей.

— Отопрешь ты теперь? — спросил Майор.

Хозяин не ответил, он потихоньку отпирал болты одного окна. Оба охотника с ружьями наготове стояли по обеим сторонам окна, собаки стояли возле хозяина, наострив уши.

— Вот! — крикнул Ляфрамбуаз, распахнув вдруг окно.

В ту же минуту четыре рослых человека, которые притаились у стены, вскочили в открытое окно так стремительно, что чуть самого хозяина с ног не сшибли.

— Пиль! Пиль! — крикнул он.

В течение нескольких секунд только слышны были ругательства, крики боли, рычание собак и шум борьбы.

— Ну! Теперь готово, они более не опасны! — крикнул хозяин гостиницы и продолжал стоять у открытого окна, целясь из ружья в Майора, который оставался на дворе. — Сказать правду, вы поступили, как изменник и злодей, Майор! И я не знаю, отчего я вам до сих пор еще не всадил пулю в лоб!

— Не делай этого, Ляфрамбуаз, — возразил, смеясь, Майор, — те упрямцы меня не послушались. Что, они умерли?

— Нет, двое из них почти загрызены собаками, больше ничего.

— Хорошо. Даю тебе мое слово кабальеро — и ты знаешь, что я его всегда держу! — что ты, во-первых, за каждого из них получишь по 1000 долларов, во-вторых, что мы у тебя ничего не поломаем, и, наконец, что сполна заплатим за все, что у тебя будет выпито и съедено. Отпирай же скорее дверь!

— Могу я надеяться на ваше слово?

— Ведь ты сам знаешь, что мое слово крепко! Только убери твоих сыновей и твоих посетителей; мы хотим быть тут одни и полными хозяевами в этой зале на все время, которое тут пробудем.

— Я уже отослал сыновей и посетителей, исключая этих двух охотников, которые хотят оставаться со мною. Мои собаки тоже со мною никогда не расстаются. Я доверяюсь вам. Я отопру двери, только с условием: что эти два путешественника тут останутся и что вы будете себя вести, как настоящие кабальеро.

— Да будь же покоен, дурак, не морозь нас на дворе. Оставь при себе своих друзей, их не тронут — даю тебе слово.

Успокоенный Ляфрамбуаз решился, наконец, отворить двери.

Странная вещь! Этот Майор, этот мрачный изверг, для которого ничего не было святого, имел своего рода честь: он никогда не изменял раз данному честному слову.

Из всех человеческих чувств, которые одно за другим исчезли во время его бурной жизни, уцелело только одно — уважение к данному слову, уважение, которое он преувеличивал и доводил до последней крайности.

Оно и понятно, одно только это чувство еще связывало его с тем обществом, которое его справедливо от себя отвергло: он возвел это чувство в добродетель и щеголял им в глазах окружающих его.

Ляфрамбуазу это было известно, поэтому, спрятав быстро все огнестрельное оружие, развешенное по стенам, он стал спокойно снимать тяжелые засовы, отодви-

гать задвижки и поворачивать ключ в громадном замке входной двери.

— Войдите, — сказал он, отпирая широко двери.

Майор вошел в залу в сопровождении пятнадцати человек, из которых большинство были мексиканцы. Остальные двадцать, расположились на дворе вокруг костра, который они уже успели разложить, и стали заниматься приготовлением ужина и раздачей корма лошадям.

Все эти люди имели свирепый и отталкивающий вид, все они были вооружены с головы до ног и одеты в одежды, которые когда-то были великолепны, но теперь представляли только отвратительные рубища, на которых пятна перемежались с дырами.

— Эй! — сказал Майор, обращаясь к хозяину гостиницы, который подкладывал дрова в камин. — Ты меня опасешься, кум? У тебя вчера тут висело чстыре ружья, куда ты их девал?

— Ах! Это вас беспокоит? — ответил тот, слегка пожимая плечами. — Я вам еще не сказал, что мои чetyре сына вернулись домой? Когда я им вселел уйти, то они взяли с собой ружья. Хотите, чтобы я их позвал? — прибавил он с необыкновенно наглым спокойствием.

— Нет, — сказал Майор, садясь к столу и оглядывая внимательно комнату.

Четыре его товарища, связанные по рукам и по ногам, лежали на другом столе, возле них сидели оба охотника, которые продолжали пить, не обращая, по-видимому, никакого внимания на то, что вокруг происходило. Остальные члены шайки занимали места у нескольких столов и жадно пили вино, поданное трактирщиком.

Эта картина, достойная кисти Рембрандта или Сальватора Розы, была самым фантастическим образом освещена с одной стороны лампами, а с другой — пламенем камина.

В окно виднелся костер с окружавшими его людьми, наполовину окутанными туманом, который расстилался по долине.

Осмотрев недоверчиво двух охотников, Майор подозвал к себе трактирщика.

— Кто эти люди? — спросил он его вполголоса. — Как их зовут?

— Это два охотника, весьма известные в прериях; тот, который сидит поближе, зовется Темное Сердце, а другой Железная Рука.

— Ага! — сказал Майор, бросая на них любопытный взгляд. — Это те два знаменитых охотника, о которых я так много слышал? Я рад, что с ними встретился, вероятно, придется поближе с ними познакомиться, — прибавил он сквозь зубы. — На, возьми этот кошелек, это обещанный выкуп, отпусти моих четырех товарищей.

— Сейчас, Майор, — ответил Ляфрамбуаз, кладя деньги в карман.

Майор подозвал к себе знаком высокого человека с мрачным выражением лица, который, прислонясь к камину, курил и молча смотрел на горевшие дрова.

— Что с тобой? — спросил его Майор на языке, неизвестном остальным разбойникам. — Что с тобой, мой бедный Фелиц? Ведь уже два дня, как я тебя не узнаю — ты темнеешь ночи, не болен ли ты?

— Да, я болен телом и душой. Я нахожусь под гнетом ужасного предчувствия. Я сам себя не узнаю: если бы я был суеверен, то, черт меня побери, я бы стал думать, что со мною должно случиться ужасное несчастье, — ответил он на том же языке.

— Полно! Фелиц, друг мой, разве такие люди, как мы, могут вдаваться в подобные ребячества? Ведь это хорошо для старух и малолетних, мы же признаем только одного Бога, самого могучего и сильного, это — золото! Ободришься, стань опять человеком; богатство в наших руках, да какое еще богатство: несчетное число миллионов! Неужели мы их выпустим добровольно из рук, Фелиц?

— Майор, вот уже три раза вы меня называете тем именем, которое я здесь не желаю носить. Называйте меня Калаверас, прошу вас об этом. Кто знает, лишняя предосторожность никогда не мешает.

— Какой ты стал трус! Ты похож сегодня на мокрую курицу. Ну, довольно болтать вздор, поди, вели привести наших пленных.

Калаверас встал и молча вышел из залы.

— Ну, этот малый, кажется не из надежных, — проворчал Майор, глядя ему вслед, — надо будет с ним разделиться.

Майор сделал непростительную ошибку, разговорившись громко со своим приятелем на незнакомом, как он

думал, языке: двое из присутствовавших, именно оба охотника, отлично слышали и поняли весь разговор.

Однако Калаверас исполнил данное ему приказание; пять или шесть новых разбойников вошли в залу, волоча за собою четырех человек, крепко связанных веревками.

Эти четверо несчастных были индейцы, целое семейство. Муж, жена, дочка лет тринадцати и молодой человек восемнадцати лет.

Мужчина был лет сорока пяти или пятидесяти. Это был человек высокого роста с гордым и величественным видом и с огненным взглядом. От всей его фигуры веяло каким-то спокойным величием и сознанием собственного достоинства. Это был не простой вождь или начальник, но верховный вождь — Сагамор.

Хотя его лицо под влиянием солнца было темного цвета, но остальные части его тела, которые были предохранены одеждой от влияния стихий, имели оттенок, присущий испанцам южных провинций. Эта же особенность замечалась и у остальных членов семьи. Хотя женщине было уже за тридцать лет, тем не менее она была еще замечательно хороша и лицо ее выражало необыкновенную кротость. Девочка была во всех отношениях прелестна, красива и грациозна в высшей степени. Молодой человек напоминал во всем отца и несмотря на молодость имел тоже величественное и спокойное выражение красивых черт лица. Все они не носили одежды краснокожих, но, наоборот, были одеты в богатый и живописный костюм мексиканских ранчеросов. При появлении пленных оба охотника лениво встали и подошли поближе к группе разбойников, которые столпились около Майора и пленных. Наступила минута молчания, которую Майор прервал, обращаясь к пленникам на языке команчей:

— Ну что, решились вы наконец мне отвечать?

— Да, — ответил отец по-испански, — если вы будете со мною говорить на испанском языке, которым вы не хуже меня владеете и который здесь всем знаком.

— Вы индеец и я с вами говорю на вашем наречии, — ответил презрительно Майор.

— Нет, хотя я индеец, но мой природный язык испанский. Я — царского происхождения, мои предки властвовали над Мексикой, я потомок древних инков! После завоевания Мексики Фернандом Кортесом мои предки

приняли христианство, признали испанское владычество и подчинились всем обычаям европейцев. Я сам состою алькад-майором Тубакского президентства. Вы все это отлично сами знаете, хотя почему-то притворяетесь игнорирующим мое общественное положение. Берситесь, я, может быть, не так беззащитен, как вы думаете!

В эту минуту оба охотника раздвинули разбойников, за которыми стояли, и стали решительно между Майором и его пленниками, хозяин гостиницы стал с ними рядом.

Не давая Майору времени ответить, Темное Сердце почтительно склонился перед индейцем и сказал ему:

— Я вижу, что я кстати догадался сюда прийти вас ждать с моими товарищами, сеньор Кристобаль Мицлиде Карденас. Я только на час опоздал на наше свидание у Пасо-дель-Лобо;* но благодаря Богу, я вас здесь опередил и надеюсь, что все устроится полюбовно.

Услыхав эти слова, Майор несмотря на свою обычную наглость, видимо, смутился; однако он овладел собой и крикнул:

— Что вы! Насмехаться, что ли, надо мною тут вздумали? Взгляните вокруг себя. Прежде, чем вы успеете сделать движение, я вас убью, как собак!

И он выхватил револьвер из-за пояса.

— Калаверас! — крикнул он опять на том же незнакомом языке. — Схвати этого мерзавца.

— Подождите минуточку, — сказал охотник, насмешливо употребляя то же неизвестное наречие, — не торопитесь, господин Фелиц Оианди!

И с быстротою молнии схватил Майора, несмотря на большую силу разбойника, поднял его в воздух и с такой мощью бросил об пол, что тот лишился чувств.

Со своей стороны, Железная Рука сделал то же с Калаверасом, заметив при этом с насмешкой:

— Примите это от меня.

Если бы гром разразился над головами этих двух злодеев, они бы менее испугались, чем, услышав вдруг звуки языка басков, который считали неизвестным в прериях. Поэтому-то охотники так легко с ними справились — те защищались как-то вяло и бессознательно. В одну секунду они были обезоружены и их оружие было передано освобожденным пленникам.

* Волчья тропинка.

Таким образом, мгновенно оказались перед изумленными разбойниками пять человек, вооруженных и готовых за себя постоять.

Все, что мы рассказали, произошло так быстро, что мексиканцы, испуганные поражением своего предводителя, стояли, как одуревшие, ничего не предпринимая.

Храбрость мексиканских метисов доходит иногда до иступления в рукопашном бою, но они испытывают бессознательный страх перед огнестрельным оружием, они боятся выстрела и раны от пули более всего на свете.

Их было тридцать человек, вооруженных с ног до головы, а перед ними стояли только пять. Но пять человек неустрашимых, направивших на них револьверы и готовых выпустить в общей сложности до шестидесяти зарядов, и — они боялись! Надо сказать, в их оправдании, что они лишились своих главарей, и, кроме того, могли думать, что сыновья хозяина и товарищи охотников спрятаны в гостинице.

Темное Сердце хорошо знал нравы этих людей, поэтому, не дав им времени опомниться, он подошел и крикнул громовым голосом:

— Долой оружие, господа! Не на вашей стороне сила, не дожидайтесь, пока мы вам представим документы.

— Если мы сдадимся, то позвольте ли нам уйти, куда захотим? — спросил один разбойник от имени всех.

— Да, потому что вы здесь еще не успели никого убить и ничего не украли. Вам оставят ваших лошадей, сбрую, реаты*, лассо и мешки с припасами, ваши ножи тоже останутся при вас, но все остальное вооружение, как-то: ружья, винтовки, пистолеты, револьверы, пики, все должно быть здесь оставлено. Вам дается пять минут на размышление.

— Пять минут совсем не нужны, — сказал тот же разбойник и бросил свое оружие. Все остальные последовали его примеру, и, десять минут спустя, конский топот возвестил об отъезде всей шайки.

Мексиканцы уехали, даже не вспомнив о своих двух предводителях, которые, связанные, оставались во власти охотников.

Темное Сердце подошел к Майору, который пришел в себя в то время как его товарищи постыдно удалялись.

* Ремни, которыми спутывают лошадей.

— Кабальеро, — сказал он ему, — через час вы будете свободны; но я вас знаю — вы захотите мстить, поэтому я вперед постараюсь сделать вас безопасными.

— Убейте меня, я в вашей власти, — ответил разбойник, стискивая зубы.

— Нет, — ответил Темное Сердце, — я наказываю, но не мщу. Наказание, к которому я вас приговорил, ужаснее смерти, но вам при нем остается незначительный луч надежды. Я вас предоставлю высшему правосудию. Вас отведут в пустыню с завязанными глазами, для того, чтобы вы не могли запомнить дороги. Там вы будете предоставлены самому себе, без оружия, без пищи и без кремня и огнива. Если Богу, в Его неисповедимой Прсмудрости, заблагорассудится вас еще оставить на земле, то Он вас спасет.

— Вы беспощадны, — сказал злодей, скрежеща зубами, — но если я спасусь, то берсгитесь!

По данному приказанию, Майору закутали голову в одеяло, очистили тщательно все карманы, и, привязав его крепко к седлу лошади, Желсзная Рука увез его в пустыню.

Алькад-майор удалился с своим семейством в смежную комнату, они все изнемогали от перенесенных мук, когда были во власти Майора; в зале остались только Темное Сердце и связанный Калаверас.

— Что же, вы долго намерены меня дсржать связанного, как барана? — спросил Калаверас вызывающим тоном.

— А вы разве человек? — удивился охотник. — Нет, вы чудовище, вы во сто раз хуже самого Майора. Он по крайней мере отъявленный разбойник и не надевает на себя никакой иной личины; а вы, принадлежа к французской армии, занимая почетную должность в главном интендантстве, во зло употребили святые правила гостеприимства и выдали с головой ваших гостей разбойнику; вместе с ним подвергали их пыткам, с целью присвоить себе их богатство, и затем намеревались лишить их жизни. Я вас передам в руки начальников этой армии, которую вы обесславили; они решат вашу участь.

— Кто же вы такой? — вскричал Калаверас с испугом. — Как можете вы знать, кто я?

— Вы когда-нибудь это узнаете... А теперь, Фелиц Оианди, да будет вам известно, что я вас знаю и что вы от меня пощады ждать не можете.

И, оставив его лежать на полу крепко связанным, охотник уселся за столом и, отвернувшись в сторону, опустил голову на грудь и углубился в размышления.

Калаверас, или Фелиц Оианди, лежал неподвижно — уснул ли он, или только притворился спящим? Никто бы не мог этого сказать.

ГЛАВА III

Лампы давно уже погасли, огонь в камине тоже потухал и изредка только искры пробегали по почерневшим угольям. Сквозь щели ставней едва пробивался голубой свет холодной зари.

В гостинице и в окрестностях царствовала мертвая тишина. Вдруг ужасающий крик раздался посреди этой тишины, затем последовали глухие стоны, едва напоминавшие человеческий голос.

Темное Сердце — он было уснул — вскочил, держа в каждой руке по револьверу. В эту минуту в дверях показались Ляфрамбуаз с зажженной лампой и дон Кристобаль де Карденас с сыном, оба вооруженные.

Посреди комнаты стоял Калаверас; всревки, опутывавшие его, были перерезаны, и он с отчаянием боролся против Бонома и Сахуры, двух собак трактирщика. На окрики хозяина собаки нехотя оставили свою жертву, которая упала на землю, обливаясь кровью.

Вот, что произошло.

Калаверас, заметив, что карауливший его охотник наконец уснул, задумал избавиться от связывавших его веревок и бежать. Собаки лежали смирно за конторкой, и он не знал об их присутствии.

В углу комнаты было свалено все оружие, отобранное у разбойников. Туда-то он и стал понемногу подвигаться, медленно, извиваясь всем телом, как змея. Боясь привлечь внимание Темного Сердца, он избегал малейшего шороха, который бы потревожил спящего.

Целый час ушел у него на эту работу, наконец он дополз до цели. Тут он немного отдохнул; он был буквально обмотан с головы до ног веревками, так что каждое движение стоило невероятных усилий. Теперь ему нужно было достать какой-нибудь режущий предмет: поверх всего лежал широкий нож Майора, называемый мексиканцами мачете, который они носят без ножен, продетым в железное кольцо на поясе. Во время его тайной работы, собаки не спускали с него глаз; умные животные вышли тихо из-за стойки и стояли наготове, чтобы броситься на него при первом неверном движении; но, из-за царившей в комнате темноты, он по-прежнему не замечал их присутствия.

Когда, спустя час, Фелицу удалось перерезать веревки, связывавшие руки, то ему уже легко было освободиться от остальных пут; но обращение крови было так сильно задержано перетягивавшими его веревками, что он должен был еще пролежать с четверть часа без движения. В это время, держа в руках спасительный мачете, которым он перерезал веревки, он предвкушал сладость мщения; благодаря по временам вспыхивавшим искрам в камине он мог приблизительно видеть спавшего охотника и намстить место, в которое он хотел его поразить.

Если бы Фелиц Оианди не вздумал мстить, а просто вышел тихо из комнаты, то верные сторожа по всей вероятности не стали бы ему в этом препятствовать, но Фелиц, встав на ноги, держа наотмашь мачете в правой руке, направился прямо к камину, около которого сидел охотник.

Послышалось глухое рычание.

Убийца остановился в нерешительности и бросил вокруг себя встревоженный взгляд.

Но опять воцарилась глубокая тишина.

Злодей постарался овладеть собой, и хотя суеверный страх заставлял его дрожать, как лист, он старался уверить себя, что слышанное им рычание было просто храп спавшего охотника, и, собравшись с силами, ринулся вперед, чтобы поразить мачете своего врага.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное, что могло испугать самого неустрашимого человека в мире. Глухое рычание, уже раз слышанное им, повторилось, но гораздо сильнее, и две темные тени бросились на него, свалили с ног и стали рвать на части. Нож

выпал у него из рук при этом внезапном нападении, и, чувствуя себя совершенно во власти неизвестных чудовищ, он испустил тот крик отчаяния, который разбудил всю гостиницу.

Помощь подоспела вовремя — еще несколько минут, и разбойник превратился бы в обезображенный и растерзанный труп.

Теперь он лежал весь в крови и без малейших признаков жизни. Хозяин гостиницы подошел к нему и тщательно осмотрел.

— Он страшно искусан, — сказал он, — но раны не представляют серьезной опасности, надо полагать, он останется жив.

Охотник, которого также называли еще и доктором, в свою очередь осмотрел больного:

— Да, он даже довольно быстро поправится, только кисть левой руки страшно истерзана и кость предплечья в двух местах сломана. Поэтому нужно сделать операцию, отнять руку выше локтя, иначе начнется гангрена.

— Я надеюсь, что вы не станете с ним возиться? Пускай околевает, как собака! Ведь он получил эти увечья в то время, когда сделал попытку вас убить! — сказал молодой индеец.

— Из этого не следует, что я его оставляю умирать, не оказав ему помощи. Этот человек хотел меня убить, говорите вы — пусть будет так; а я его вылечу — каждый из нас будет мстить по-своему. Неужели вы не находите, что он довольно наказан?

— Нет! — ответил молодой человек. — Мы, индейцы, когда змея ужалила или только намсревается ужалить нас, стараемся размозжить ей голову; щадить своего противника значит поощрять его на новые злодеяния.

— Может быть, вы и правы; но время не терпит. Ляфрамбуаз и вы, молодой человек, положите этого несчастного на стол и держите его крепко, пока я буду оперировать. К счастью, он потерял сознание и мстить мне не будет.

Тем временем на дворе стало совершенно светло. Открыли ставни и развели огонь в камине.

В ту минуту, когда Темное Сердце уже хотел приступить к операции, послышался приближавшийся топот коня, и вскоре Железная Рука вошел в комнату.

— Ого! — сказал он. — Тут без меня опять что-то случилось!

— Да, он хотел убить меня, но, спасибо собакам, они за меня вступились.

— Вот так умницы! — вскричал вошедший, лаская собак. — Как бы только они не взбесились от того, что покусали эту гадину! Ну а ты, как водится, собираешься платить за зло добром, не правда ли?

— Ну, положим, добро будет несколько отрицательного свойства; я сделаю ему ампутацию руки.

— Какой руки, правой?

— Нет, левой.

— Жаль! Что бы тебе стоило, уж заодно, и правую отпилить?

— Как тебе не стыдно издеваться над умирающим!

— Ну, у меня запас жалости не настолько велик, чтобы тратить ее на подобного негодяя, который не останется в долгу, когда выздоровеет, и всадит тебе кинжал в сердце в благодарность за свое спасение.

Операция прошла, как нельзя лучше, затем, позавтракав вместе со всеми, алькад-майор Тубакского президентства стал собираться в путь со своим семейством. Охотники предложили проводить его до мексиканской границы, и предложение это было принято доном Кристобалем с большой благодарностью. В конюшне разбойники оставили пять лошадей, и потому все могли удобно разместиться; девочка села на одну лошадь с братом, и маленький отряд двинулся в путь, простившись с хозяином, который неохотно расстался с дорогими гостями.

— Однако вы забыли распорядиться на счет этого Калавераса, который остается у меня. Что прикажете с ним сделать, когда он поправится? — спросил Ляфрамбуаз удалявшегося Темное Сердце.

— Я намеревался отвезти его в Тубак или в Пасо-дель-Норте и передать в руки французских властей. Но теперь это было бы слишком жестоко. Он достаточно наказан. Оставьте его пока у себя, Ляфрамбуаз, а когда он встанет, отпустите на все четыре стороны.

И наши всадники пустились галопом по направлению к мексиканской границе.

ГЛАВА IV

Мы теперь оставим эту местность и перенесемся в страну апачей на берега Рио-Хила, этой «великолепной» реки, которая в течение девяти месяцев соперничает с знаменитым Манасаресом в том отношении, что сильно мелеет и во многих местах совершенно пересыхает.

Между Рио-Хила и Рио-Браво-дель-Норте расстилаются огромные степи, или прерии, покрытые травой, достигающей невероятной вышины, и пререзанные в некоторых местах тощими ручейками, по берегам которых встречаются маленькие рощицы. Прерии окаймлены девственными лесами, покрывающими склоны гор, вершины которых покрыты вечными снегами и сливаются с небом. Эти прерии составляют то, что обыкновенно называют индейской территорией; там обитают или, лучше сказать, кочуют дикие орды апачей, сиу, команчей, пауниев, пиеканнов, или кровавых индейцев, и много других менее известных племен. Эти племена, разделенные на бесчисленное множество колен, делят полюбовно между собой эту огромную территорию, на которой они охотятся большую часть года.

Их зимние жилища спрятаны в чаще девственных лесов, и запутанные тропинки, ведущие к ним, известны только членам племени или отдельных колен.

Исключая индейцев, краснокожих, о которых мы только что говорили, прерии посещаются охотниками из белых и метисами-трапперами, американскими купцами и разбойниками, принадлежащими ко всем национальностям и племенам земного шара.

Эти разбойники, не признающие никакого закона и еще более кровожадные, чем сами индейцы, известны в прериях под названием «хищников пустыни».

Из всего сказанного видно, что пустыня эта очень населена. Мы, разумеется, исключаем массу хищных зверей, которыми она наполнена. В Америке слову «пустыня» придают не тот смысл, который ему присвоен в Европе. Слово пустыня для американца означает пространство, на котором нет городов, но не жителей.

Поэтому многие из пустынь Нового Света очень и даже слишком населены.

Два месяца прошло после тех событий, которые мы описали в предыдущей главе. Было шесть часов утра. Солнце только что взошло и разом позолотило всю прерию, расстилающуюся от девственных лесов в несобьятную даль.

Величественный и глубокий покой царил в этой первобытной и могучей природе, которой рука человека еще не коснулась и которая поэтому во всей целостности сохранила свою живописную красоту.

Но, увы! Этот покой был только кажущимся, эта волшебная картина таила в своих недрах много ужасных и мрачных дел!

Там, как и везде, происходила страшная борьба за существование, постоянная и беспощадная борьба между хорошими и дурными инстинктами человека, отдававшегося во власть страстей.

Человек везде один и тот же, цивилизация только прикрывает его пороки покровом условных приличий, но ни душные стены городов, ни широкие пространства девственных лесов не в состоянии их ни умерить, ни скрыть.

Только в пустыне пороки показываются неприкрашенными, как в городах, где лицемерие, которым они прикрываются, делает их еще гнуснее.

Вдруг на берегу Рио-Хила показалась группа всадников, по-видимому искавших брод. Их было много, и пикеты, которыми они были вооружены, блестели на солнце. Они вскоре нашли брод и, построившись в узкую колонну, по два всадника в ряд, перешли реку и вошли в саванну, где вскоре исчезли в высокой траве.

Эти всадники были, очевидно, путешественники, переезжавшие через прерии, а не охотники, потому что

они вели с собой несколько навьюченных мулов, и затем, вместо того чтобы ехать к центру страны апачей, они направлялись прямо к Аризоне, бывшему мексиканскому округу, перешедшему во владение Соединенных Штатов, но сохранившему свою испанскую физиономию.

Всех путешественников было шестнадцать: три воина племени команчи, одетых в полудубленные шкуры и с разрисованными лицами; шесть охотников канадцев в их живописных индейских и полугерманских костюмах; четыре пеона и мексиканских арриера и, наконец, трое, в которых с первого взгляда легко было узнать представителей высшего цивилизованного общества и присутствие которых среди этой пустыни трудно было объяснить.

Между этими тремя находились две дамы, одна из которых вполне оправдывала это название, ей казалось не более двадцати шести лет, хотя в сущности ей было гораздо больше.

Она была высокого роста, стройная, с величественными светло-русыми волосами, ее черные глаза выражали застенчивую скорбь.

На ней был полумужской-полуженский костюм, напоминавший амазонку времен лиги во Франции, на кожаном поясе висели кинжал и два крошечных револьвера в чехлах, широкополая мексиканская шляпа защищала голову от палящих лучей солнца.

Возле нее ехала камеристка почти одних с нею лет и в таком же костюме, только без оружия. Юноша мальчик четырнадцати лет, хотя на вид ему казалось семнадцать, сходил по правую сторону дамы. Выражение его красивого лица и смелость взгляда обнаруживали раннее духовное развитие.

Он очень походил на мать, которая его обожала и к которой он чувствовал беспредельную любовь.

Весь отряд, под предводительством воинов команчей, продолжал свой путь до одиннадцати часов утра; но тут уж солнце стало так немилосердно жечь всадников, что они решили отыскать место для стоянки.

Вскоре такое место было найдено на берегу ручейка, и пеоны* поспешили разбить палатку для путешественников; охотники же расположились в некотором отдалении от палатки вокруг устроенного ими костра и стали

* Пеон — по-испански значит поденщик-пехотинец.

готовить себе второй завтрак. Что касается краснокожих, то они просто спутали лошадей и, разостлав на земле сиранс*, высыпали перед ними запас кукурузы и гороха. Затем, вынув из мешка, с которым ни один индеец никогда не расстаётся, свою скудную провизию, стали молча есть.

Охотники поставили часового на маленькую возвышенность и тоже мирно уселись за общую трапезу.

В некоторых частях Мексики, а также в Апатчрии и на всем протяжении индейской территории, жара достигает такой силы, что с одиннадцати утра до трех часов пополудни нельзя оставаться под палящими лучами солнца без явной опасности получить солнечный удар. Мексиканцы в городах запирают окна и двери в течение этих пяти часов, прекращают всякую торговлю, удаляются внутрь своих домов и предаются сиесте, то есть послесобеденному отдыху.

Вскоре все члены маленького отряда уже спали, исключая часового, который, лежа под кустом на возвышенности, чутко прислушивался к малейшему шороху.

В палатке молодая дама тоже заснула, и мальчик, по-видимому, последовал ее примеру; но как только спокойное дыхание матери убедило его в том, что она спит, он тихонько поднялся, перекинул через плечо карабин и, стараясь не шуметь, осторожно вышел из палатки.

Следуя за ним по пятам, шел большой великолепный пес, шерсть которого спадала вниз мягкими шелковистыми волнами, он был белого цвета с черными и рыжими пятнами. Эта умная собака, помесь сенбернарской породы с пиренейской, была необыкновенно привязана к своему молодому хозяину и всюду следовала за ним, как тень.

Молодой человек быстро прошел поляну и подошел к кусту, за которым скрывался часовой. Тот при виде его поднялся на ноги.

— Ну, — сказал охотник, смеясь, — что же это вы, господин Арман, не спите?

— Нет, Шарбон, слишком жарко, — ответил юноша.

— Да, нечего сказать, изрядно-таки печет! Я думаю, что там, за морем, в старой Франции, вы такой жары никогда не видали?

* Большое одеяло, служащее плащом.

— Как вам сказать, друг мой: ведь мне было только четыре года, когда мама меня увезла в Америку, следовательно, я почти ничего не помню.

— Это правда, господин Арман. Куда же это вы теперь идете?

— Иду немножко прогуляться, если попадется какая-нибудь дичь, то постреляю.

— Желаю вам счастливой охоты — только, пожалуйста, будьте осторожны: тут всякой дичи много, попадает и опасная...

— Что же может случиться, ведь Дардар идет со мной.

— Правда, — сказал канадец, глядя собаку, — это верный спутник. На него положиться можно. До свидания, господин Арман!

Молодой человек вскоре исчез с собакой в тени деревьев.

Графиня де Валенфлер только несколько лет тому назад поселилась в Америке, и со дня своего приезда вела скромную и уединенную жизнь сперва в Нью-Йорке, а потом в Канаде, где она приобрела великолепное поместье в окрестностях Трех рек.

О ней было очень мало известно, она почти нигде не бывала и никого не принимала. Говорили о ней, что она рано овдовела и посвятила себя воспитанию горячо любимого сына; с ней приехали из Европы только двое слуг: ее камеристка Клара и родственник последней, человек тридцати двух лет, испытанной храбрости, бывший зуав, который исполнял у нее должность управляющего домом и к которому она имела неограниченное доверие, звали его Жером Дерие.

Три месяца тому назад, госпожа де Валенфлер получила письмо из Франции, вследствие которого она немедленно стала собираться в путь.

Она пригласила охотников канадцев, наняла псонов и отправилась из Канады в Мексику, никому не открыв причину своей неожиданной поездки.

Доехав до индейской территории, она взяла, в качестве проводников трех воинов команчей, лично известных Шарбону, главному канадскому охотнику.

За два дня перед нашей встречей с графиней, она рассталась с Жеромом, который уехал вперед с одним из команчей, для исполнения какого-то весьма важного поручения, известного только ему и графине.

Вот все, что мы пока можем сообщить о таинственной путешественнице, сын которой теперь бродит в чаще деревьев со своим верным псом Дардаром.

Юноша уже прошел около мили, ни разу не разрядив ружья; вся дичь, укрываясь от палящих лучей солнца, забила в чащу и дремала, только мириады moskitov и комаров роились в каждом луче солнца, которому удавалось пробить густую листву огромных деревьев. Арман уже собирался повернуть назад, когда Дардар, который шел впереди его, вдруг остановился и, подняв голову, стал с силой вдыхать в себя воздух и, взглянув на своего молодого хозяина, слегка завыл.

— Что такое, мой хороший? — спросил его юноша, взводя курок ружья. — Ты чувствуешь зверя, что ли?

Собака не двигалась с места, но слегка махала хвостом.

Молодой человек спустил осторожно курок и, забросив за спину ружье, продолжал успокоенным тоном:

— Желал бы я знать, какого друга Дардар мог тут отыскать. Ну, ступай вперед, я за тобой иду.

Верный пес понял слова, обращенные к нему, и тихо пошел вперед, продолжая радостно махать хвостом, дойдя до большого куста, он опять остановился и посмотрел на юношу, явно приглашая его идти вперед. Молодой человек раздвинул ветви, нагнулся вперед и остановился в изумлении.

У подножия скалы под тенью огромного магочани*, лежала девочка лет девяти-десяти замечательной красоты, и спала безмятежным сном. Возле нее лежали остатки скромной трапезы, несколько фруктов и несколько сухарей в дорожной сумке, находившейся рядом. Великолепная лошадь маленького роста, оседланная по мексиканскому обычаю, стояла возле ребенка и, протянув над ним свою умную голову, как бы защищала его от опасностей, которые могли ему угрожать.

Арман не мог прийти в себя от удивления: он напрасно искал глазами какого-нибудь спутника, сопровождавшего эту девочку — нигде и никого не оказалось; она была одна-одинешенька в этой дикой пустыне.

Но каким образом она туда попала? Какую тайну или какое преступление скрывало ее присутствие в этом забытом углу индейской территории.

* Красное дерево.

Молодой человек больше раздвинул куст, чтобы по-дойти поближе к девочке, но при первом его движении вперед лошадь подняла голову и так резко заржала, что спавшая фея проснулась. Она протерла свои дивные голубые глазки и обратилась к лошадке с несколькими успокоительными словами.

Она говорила по-испански, и поэтому Арман, который в совершенстве владел этим языком, поспешил с ней заговорить и предложил ей выбраться вместе с ним из этого дикого места.

— Ах! — вскричала она, вскочив на ноги. — Вы друг! Наконец, я более не буду одна! Бог надо мною сжалился! Как я счастлива! Скажите, вы один здесь?

— Нет, со мною мать и друзья, они остановились недалеко отсюда — если хотите, пойдете к ним.

— Мать, у вас есть мать? А у меня нет мамы, я одна! — И бедная девочка разразилась громкими рыданиями.

Собака подошла к ней и стала ей лизать руки.

Она обняла стремительно собаку и закричала:

— Добрая, милая собака, я тебя люблю! Ты меня жалеешь.

Арману не стоило большого труда уговорить бедную девочку последовать за ним; она проворно собрала свои скудные припасы, уложила их в сумку, пристегнула ее к седлу, взнуздала сама свою лошадку Жагуариту, как она ее называла, и приказала ей пригнуться, что умное животное тотчас исполнило. Девочка вложила свою ножку в стремя, и легкая, как перышко, взлетела на ее спину, сев на мужское седло по-мексикански, то есть просто по-мужски.

— Как нам будет весело жить! — сказала она Арману, который с изумлением наблюдал эту сцену. — Мы не будем более расставаться, я буду вашей маленькой сестрой, а вы моим большим братом, хочешь?

— Конечно, хочу, милочка моя.

— Зовите меня Вандой, это мое имя, а вас как зовут?

— Арманом.

— Ну Арман, пойдете к вашей маме.

ГЛАВА V

Расстояние, отделявшее двух детей от места стоянки, было невелико, как мы уже сказали; поэтому, минут через двадцать они до него добрались. Все еще спали.

— Вот вы уже вернулись! — крикнул Арману Шарбон, вылезая из-под своего куста. — Но кого же это вы с собой привели?

— Вот результат моей охоты, — ответил юноша, смеясь.

— И где это вы нашли такого херувимчика, господин Арман?

— Под кустом. Она там спала под надзором своей лошадки.

— Бедная сиротка! Вы очень хорошо сделали, что взяли ее с собой.

Несколько охотников и оба компанча проснулись от топота лошадки маленькой всадницы и, окружив ее, восхищались ее красотой и удивлялись ее появлению в этой глуши.

В эту минуту полог палатки приподнялся и графиня де Валенфлер спросила с беспокойством:

— Что случилось? Уж не грозит ли нам какая-нибудь опасность?

Арман указал девочке на графиню:

— Вот моя мать, хочешь к ней подойти?

— О, да! — ответила девочка. — Она, кажется, такая добрая!

И Ванда побежала к графине, схватила ее ручонками за платье и воскликнула умоляющим голосом:

— Мама, мама, хочешь меня любить, я тебя тоже полюблю! — Графиня вздрогнула и даже побледнела от звука этого нежного голоса. Но мгновенно овладев собой, она обняла девочку и, прижав ее к себе, покрыла ее поцелуями.

— Ах, какой прелестный ребенок! — воскликнула она. — Откуда ты, милочка?

— Не знаю, — отвечала девочка, ласкаясь к ней. — Вот Арман меня нашел; я была одна с Жагуаритой, и он мне сказал, чтобы я пришла к тебе, что ты добрая и что ты будешь моей мамой. Вот я с ним пришла.

— Конечно, голубушка, я заменю тебе мать, если у тебя ее нет; однако нужно справиться, не может же быть, чтобы этот ребенок один пробрался в *Апачерию*. Если у нас нет родных, то, вероятно, ей кто-нибудь сопутствует и теперь о ней беспокоится.

— Оба компанча отправились на разведку, — сказал Шарбон.

— Они ничего не узнают, — ответил Арман, — бедная девочка действительно одна, все поиски будут напрасны.

— Да, я одна, — воскликнула девочка, плача и прижимаясь к графине, — не отсылай меня, мама! Я такая несчастная!

— Успокойся, дорогая моя, — сказала графиня, — я тебя не оставлю и если ты этого хочешь, то мы никогда с тобой не расстанемся.

Графиня увела бедную девочку в палатку, чтобы окончательно успокоить ее и добиться от нее каких-нибудь сведений о ее прежней жизни и о причинах появления в Апачерии. Она приказала немедленно себя известить о возвращении краснокожих разведчиков и скрылась в палатке вместе с Вандой и Кларой.

Но надежды графини не сбылись. Живая и восприимчивая девочка, под новым впечатлением, как бы совершенно забыла о прежней своей жизни.

В конце концов, однако, при помощи искусно поставленных вопросов графине удалось узнать следующее:

Ванда жила прежде с матерью в большом городе, окруженном горами. Дом, в котором они жили, был большой, с большим садом, в котором находился бас-

сейн, наполненный водой. Возле дома была площадь и на ней церковь Де-ля-Мерсед*, куда мать с дочерью ежедневно ходили к ранней обедне.

Отца ее звали дон Пабло, он с ними не жил, а изредка приезжал дня на три-четыре и затем исчезал на несколько месяцев. Он очень любил жену и дочь, и всегда привозил им дорогие подарки и мешки, наполненные золотом.

Мать звали донна Люс, она рассказывала дочери, что ее отец владеет золотыми приисками и сам заведует их разработкой.

Иногда дон Пабло приезжал ночью в сопровождении нескольких людей суровой и отталкивающей наружности, громкие крики и грубые возгласы которых очень пугали Ванду.

Но при малейшем изъятии недовольствия со стороны ее отца, эти люди немедленно умолкали и становились скромными и вежливыми.

Последнее посещение дона Пабло было гораздо продолжительнее всех предыдущих, он несколько раз собирался уезжать и все откладывал свой отъезд, точно не решаясь расстаться с своей семьей... Наконец он уехал, весело объявив, что уезжает в последний раз и что вскоре он вернется навсегда. Накопив достаточно золота, он решил отдохнуть.

Прошло шесть недель со дня отъезда дона Пабло, когда однажды ночью девочка была разбужена матерью. Красное зарево освещало их комнату. Дом их горел с такой силой, что нечего было думать о его спасении.

На дворе, в саду, вокруг дома толпа каких-то странных людей кричала, рвала и стреляла в окна.

Донна Люс схватила дочь в объятия и успела незамеченной выбежать из дома по тайному ходу в сад. Она добежала до калитки, которая находилась в отдаленном углу, калитка была отперта, тут же стояла оседланная лошадь.

Вокруг царила полная тишина...

Это место рассказа девочки было прервано Шарбоном, который сообщил графине, что команчи вернулись, совершенно напрасно изъездив прерию вдоль и поперек; они не напали на другой след и пришли к заключению,

* Милосердия.

что, действительно, девочка пришла одна в Апачерию. Затем он подал графине два великолепных револьвера, которые вынул из кобуры Вандиной лошадки, и дорожный чемоданчик, запертый на ключ.

Графиня велела позвать еще двух товарищей Шарбона и объяснила трем канадцам, что она желает при них открыть чемодан девочки, в надежде узнать, кто она, и затем сделать в их присутствии опись всего, что принадлежало ребенку.

Арман взял лист бумаги и перо, готовясь составить протокол этого маленького заседания.

Чемодан открыли ключом, который оказался у Ванды; в нем лежали детские и женские платья из тончайшей кисеи и батиста, *ребозо** из дорогих кружев и белая *китайского крена шаль*, вся расшитая золотом. Во всех этих нарядах были завернуты коробочки с драгоценными вещами: кольцами, браслетами, серьгами, ожерельями и великолепная нитка бриллиантов.

Все эти вещи представляли ценность по крайней мере в пятьдесят тысяч пиастров**. В числе этих коробочек была одна, в которой находился портрет на слоновой кости молодой женщины изумительной красоты. Ее сходство с Вандой было поразительное, под портретом стояла следующая подпись: «Люс. 1857».

Когда графиня показала портрет Ванде, то бедный ребенок покрыл его поцелуями и закричал, заливаясь слезами:

— Мама! Мама! Моя дорогая мама!

Сомнений не могло быть, это был портрет ее матери.

Портрет был украшен тремя рядами жемчуга; у девочки в ушах были два великолепных бриллианта; все доказывало, что она принадлежит к богатой семье; наконец, на дне чемодана в портфеле и в большом кошельке, было найдено золота и ценных бумаг на 150 000 долларов.

Стало быть, Ванда была богата, даже очень богата, но, к несчастью, нигде не нашли никаких указаний на судьбу ее семейства.

Все присутствовавшие подписали опись найденных вещей. Укладывая обратно ценные бумаги в бумажник,

* Род фаты.

** Пиастр — 1 р. 75 к.

графиня вдруг вздрогнула; на обороте одного векселя она прочитала следующую подпись: «Pablo Alacuesta». Стало быть, фамилия девочки была «Алакеста», так как она сама говорила, что ее отца звали дон Пабло.

Было уже четыре часа, пора было продолжать путь. Лошадей опять оседлали, навьючили, и маленький отряд тронулся в путь в том же порядке, как и утром, только Ванда на своей Жагуарите ехала между графиней и ее сыном.

Дорогой девочка окончила прерванный рассказ.

Донна Люс велела ей стать возле лошади и ждать, а сама бегом пустилась назад в дом. Она вскоре вернулась, неся с собой чемоданчик и пистолеты, которые она при-торочила к седлу, а затем, сев на лошадь и посадив перед собой Ванду, прижала ее к себе, сказав:

— Не кричи, не плачь, Ванда! Нас ищут, нас хотят убить!

Девочка задрожала и спросила:

— Куда это мы едем?

— К папе, — ответила донна Люс.

Они помчались во весь опор.

Несколько выстрелов раздалось им вслед, но ничто не остановило их бешеной скачки.

На рассвете они остановились в пустыне. Донна Люс была ранена в нескольких местах и хотя раны не были опасны, но она потеряла много крови.

Она кое-как перевязала раны и, дав лошади отдохнуть, продолжала путь. Мать с дочерью таким образом ехали несколько дней. Раны донны Люс зажили, но со дня на день она становилась слабее. Она часто плакала и прижимала к себе дочь с такими порывами страсти и отчаяния, что пугала бедную девочку.

Раз утром она не смогла встать. Силы совсем оставили ее, лицо сделалось точно восковое, она говорила очень тихо и с большим трудом.

— Дитя мое, — сказала она дрожащей и плачущей девочке, — я тебя оставляю тут одну в пустыне, покинутую всеми. Не бойся, доверься Жагуарите, она тебя довезет до поселения. Бог тебя не оставит, а я его на том свете буду так усердно молить, что он над тобой сжалится. Поцелуй меня... еще... еще... Да хранит тебя Бог!

Ребенок, обезумевший от горя, прижался к матери, покрывал поцелуями ее лицо и руки... Вдруг донна Люс

дико вскрикнула, с ней сделались судороги, затем она как бы успокоилась и, вытянувшись, осталась недвижима, открытые глаза были уже безжизненны... она умерла!

Несчастливая девочка выбилась из сил, стараясь ее разбудить. Наконец она поняла, что мама умерла, и лишилась чувств.

Когда она пришла в себя, она долго плакала и молилась возле окоченевшего тела своей бедной матери. Потом, не будучи в силах вырыть яму, она собрала листьев, веток, травы и покрыла тщательно тело умершей. Она весь день и всю ночь пробыла возле покойницы, молясь и плача; на другой день, повинаясь последней воле, выраженной матерью, она села на Жагуариту, и вот уже пятый день ехала одна по индейской территории, доверяясь инстинкту своей лошадки. Наконец, Богу угодно было привести к ней Армана и спасти ее от страшного одиночества.

ГЛАВА VI

По сведениям, переданным Вандой, трудно было отыскать ее отца. Кто был этот Пабло Алакеста? Графиня поняла, что всякие поиски отца Ванды были бы тщетны, и она решила оставить у себя ребенка как присланную Богом дочь. Девочка была чрезвычайно милой, умной и ласковой, и графиня привязалась к ней искренно.

Постепенно путешествие близилось к концу, по некоторым признакам уже чувствовалось, что до людей недалеко.

Было пять часов вечера, солнце бросало косые лучи на путешественников. Воздух стоял удушливый. Маленький караван продвигался медленно и с трудом по выгоревшей траве.

По временам слышались вдали какие-то зловещие раскаты и необъяснимый гул, которые возбуждали в путешественниках тревогу.

Оба воина команчи, всегда невозмутимые, на этот раз выказывали непривычное беспокойство. Несколько раз они припадали ухом к земле, тщательно прислушиваясь к этому непонятному гулу, и поднимались с озабоченным видом.

Наконец один из них дотронулся до плеча Шарбона и сообщил ему, что за ними гонятся враги и что следует ехать как можно скорее, чтобы укрыться от грозящей опасности. Шарбон пожелал узнать, какого рода опасность им грозит, но краснокожие со свойственной их племени сдержанностью ограничились тем, что указали на отдаленную возвышенность и сказали:

— Там безопасно, а здесь опасно. Ехать надо туда скоро, скоро.

Шарбон передал эти слова графине, и весь отряд пустился вскачь в указанном направлении. Лошади, мулы, будто тоже чуя опасность, старались изо всех сил, так что они вмиг достигли возвышенности. Едва они остановились, как по приказанию, данному краснокожими, все люди спешили, ухватились за топоры и стали срубать деревья вокруг себя на большом расстоянии.

Они работали с таким усердием, что менее чем за час навалили такую массу деревьев вокруг избранного ими места, что к ним доехать было бы невозможно, и в случае нападения они могли долго защищаться за этим импровизированным валом.

Со стороны реки возвышенность спускалась совершенно отвесно. Тут нападение было немыслимо. Оба краснокожих перекинулись двумя-тремя словами на своем наречии и, пролезая с необыкновенной ловкостью сквозь кучу наваленных деревьев, выползли наружу, и стали с двух противоположных сторон срывать всю траву на пространстве пятидесяти или шестидесяти шагов вокруг ограждавшего их вала.

Сложив всю траву в кучки, они ее зажгли; вскоре огненные полосы забегали от этих маленьких костров по сухой траве и, спустя четверть часа, все видимое пространство прерии было покрыто морем огня. Возвышенность, на которой наши путешественники укрепились, приняла вид островка среди огненного моря.

Солнце село, и густой мрак заменил дневной свет.

Пожар, поглотивший все по соседству, освещал еще дальний небосклон.

— Объясните ли вы мне, господин Шарбон, что все это должно означать? — спросила его графиня. — Признаться, я ровно ничего не понимаю.

— Видите ли, графиня, нам грозит какая-то серьезная опасность — какого рода, признаться, я и сам не знаю. Вот индейцы и сожгли всю растительность, которая могла бы служить защитой неприятелю или врагу. Обратите внимание на эту оголенную равнину: ведь заставить нас теперь врасплох невозможно, подкрасться к нам незаметно — тоже. А мы тут так отлично укрепились, что сбросим с этой высоты всякого врага и можем отразить с успехом всякое нападение.

— Да, я теперь понимаю, что мы находимся в безопасности... Но, послушайте, что это за шум, точно отдаленные раскаты грома?

— Действительно, сударыня, — сказал Шарбон прислушиваясь, — это топот нескольких тысяч животных. Это, вероятно, переселение каких-нибудь крупных животных, может быть, бизонов. Вот и объяснение той опасности, которую предвидели команчи. Эти животные скажут по прямому направлению, все давя и топча по пути...

— Стало быть, если бы мы остались на равнине, то они нас раздавили бы?

— Да, единственная возможность от них спастись, это броситься в сторону, потому что они никогда не уклоняются от прямого направления. Но, что бизоны! От них еще можно спастись; гораздо опаснее те спутники, которые их сопровождают. Ягуары, пантеры, красные волки скажут вокруг них, стараясь пожить отставшими или сбившимися в сторону бизонами. А за ними — хищные звери, страшнее всех перечисленных мною — индейцы.

В это время вдруг полил сильный дождь, хотя небо оставалось ясным и ни одного облачка на нем не виднелось, дождь все усиливался и превратился в ужасный ливень.

Этот нсобъяснимый и невероятный дождь повторяется довольно часто в жаркой полосе Америки, и до сих пор еще нельзя было найти ему удовлетворительного объяснения.

Все поспешили укрыться от ливня, который, спустя несколько минут, быстро прекратился. Земля, вся потрепавшаяся жары, так скоро впитала в себя влагу, что, не будь на деревьях блестящих капель дождя, можно было бы принять это явление за сон.

Гул и топот все приближались: при свете луны можно было заметить бежавших бизонов, как бы спасавшихся от какой-то опасности. Действительно, гонясь за ними или скача сбоку, виднелись длинные грациозные тени ягуаров и пантер, старавшихся прыгнуть на спину какого-нибудь отбившегося в сторону бизона.

— Все по местам! — крикнул Шарбон.

Охотники и пеоны схватили свои ружья и расположились цепью за валом срубленных деревьев.

Число скакавших бизонов все увеличивалось: они покрыли всю равнину. Эти глупые и упрямые животные бежали, плотно прижавшись друг к другу, опустив головы вниз, выставя вперед рога, фыркая и потрясая воздух диким ревом, который, сливаясь с топотом десятков тысяч ног, производил гул, похожий на громкие раскаты грома.

Когда один бизон падал, то остальные продолжали свой путь, затаптывая его до смерти. Рев диких зверей, которые скакали по бокам колонны, стараясь схватить добычу, и вой шакалов и красных волков — все вместе составляло поистине адский концерт.

Прошло более часа, а бизоны все продолжали бежать мимо, и количество их, по-видимому, не уменьшалось.

Вдруг Дардар бросился к обрыву, обращенному к реке, и неистово залаял.

— Два человека со мной! — крикнул Шарбон. — Тут что-то случилось; и он побежал к обрыву.

Дардар перестал лаять, напротив, он радостно махал хвостом и весело бегал вдоль обрыва, заглядывая по временам вниз.

Пристроив двух стрелков за кустом, Шарбон лег на землю и осторожно стал смотреть вниз.

Он увидел очертание человека, прицепившегося к какому-то корню, выходившему из отвесной стены обрыва.

Стараясь как можно менее выставять вперед голову, Шарбон спросил по-индейски:

— Кто тут?

— Это я, Тахсра.

— Наш третий воин команчи?

— Да.

Шарбон подозвал своих двух товарищей; сбросив индейцу лассо, они втащили его на возвышенность.

— Ну что? — спросил Шарбон.

— *Кальер** для синьоры! — ответил кратко краснокожий.

Шарбон отвел его к графине; письмо оказалось от Жерома. Вот его содержание:

«Графиня!

Я потерпел неудачу в одном деле, но зато мне вполне удалось другое.

* Письмо.

Я вскоре буду у вас и привезу вам радостную весть. Прикажите Шарбону удвоить предосторожности и глядеть в оба. В местности, где вы находитесь, появился ужасный бандит, который предводительствует шайкой грабителей. Он, может быть, попытается на вас напасть ночью; защищайтесь, я постараюсь вовремя подоспеть. Укрепитесь хорошенько в какой-нибудь неприступной местности. Я вам посылаю Тахеру, он берется вас скоро отыскать и передать вам эту записку до ночи.

Ваш преданный слуга

Жером Дерие.

Ачиенда дель Параизо*.

7 мая, 1865, 11 часов утра».

Тахера, видя, что графиня кончила читать письмо, сказал ей по-испански:

— Могучий Дуб (он так называл Жерома) вышел из ачиенды дель Параизо с народом при закате солнца. Он идет сюда, в саванну. Он воин. Тахера знает, где его найти. Он его приведет прямо сюда. Синьора даст Тахере *кольер* к Могучему Дубу. Она все объяснит. Тахера видит ночью, как ягуар. Тахера ждет.

— Сейчас, Тахера, — ответила графиня, — я вам дам письмо.

Несколько минут спустя, индеец с помощью того же лассо спускался вниз по обрыву и вскоре скрылся во мраке.

Шарбон расставил часовых вокруг всего лагеря и приготовил несколько веревок с узлами, которые он привязал к деревьям, уцелевшим вдоль обрыва.

Потом он влез на самое высокое дерево и стал смотреть на равнину, стараясь разглядеть бежавших бизонов.

Стадо скакавших животных значительно поредело, и между ними происходило явное замешательство. Вглядевшись пристальнее, Шарбоно разглядел человек тридцать краснокожих, вооруженных пиками и преследовавших обезумевших от страха животных. Они старались отрезать их от остальных и угнать в сторону.

Вдруг раздался пронзительный крик водяного ястреба.

В ту же минуту, индейские всадники, не думая больше о своей добыче, пришпорили коней и вмиг исчезли вдали.

* Райская ферма.

Бизоны, воспользовавшись этой минутой, примкнули к остальным бежавшим животным и тоже вскоре исчезли из виду.

Шарбон старался понять причину, заставившую храбрых детей степи бежать таким постыдным образом когда внимание его было вдруг привлечено движением, которое стало заметным в глубокой и узкой лощине, недалеко от занимаемой ими возвышенности.

Многочисленная толпа всадников в разнообразной одежде ехала рысью по лощине и вскоре выехала на поляну. Свет луны отражался на концах их пик и ружейных стволах. Все *были завернуты* в длинные темные плащи и носили широкополые мексиканские шляпы.

Сомнения не могло быть — это была шайка «страшных хищников». Число их было значительно; их было по крайней мере около восьмидесяти человек. Выехав на середину поляны, всадники остановились. Один из них, по-видимому, главный, подозвал к себе двух всадников и отдал им какие-то приказания. Вслед за тем оба всадника поскакали в направлении, куда исчезли индейцы. Остальные спешили и расположились лагерем как раз против укрепленной возвышенности, на которой находился Шарбон со своим отрядом.

В несколько минут они огородили свой лагерь невысокой изгородью, привязали лошадей, не снимая с них ни седла, ни узды, и зажгли вокруг лагеря десять костров.

ГЛАВА VII

Несмотря на внешнее спокойствие хищников, которые расположились вокруг костров, курая и мирно разговаривая между собой, Шарбон остался на своем дереве и продолжал наблюдать за ними.

Благодаря прекрасной зрительной трубе, с которой он никогда не расставался, он легко видел все, что делалось в лагере бандитов.

Уже прошло более часа и большая часть их спала крепким сном. Полнейшая тишина воцарилась в пустыне. Шарбон взглянул на небо и по звездам определил, что уже за полночь. Часов через пять уже солнце должно было взойти. Но сколько еще в течение этих пяти часов ночи могло случиться непредвиденного!

Шарбон услышал под собою шорох, кто-то взбирался на то дерево, на котором он расположился, — это был Арман де Валенфлер.

Охотник указал ему на лагерь, расположенный посреди равнины, и передал зрительную трубу.

— Посмотрите, — сказал он, — кажется, как будто они покоятся мирным сном, а между тем, я убежден, что они что-то против нас замышляют. Но что это там, направо, по дороге движется? Дайте мне зрительную трубу!

Шарбон не ошибался: по дороге быстро приближались пять всадников, трое из них были краснокожие индейцы.

Вдали показался целый отряд индейцев, но он ехал медленнее и остановился вне выстрела от лагеря бандитов.

По всему можно было догадаться, что два всадника, отправленные по прибытии хищников в прерию, догнали охотившихся индейцев и предложили им войти с ними в союз, вероятно, против наших путешественников, которые, за исключением Шарбона и Армана, безмятежно спали, не чувствуя близкой опасности.

Между тем пять всадников подъехали к лагерю бандитов и вошли в него. Все спавшие мигом вскочили, и краснокожие были немедленно представлены предводителем. Краснокожие эти принадлежали к самому кроваждному индейскому племени апачей.

Главарь хищников с притворным радушием принял трех индейских вождей, приказав подать чубук совета. Когда каждый из присутствующих затянулся два раза из чубука, по обычаю краснокожих, главарь предложил им присоединиться к нему, чтобы напасть на укрепленный лагерь путешественников, который виднелся на возвышенности. Переговоры вслись недолго, индейские вожди согласились на предложение бандита, и он вслел принести кувшин водки, чтобы закрепить заключенный союз.

Краснокожие потребовали еще бочонок водки в задаток, обещали через час соединенными силами напасть на лагерь мирных путешественников. Но, взяв бочонок с водкой и приблизившись к отряду, оставшемуся вдали от лагеря, они о чем-то переговорили между собой и, пришпорив лошадей, скрылись. Очевидно, им хотелось только добыть водку, помочь же хищникам в разграблении чужого лагеря они никакого жслания не имели.

Однако время шло, и оставалось только не более трех часов до рассвета, когда Шарбон заметил какое-то беспокойное движение в лагере хищников.

Некоторые из них садились на лошадей и выезжали на дорогу по тому направлению, по которому скрылись индейцы. По всему видно было, что они с нетерпением ожидали их возвращения.

Главарь бандитов ходил взад и вперед, топая ногами от досады, но индейцы все еще не показывались.

Наконец, убедившись, что новые союзники самым бессовестным образом надули его, он приказал своим людям готовиться к нападению.

Но несколько часов, потерянных хищниками в тщетном ожидании индейцев, были употреблены с пользою

нашими путешественниками. Они постарались укрепить свой лагерь на всех пунктах и, кроме того, вырыли глубокий ров за валом, вкопали в его дно заостренные кверху колья и покрыли его хворостом и травой.

Так устраиваются западни для хищных зверей в пустыне.

Шарбон уговорил графиню поместиться с Дардаром на краю обрыва, как в наиболее безопасном месте, а сам вернулся к защитникам вала.

Бандиты, сев на лошадей, молча подъехали к подошве горы, на которой помещались путешественники. Они сначала попробовали въехать на нее верхом, но это оказалось невозможным: глинистая почва скользила под копытами лошадей, и они должны были сойти с них и карабкаться наверх пешком.

Вдруг раздались выстрелы, и восемь человек упали, как пораженные громом.

Лошади, стоявшие у подножия горы, поскакали обратно к лагерю, фыркая от страха.

— Вперед! — крикнул Майор (это был он). — Вперед! Задавим их, как мух!

Осажденные притаились: ни один звук не долетел до осаждавших, лагерь казался брошенным. Ободренные бандиты лезли все вперед, опережая друг друга; вал был уже близок, и, казалось, никто его не защищал.

Вдруг раздался треск сучьев и ужасные крики — крики агонии и смерти. Почва исчезла под ногами бандитов, они упали в приготовленную им ловушку. Они свалились на острые колья рва, давя друг друга, а в эту минуту осажденные открыли беглый огонь по этой, хотя и сплоченной, но беззащитной массе.

Майор собрал вокруг себя уцелевших товарищей и старался ворваться с ними в центр укрепленного лагеря, но он был встречен такими меткими и непрерывными выстрелами, что ему пришлось отступить. Панический страх овладел бандитами, не слушая криков и увещаний своего предводителя, они бросились бегом вниз, и ему поневоле пришлось последовать за ними.

Только спустившись на поляну, Майору удалось остановить беглецов.

Тут они стали считать уцелевших. До боя их было восемьдесят семь человек. Двадцать два были убиты и двенадцать так тяжело ранены, что должны были выбыть

из строя; стало быть, их отряд теперь состоял только из пятидесяти трех человек.

Бандиты стали совещаться.

Решено было прибегнуть к хитрости; их неудача произошла оттого, что они отнеслись к путешественникам пренебрежительно, не предполагая в них подобного умения защищаться.

Майор удалился со своими людьми на некоторое расстояние, и вместо того чтобы идти опять прямо на приступ, он попробовал взобраться на возвышение по правому склону в одном месте, где еще уцелели трава и кустарники. Затем, вместо того чтобы идти открыто, они спрятались в траве и тихо поползли вверх.

Уже звезды начинали бледнеть и на горизонте показалась светлая полоса, восход солнца был близок, нужно было спешить.

Бандиты добрались до вала из срубленных деревьев, а осажденные, по-видимому, все еще не замечали их приближения. Они остановились. Майор прополз между деревьями и ветвями и стал оглядываться кругом.

В эту минуту над рекой пронесся крик водяного ястреба. Разбойники с беспокойством прилегли плотнее к земле, Майор тоже притаился между сваленными деревьями: этот крик показался им сигналом. Но прошло двадцать минут тягостного ожидания, и ни малейшего шума не было слышно. Майор, успокоившись, продолжал ползти вперед. Он совсем пролез через набросанные деревья. Огороженная поляна казалась совершенно пустой. Один за другим проникли туда же и все остальные бандиты, но, собравшись вместе, они с изумлением убедились, что путешественники исчезли каким-то непонятным образом.

— Вперед! — крикнул Майор, обнажая саблю.

Но в ту же минуту раздался страшный залп, и на разбойников посыпался град пуль со стороны невидимого неприятеля. Пули летели отовсюду и, когда луч восходящего солнца осветил площадку, бандиты увидели себя окруженными шестьюдесятью вооруженными людьми.

Однако разбойники не сдались, они знали, какая участь могла их ждать в плену, и поэтому предпочли бороться до последней капли крови и умереть на поле битвы. Майор рванулся вперед, пролагая себе путь саблей, но, не зная, куда направиться, он вбежал в палат-

ку, распорол ударом сабли противоположное полотно, чтобы выбежать из нее, когда нежный, ласковый детский голос раздался возле него:

— Ах! Папа! Папа! Ты ли это? Разве ты меня не узнаешь?

Майор невольно обернулся в ту сторону, откуда слышал этот голос, крик удивления вырвался из его груди, его лицо исказилось и страшное отчаяние выразилось на его лице.

Ребенок, плача и рыдая, протягивал к нему ручонки и повторял с выражением отчаяния и мольбы:

— Папа! Папа! Я — Ванда, узнай же меня! Возьми меня, я боюсь!

Он сделал движение, чтобы броситься к ребенку, но показались несколько человек, которые уже прицелились в него.

— Дитя! Твой отец умер! — крикнул он хриплым голосом.

И, бросившись на вновь пришедших, он заставил их отступить; выпрыгнув из палатки, он добежал до обрыва, бросился вниз и, по-видимому, исчез в волнах реки.

— Папа! — крикнула в последний раз девочка, и в страшном нервном припадке упала на руки графини, которая была немой свидетельницей этой мгновенной и трогательной сцены.

— Неужели этот человек се отец? О! Бедный ребенок! — воскликнула она, покрывая девочку поцелуями.

Всех бандитов перебили, ни один не остался в живых. Жером и его друзья как раз подросли вовремя, чтобы спасти графиню от нападения хищников. Они взобрались на площадку с помощью приготовленных веревок с узлами, которые графиня спустила им, услышав крик водяного ястреба.

ГЛАВА VIII

В американских степях борьба бывает всегда беспощадна. На этот раз, как и всегда, бой только тогда прекратился, когда ни одного противника не осталось в живых.

Один Майор спасся. Необходимо было непременно его схватить. Все бросились к реке, думая найти его разбившимся после отчаянного прыжка с обрыва. Но путешественники ошиблись.

Майор, воспользовавшись темнотой, не бросился вниз с обрыва, а только лег плашмя на край и, нащупав одну из веревок, по которым влезли товарищи Жерома, благополучно спустился вниз, не получив ни единой царапины.

Найдя там спутанных лошадей, оставленных также спутниками Жерома, он сел на одну из них и, заставив ее войти в реку, поплыл к другому берегу, так что бросившаяся за ним погоня заметила его лишь тогда, когда он уже переплыл значительную часть реки. Они с досады выстрелили в него несколько раз, но пули его не задели, и он, доплыв до противоположного берега, исчез в темноте.

Спасители графини де Валенфлер были по большей части мексиканские вольные солдаты, называющие себя сивикосами. Эта стража набирается из охотников и авантюристов всех стран; ее назначение защита ачиенды* и ранчо** от нападения краснокожих. Содержатся сивико-

* Фермы.

** Тоже фермы, но меньших размеров.

сы на счет богатых ачиендеросов и ранчеросов Соноры и прибрежных штатов, находящихся недалеко от индейской территории. Сивикосы отличаются неустрашимостью, жестокостью и весьма сомнительной честностью. Они никогда не берут пленных.

Каждого взятого ими индейца подвергают страшным пыткам и затем убивают.

Собственно, эти сивикосы часто нападают переодытые на те фермы, которые должны были бы защищать, и производят такие же опустошения, как те индейцы, против которых они призваны бороться.

По окончании борьбы, сивикосы немедленно отправились в лагерь Майора, где перебили раненых и увели лошадей, навьючив на них все, что награбили.

Потом, осмотрев тщательно карманы убитых и присвоив себе все, что в них нашли, они перевешали все семьдесят с лишком трупов на уцелевших деревьях.

Графиня пришла в ужас при виде этой кровавой расправы. Ею овладело непреодолимое желание поскорее убраться от этого места, где запах крови вызывал в ней тошноту.

По ее приказанию, Жером распорядился о немедленном снятии лагеря. В это время к графине подошли два охотника из числа подоспевших ей на выручку, которых она еще не знала, это были Темное Сердце и Железная Рука.

Двойной крик удивления вырвался у графини де Валенфлер и у Темного Сердца. Они друг друга узнали.

Настало молчание. Они своим глазам не верили — такой сказочной казалась им эта встреча посреди американской пустыни.

— Вы, сударыня... Вы здесь! — вскрикнул наконец охотник дрожащим от волнения голосом.

— Я самая, — ответила она, улыбаясь и протягивая ему руку, которую он почтительно поцеловал.

— Давно я не имел чести вас видеть, — сказал он. — Я проехал весь материк, чтобы вас найти, но совершенно напрасно. Вы уже тогда оставили Нью-Йорк, и никто не мог мне сказать, куда вы уехали. Писем от вас я тоже не получал.

— Да, по некоторым причинам, которые вы узнаете, я должна была переехать в Канаду, где и поселилась близ Квебека.

— Последнее письмо, которое я от вас получил еще в 1857 году, возбудило было во мне несбыточные надежды...

— Не говорите — несбыточные; разве вы не понимаете, почему вы меня теперь тут встретили.

— Как! Что вы этим хотите сказать?..

— Надо же было вас отыскать, тем более что я надеюсь возвратить вам потерянное счастье.

— Ах, сударыня, не говорите мне этого — я способен вам поверить; а вы сами знаете, что для меня не существует более счастья на земле.

— Вы с ума сошли, мой друг! Кто вам мешает мне верить? Разве я вас когда-нибудь обманывала?

— Нет, сударыня, простите меня великодушно! Но то, на что вы намекаете, слишком уж хорошо!..

— Бог даст, это осуществится!

Охотник глядел на нее растерянным взглядом, он боялся с ума сойти.

— Надейтесь! — сказала она ему, ласково улыбаясь, и, подождав Жерома, велела ему ехать по направлению к ачиенде «Флорида».

— А я, было, ехал в ачиенду Дель-Парайзо, — ответил Жером.

— Мне в той ачиенде делать нечего, — ответила графиня, — а на «Флориде» меня ждут. Бывали вы в этой ачиенде? — спросила она рядом ехавшего с нею Темное Сердце, в котором, конечно, читатель уже узнал Юлиана Иригойена, а в его друге — Бернардо.

— Нет, я на ней никогда не был, — ответил Юлиан. — Но я знаком с ее хозяином; это дон Кристобаль де Карденас, потомок древних инков; он в настоящее время алькад-майор в Тубокском президентстве. Месяца два тому назад мне удалось спасти его с семейством из рук того разбойника, который сегодня на вас напал. Признаться, я сегодня своим глазам не верил, видя его в живых, после того как, по моему приказанию, он был брошен в степи без оружия, без пищи и со связанными руками и ногами. Этому человеку сам ад покровительствует! Зачем я его тогда не убил и не лишил раз навсегда возможности вредить другим! Впрочем, он говорил со своим сообщником на языке басков, и это меня растрогало.

— Как! Этот человек говорил на языке басков! — воскликнула графиня, бледнея и всплеснув руками.

— Да, сударыня. Он на этом языке так же свободно объяснялся, как и я, и знаете, кто был его сообщник? — Фелиц Оианди!

— Фелиц Оианди! Этот изверг еще жив?

— Да. Я его помиловал.

— Но этот Майор, кто он?

— Не знаю, сударыня.

Графиня задумалась. Некоторое время они ехали молча. Потом Юлиан, обратив внимание на миловидность Ванды, полюбопытствовал, — кто она? Графиня передала ему все, что мы уже знаем, и кончила тем странным событием, свидетельницей которого она была, когда девочка узнала в Майоре своего отца. Юлиан ей тоже рассказал, что в маленьком городке Санта-Фэ*, действительно жила некто донна Люс Алакеста, муж которой вел весьма странный образ жизни, исчезая по целым месяцам; звали его дон Хозе Моралес (по испанскому обычаю, жена сохраняет свою фамилию, выходя замуж).

В это время Жером подъехал к графинс и доложил ей, что через час они будут во «Флориде», но что на дороге виднеются всадники, по-видимому, выехавшие к ним навстречу, и поэтому он ждет ее приказаний.

— Поезжайте и узнайте, кто они, если эти всадники те, которых мы ждем, приветствуйте их и представьте мне.

Жером поскакал во всю прыть вперед.

* Святая Вера.

ГЛАВА IX

«Флорида» возвышалась и, вероятно, до сих пор возвышается на вершине скалы, принадлежащей к последним отрогам Сьерра-Сан-Хозе, вершины которых покрыты вечными снегами.

Эта великолепная ачиенда была построена одним из предков теперешнего владельца.

Она была окружена массивным частоколом, в котором было четверо ворот, снабженных решетками. Вечером решетки спускались, и ворота крепко-накрепко запирались.

Кругом дома возвышались строения, предназначенные для жилища многочисленных вакоросов, пеонов и других служителей ачиенды. В пространстве, окруженном стенами, находились корали для лошадей и коров, и огромная «уэрта», через которую протекала речка, образуя в нижней своей части водопад. Сад этот примыкал к парку или, лучше сказать, к роще, в которой дичь водилась в изобилии.

Жером подъехал к неизвестным всадникам и вступил с ними в разговор. Их было четверо и на них были роскошные костюмы богатых ранчеросов.

— Да это синьор дон Кристоаль с сыном, доном Панчо! — воскликнул Жером. — Двое других, которые с ним едут, должно быть, его приближенные — я их не знаю.

Всадники приближались; графиня де Валенфлер поехала к ним навстречу.

— Я несказанно рад, — сказал ей дон Кристоаль, — что имею счастье встретить вас в своих владениях.

ниях. С этой минуты я вас прошу считать себя полной хозяйкой и смотреть на меня, как на самого преданного вашего слугу.

— Вы слишком любезны, дон Кристобаль, — ответила графиня с очаровательной улыбкой, — я у вас прошу только простого гостеприимства, оказываемого вообще путешественникам.

Дон Кристобаль представил графине своего сына, она в свою очередь познакомила их с Арманом, и все тронулись в путь.

Вдруг графиня, вспомнив что-то, остановилась и позвала к себе Жерома.

— Отпустите, пожалуйста, всех этих добрых слуг, которые нас так храбро защищали. Передайте каждому из них две унции золота, не как плату, но в знак моей искренней благодарности.

Жером поспешил исполнить желание графини и вскоре крики: «Да здравствует графиня!» засвидетельствовали ей благодарность всех этих людей.

Во время этих переговоров Темное Сердце и Железная Рука оставались в стороне. Они перекинулись несколькими словами, повернули лошадей, влились в ликовавшую толпу пеонов и сивокосов и вскоре исчезли никем не замеченные.

Дон Кристобаль де Карденас отправил вперед одного из сопровождавших его людей, который занимал у него должность дворецкого, чтобы известить о скором их прибытии в ачиенду.

Уже вдали виднелись зубчатые стены ачиенды, когда графиня в разговоре с доном Кристобалем вспомнила о Темном Сердце и хотела его позвать к себе, но его нигде не оказалось. Тут Шарбон объявил, что он видел, как охотник со своим другом уехали назад, по направлению к пустыне.

Графиню это известие чрезвычайно опечалило, и на выраженное ею желание во что бы то ни стало разыскать двух охотников, один из трех, сопровождавших ее вождей краснокожих, именно Тахера, предложил ей написать письмо к Темному Сердцу, говоря, что он, с помощью товарищей, берется его найти.

Графиня поспешно написала несколько слов карандашом, и краснокожие, простившись с нею, вскоре скрылись из виду.

— Поедемте скорее, синьора, — сказал графине дон Кристоаль. — Если бы вы знали, с каким нетерпением нас ожидают в ачиенде!

— Могу вас уверить, дон Кристоаль, что нетерпение обоюдное. Скажите, пожалуйста, я заметила на веранде молодую женщину изумительной красоты, не она ли это?

— Она, графиня! Но разве вы ее не знаете?

— Я ее давно знаю, но в лицо увижу сегодня в первый раз.

Дон Кристоаль был весьма озадачен этим странным ответом.

ГЛАВА X

Темное Сердце и его друг, оставив отряд графини, не простившись ни с кем, поскакали галопом по степи.

Проехав часа два и сделав необходимое число объездов, для того чтобы окончательно скрыть свои следы, они остановились в лесу на выжженной поляне, на берегу ручейка, который, пробегая весь лес, впадал в Рио-Сан-Педро немного ниже Тубака.

Охотники разнуздали лошадей и дали им отдохнуть.

Сами же развели костер и занялись приготовлением обеда. Поев, они закурили трубки и уже намеревались улечься на траве и заснуть, как вдруг до них донесся отдаленный шум.

Вмиг они вскочили, держа ружья наготове, и спрятались за ствол огромного дерева... Вскоре неясный шум усилился и оказался бешеным конским топотом, приближавшимся к месту их стоянки. Показался всадник-мексиканец, без шляпы, в изодранном платье, покрытый кровью, он едва держался в седле.

Едва он достиг поляны, на которой расположились охотники, как с опушки леса послышались два выстрела, и град стрел посыпался на него. Он выпустил из рук повод, качнулся назад, потом упал на шею лошади и ухватился судорожно за ее гриву.

Но в ту же минуту животное встало на дыбы, испустило пронзительный крик и опрокинулось на своего всадника.

Охотники дали два выстрела в том направлении, откуда посыпались стрелы... Надо полагать, что выстрелы

были метко направлены, потому что слышались крики и затем шум скакавших лошадей. Охотники еще раз выстрелили, но убегавшие так спешили, что вскоре топот стих в отдалении.

Охотники вышли из своей засады и подошли к убитому мексиканцу.

Железная Рука поднял одну из валявшихся стрел и осмотрел ее внимательно.

— Это индейцы апачи, — сказал он. — Эти собаки так трусливы, что я теперь не удивлюсь, что они бежали от наших выстрелов.

Как мы уже заметили, лошадь, встав на дыбы, опрокинулась на своего всадника, тело которого, таким образом, оказалось под нею.

— И лошадь, и человек — оба мертвы! — сказал равнодушно Железная Рука. — Самое лучшее — их не трогать.

— Нет, — сказал Темное Сердце. — Во-первых, надо еще убедиться, что этот человек умер, а потом и пошарить в его карманах, чтобы узнать, кто он такой.

— Ну! Нетрудно догадаться, кто он: мексиканец и разбойник, в этом не может быть сомнения.

— Во всяком случае, нужно его похоронить, ведь не бросать же его, как собаку, на съедение хищным зверям.

Но, осмотрев тщательно карманы, сапоги и кушак убитого, они ничего не нашли, кроме нескольких колод засаленных и крапленых карт. Предав тело неизвестного земле, Железная Рука стал рассматривать припасы, находившиеся в двух мешках, привязанных к седлу. Припасы, должно быть, его не прельстили, потому что он их швырнул в реку, но в одном из мешков оказалось письмо. Темное Сердце его распечатал и не мог сдержать крика удивления. Письмо было написано на французском языке и гласило следующее: «Благодарю вас за присылку Хозе Прието. Новость, которую он мне привез, для меня важна. Я знал о ее намерении ехать в Мексику, но думал, что она еще находится в дороге. Я оставался в Тубаксе, именно с целью караулить ее приезд к дону Кристабалью де Карденасу. Я, видно, ошибся, так как вы пишете, что она приехала в ачиенду «Флорида». Сегодня вечером выезжаю из Тубака и еду тоже во «Флориду». Я, было, надеялся, что вы мне в этом деле поможете, но из ваших слов я вижу, что вы не можете

туда приехать, и я очень об этом сожалею. Я, однако, надеюсь, что задуманное мною дело удастся, хоть убью ее, но на этот раз она от меня не уйдет. Во всяком случае, я буду у вас через четыре дня в *Пало-Кемадо*^{*}, и, надеюсь, ее привезу с собой. Еще раз благодарю!

Друг, которого вы знаете».

— Ну, и только-то! — воскликнул Железная Рука. — Кто же это писал? Кому?

— Это мы и после узнаем, но дело в том, что, по-видимому, в этом письме речь идет о графине и о ее пребывании во Флориде. Напрасно мы ее оставили.

— Совсем не напрасно. Если бы тебе не вздумалось ехать назад в прерию, мы ничего бы не узнали.

— Да, ты прав. Надо скорее ехать к дону Карденасу и объявить ему о грозящей его ачиенде опасности... Что же это такое еще? — перебил он себя, оглядываясь подозрительно.

Свист *кобра капезя*^{**} послышался невдалеке.

Охотники схватились за оружие. Минуту спустя слышался крик водяного ястреба.

— Это свои, — сказал Темное Сердце.

В эту минуту показался на поляне Тахера, а неподалеку от него виднелись фигуры его двух спутников.

Тахера передал Темному Сердцу записку от графини, и, пять минут спустя, трое индейцев и оба охотника мчались во всю прыть по направлению к «Флориде».

^{*} Сожженный лес.

^{**} Гремучая змея.

ГЛАВА XI

Сиерра де-Пахарос начинается на границе Мексики, в окрестностях Сан-Лазаро в провинции Сонора. Она пересекает из конца в конец прежний штат Аризона, который в настоящее время принадлежит Соединенным Штатам, и спускается последними отрогами на берег Уиф-Хила.

Сиерра де-Пахарос почти не известна, ее редко даже отмечают на картах, а между тем она необыкновенно живописна и изобилует пещерами и гротами, до такой степени хорошо скрытыми, что об их существовании трудно догадаться.

Между Сан-Ксаверием и Тубаком находится великолепный водопад, который спадает широкой скатертью с вышины сорока пяти метров на серую скалу и потом с шумом устремляется в узкое ущелье. Сплошная масса воды, которая образует этот водопад, скрывает за собой вход в огромную пещеру, которая расходится в разных направлениях и имеет несколько выходов.

Был вечер. При закате солнца страшный ураган, известный в этих местностях под названием *кордонасо**, разразился над Сиеррой и потрясал вековые деревья, вырывая их с корнем. Оглушительные раскаты грома, неистовый вой и свист бури, молния, не перестававшая ослепительно сверкать и воспламенившая уже несколько деревьев — все это могло навести страх на самого храброго человека.

* Удар бичом.

В пещере все было тихо и спокойно. В углу, отгороженном плетнем, человек десять спали на сухих листьях. Судя по их отталкивающей наружности, это должны были быть разбойники. В другом отделении, тоже отгороженном плетнем, стояли их лошади, разнузданные и расседланные. По стенам висело всякого рода оружие в большом количестве. Посреди грота был разведен костер, и человек пять спали около него, а немного подальше стоял стол, заставленный разными яствами, за которым два человека ели и пили, разговаривая вполголоса, но с большим воодушевлением.

Они сидели на великолепных дубовых резных креслах, обитых кордуанской вызолоченной кожей. Много подобных кресел и другой ценной мебели было расставлено в разных местах пещеры.

Разговаривавшие — были Майор и Фелиц Оианди. Последний был неузнаваем.

Этот Фелиц Оианди, которого мы знавали таким красавцем, ловким и сильным, мог теперь только внушать омерзение и отчасти даже жалость. Его правый глаз, исцарапанный, лишенный совершенно ресниц, слезился постоянно. Лицо было изборозжено глубокими шрамами, как бы от когтей тигра, левая рука была отрезана выше локтя, и он слегка прихрамывал на левую ногу. Однако хитрость его осталась неизменной.

— Ты не можешь схать нынешней ночью, — говорил ему Майор на языке басков, — буря усиливается и все дороги затоплены. Особенно таким, каким ты теперь стал, ты и не выберешься из Сиерры.

— Ну это не остановило бы меня, если бы я в самом деле захотел выехать, — ответил Фелиц. — Но я сам предпочитаю переночевать здесь.

— Если ты надешься на меня, то ошибаешься; несмотря на все, что ты мне писал, я теперь тебе не могу помочь. Меня с некоторых пор преследует несчастье. Вот теперь я в третий раз должен набирать себе новую шайку, по милости этого проклятого охотника. Ты видишь сам, у меня всего осталось пятнадцать человек; что я с ними могу предпринять?

— Да, немного, конечно; но можно на вербовать новых. В саванне нет недостатка в людях. Если хочешь, я тебе в течение одной недели на вербую пятьдесят человек.

— Нет, оставим это, пожалуйста! Ты слепо поддаешься своей ненависти, ты затеваешь невозможное. В твоих же интересах я должен отказать тебе в помощи.

— Ты очень счастлив, что можешь так хладнокровно и благоразумно рассуждать. Признаюсь, я не одарен подобным самообладанием. Когда в пустыне случай или, лучше сказать, счастливая звезда привела меня к тому месту, где, лежавшая под листьями и ветками, донна Люс стала приходить в себя после летаргического сна, я ей помог встать и дал ей из моей фляжки выпить воды. Вдруг перед нами, как бы вырос из земли ягуар, он прилег, чтобы броситься на ту единственную женщину, которую ты когда-либо любил. Я не стал рассуждать, как ты сейчас, что я лишен руки и не в силах бороться с этим королем пустыни. Я бросился между этой бедной женщиной и хищным зверем, смелю, без оглядки, без рассуждения, а между тем мой поступок был безумен. Что мог я сделать? Дать себя разорвать! Несмотря на то, что я калека, мне удалось убить ягуара первым выстрелом, и твоя жена, исчезновение которой тебя почти с ума свело от горя, была спасена мною, презренным калекой!

— Правда, мой друг, — ответил Майор, пожимая ему с чувством руку. — Поверь мне, что я всю жизнь этого не забуду и буду тебе вечно благодарен. Пойми меня, я вовсе не отказываюсь помочь тебе в твоём деле, я только хочу отложить предприятие. Дай мне время осмотреться и все с толком подготовить. На этот раз я желаю покончить навсегда со своими врагами. Надо так дело обставить, чтобы никто из них не мог спастись; мщение будет полное!

— Сколько тебе нужно времени, чтобы все подготовить?

— Месяц, не более, а может быть, и менее.

— Ну, если ты этого непременно хочешь, так пускай будет по-твоему. Я подожду. Узнал ли ты что-нибудь об этой девочке, которая у графини?

— Ничего не мог узнать. Зовут её Розарио. Говорят, она у графини уже давно...

— Стало быть, это не твоя дочь?

— Нет, не моя. Как бы могла бедная девочка спастись одна в пустыне? Она умерла, я в этом вполне уверен.

— Господь упокой ее душу! А донна Люс?

— Я ее отправил в Эрмосильо, к ее родным, с Себастьяном. Я его с минуты на минуту жду, он уже должен быть здесь. Меня беспокоит то, что его до сих пор нет.

— Ну, что может случиться с подобным быком? К тому же, он хитер, из всякой беды вывернется.

— Да, ты прав. Однако поздно, мне необходимо завтра на рассвете отправиться в путь.

Оба собеседника встали, взяли свои плащи и намерсвались уже лечь возле костра, как вдруг слышались шаги. Кто-то бежал по пещере, направляясь к ним; вскоре появился и сам бежавший, и Майор узнал Себастьяна.

Себастьян едва добежал до них, как опустился почти без чувств в первое попавшееся кресло. Он объявил, что у него в саванне лошадь пала, что он тресты сутки идет пешком и ничего не ел.

Подкрепив свои силы, он пожелал передать что-то Майору наедине, но так как отдельного помещения в гроте не было, то они решили говорить на датском языке, которого, по-видимому, Фелиц не понимал.

Фелиц, закутавшись в плащ, лег у костра, и вскоре мерно раздававшееся дыхание его свидетельствовало о том, что он заснул. Себастьян взглянул пристально на Майора и задал ему вдруг вопрос:

— Уверены ли вы, полковник, что та женщина, которую мы там зарыли, умерла?

Майор вскочил, как ужасенный, схватил матроса за горло и крикнул ему в припадке необузданного бешенства:

— Что ты — пьян или с ума сошел, что несешь всякий бред?!

— Рукам воли не давайте, полковник, отпустите меня. Я не пьян и с ума не сходил. Давайте говорить спокойно, — сказал хладнокровно матрос, стараясь высвободить шею из тисков Майора.

Майор опомнился.

— Прости меня, Себастьян, — сказал он ласково. — Я сам не знаю, что со мной случилось, после твоего вопроса. Говори, что такое? Почему ты вспомнил об этом забытом деле?

Тогда Себастьян передал Майору, что, доставив благополучно донну Люс в Эрмосильо, к ее родным, ему вздумалось отправиться в ближайший город Гуаймас, чтобы посмотреть на море и поговорить с прибывшими

из Европы матросами. Расхаживая по пристани, он узнал своего земляка, некоего Жоана, уроженца Сен-Жан-де-Люса, с которым он был знаком с детства. Старые друзья обнялись, отправились в ближайшую «pulguieria»* и там, за стаканом вина, стали передавать друг другу свои приключения с тех пор, как они расстались. Жоан рассказал Себастьяну, что он недавно прибыл из Франции на корабле «Belle Adèle» с пассажирами; что по прибытии в Гуаймас пассажиры отправились в ачиснду, называемую Флоридой, и что он, Жоан, был в числе людей, сопровождавших пассажиров; что, на другой день по их прибытии в ачиснду, приехали туда же другие путешественники, в числе которых была одна дама. Когда Жоан ее увидел, то чуть с ума не сошел от страха. Эта дама была... как бы вам это сказать? — прибавил Себастьян, оглядываясь пугливо. — Ну, одним словом, это была ваша супруга, вот!

— Он с ума сошел! — воскликнул Майор, вздрогнув против воли.

— Я ему то же говорил, но он мне клялся и божился, что это она. Он ее знал еще с детства, видел ее и говорил с нею тысячу раз. Он был в Сен-Жан-де-Люсе, когда следственная комиссия открыла могилу на лужайке «заколдованного дома», видел труп, который был признан за труп маркизы Жермандиа, и все-таки уверяет, что он ее видел в ачиснде «Флорида». Я поднял Жоана на смех и отправился во «Флориду»; мне хотелось взглянуть на эту барыню; у меня все-таки возникли сомнения ввиду уверений Жоана.

— Ну и что же?

— Да ничего. Там, должно быть, держат ухо востро. Ничего я не узнал и не видел; меня чуть не убили. Насилу удрал. Лошадь у меня подстрелили, а я спасся только благодаря тому, что бросился вниз с обрыва. Таким образом, мне и пришлось идти пешком сюда.

Майор глубоко задумался.

— Это странно! — повторил он несколько раз.

— Что же, полковник, вы об этом думаете?

Майор не ответил; он подошел к спавшему Фслицу и стал его толкать ногой.

— Вставай, дружище! — крикнул он ему.

* Кабак.

— Ага! — сказал тот, вскакивая на ноги. — Вы перестали болтать на собачьем наречии. Ну и прекрасно! Что скажете хорошенького?

— А вот что: соберите сколько можете людей, через неделю мы нападём на Флориду.

— Что такое приключилось, что вы так быстро переменили свои намерения?

— Какое вам дело? Ведь я соглашаюсь на ваше же предложение.

— И то правда! Ну, если так, то прощайте, времени терять нечего, через неделю все будет готово.

Десять минут спустя, Фелиц Оианди выходил из пещеры.

ГЛАВА XII

Мы возвратимся к тому месту рассказа, когда графиня де Валенфлер подъехала к ачиенде.

На крыльце ее встретил человек уже не молодой, в мундире корпусного доктора французской армии. Вся его грудь была увешана орденами, и несмотря на то, что ему уже пошел шестой десяток, он держался прямо и бодро, как юноша.

— О мой милый доктор, как я рада вас видеть! — воскликнула графиня, соскакивая с лошади и протягивая обе руки доктору Иригойену — это был он. — Простите, что не привела вам вашего сына, как обещала, но к вечеру, надеюсь, он уже будет здесь.

Доктор ответил радушно на привет молодой женщины и поспешил к ней подвести Денизу, которая стояла несколько поодаль.

Последовала трогательная сцена; хозяин дома удалился вместе со своим семейством, и они остались втроем. Начались расспросы, рассказы, ведь они так давно не виделись, — целых четырнадцать лет!

Мы в кратких словах передадим все, что случилось за это время.

Доктор Иригойен не расставался более с Денизой, родители которой умерли, не оставив ей никаких средств к существованию. Они часто говорили о пропавшем Юлиане и утешали друг друга, как могли. Два раза только в этот долгий промежуток времени они имели известия о бежавшем: раз, когда ему с Бернардо удалось

спасти с корабля «Беллона», а второй раз, когда они покинули пампасы Буэнос-Айреса, чтобы переселиться в Мексику. Затем прошло несколько лет, и они не получали более никаких известий. Доктор переселился в Париж, а маркиза Жермандия тем временем уже оставила этот город и переехала в свое поместье в Андру. Доктор вел в Париже тихую и уединенную жизнь; Дениза выходила из дому только для того, чтобы побывать в ближайшей церкви. Однажды, возвращаясь с обедни, она встретила лицом к лицу с Фелицем; к тому времени Фелиц почти прокутил все свое состояние. При виде Денизы прежняя страсть проснулась в нем еще с большей силой, Фелиц ее всюду преследовал, стараясь даже подкупить привратника дома, где она жила, с целью ворваться к ней в отсутствие доктора. Но привратник, обожавший доктора и Денизу, которые спасли жизнь его девочке и ласкали ребенка, занимаясь его воспитанием, выгнал Фелица Оианди и все рассказал доктору. Тот отправился к одному высокопоставленному лицу, с которым был очень дружен, и рассказал ему всю историю Фелица, начиная с его доноса в 1852 году. Следствием этого разговора было то, что Фелиц, который давно уже хлопотал безуспешно о месте в военном интендантстве, получил вдруг назначение при алжирской армии, с приказом отправиться в Константинополь через двое суток. Он так обрадовался этому назначению, что на время забыл о Денизе, и уехал, надеясь позднее вернуться. Но о нем было сделано особое распоряжение. Он ни разу не мог выпросить себе отпуска, и должен был оставаться в Африке до тех пор, пока корпус, при котором он состоял, был отправлен в Мексику, и он за ним последовал. Мы его нашли в саванне, где он открыто помогал самому отъявленному бандиту.

Доктор, получая письма от маркизы, узнал от нее, во-первых, что она вышла замуж за графа, и об ее отъезде в Нью-Йорк. Несколько месяцев спустя, она ему написала, что нашла Юлиана; молодой человек тоже писал отцу. Радость двух отшельников была, разумеется, безгранична.

Тем временем война в Мексике все более и более разгоралась, а Юлиану нельзя было как осужденному и бежавшему от ссылки возвратиться во Францию. Поэтому доктор задумал сам отправиться в Мексику для сви-

дания с сыном. При первом его заявлении о желании снова поступить на службу, ему тотчас же было предложено место корпусного доктора в мексиканской армии. Дениза была в отчаянии, что ей приходится остаться в Париже одной, хотя она вполне сознавала, что доктор не мог взять ее с собой в действующую армию. Графиня де Валенфлер находилась в Канаде, куда доктору немислимо было отвезти Денизу, и он се утешал тем, что, осмотревшись на месте, ей напишет, чтобы она присхала, когда это станет возможным. Почти все приготовления к отъезду доктора были окончены, день отъезда уже был назначен, когда он вдруг получил от графини де Валенфлер письмо, отчасти изменившее его намерение и доставившее Денизе великое и неожиданное утешение. Графиня де Валенфлер писала своему старому другу, что она предпринимает путешествие через индсийскую территорию в Мексику, в ачиснду де-ля-Флорида, и уговаривала его взять с собой Денизу, которую он мог оставить в ачиснде под ее покровительством, так как она намерена пробыть там долгое время. Дениза мигом собралась; решено было, что Маристта, дочь привратника, которая выросла и продолжала жить у доктора в качестве подруги Денизы, тоже поедет с ними. Они сели на пароход «Belle Adèle» и отплыли в Мексику. На этом пароходе в числе матросов находился и тот Жоан, который, прибыв с пассажирами на ачиснду «Флорида», узнал в графине де Валенфлер бывшую маркизу Жермандиа.

ГЛАВА XIII

Столовая в ачиенде была огромных размеров и напоминала трапезную в каком-нибудь монастыре. Пол ее был вымощен черными и белыми плитами в виде шахматной доски, вдоль стены шел резной дубовый карниз. Стол был из массивного красного дерева, и за ним легко могли разместиться более ста человек.

Дон Кристобаль де Карденас, также, как большая часть пограничных ачиендеросов, придерживался обычая своих предков и садился всегда за стол со всей своей многочисленной прислугой.

Ужин подходил к концу и прислуга уже удалилась, когда мажордом подошел к дону Кристобалью де Карденасу и вызвал его в другую комнату. Там стояли красное дерево вожжи и оба охотника.

Понятно, что свидание между стариком-отцом, сыном и его невестой было в высшей степени трогательно.

Когда все несколько поуспокоились, графиня де Валенфлер сказала:

— Теперь остается довершить дело, то есть повенчать эту влюбленную пару. — При этом она указала на Юлиана и Денизу, которые отошли в сторону и, занятые своим разговором, по-видимому, забыли обо всех окружающих.

— Эту мысль можно здесь отлично осуществить, — ответил дон Кристобаль, — у меня есть часовня и постоянный священник.

— А потом, — сказал доктор, улыбаясь, — мы их отошлем во Францию, пускай там проводят медовый месяц.

— Увы, отец! — сказал Юлиан. — Ты забываешь, что мы с Бернардо беглые ссыльные.

— Я ничего не забыл и еще из ума не выжил. Ты и Бернардо теперь свободны.

— Свободны! — воскликнули оба друга с изумлением.

— Да, когда я изъявил желание поступить опять на службу, то, между прочим, не скрыл от своего друга генерала Пр., что главная причина, побудившая меня ехать в Мексику, было желание повидаться с тобою, так как тебе невозможно было вернуться во Францию. Он очень подробно меня обо всем расспросил, и, едва я прибыл в Урэс, как главнокомандующий там, генерал Х., встретил меня следующими словами:

— Я тем более рад с вами познакомиться, доктор, что имею вам сообщить весьма радостную весть, ваш сын, доктор Юлиан Иригойен, и товарищ его, Бернардо Зумето, исключены из списка ссыльных и могут вернуться во Францию, когда пожелают. — В подтверждение своих слов, генерал Х. передал мне следующие бумаги.

Доктор подал сыну бумаги, давшие ему и Бернардо право беспрепятственно вернуться во Францию.

— Ура! — воскликнул Бернардо, упорно молчавший до этой минуты. — Если это сон, то я прошу, чтобы меня не будили! Мексика — прекрасная страна, в которой, однако, слишком уж много диких зверей и диких людей. Париж все-таки лучше; хотя во Франции нет золотых приисков, но там приятнее живется, главное — безопаснее! Чем скорее мы вернемся во Францию, тем лучше!

Все рассмеялись неожиданной выходке Бернардо. Потом общим советом решили, что доктор отправится в Урэс и попросит генерала Х. удостоить свадьбу сына своим присутствием; кроме того, за отсутствием французских гражданских властей, командующий военным округом должен был скрепить свадебный контракт и, стало быть, необходимо было пригласить французские власти.

— Когда же назначить свадьбу? — спросил доктор.

— Через две недели, — сказал Юлиан. — Мы успеем все до тех пор устроить.

— Согласен, — сказал старый доктор, — ну, теперь, друзья мои, я нахожу, что всем пора спать. День был наполнен такими разнообразными событиями, что нужен отдых. Покойной ночи!

Все последовали совету доктора, и дамы первыми простились и удалились. Но в ту минуту, как мужчины собирались сделать то же самое, Юлиан их удержал, объявив, что имеет сообщить нечто важное.

Все остались и приготовились его слушать внимательно, зная, что подобный человек напрасно не станет их задерживать.

ГЛАВА XIV

Юлиан Иригойсен рассказал о случившемся при нем в прерии и прочитал вслух письмо, найденное при убитом мексиканце. Все поняли, что готовится нападение на ачиснду: но когда? Кем? Этих вопросов, конечно, никто не мог решить. Потолковав серьезно между собой, присутствовавшие пришли к заключению, что следует увеличить гарнизон в ачиснде. Послали за Но-Игнасио Торрихосом, мажордомом, и спросили у него: сколькими людьми он может располагать. Он объяснил, что со всех пастбищ, гуртов и табунов в течение двух недель можно собрать около семисот человек, маленькими группами чтобы не возбудить подозрения со стороны неизвестных врагов, которые, вероятно, следят за тем, что делается в ачиенде. Кроме того, в ачиенде было постоянных пеонов, вакерасов и т.п. человек около четырехсот — что составляло будущую маленькую армию в тысячу сто человек. Шарбон и Бернардо объявили, что на другое же утро отправятся в прерии и наwerbуют надежный отряд охотников-канадцев и укроют его где-нибудь поблизости, для того, чтобы напасть на неприятеля с тыла, когда завяжется борьба. Юлиана Иригойсена единогласно избрали главнокомандующим, ему поручили распоряжаться охраной ачиенды. Его известная храбрость и опытность в борьбе с дикими племенами и хищниками внушали к нему всеобщее доверие.

Все встали с мест и уже собирались разойтись, как вдруг невдалеке раздался ружейный выстрел.

Одним прыжком мажордом выскочил из комнаты.

— Неужели это нападение на ачиенду? — воскликнул дон Кристобаль с беспокойством.

— Нет, не похоже на то, — ответил Юлиан, осматривая свое ружье. — Подождем Игнасио, он, вероятно, разузнаст, в чем дело.

Прошло минут десять довольно тягостного ожидания; затем раздались шаги и вошел мажордом в сопровождении нескольких пеонов, которые вели красивого, молодого человека, одетого в живописный костюм ранчероса.

Оказалось, что денщик доктора, с которым он никогда не расставался со времени его походов еще в Африке, вздумал вспомнить старину и отправился с ружьем делать, по его выражению, «обход». Вдруг он увидел какого-то человека, шедшего по саду с ружьем под мышкой, точно запоздалый охотник, возвращавшийся домой. Он его окликнул, но тот довольно дерзко ответил ему, что если он не ослеп, то должен видеть, что идет человек. Это раздосадовало старого служаку, и он повторил вопрос, но на этот раз опять получил в ответ: «Старый дурак! Или не видишь, что человек идет!» Тут старый воин не выдержал и выстрелил в воздух, чтобы созвать людей. Схваченный незнакомец объявил прибежавшему мажордому, что он вошел незаметно в ачиенду, с целью передать весьма важное известие Темному Сердцу. Вот почему мажордом и распорядился его привести.

Молодой человек оказался действительно известным Юлиану, который однажды спас жизнь ему в саванне. Он в настоящее время находился в отряде Майора, который ему поручил потихоньку забраться в ачиенду и снять с нее план. Зная, что Темное Сердце находится в ачиенде и не сочувствуя нисколько Майору в его грабежах, он решил продать Майору Темному Сердцу, в благодарность за свою спасенную жизнь, и, кроме того, зная, как богат дон Кристобаль, он сообразил, что тот хорошо заплатит за такую ценную услугу. Он все эти соображения и передал Темному Сердцу, как будто дело шло о пустяках; вообще в нем замечалась страшная смесь природного изящества и порядочности с напускным цинизмом и грубостью.

— Все это прекрасно, — ответил ему Юлиан, — но что же мне послужит порукой, что вы нас не обманываете?

Наваха, так звали пришельца, вынул из-за пазухи кожаный мешочек и высыпал на блюдечко его содержимое. Это были бриллианты — блюдечко наполнилось ими до краев.

— Вот мое ручательство, — сказал он, указывая на бриллианты. — Их тут на шестьдесят пять тысяч пиастров — это все, что я накопил в течение десяти лет; если дон Кристобаль согласится мне дать за мою услугу тысячу золотых унций, то я могу вернуться во Францию, что составляет мою заветную мечту. Я у вас в залоге оставляю эти бриллианты и обязываюсь дать вам знать, в какой день Майор нападет на ачиенду; вы же отдадите мне мои бриллианты и выговоренную сумму после боя и в начале нападения захватите меня в плен: во-первых, чтобы вам легче было за мной наблюдать, во-вторых, чтобы спасти от Майора, который меня убьет, как собаку, когда узнает, что вы предупреждены.

— Я богат, — сказал ачиендерос, — эти деньги для меня сущая безделица; если вы исполните ваше обещание, то я вам выдам не одну, а две тысячи унций золота.

— Ну значит, по рукам, дело сделано! Тогда выведите меня тайком из ачиенды до восхода солнца, чтобы меня никто не видел — много шпионов Майора бродит вокруг.

— Хорошо, я согласен, — сказал Юлиан, после небольшого раздумья. — Сегодня же этот мешочек с бриллиантами и обещанные вам деньги будут отправлены в Эрмосильо к банкиру, к которому после битвы вам выдадут аккредитив. Согласны вы на это условие?

— Конечно, согласен! Только, ради Бога, не задерживайте меня долго, я уверен, что за мною следят.

— Еще одно слово. Нам нужно будет видеться. Каким образом это устроить?

— Я еще сам этого не знаю, но, будьте покойны, не пройдет и трех дней, как я еще раз у вас здесь побываю.

— Хорошо, я вас буду ждать.

Мажордом взялся вывести Наваху незаметным образом из ачиенды. Все разошлись по своим комнатам и наконец воцарилась полная тишина.

Прошло несколько дней. Доктор уехал в Урэс. Бернардо и Шарбон тоже поехали в прерию вербовать защитников, а три вождя племени команчей отправились посмотреть, все ли обстоит вокруг ачиенды благополучно.

Юлиан и дон Кристобаль были заняты приготовлениями к отпору неприятелю. Во многих местах возводились укрепления и временные жилища для прибывающих ежедневно, по распоряжению Но-Игнасио, пеонов и ватеросов.

Так как на общем совете было решено скрыть от дам все эти тревожные слухи, то хозяин и Юлиан оправдывали свои постоянные отлучки страстью к охоте. Часто они возвращались поздно вечером, утомленные, но без всякой дичи. Дамы смеялись над ними, шутили над их неудачей, но не подозревали настоящей причины их отлучек.

Прошло уже две недели, и ни от доктора, ни от охотников не было никаких известий.

Все работы по внутреннему укреплению ачиснды были окончены. Каждую ночь расставлялись цепи часовых вдоль стен, кроме того, каждый час патрули обходили парк, заглядывая в чащу, шаря за каждым кустом, так что прокрасться чужому человеку в ачиенду было совершенно невозможно.

Однажды, незадолго до восхода солнца, Юлиан, которому не спалось, вздумал обойти все посты караульных, чтобы вполне убедиться в их надежности.

Он уже обошел почти весь парк, найдя все в отличном порядке, когда вдруг легкий шум заставил его остановиться у стены. Он спрятался за толстым стволом дерева, взвел курок своего карабина и стал пристально всматриваться в то место, откуда раздался шум.

Шорох повторился, пробовали отпереть дверь в стени, недалеко от того места, где он стоял.

Прошло еще минуты три, дверь потихоньку отворилась и в ней показался человек, который остановился, как бы в нерешительности, и оглянулся назад, прислушиваясь к чему-то.

Юлиан прицелился в незнакомца и произнес вполголоса, но твердо:

— Кто идет? Отвечай, или я выстрелю.

— Ого! Тут караул хорошо устроен, — ответил весело незнакомец. — Это я, Но-Игнасио, и я не один.

При этих словах он обернулся назад и издал легкий свист, похожий на шипение змеи. По этому знаку какой-то человек точно из-под земли вырос. Оба поспешно вошли в парк и заперли за собой калитку. Незнакомый, явившийся по знаку мажордома, оказался Наваха.

После обычных приветствий Наваха объявил, что Майор его, по-видимому, подозревает и что, кажется, за ним следят, потому что он слышал за собой подозрительный шорох и треск сучьев.

— Мы это сейчас узнаем, — сказал Юлиан. — Спрячьтесь в кусты, и если за вами кто-нибудь следит, то он, скорее всего, попробует сюда пробраться.

Все трое притаились в чаще и стали ждать. Прошло около десяти минут ничем не нарушенной тишины. Вдруг сова, сидевшая, всроятно, в углублении стены, вылетела, испуская пронзительный крик. Вслед за этим показался человек на гребне стены, над тем местом, где находилась калитка. Человек этот стал внимательно присматриваться и прислушиваться к тому, что происходило в парке, с такой осторожностью, что едва слышен был легкий шорох.

Но, несмотря на все его предосторожности, бедняга был встречен весьма недружелюбно. Едва коснулся он земли, как два человека на него набросились с такой силой, что, несмотря на его отчаянное сопротивление, он в миг был свален на землю и скручен по ногам и рукам; кроме того, ему завернули голову в одяло и таким образом лишили возможности видеть и слышать, что вокруг него происходило. Исполнив это дело, все трое отошли в сторону, и Наваха рассказал им, что человек, которого они только что поймали, первое доверенное лицо Майора и что зовут его Себастьяном.

— Майор собирается напасть на ачиенду недели через две, в безлунную ночь; нападение будет сделано с трех сторон разом, но пункты еще не назначены, — продолжал Наваха, — когда они будут известны, я дам вам знать. Посылайте всякий день на берег Рио-Гранде, там есть место, называемое «брод Ганакосов»; возле него возвышается памятник, окруженный исполинскими мологанами. Когда посланный увидит пучок травы, привязанный к памятнику, то пускай роет землю у самого подножия; он найдет там жестяную коробку, а в ней письмо от меня.

Юлиан разговорился с Навахой, и тот понемногу рассказал ему всю свою жизнь. Он оказался французом, и начал свою карьеру на французской службе в Африке под начальством маркиза Жермандиа.

— Маркиза Жермандиа! — вскрикнул Юлиан, бледнея.

— Да, маркиза Жермандиа. Престранная судьба у этого человека, — продолжал Наваха, — он в Европе слышет убитым, а между тем он здравствует поныне и наводит здесь на всех ужас под именем Майора.

— Я это предчувствовал! — вскричал Юлиан. — Продолжайте, пожалуйста.

Наваха передал Юлиану подробности о мнимом самоубийстве полковника, которые уже известны читателю. По удалении Навахи, мажордом отвел пленного в тюрьму ачиенды и приставил к нему караул.

Когда Юлиан вернулся в дом, уже все встали; несмотря на ранний час, доктор только что вернулся из Урэса.

Юлиан поспешил к нему.

ГЛАВА XV

Доктор весьма удачно исполнил свое поручение. Генерал Х. принял очень любезно приглашение присутствовать на свадьбе и обещал присхать через десять дней, он также обещался привезти с собой военно-должностное лицо, имеющее право скрепить брачный договор. Юлиан, со своей стороны, рассказал отцу то, что узнал от Навахи, а именно: что прежний муж маркизы Жермандиа жив, и есть никто иной как Майор.

— Бедная Леона! — воскликнула Дениза.

— Да, бедная Леона, твоя правда, — повторил доктор. — Надо во чтобы то ни стало скрыть от нее этот позор, — это, впрочем, тем легче сделать, что здесь никто не знает, что она прежде носила имя маркизы Жермандиа.

Дверь с шумом распахнулась и вошел Бернардо, весь сияющий от удовольствия. Действительно, он привез весьма радостные вести. Ему и Шарбону не только удалось набрать отряд в семьдесят семь охотников, но они еще склонили целое колено племени команчей — Белых Бизонов — войти с ними в союз против Майора, с целью избавить навсегда индейскую территорию от его набегов. Краснокожие союзники, в количестве пятисот человек, должны расположиться лагерем недалеко от ачиенды, для того, чтобы зайти Майору в тыл, во время его нападения на ачиенду.

— Ну на этот раз, кажется, как Майор ни хитер, он не вывернется. Должно быть, мы с ним тут навсегда покончим, — сказал Юлиан.

— Да, и я так думаю, — поддержал его Бернардо.

— А я в этом убежден, — прибавил доктор.

— Теперь надо решить, что делать с моим пленником? — спросил Юлиан.

— Ты говоришь о Себастьянс? — спросил Бернардо, которому кратко слова было передано о случившемся.

— Да, куда его девать?

— Повесить, и дело с концом!

— Я бы так и поступил, если бы мы были еще в саванне; но здесь он подлежит суду по установленным в Мексике законам, — возразил Юлиан.

— Только-то, — сказал Бернардо, смеясь. — Так выдай его мне, я его повезу в лагерь нанятых охотников, мили три отсюда; они будут его судить по закону Линча, и мы там с ним покончим.

— Согласен, — сказал Юлиан, — только я с тобой тоже поеду.

Мажордома встревожило распоряжение Юлиана о выдаче пленного.

— Неужели вы его собираетесь выпустить? — воскликнул он. — Ведь это отъявленный разбойник!

— Никто в этом не сомневается, — ответил ему Бернардо, — я его просто веду к Линчу, и советую вам ехать с нами, так как вы свидетель его поимки.

— С большим удовольствием, — сказал Но-Игнасио и велел себе оседлать лошадь.

Привязав хорошенько Себастьяна к седлу, окутав ему предварительно голову одеялом, Юлиан, Бернардо и Но-Игнасио отправились к месту стоянки охотников, называемому «Куст синицы».

Как только охотники узнали, в чем дело, они тотчас собрались на поляне, избрали из своей среды представителя и приступили к суду по закону Линча. Всякий, кто знал Себастьяна, выходил на середину — где он сидел, свободный от веревок, но в окружении охранников с револьверами в руках, готовых при малейшем движении раздробить ему голову, — и говорил громко то, что он о нем знает. Оказалось, что он был известен почти всем охотникам, и каждый из них имел какую-нибудь улику против него.

Когда это краткое следствие было окончено, Себастьян вдруг сказал:

— Господа, я нисколько не отрицаю всех возведенных на меня обвинений, но я вижу, что вы многого из моей жизни не знаете, и я перед смертью — ведь я знаю, что вы меня осудите — желаю облегчить свою совесть чистосердечным признанием.

Тут Себастьян стал рассказывать о всех зверствах и преступлениях, которые он совершил в своей жизни, стараясь при этом сваливать всю вину на Майора и выставляя себя только слепым орудием. Кончив все, что касалось его лично, он стал, по требованию Юлиана, рассказывать все, что ему известно о Майоре. Он также рассказал, что отвез его жену к родным и что его девочка пропала в Апачерии, во время латаргического сна донны Люс.

— Где находится эта женщина в настоящую минуту? — спросил его Юлиан.

— Зачем вы это спрашиваете?

— Я хочу вернуть ей дочь.

— Ну, если так, то она живет в....

Вдруг раздался выстрел, и Себастьян упал навзничь, испустив предсмертный крик.

Охотники схватили ружья и бросились разыскивать неизвестного убийцу. Они долго искали, но ничего не нашли. Убийца исчез, не оставив и следа.

— Это Майор его убил, чтобы он не болтал, — сказал Бернардо.

— Да, вероятно; только он опоздал, — ответил Юлиан, — весь рассказ Себастьяна записан, и его настоящее имя теперь всем известно.

Когда охотники вернулись на лужайку, где был застрелен Себастьян, то, к крайнему их изумлению, его там не оказалось.

Тело его было похищено во время их отсутствия.

ГЛАВА XVI

Вернемся теперь к одному из наших героев, то есть к Майору. Он также не терял времени.

Вообще странный человек был этот Майор. Негодяй, в полном смысле слова, а между тем даровитый и замечательный во многих отношениях человек. Его военные способности были поразительны и, вероятно, блестящая карьера, честь и слава увенчали бы ту самую жизнь, которую порочные инстинкты и необузданные страсти повергли в омут зла и бесчестия. Не сделавшись ни великим гражданином, ни доблестным полководцем, он стал первостепенным негодяем. Эта могучая натура должна была выдвинуться, где бы то ни было! Слава его гремела по таинственной шире восточных саванн. Бандиты со всех сторон стекались к нему: они знали, как он награждал своих помощников после удачной экспедиции! А, нужно сказать, что его экспедиции бывали удачны почти всегда. Счастье улыбалось ему; золото лилось рекой между его пальцами; за это разбойники прощали своему атаману его неумолимую строгость, а иногда даже и жестокость.

Его боялись, его ненавидели, но ему повиновались безусловно. Все шло хорошо до того дня, как Майор встретился с Железной Рукой и Темным Сердцем. С этого дня все переменилось: эти люди принесли ему несчастье, и неудача стала ему поперек дороги. Судьба сталкивала их постоянно, и при каждой встрече Майор терпел поражение. Отчего? Он сам не знал, но ненавидел

их страшно и решился бороться с ними ни на жизнь, а на смерть. На этот раз он надеялся с ними покончить. Мы находим его в укрепленном лагере, окруженном земляными окопами и высоким частоколом. Кругом, молча, ходят часовые. Множество костров ярко блестит в вечернем сумраке. Число их показывает, что шайка довольно значительна. Посреди лагеря на небольшом возвышении стоит плетеный из ветвей шалаш. Здесь живет сам атаман. Лицо его сумрачно. Проклятья извергаются из его уст. Он быстро ходит взад и вперед по шалашу, порой останавливаясь, чтобы направить подозрную трубу в темную даль чернющей саванны. Напрасно... Вот уже десять дней, как он ждет известий. Ни Наваха, ни Себастьян еще не возвращались. Калаверас, который давно уже должен был быть тут со своими 150 луизианскими разбойниками, тоже не показывается, а без этого подкрепления Майор не решался двинуться к ачиендс. Что там случилось, он решительно не знал, а эта неизвестность томила его более всего. Но тише... Раздался протяжный крик часовых: кто идет?.. Вслед за тем послышался лошадиный топот... Кто-то въезжал в лагерь. Майор встрепенулся. Странная улыбка мелькнула на его губах.

— Наконец-то! — прошептал он.

Лицо его мгновенно приняло почти беспечно выражение. Он опустился в кресло перед столом, заваленным бумагами, делая вид, что весь поглощен чтением. Одежало, служившее портьерой в шалаше, приподнялось.

— А! Наваха! — сказал небрежно Майор. — Я уже потерял надежду вас видеть.

— Немного недоставало для того, чтобы мы с вами более никогда не встречались, — ответил вошедший.

— Ого! Ну а известия есть?

— Есть!

— Дурные или хорошие?

— И те, и другие.

— Вот как! Но вы, конечно, устали и проголодались? Я сейчас всю подать ужин, и за столом вы мне все расскажите.

Он громко свистнул. Портьера открылась и показалась косматая голова.

— Ужин! — повелительно сказал Майор.

Голова скрылась, и через несколько минут двое слуг внесли стол, уставленный кушаньями и винами.

— Оставьте шалаш! — приказал им атаман. — Мне нужно быть наедине с Навахой.

Слуги молча вышли.

— Садитесь, Наваха! — сказал Майор, усаживаясь также за столом. — Теперь подкрепляйте ваши силы и говорите... Ну, что Калаверас?

— Он будет здесь завтра, на рассвете...

— Отлично. А Себастьян?

— Он умер. Я его убил.

— Что такос? — вскричал гневно Майор. — Но, товарищ! Это требует объяснения!

— Майор, на моем месте вы бы точно также поступили.

— Вот как! Посмотрим! Но мы об этом поговорим после. Скажите теперь, были вы в ачиенде?

— Был.

— Ну что же, ожидают ли они там нападения?

— Как же!

— Сколько их?

— Всего триста двадцать три человека. Из них самыми опасными противниками для нас будут стрелки, приведенные графиней Валенфлер. Правда, их только восемнадцать человек, но Железная Рука и Темное Сердце между ними. К счастью, запасы у них плоховаты. Дон Кристобаль с трудом собрал двести фунтов пороха.

— Тем лучше для нас! Знаете ли вы план их обороны?

— Главные силы будут оборонять ранчерию. Там находятся огромные склады золотого песка и серебряных слитков.

— Как! — встрепнулся Майор. — У них есть склады золота и серебра?

— А вы этого не знали?

— Совершенно не знал.

— Странно. Нужно вам сказать, что я пробрался в ачиенду в костюме вакероса и поэтому никто не обращал на меня внимания. Притом же я тщательно избегал всех тех, кто мог бы меня узнать. Таким образом, я узнал, что дон Кристобаль, боясь французских мародеров, не отослал своих сокровищ в Гуаймас, а спрятал их в ранчерии. Впрочем, посмотрите на этот план: так вы лучше поймете.

Он вытащил из кармана замасленный бумажник, достал из него большой лист бумаги, сложенный вчетверо,

и подал его Майору. Атаман лихорадочно схватил его и разложил перед собою на столе, шумно отодвинув тарелки и бутылки, которые со звоном полетели на пол.

— Молодец, Наваха! — радостно вскрикнул он. — Вот друг, так друг!

— А вы в первый раз замечаете, что я вам друг? — спросил Наваха с добродушным видом.

— Ну, нет! Я вас давно знаю, приятель, и отдаю вам полную справедливость. Вы не сообщали этого плана Ка-лаверасу? — добавил он с некоторым беспокойством.

— Будьте покойны, Майор! Никто, кроме вас, о нем не знает.

— Так победа за нами! Наконец-то, я покончу с моими врагами! — сказал Майор свирепым тоном.

— Заметьте красную точку, здесь, под стеною. В этом месте дожди размывили ее, и она легко поддастся сильному натиску.

— Прекрасно... Значит, мы их поставим меж двух огней... В то время как незначительная часть нашего отряда открыто направится против ачиснды и ранчерии, главные силы тихонько проберутся через парк... Но, Наваха, приятель дорогой, вы рассказали мне, как пробрались в ачиснду; расскажите же мне, как вы оттуда выбрались?

— Это было около четырех часов утра. Я всю ночь рыскал по парку, отыскивая удобное место, чтобы перелезть через стену. Тут-то я и заметил место, означенное красной точкой. Вдруг легкий шорох заставил меня притаиться за кустами. По дорожке шли Темное Сердце и мажордом. Они шепотом разговаривали, но, к удивлению моему, разговор их внезапно оборвался, и они скрылись за деревом. В это время над стеною показалась голова, потом плечи и наконец какой-то человек соскочил во двор. Но он не успел ахнуть, как ловко брошенное лассо повалило его навзничь, Темное Сердце и мажордом выскочили из своей засады, скрутили ему руки и почти полуживого потащили в ачиснду. Я успел, однако, разглядеть этого человека: это был Себастьян.

— Ага! — прервал его Майор. — Наконец-то, вы заговорили и о нем.

— Появление Себастьяна меня поразило...

— Наваха, — сказал Майор, протягивая ему руку с видом искреннего сожаления. — Я виноват перед вами. Вы сами знаете, насколько я имею право сомневаться в

окружающих меня... Себастьян, подозрительный характер которого вам знаком, кое-что рассказал мне про вас и обещал доставить мне верные доказательства, если я ему предоставлю полную свободу действий...

— Значит, он по вашему приказанию следил за мной? Но я не обижаюсь на вас, Майор: всякий на вашем месте поступил бы точно также, но не всякий так чистосердечно сознался бы в своей ошибке.

— Спасибо, товарищ! С сегодняшнего дня между нами будет дружба на жизнь и на смерть.

— Я надеюсь, что если у вас еще сохранились какие-нибудь сомнения насчет меня, то они скоро исчезнут. Но вернемся к Себастьяну. Я решил не покидать ачиенды, пока не узнаю о постигшей его участи, но мне не пришлось долго ждать. Для избежания разных недоразумений, дон Кристобаль не хотел казнить его в ачиенде, но, узнав случайно, что в окрестностях находится большая партия степных охотников, он приказал отвести к ним Себастьяна. Там ожидал его суд Линча. Мне удалось выбраться из ачиенды и пробраться к месту, где должен был происходить суд. Я спрятался в листве гигантских деревьев и, таким образом, невидимкой, присутствовал при всем деле. Около полуночи появились охотники под предводительством некоего Шарбона.

— Я знаю его. У меня есть с ним счеты.

— Себастьян лежал крепко связанный среди них. После обычного допроса свидетелей, он был приговорен к смерти, но требовал выслушать полную его исповедь. Более того, он требовал, чтобы слова его были занесены в протокол и чтобы последний был подписан всеми присутствовавшими.

— Дьявол! — с бешенством вскрикнул Майор. — Что же он сказал?

— Этого повторять я не буду... Но знайте, что, под предлогом повествования своих грехов, он рассказал всю вашу историю... Настоящее имя ваше тоже не было забыто. Подробности были до того ужасны, что охотники затаили дыхание, слушая этого негодяя! Возмущенный до глубины души гнусной клеветой, я не выдержал и выстрелом из ружья уложил мерзавца на месте.

— Благодарю, друг! Ах, он подлец, подлец! — повторял Майор, скрежеща зубами. — Но чем же все это кончилось?

— Страшным переполохом, разумеется. Но густая листва спасла меня, и когда охотники, утомленные напрасными поисками, убрались, я, наконец, спустился с дерева и без оглядки бросился бежать.

— Что же случилось с телом изменника?

— Ей-Богу, не знаю. В первую минуту я о нем не подумал, а потом возвращаться было рискованно. Охотники могли вернуться.

— Правда... Однако они у меня поплатятся за этот протокол. Не хочу связываться с ними, пока не покончу с ачиендой; но потом отомщу.

— Кстати, об ачиенде... Когда же вы начнете действовать против нее? Мне, кажется, что времени терять нечего.

— Я сам не намерен медлить. Калаверас будет здесь завтра со своими людьми.

— Не рассчитывайте слишком на его людей. Это сборище бродяг, пьяниц и трусов, ни на что не годных.

— Мы их еще не видали. Однако не знаете ли вы, долго ли еще будут лунные ночи?

— Завтра последняя четверть.

— Нужно поторопиться. Мы выступим в будущее воскресенье. Это хороший день. Половина ачиснды будет пьяна! А теперь, Наваха, садитесь сюда и давайте изучать привезенный вами план.

ГЛАВА XVII

Лагерь просыпался. Косые лучи восходящего солнца весело освещали оживленную картину. Повара суетились около ярко блестящих костров, то подкладывая дрова, то поворачивая нагруженные дичью вертела. Невдалеке разбойники чистили оружие или штопали пестрые лохмотья... Вот с криком и гиком промчался табун на водопой. Смех, проклятья, ржание коней, вой собак стоном стояли над лагерем. День был чудный. Прозрачные облачка плыли по темно-голубому небу, белый пар клубился над землей и над рекой. Легкий ветерок чуть-чуть колыхал покрытую жемчугом и алмазами листву и разносил далеко упоительный запах степных трав, радостное щебетание птиц возносилось хвалебным гимном к престолу Создателя.

Утро застало Майора и Наваха за тем же столом, за которым они сидели накануне вечером, изучая план. Теперь они были вполне готовы. Оставалось только действовать. Утомленные долгим бдением, они вышли на порог шалаша подышать свежим воздухом.

— Эге! — воскликнул вдруг Наваха, протянув руку по направлению к горизонту. — Смотрите-ка, в первый раз в жизни, наверно, Калаверас сдержал слово!

Майор поспешно направил в ту сторону подозрительную трубу. На горизонте смутно выделялась толпа всадников; далеко впереди их, с правого фланга, мчалась отдельная группа, быстро приближавшаяся к лагерю.

— Это он! — с довольным видом сказал Майор. — Только помните, Наваха, ни слова о Себастьяне!

— Слушаюсь! Но, Боже мой, смотрите, как наш капитан смешон на лошади?

Оба бандита отправились навстречу к подъезжавшим.

Действительно, Наваха был прав. Отряд Калавераса пасовал перед бандитами Майора. Но последний не дал им этого понять. Он ласково приветствовал прибывших, обнял их атамана, поздравляя его с хорошей выправкой людей, и ввел его в шалаш.

Фелиц Оианди сиял: он чувствовал себя необходимым.

— Ну, — спросил он, — значит, теперь все в сборе? Когда же начнем действовать?

— Только тебя и ждали. В будущее воскресенье мы тронемся с места.

— Как? В воскресенье!.. Прекрасно! Отлично! Ха-ха-ха!

— Чего же ты хохочешь?

— Будто ты не догадываешься?

— Нет же, черт тебя возьми!..

— Полно, не сердись... Неужели ты не знал, что на будущее воскресенье назначена свадьба Темного Сердца и прелестной Денизы? Понимаешь ли ты теперь, как это кстати?

— Понимаю, понимаю! — засмеялся Майор. — Честное слово, штука превосходная! Значит, мы приедем прямо к балу и попляшем с молодой!

Если бы в эту минуту Майор взглянул на Наваху, то его поразил бы взор, полный ненависти, устремленный на него. Но Майор ничего не видел, а глаза Навахи уже снова приняли обычное выражение.

— Как узнал ты о дне свадьбы? Впрочем, я забываю, что ты некогда интересовался невестой...

— Может быть, я и теперь ее не забыл... Узнал же я об этом тем же путем, которым узнается все на свете — посредством подкупа. Но, не смейся, Майор, кое-что, может быть, и тебя ожидает.

— Как? Что такое?

— Ничего... я так! Только даешь ли ты честное слово, что мы выступим в воскресенье?

— Даю, черт возьми! Объясни же, ради Бога!

— Нет! Нет!.. Не могу! Знай только, что в воскресенье ты будешь изумлен...

— Приятно или неприятно?

— А! Ты слишком любопытен! Если я разболтаю, то весь эффект сюрприза пропадет.

— Ну, так убирайся к черту с твоим сюрпризом! Давай лучше завтракать. Стол накрыт.

Приятели уселись вокруг роскошно сервированного стола.

— Кстати, — спросил Фелиц Оианди, — где Себастьян?

— Себастьян, — отвечал Майор, — поехал в Гуаймас, чтобы поближе наблюдать за известным тебе французским кораблем. Нужно подготовить команду, развязать языки матросам, все это больше делается для тебя. Понял?

— Эх, может быть! — отвечал Оианди, со свойственной лишь ему и гиснс усмешкой.

— Еще лучше поймешь это после взятия «Флориды» и ее жителей.

— Серьезно? — продолжал хромой бандит, впсрив многозначительный взгляд в Майора.

— Я никогда не шучу, когда дело действительно серьезно. Ты должен был бы это знать. Но, слушай дальше: из Гуайамаса Себастьян отправился в Эрмосильо.

— Зачем?

— Там живет отец мосй жсны...

— Донны Люс?

— Понятно! Я спрятал у него значительную сумму денег...

— Да, припоминаю тсперь. Говорят, там у тсбя около миллиона.

— Немного более. Но это к делу не относится. Главное то, что после нападения на ачиснду, нам, разумсется, нельзя будет тут оставаться. Нужно предполагать, что дело это поднимст ужасный шум, а так как я не желаю попасть в руки кого бы то ни было, то мы тотчас по окончании экспедиции, направимся в Гуаймас. Чтобы задержки не было, на условленных станциях нас будут ждать свежие лошади, а по прибытии на корабль, мы тотчас же выйдем в открытое море. Все предосторожности приняты, даже невозможное предусмотрено, и наши сокровища, и наши прелестные подруги, и мы сами будем далеко, еще раньше, чем здесь догадаются, что мы уже покинули саванну.

— Bravo, Майор! План великолепен!.. Ничего не забыто. Ты просто великий человек...

— Благодарю, — отвечал тот, смеясь. — Я просто предупреждаю случайности; это лучший способ никогда не попадать впросак.

— Правда, правда! Будет же потеха!

— Надеюсь!..

Странная улыбка опять мелькнула на губах Майора.

Навах не принимал видимого участия в этом разговоре. Небрежно развалясь, он лениво покуривал трубку и, казалось, был весь погружен в созерцание синеватых клубов дыма. Между тем он слушал внимательно. Его поражала логичность, а главное, искренность, которые звучали в словах Майора. Видно было, что план этот давно созрел в его голове и что им, действительно, приняты меры, о которых он говорит. Правда, Ссбастьяна не было в живых. Уже одно это обстоятельство могло разрушить веру во все остальное: каким же образом он мог служить исполнителем распоряжений Майора? Но Наваха тут вспомнил, что два месяца тому назад Майор давал тайное поручение бывшему матросу, и что тот долго не возвращался. По всей вероятности, поручение это относилось к исполнению плана побега; Ссбастьян не мог служить ему вчера, но кто поручится, что задуманный план не осуществлен раньше? Одно смущало еще Наваху: откровенность Майора. От людей типа Майора можно ожидать всего, кроме искренности. Эти люди не имеют друзей, у них есть сообщники, связанные между собой не симпатией, а грубым расчетом, поэтому они никогда не останавливаются перед изменой. Наваха это знал, и в настоящем случае дело принимало, по его мнению, самый дурной оборот. Он был убежден, что для своей личной безопасности, Майор не задумается пожертвовать всеми своими товарищами, что надеется их телами заградить путь своим преследователям, и в самой откровенности его он уже предчувствовал подготавливающуюся западню. Какую? Он не знал еще, но решил не терять Майора из вида. Это было нелегко. Нельзя было возбуждать подозрений Майора, но нужно было ловко обойти его, даже ослепить доказательствами преданности. Ничтожный случай мог все испортить, и Наваха знал, что его ожидало в этом случае. Майор коротко расправлялся со своими подчиненными: выстрел из револьвера — и делу конец. Но Наваха был храбр, умен и ловок; поэтому трудность задачи не остановила его. К тому же, он

сознавал, что жизнь его и без того висела на волоске со времени его тайного союза с врагами Майора, и что в сущности шансы жизни или смерти были у него равны...

Внезапный шум прервал размышления Навахи. Кто-то въезжал в лагерь. Майор, говоривший в эту минуту в полголоса с Калаверасом, вдруг поднял голову.

— Что там такое? — спросил он.

Наваха подошел к двери.

— У лагеря целый отряд всадников. Их по крайней мере пятьдесят, — сказал он.

— Кого тут черт принес? — удивился Майор, подходя к нему. — Я никого не ждал. Но я не ошибаюсь. Это лесные охотники и краснокожис. Что им здесь нужно?

В эту минуту к ним подбегал один из бандитов:

— Майор, сюда присхали охотники и действительно требуют свидания с вами.

— Скажи им, что не могу их принять.

— Майор, там главные начальники: Железная Рука, Темное Сердце и Весельчак...

— Неужели? — с удивлением воскликнул Майор. — Беги скорее, скажи, что я их жду. Но, погоди, что там за краснокожис?

— С ними прибыли воины из племени Белого Бизона.

— А вожди с ними?

— Двос: Большой Бизон и Опоссум.

— Странно! — задумчиво сказал Майор. — Зачем они присхали? Впрочем, мы это сейчас узнаем. Беги и приведи их сюда!

Пока бандит исполнял это поручение, Майор направил вдаль подзорную трубу. Брови его нахмурились. У опушки леса виднелись стоявшие неподвижно всадники. Ясно было, что это только авангард значительного отряда.

— Может быть, — вмешался Фелиц Оианди, — охотники ищут союза с нами?

Майор сурово молчал. Глаза его были устремлены на вновь прибывших. Он заметил, что пять всадников отделились от своих спутников и въехали внутрь лагеря, а остальные охотники и индейцы выстроились у наружных ворот таким образом, чтобы в случае необходимости отступление могло быть совершенно беспретственно.

Майор сделал знак Оианди и Навахе следовать за ним и направился навстречу гостям.

Те остановились. Но, не обращая внимания на невежливость подобной остановки, Майор продолжал идти вперед.

— Приветствую вас, кабальеро! — радушно сказал он. — Не угодно ли вам сойти с лошадей и войти в шалаш?

Обычай степей требовал, чтобы при дружеских посещениях гости приближались пешие; но охотники и индейцы оставались верхом. Это одно уже давало присутствию их враждебный оттенок.

Они отвечали холодным поклоном на приветствие Майора, но ни один из них не шевельнулся.

— Синьор, — сдержанным тоном отвечал Железная Рука, — мы приехали к вам не в качестве гостей. Посещение наше, к сожалению...

— Синьор, — с достоинством прервал его бандит, — в таком случае вы являетесь сюда врагами?

— Пока еще нет; все зависит от вас, — ледяным тоном продолжал Железная Рука. — Мы приехали сюда по желанию степных охотников объявить вам, чтобы вы в продолжение трех дней очистили вашу позицию и отступили на двадцать лье назад. Этот укрепленный лагерь кажется подозрительным нашим охотникам, и они напоминают вам о договоре, по которому вы обязались честью, два года тому назад, никогда не подходить к месту их охот ближе, чем на двадцать лье.

— А! — шипящим голосом проговорил Майор. — Продолжайте!

— Кроме того, друзья мои и я должны вам передать копию с исповеди одного из негодяев вашей шайки. Человек этот избежал правосудия суда Линча только благодаря пуле спрятавшегося на дереве незнакомца, который, воспользовавшись нашей оплошностью, еще и похитил его труп.

Майор быстро обернулся к Навахе, устремив на него грозный взор. Но удивление и недоумение авантюриста были, по-видимому, так искренни, что подозрение тотчас же исчезло.

— Синьор, — обратился он опять к Железной Руке, — я не вижу ничего общего между мною и исповедью какого-нибудь негодяя.

— Исповедь эта обвиняет вас в страшных преступлениях. Ее подлинность засвидетельствовали и скрепили

своей подписью лица, достойные доверия. На основании всего этого, — продолжал Железная Рука после минутного молчания, — мы вам объявляем, что суд Линча приговорил вас к смерти, предоставив вам, разумеется, право оправдаться. Ровно через десять дней от сего числа вы представите ваши доказательства перед собранием охотников, в Воладеро делла-Пальма*.

— Вы кончили? — спросил Майор, задыхаясь от бешенства.

— Кончил! — отвечал охотник с поклоном.

— Вам дали щекотливое поручение синьор! — насмешливо сказал Майор. — Согласитесь, что болсе чем смело, с вашей стороны, явиться в мой лагерь с такой небольшой свитой и с таким нахальным посланием?

— Ну, — хладнокровно отвстил Железная Рука, — нас вовсе не так мало! Здсь нас пятьдесят человек, а там у леса, еще двести охотников и триста индейцев, готовых броситься на вас при первом знаке. Сознайтсь сами, что при этих условиях наша смелость не особенно удивительна.

— Хорошо, синьор: я готов это признать, тем охотнее, что предания степей мне самому дороги, и всякий, кто переступит мой порог, священен для меня. Вы в моем лагере, то есть у меня. К тому же, я не считаю вас своими врагами. Мне кажется, что я никогда не оскорблял вас ни словом, ни действием...

— Мы вам ни друзья, ни враги. Мы вас не знаем, дела ваши нас не касаются. Мы исполняем возложенное на нас поручение — вот и все... А теперь, не угодно ли вам выслушать вождей команчей, наших союзников...

Железная Рука с особенным ударением произнес слово «союзников».

— Ах, да! — с усмешкой сказал Майор. — Я забыл почтенных краснокожих. — И, повернувшись к ним, он сказал на их языке, которым владел в совершенстве: — А вы, вожди, вы пришли сюда друзьями или врагами? Прошу вас объясниться скорее. Я не хочу тратить время на пустую болтовню.

— Вожди не бабы, чтобы болтать, — сухо ответил один из вождей. — Я, Большой Бизон, и брат мой Опосум, от имени команчей как Озерных, так и Луговых, от

* Овраг Пальмы.

имени их союзников, краснокожих и других, объявляем тебе, Бурому Коршуну, что ты нарушил все договоры, заключенные между нами; что ты собака, что ты заяц, что ты вор и что, не желая далее потворствовать твоему вероломству, мы вырыли топор войны* и поднимем его против тебя! С этой минуты пятьсот воинов будут преследовать тебя всюду, а с восьмой луны число воинов будет в четыре раза больше. А чтобы ты не сомневался в моих словах, посмотри на это.

При этих словах он вытащил из-под плаща пук окровавленных стрел, перевязанных змеиной кожей, и бросил их к ногам Майора, воскликнув:

— Берегись! Вакондах и его краснокожие дети будут бороться за правое дело! Я сказал!

— Хорошо, вожди, — коротко ответил Майор, поднимая стрелы.

Все замолчали. Майор, казалось, что-то обдумывал. Охотники и индейцы стояли молча и неподвижно.

Бандит поднял голову. Добродушная улыбка освещала его лицо.

— Сеньор, — кротким голосом обратился он к Железной Рукс. — Ваше первое требование справедливо, и поэтому я повинуюсь ему. Через три дня лагерь мой будет перенесен на условленную границу; саванна достаточно велика, чтобы мы друг друга не стесняли. Что же касается второго требования, то вот вам мой ответ: долг чести заставляет меня искать оправдания перед судом Линча. Значит, я и относительно этого повинуюсь. Ровно через десять дней, ждите меня в Воладеро делла-Пальма. Надеюсь, что доказательства, которые я привезу, изобличат наглую клевету этого негодяя. Что же касается его, то, клянусь вам, что я не знаю, что случилось с его трупом.

Обратившись потом к индейцам, Майор продолжал на другом наречии, но тем же добродушно-вежливым тоном:

— Мне жаль, вожди, что топор войны вырыт вами против меня, я не верю, чтобы я действительно этого заслужил, и надеюсь, что вы еще одумаетесь. Впрочем, вы меня всегда найдете готовым как к миру, так и к

* Вырыть топор войны — значит, на языке краснокожих, объявить войну.

войне. Тем не менее я искренно желаю, чтобы топор был снова зарыт между нами так глубоко, чтобы даже внуки наши не могли его найти. Я сказал.

Майор поклонился с улыбкой.

— Синьоры, — сказал он, — поручения ваши исполнены. Неужели и теперь вы откажетесь принять у меня хлеб-соль?

— Мы не должны долее оставаться в вашем лагере, — отвечал Железная Рука. — Наше продолжительное отсутствие может возбудить подозрение наших друзей и подать повод к недоразумениям. Не задерживайте нас, синьор! Прощайте!

— Как вам угодно, синьоры! Во всяком случае, не прощайте, а до свидания!

Охотники поклонились и, сопровождаемые Майором, направились к воротам лагеря.

После нового обмена поклонами, они пустили своих лошадей вскачь. Майор следил за ними. Не успели они отъехать на некоторое расстояние, как навстречу им из леса высыпала толпа охотников и краснокожих, и радостные крики их огласили воздух.

— Тысяча чертей!.. — воскликнул Майор, отирая пот со лба. — Счастье мое, что я сумел сдержать себя. Эти дьяволы задали бы нам трепку, если бы им вздумалось вдруг напасть на нас! Но все равно дела наши портятся... Охотники и команчи против нас. Как тут быть?..

И он задумчиво всрнулся в свой шалаш.

ГЛАВА XVIII

Бандиты издали наблюдали за объяснением Майора с охотниками и краснокожими. Хотя разговор не доходил до них, тем не менее внешняя обстановка свидания дала им понять, что дело неладно. Беспокойство овладело ими. Неужели охотники и краснокожие явились новыми противниками?.. Бандиты их особенно не любили и побаивались. Они знали ловкость и отвагу знаменитых всадников и сознавали, что не могут ждать от них пощады. Мысль о дезертирстве стала распространяться по лагерю. Люди сходились группами, тихо разговаривая и подстрекая друг друга. Еще немного, и ночное возмущение поставило бы Майора в безвыходное положение. Но ничто не ускользнуло от внимания Бурого Коршуна. Долголетний опыт научил его предугадывать и предупреждать разные случайности. Заговор не успел созреть, как уже нити его были разорваны. Ловко пущенный Майором слух, убедил бандитов, что они ложно истолковали поведение охотников, и что те, наоборот, приезжали в лагерь с предложением союза против индейцев племени Сиу и апачей. Майор же будто бы отклонил их предложение, не желая более откладывать нападение на «Флориду», результатом которого должно было быть обогащение его и преданных ему партизан. Последний довод окончательно решил дело в пользу Майора. Жажда золота заглушила дурное впечатление, произведенное приездом охотников, и бандиты с восторгом встретили при-

казание быть готовыми к выступлению. Все эти неблагоприятные обстоятельства не могли поколебать железной воли Майора. Озадаченный в первую минуту, он быстро оправился и направил всю свою изобретательность к поиску мер против угрожавшей ему опасности. Почтенный триумвират опять заседал в шалаше, обсуждая окончательные распоряжения перед выступлением.

— Надеюсь, Майор, — говорил, улыбаясь, Наваха, — что ваше заявление о согласии подчиниться суду Линча было только шуткой?

— Еще бы! Советую им другой раз не жаловать к нам с подобными поручениями! Счастлив их Бог, что их было так много. Не то они поплатились бы за свою дерзость.

— Все это наводит меня на разные соображения, — сказал Фелиц Оианди.

— На какие же?

— А на такие, что и охотники, и команчи вступили в союз с доном Кристобалем. Вся цель их присзда сюда заключалась в том, чтобы заручиться поводом действовать против тебя.

— Это странно! — сказал Наваха. — Та же мысль пришла и мне в голову.

— Вот что!.. — протяжно сказал Майор.

— Да, меня поразило это странное собрание; всем известно, что охотники всегда действуют вразброд.

— За исключением больших охот, а мы, кажется, как раз приближаемся к этому времени! — насмшливо заметил Майор.

— Ну а команчи — что ты о них думаешь?

— Присутствие их еще легче объяснить: они тут на своей земле и, кроме того, они действительно имеют основание быть мною недовольными.

— Положим, но неужели это совпадение случайностей не удивляет тебя?

— Здравый смысл не позволяет мне придавать значение этому смешению цветов и интересов, направленному будто бы к одной цели: то есть к моему уничтожению.

— Смейся, друг, но будущее покажет, кто из нас прав.

— Пустяки!..

— Ладно. Я тебе припомню только одну латинскую поговорку. Ты понимаешь по латыни?

— Когда-то понимал.

— Так слушай: «Quos vult perdere Jupiter, dementat»*.

— Черт тебя побери! Но оставим это! Наваха, я должен вам сказать, что рассчитываю на вас.

— Приказывайте, Майор.

— Необходимо, чтобы умный и храбрый лазутчик проследил, куда девались наши утренние гости.

— Вот что!

— Поручение важное и опасное, поэтому я и выбрал вас.

— Очень благодарен! — процедил Наваха сквозь зубы.

— Вы, кажется, не особенно радуетесь моему выбору! Не имеете ли желания от него отказаться?

— Я не должен отказываться. Мое дело повиноваться. Но, сказать правду, Майор, сегодняшние происшествия заставляют меня сожалеть о том, что ваш выбор не пал на другого.

— Полноте, друг мой, вы единственный, на кого я вполне надеюсь.

— Благодарю вас, Майор; я готов на все. Прошу вас только предоставить мне полную свободу действий, а главное — позвольте мне самому выбрать тот костюм, который я для себя сочту более безопасным.

— Ну, что касается этого, то делайте все, что вам угодно. Мне только нужно иметь самые точные сведения.

Наваха просиял. Он разыграл свою роль в совершенстве! Он добивался именно случая, который бы ему позволил переговорить с Темным Сердцем о последних распоряжениях Майора; и вдруг сам Майор помогал ему в этом.

Небо было покрыто свинцовыми тучами. Ветер налетал порывами. Вдалеке слышались раскаты грома. Все предвещало грозу. Сумерки уже наступили, когда Наваха покинул лагерь. Он был одет в полный костюм охотника, даже лошадь его была оседлана по индейским правилам. За поясом бандита был, можно сказать, целый арсенал. Он смело мог бороться с пятью или шестью противниками.

* Юпитер отнимает разум у того, кого хочет погубить.

Отъехав от лагеря на значительное расстояние и удостоверившись, что часовые окончательно его потеряли из вида, Наваха круто свернул в сторону. Теперь он направлялся к мексиканской границе. Гроза приближалась. Зеленоватая молния бороздила небо, громовые удары повторялись с возрастающей силой; хлынул дождь и мгновенно превратился в ливень. Зги не было видно. Наваха напрасно напрягал зрение — мрак окружал его со всех сторон. Уже много часов блуждал он по саванне, отыскивая какой-нибудь признак дороги; наконец, утомленный, промокший до костей, он с досадой убедился, что сбился с пути. Тогда он вспомнил последнее средство всех заблудившихся путешественников: он бросил поводья, предоставив лошади следовать своему чутью.

— Ну, Негро, — сказал он вслух, точно благородное животное могло понять его, — иди куда знаешь, я отказываюсь искать дорогу.

Лошадь, великолепный степной мустанг, казалось, услышала слова своего господина. Она фыркнула, весело заржала и, подняв высоко голову, быстро помчалась вперед. Гроза не унималась. Наваха тревожно оглядывался; уже с полчаса, по крайней мере, Негро неслся свободно по непроглядной шири саванны, как вдруг вдали блеснул яркий огонек.

— Черт возьми, наконец-то! — пробормотал Наваха. — Какой-нибудь лагерь. Лишь бы не неприятельский. Что же это такое? Огонек то показывается, то исчезает. Ну будь, что будет! Чего мне бояться? Всякому непоздоровится, кто вздумает напасть на меня.

Лошадь вдруг свернула с саванны и поскакала под деревьями девственного леса.

— Кто идет? — грозно раздалось в темноте.

— Друг! — ответил Наваха, останавливая лошадь.

— Кто такой?

— Охотник, ищущий убежища от грозы.

— Идите вперед, не бойтесь.

Бандит не заставил повторять себе приглашение. Он смело подъехал к месту, откуда раздавался голос.

Огонь, к которому его привез Негро, горел не на открытом месте, а внутри пустого дерсва. Это был один из тех гигантских кипарисов, о которых мы уже говорили; на нем уцелела одна кора; выгнившие же годами

дупло могло свободно вмещать до пятнадцати человек. В настоящую же минуту там жил один человек.

По приглашению хозяина этой странной квартиры, Наваха ввел в нее и свою лошадь. Он ее расседлал, вытер тщательно пучком соломы и, приготовив ей захваченный с собою корм, наконец, позаботился и о себе. Он вынул кое-какие припасы из сумки, разложил их перед огнем и собрался ужинать. Тут только он вспомнил о хозяине дупла, который и сам, по-видимому, не обращал на него внимания.

Наваха поднял на него любопытный взор и остолбенел.

— Себастьян?! — вскрикнул он.

— Ага! Вы меня узнали, — отвечал тот, грустно улыбаясь. — Я тоже сейчас вас признал, несмотря на перемену одежды. Вы — Наваха.

— Да. Но, Себастьян! Может ли это быть? Вы не умерли?

— Нет еще, но долго ждать не придется, — вздыхая, проговорил матрос. — Добейте меня, если вам это приказано, я защищаться не стану. Сил больше нет!

— Мне ничего подобного не приказано. К тому же, все считают вас умершим.

— Как все? И Майор также?

— Да. Я и принес ему это известие.

Радость озарила лицо Себастьяна.

Бедный малый страшно изменился. Черты его лица вытянулись, он стал бледен, глаза ввалились. Его левая рука была обмотана окровавленной тряпкой. Видно было, что душа еле держалась в этом теле.

— Ну мы, вероятно, много кой чего можем друг другу порассказать, — продолжал Наваха, — но, признаться, я умираю с голоду. Хотя вы, вероятно, уже отужинали, однако, может быть, не откажетесь разделить мою трапезу. Для питья и для еды, знаете, было бы хотение.

— Вот уже три дня, как я ничего не ел, кроме диких плодов, — глухо проговорил бывший матрос.

— Чего же вы молчите! — воскликнул Наваха с участием.

— Мог ли я угадать, узнав вас, каковы ваши намерения относительно меня?

— У меня ровно никаких намерений нет, уверяю вас. Один случай меня сюда привел, и поверьте, что я

вовсе не желаю вам зла. Садитесь же и ужинайте да, кстати, расскажите мне о вашем чудесном исчезновении.

Буря яростно выла, потрясая макушки деревьев. Себастьян и Наваха спокойно ужинали у пылавшего костра. Утолив первый голод, Себастьян принялся за рассказ.

Мы не станем его повторять, так как он уже известен нашим читателям; скажем только, что, когда Себастьян дошел до сцены перед судом Линча, Наваха его перебил.

— Ладно, товарищ, — сказал он. — Все это я знаю. Продолжайте!

— Как так знаетс? — спросил удивленный матрос.

— Знаю. Да что греха таить, лучше уж всю правду выложить. Ведь выстрелил-то в вас — я!

— Вы?

— Я.

— По приказанию Майора?

— Может быть, и да! — с двусмысленной улыбкой ответил Наваха.

— А я в этом убежден! — с ненавистью сказал Себастьян. — Но мы с ним еще встретимся. Что до вас, товарищ, то не думайте, чтобы я сердился на вас. Вы исполняли данное вам приказание. Но слушайте дальше! Тотчас после выстрела, охотники бросились за вами в погоню. Между тем пуля повредила только мягкие части моей левой руки, но я упал, притворившись убитым наповал. Очутившись один, я быстро вскочил и пустился бежать, как затравленный зверь. Долго ли продолжалась эта бешеная гонка — не помню. Знаю только, что, выбившись из сил, я лишился чувств. Сильная боль возвратила мне сознание: рана моя жестоко ныла; кое-как перевязав ее платком, я побрел дальше, собирая там и сям дикие ягоды. Случай привел меня к этому дереву. К счастью, в кармане у меня были камень и огниво, и я мог развести костер. Но голод мучил меня, охотиться же я не мог — ружья не было. Медленная, мучительная смерть грозила мне. Я приходил уже в отчаяние, как вдруг судьба послала вас ко мне.

— Душевно рад, товарищ, что так кстати к вам попал и, чтобы не делать доброго дела наполовину, я вам оставлю часть своего оружия.

— Благодарю вас. Вы мне возвращаете жизнь, но верьте, что если когда-нибудь обстоятельства позволят мне на деле выказать вам свою благодарность, вы останетесь мною довольны.

— Я в этом убежден. Скажите мне теперь, куда вы намерены отправиться? Неужели к Майору?

— К Майору? — со сверкающими глазами воскликнул Себастьян. — Никогда!

— Куда же?

— Во Францию.

— Во Францию! Но как вы туда доберетесь? А если доберетесь, то чем вы там будете жить? Жизнь там так дорога!

— Денег у меня довольно. В известном мне месте у меня припрятано их достаточно, чтобы прожить безбедно лет хоть сто.

— В таком случае совستую вам — убираться отсюда, как можно скорее, пока еще не поздно.

— Я так и сам думаю; через месяц я распрощусь с Мексикой!

На рассвете друзья расстались. Наваха продолжал свой путь, не заботясь нимало о поручении Майора и всецело предаваясь своим новым интересам.

Около трех часов пополудни он достиг места свидания и подал условный знак. Затем он позавтракал и в ожидании ответа на свой сигнал заснул крепким сном. Но очень скоро топот и ржание лошади разбудили его. Вскочив на ноги, он поспешно скрылся за деревом. Быстро мчавшийся к нему всадник был никто иной как Юлиан Иригойен. Наваха подробно передал ему весь план нападения, составленный Майором, не забыв при этом и его намерения насчет побега.

Юлиан внимательно выслушал его.

— Этот человек погиб! — сказал он, когда Наваха кончил. — Благодарю вас за сведения, они чрезвычайно важны для нас. Мы будем готовы встретить бандитов, как следует. Что же касается вас, то я сдержу мои обещания также, как вы исполнили ваши.

— Но как я проберусь в ачиенду?

— Очень просто. Вместо войлочной шляпы вы надейте соломенную и вместо синей перевязи — красную. Поняли? Во время атаки вы броситесь в наши ряды с криком: да здравствует Мексика! Нашим людям будут

даны соответствующие приказания: вас возьмут в плен, и вы будете свободны.

Пять дней спустя, Наваха вернулся в лагерь с донесением, что все обстоит благополучно и что охотники и краснокожие, по-видимому, исключительно заняты преследованием бизонов и лосей. Майор был в восторге. Последние сомнения его исчезли: он был убежден в успехе. Его веселое расположение распространялось и на лагерь. Все ликовали в ожидании победы, один Фелиц Оианди казался недовольным и хмурым.

— Я чую беду! — говорил он, покачивая головой.

ГЛАВА XIX

Вернувшись в ачиснду, Юлиан передал своим друзьям полученные им от Навахи подробности. Дьявольское намерение Майора напасть на ачиснду, как раз в день свадьбы, ясно доказывало уверенность бандита в легкой победе, и усилило их желание покончить с заклятыми врагами молодого человека.

Решено было употребить оставшиеся до атаки дни на довершение укрепления ачиснды и удвоить бдительность и осторожность ее защитников. Впрочем, Юлиан скрыл от отца и донна Кристобая самый день, назначенный для нападения; он главным образом заботился о том, чтобы не испугать женщин и многочисленных друзей, прибывших к свадьбе. Ему жаль было омрачить столь желанный и радостный день. Поэтому, он доверил тайну только Бернардо, Шарбону, Но-Игнасио и двум или трем охотникам, на молчание которых он мог рассчитывать. Охотники и краснокожие получили уведомление о ходе дел и секретное приказание занять свои позиции в назначенное время. Внутри же ачиснды все посты были распределены, все люди прекрасно вооружены. Кроме того, целый арсенал был приготовлен в комнате, смежной с танцевальной залой, на случай, если бы и хозяевам, и гостям пришлось взяться за оружие. Всех защитников было ровно полторы тысячи человек, из коих девятьсот находились в самой ачиснде. Наконец, настал роковой день.

Вся ачиснда имела праздничный вид. Во двор постоянно въезжали великолепно одетые гости, окруженные

целыми свитами нарядных, а главное, вооруженных слуг.

Развлечения редко представляются на мексиканской границе. Со времени же французской оккупации они, можно сказать, совсем исчезли, зато общество с жаром ловило всякий случай, прерывавший скучную и однообразную жизнь, на которую обрекали его обстоятельства. На этот раз случай был особенно привлекателен: француз женился на француженке, и бракосочетание должно было совершиться по обычаям далекой родины. Для большинства гостей празднество это предоставляло всю прелесть новизны. Об одном из гостей, чистокровном французе, мы скажем несколько слов. Капитан Эдуард Пети командовал трехмачтовым кораблем «Belle Adèle», стоявшим в это время на якоре в Гуаймасе. Его открытое, веселое лицо, оттененное белокурыми волосами, сразу вызывало к себе симпатию, голубые глаза смотрели с тем чуть-чуть лукавым добродушием, которым отличаются часто купеческие капитаны. Он был высок и строен и под его несколько женственной наружностью скрывались железная воля и львиное сердце. Он был верный друг и опасный враг. Принадлежа к высшей буржуазии Парижа, он был истый республиканец; убеждения заставили его предпочесть коммерческий флот военному. Дениза особенно желала видеть его на своей свадьбе, и, польщенный ее вниманием, он прибыл накануне вечером, поручив судно своему шкиперу. Двадцать здоровых матросов, вооруженных с ног до головы, сопровождали капитана и даже успели принять участие вместе с ним в последней рекогносцировке. Но капитан был не единственный гость француз, приглашенный на торжество. В восемь часов утра, караульный, поставленный на мирадоре (высокая башня), возвестил о приближении генерала Х.

Тотчас же составила блестящая кавалькада с доном Кристобалем и Юлианом во главе, и многочисленное общество отправилось навстречу именитому гостю. Генерал ехал, окруженный своим штабом и двумя эскадронами африканских егерей. Это был старый служака, заплативший за каждый свой чин кровью или подвигом. Нрава он был сурового, подчас жестокого, но любил справедливость и сердце имел добрейшее. Солдаты обожали его; даже мексиканцы ценили честное отношение его к делу,

и если его не любили, то глубоко уважали. Встреча была самая задушевная как в поле, так и в ачиенде, где дамы приветствовали военных гостей. Большая зала была приготовлена для церемонии подписания брачного договора. В глубине, на небольшой эстраде, стоял стол, окруженный креслами, предназначенными для генерала и его штаба, над ними развевались французские и мексиканские знамена. Длинные скамейки были расставлены для остальных приглашенных. Ровно в девять часов гости, в количестве трехсот человек, наполнили залу, и тотчас же после них вошли обручальные. Дениза была очаровательна. Смущенная, дрожа от избытка радостных чувств, она опиралась на руку доктора, который, впрочем, казался взволнованным не менее ее: наконец-то исполнилось главное его желание! Донна Луиза де Карденас и графиня Валенфлер шли по обшим сторонам невесты. За ними следовал Юлиан, одетый в обыкновенный охотничий костюм. Шаферами его были Бернардо и дон Кристобаль де Карденас.

Торжественная простота обряда гражданского брака сильно поразила мексиканцев. Как только он был окончен, послышался звон колоколов, призывавших в часовню для совершения церковного обряда. Генерал предложил руку новобрачной, и длинный кортеж потянулся через двор ачиенды. Часовня была роскошно убрана, великолепный орган торжественно звучал. Обедня была отслужена с той несколько языческой торжественностью, которой отличается мексиканский католицизм.

Религиозная церемония продолжалась более часа. Выходя из часовни, Юлиан сам вел свою милую Денизу! Теперь она его жена! Они возвращались в ачиснду, приветствуемые кликами радости толпы слуг, как вдруг новобрачный остановился и, обращаясь к генералу, попросил заступить его место, и, шепнув что-то Бернардо, он вместе с ним скрылся в толпе. Удивленная Дениза не знала, что ей думать. Не желая выказать беспокойства, она продолжала улыбаться, но сердце ее мучительно сжалось. Предчувствие ей говорило, что опасность грозит любимому человеку. Поднявшись по лестнице, она машинально повернула голову в направлении, в котором исчез ее муж. Там происходило что-то необычное. Толпа волновалась. Казалось, что происходила не то ссора, не то драка. Все это продолжалось несколько секунд. Но она

тотчас же увидела Юлиана и Бернардо. Они возвращались, оживленно и весело разговаривая. Дениза радостно улыбнулась.

— Зачем ты меня так оставил? — с милым упреком спросила она мужа, когда он вновь занял свое место. — Я смертельно испугалась.

— Не сердись, дорогая моя, — отвечал он, — мне необходимо было отдать приказание Шарбону. Впрочем, дело тебя касается! Увидишь, какой славный сюрприз я тебе приготовил!.. Не спрашивай теперь: пока это еще тайна.

— На этот раз я тебя прощаю! Я слишком беспокоилась и мне очень приятно узнать, что страх мой был неосновательным. Но, — прибавила, грозя ему пальчиком, — помни, Юлиан, что никаких тайн не полагается между нами.

Вернувшись из церкви, дамы занялись своим туалетом. Затем общество направилось в столовую. Нужно быть в Мексике, чтобы иметь понятие о том, что такое роскошь. Эта золотая страна способна воплощать волшебные мечты. Не будем говорить о сервировке стола, слова тут ничтожны; укажем только на одну подробность относительно самого обеда: подавались горячие пирожки, начиненные мороженым. Обед был на славу; вина и в особенности шампанское лилось рекой. Пробило четыре часа, когда генерал и его свита встали из-за стола, извиняясь и прося общество не обращать на них внимания. Они должны были ехать, чтобы поспеть к вечеру в главную квартиру. Раскланявшись со всеми, генерал оставил столовую в сопровождении офицеров, доктора, Юлиана, Бернардо и дона Кристобая. Когда они вошли в маленькую гостиную, в которой военные оставили свое верхнее платье, Юлиан с улыбкой подошел к генералу.

— Генерал, — сказал он, — не знаю, как выразить вам мою благодарность за честь, которую вы оказали своим присутствием на моей свадьбе. В знак искреннего признания, позвольте поднести вам небольшой подарок.

— Что такое? — сурово спросил генерал, не зная еще, смеяться ему или сердиться.

— Выслушайте меня, прошу вас; надеюсь, что слова мои перестанут казаться вам странными.

— Говорите... но спешите — времени у меня мало, — сухо отвечал генерал, опускаясь в кресло и знаком приглашая всех прочих тоже сесть.

— Помните ли вы, генерал, — продолжал Юлиан, делая вид, что не замечает дурного расположения духа своего гостя, — что, возвращаясь из церкви, я просил вас взять руку моей жены?

— Помню, и даже, сознаюсь, вы меня немало удивили.

— Сейчас объясню вам это. В толпе, окружавшей нас, я узнал бандита, которого давно уже разыскивает французская полиция. Присутствие его в ачиенде тем более меня поразило, что негодяй этот личный мой враг и поклялся жестоко отомстить мне.

Все слушали внимательно. Дон Кристобаль и доктор недоумевали.

— Продолжайте! — уже мягче сказал генерал.

— Я сделал знак Бернардо и мы бросились к нему. Негодяй догадался, что я его узнал, и бежал... Но я недаром охотник и славлюсь своей ловкостью. Бандит был пойман, связан, обыскан — и вот, что мы нашли у него.

Юлиан подал генералу, сложенную в виде письма бумагу.

— Гм!.. — пробурчал генерал, прочитав ее. — Дело скверное! И вы говорите, что человек этот француз? Но письмо не подписано?

— Вы и без подписи узнаете, кто его писал.

Юлиан подошел к окну и сделал знак.

— Сейчас преступник будет здесь, — сказал он.

Пленника ввели.

— Фелиц Оианди! — воскликнул с удивлением один из офицеров.

— Как? — удивился генерал. — Этот мерзавец жив?

— Боже мой! — с отвращением и тревогой вскричал доктор. — Его, наверное, привели сюда какие-нибудь преступные цели!

— Вот вам мой подарок, генерал! — смеясь, продолжал Юлиан. — Принимаете ли вы его?

— Принимаю! — с хохотом отвечал генерал. — И даже — очень благодарен! Капитан Леритье, поручаю вам этого мерзавца. Мы его возьмем с собой.

Фелиц Оианди нагло усмехнулся.

— Ба! — проговорил он, окидывая презрительным взглядом присутствовавших. — Все это не так страшно! Берегитесь, не поменяться бы вам со мною ролями!

— Вот гадина! — вскрикнул генерал, когда Оианди увели. — Послушайте, друг мой, — обратился он к Юлиану, — не оставить ли вам в помощь сотенку солдат?

— Нет, нет! — с живостью ответил молодой человек. — Вам не следует уменьшать ваш конвой. Сердечно благодарен за предложение, но, верьте мне, силы наши достаточны для отражения неприятеля.

— Как знаете!.. В таком случае, позвольте мне в последний раз поблагодарить вас и за гостеприимство, и за славный подарок.

Скоро генерал и сопровождавшие его скрылись в облаках пыли.

Письмо, найденное у Оианди, генерал возвратил Юлиану, а тот, в свою очередь, передал его Шарбону.

— Юлиан, — спросил дон Кристобаль, — так, значит, нападение произойдет сегодня ночью?

— Да...

— И вы будете опять нашим спасителем!..

— Ба! — всесло прервал его Юлиан. — Я спасаю жену мою, вот и все! А если другие тоже спасутся, тем лучше! Прошу вас только предоставить мне полную свободу, сделать меня, так сказать, главнокомандующим.

— Разуместся... Вы подготовили и организовали оборону и гораздо лучше меня знаете, как действовать... Но все равно, Юлиан, странная у вас свадебная ночь!..

— Что же делать! Нужно пожертвовать этим! А теперь еще последняя просьба: не показывайте и виду, что нам грозит опасность. Пусть гости не догадываются до последней минуты.

Они вернулись в столовую, где никто, кроме Денизы и графини Валенфлер, не заметил их отсутствия. Звон хрустала, говор и смех наполняли громадную залу весельем. Пользуясь шумом, Юлиан шепотом разговаривал с Денизой, теперь он ей все открыл. Понимая ее высокую душу, он знал, что грозящая опасность не поколеблет ее твердости, но он не хотел, чтобы беда застала ее врасплох.

— Исполни́й долг твой, дорогой мой, — отвечала молодая женщина, слегка побледнев, но сохраняя ангельскую улыбку. — Я тоже не изменю своему и останусь спокойна и весела, как ты мне приказываешь. Помни только, дорогой мой, что ты моя жизнь. Если ты погибнешь, я умру!..

В восемь часов открылся бал с Юлианом и Денизой в первой паре. Французские танцы сменялись мексиканскими. После одной из кадрилей Юлиан оставил залу. Подошедший мажордом шепнул ему на ухо, что Шарбон желал его видеть.

— Ну что? — спросил Юлиан.

— Майор в целости получил письмо, найденное у Оианди. Шайка разделена на две партии: одна, руководимая Майором, подойдет с парка; другая, под предводительством Навахи, нападет на ранчерию.

— В котором часу начнется нападение?

— Ровно в одиннадцать!

— Хорошо! Теперь только десять — значит, времени достаточно для окончательных приготовлений. Пусть все занимают свои посты: сражение будет, Бог даст, коротко и удачно!

ГЛАВА XX

Темная ночь спустилась на землю. Тишина и спокойствие, казалось, царили под густыми столетними деревьями. Изредка ночной ветерок чуть слышно доносил звуки бальной музыки. Затем все утихало, и наступило полное затишье. Но если бы чей-нибудь взгляд мог проникнуть во мрак ночи, странное зрелище удивило бы его! За кустами, за деревьями, в земляных траншеях неподвижно лежали вооруженные люди. Юлиан и Бернардо быстро проходили мимо них, тихо произнося как-ис-то слова и получая, также шепотом, ответ. Охотники достигли, таким образом, самого глухого места парка. Привыкший к темноте глаз мог рассмотреть тут черные силуэты людей и особенно большое число часовых. Бледное зарево тихо подымалось на горизонте, вскоре острый серп луны скользнул между тучами, слабо осветив весь пейзаж. Башенные часы уныло пробили одиннадцать.

Протяжный звон их не успел замерсть, как раздался резкий крик степного ястреба. Крик повторился еще два раза. Это кричал спрятавшийся в кустах Юлиан. Внезапно со стороны ранчереи слышались частые выстрелы и дикие вопли. Над стеною парка появилось множество голов, потом показались плечи, туловища; бандиты приготовились осторожно перелезть через стену.

— Пли! — громко скомандовал Юлиан.

Залп невидимых ружей с треском разнесся над высокими деревьями. Бандиты разом все исчезли. Слышалось

грузное падение тел. Между тем адский шум этот достиг бальной залы. Танцевавшие остановились в недоумении. Новые выстрелы вызвали панику... Тогда дон Кристобаль, взяв под руку донну Луизу, вышел на середину залы:

— Синьоры и кабальеро! — воскликнул он. — Успокойтесь!.. Опасность нам не угрожает! На нас напали всего пятьсот человек, а защитников наших более полутора тысяч, в том числе двести французских солдат! Я давно предупрежден был об этом нападении. Мне казалось достойным доказать славным нашим союзникам-французам, что кровь предков не выродилась в нас и что мы достойные сыны доблестных мексиканских conquistadores!* Будем же продолжать наши танцы! Верьте, что ни один бандит не переступит порога ачиенды!

— Bravo! Bravo! Да здравствует Мексика! — в один голос закричали гости.

— Будем продолжать танцы! — восторженно воскликнула графиня де Валенфлер.

— Да, танцевать! — с улыбкой подтвердила Дениза. Тоска и отчаяние были в ее душе.

— Танцевать! Танцевать! — подхватили наэлектризованные дамы.

— Да, — повторили мужчины, — будем танцевать, но с оружием в руках!..

В дверях залы показались капитан Пети и вооруженные топорами матросы.

— Оружие в соседней комнате! — сказал капитан, показывая куда идти.

Все бросились за ним. Энтузиазм был громадный. Через несколько минут мужчины вернулись, вооруженные с ног до головы.

— Галоп! Галоп! — требовали восхищенные гости.

Начался бешеный танец. Музыка гремела, сливая свои звуки с громом выстрелов. Капитан Пети не помнил себя от радости. Нрав почтенный моряк имел весьма задорный. Можно было ручаться, что сегодняшнюю пляску он не променял бы ни на какие миллионы. Все не танцевавшие образовали батальон, который способен был выдержать первый натиск неприятеля. Кроме того, капитан окружил залу цепью стрелков, матросы стояли на часах у главного входа.

* Завоевателей.

Но в это время Майор не унывал. Решив победить во что бы то ни стало, он снова выстроил часть своих людей; остальные же ударами заступов старались подкопать стену. Перестрелка началась... Спрятанные на деревьях бандиты отлично пользовались своей позицией. Их беспрерывный и меткий огонь наносил большой урон защитникам парка. Многие из них лежали бездыханными. Юлиан быстро отдал какое-то приказание унтер-офицеру пехотных стрелков. Тот сделал знак, что понял, и, собрав своих солдат, скрылся с ними в темной чаще. Сильно потрясаемая стена дрожала... Вдруг на протяжении почти пяти метров, она с треском обрушилась. Громкое «ура!» приветствовало ее падение. Бандиты бросились к пролому... Но страшная пальба остановила их. Юлиан стоял там с сотней вакеросов.

— Проклятие! — закричал Майор, заставляя перепрыгнуть свою лошадь через брешь и потрясая саблей. — Труссы!.. Чего вы остановились?.. Вспомните, черт возьми, что впереди вас ждет золото... Слышите, золото!.. Вперед!

— Вперед, за золотом! — повторили бандиты, ринувшись вслед за ним.

Новый залп встретил их.

Вновь раздался крик степного ястреба.

— Друзья!.. — воскликнул Юлиан. — Победа наша!.. Вперед, вперед!..

— Ура!..

И вакеросы двинулись вперед, как один человек.

Второй раз разбойники должны были отступить.

Позади них раздались новые выстрелы.

Бандиты попали между двух огней: теперь их атаковали лесные охотники.

Взбешенный Майор дрался, как лев. Собрав опять своих людей, он концом сабли указал им на пролом в стене.

— Глядите, дьяволы! — хриплым голосом прокричал он. — Там золото, здесь смерть! Вперед же!..

Бандиты побесжали за ним, задыхаясь от злобы и алчности. Но неожиданное препятствие остановило их. Пехотные стрелки незаметно обошли их и, прячась в траве, ожидали решительного момента. При движении вперед бандитов, они поднялись и пошли в штыки.

Это было как раз в ту минуту, когда вакеросы переступали через брешь и двигались навстречу врагу, когда

справа бегом приближались команчи, а охотники заходили слева и с тыла.

Действия защитников так искусно были задуманы и исполнены, что авантюристы очутились окруженными со всех четырех сторон.

Они поняли, что отступление стало невозможным, и знали, что пощады ждать нечего. Поэтому они рсшили дорого продать свою жизнь. Из всех их один Майор был верхом. Бандиты составили каре вокруг него и, плечо к плечу, открыли убийственный огонь. Но кольцо неприятеля все теснее стягивалось кругом них... Вдруг команчи отделились и бросились вперед. Сила напора сломила ряды бандитов. Тогда началась не битва, а бойня. Защитники били соединенными силами. Крики ярости и отчаяния потрясали воздух. Сражавшиеся боролись грудью в грудь, поражая друг друга саблями, штыками, ножами, чем попало... Раненые приподнимались, скользя в крови, чтобы нанести последний удар. Число бандитов уменьшалось с каждой минутой. Но они продолжали сражаться; ими овладело чувство защищающегося зверя. Они ничего не видели, не слышали, ни на что не надеялись, но яростно сопротивлялись, с демонской радостью хохоча, когда чувствовали, что нож их вонзался в живое мясо. Вдруг все смолкло. Все бандиты были перебиты.

Защитники ачиснды также немало пострадали: шестдесят шесть из них пали смертью героев, сто тридцать были ранены. Победа досталась с трудом, но знаменитая «куадриллья» была уничтожена, и главный вождь ее, Майор, лежал тут же, под грудой тел своих сообщников. Со стороны ранчрии сражение происходило почти при тех же условиях. Только там, в самом начале нападения, главарь бандитов, Наваха, несосторожно подавшись вперед, был взят вакросами в плсн. Покуда разбойники, смущенные несчастьем своего предводителя, недоумсвали, что им делать, их окружили и истребили до одного. Таковы все битвы в саванне. Пощады там не знают! Все это продолжалось не долее трех четвертей часа.

В большой зале танцы продолжались с каким-то дьявольским оживлением.

— Победа! Победа! — раздался вдруг голос, покрывший гром оркестра.

Дениза с радостным криком бросилась к мужу.

Это был он, весь покрытый кровью, но не своей, а неприятельской... Глаза его горели, голос гордо звучал.

— Да здравствует Мексика! Да здравствует Франция! — восторженно пронеслось в ответ.

— Благодарю, друг! — взволнованным голосом сказал дон Кристобаль, пожимая руку Юлиану.

— Не стоит благодарности! — ответил тот, смеясь. — Мне просто доставило удовольствие избавить вселенную от подобных негодяев. Но позвольте мне пойти переодеться — я похож на мясника.

Бал продолжался до поздней ночи и кончился великолепным ужином. На другой день, рано утром, Юлиан отправился в парк, на место вчерашнего сражения. Ему еще раз хотелось удостовериться, что Майор действительно убит. Но он опоздал. Трупы были уже зарыты, и никто не позаботился освидетельствовать их.

Известие это неприятно поразило Юлиана.

— А что, — подумал он, — если Майор жив? У этого дьявола душа привинчена к телу... Вот штука была бы! Разумеется, в настоящую минуту он не может нам вредить, но — потом?

Как ни старался он себя уверить, что это вздор, что он сам видел, как Майор упал, — сомнение закралось в его сердце.

Он задумчиво вернулся в ачиснду, где все еще спали. Слуга доложил, что Наваха давно ожидает его.

Приказав тотчас же ввести авантюриста в кабинет, Юлиан радушно встретил его и горячо благодарил за оказанную услугу.

— Я, может быть, отгадал, — продолжал он, смеясь и закуривая сигару, — что привело вас таким ранним утром в ачиснду. Вы, наверное, пришли напомнить мне о моем обещании?

— Признаюсь, сударь, вы правы, — с некоторым смущением отвечал Наваха, — хотя мне довольно неприятно в этом сознаться.

— Отчего же? Мы заключили соглашение: вы честно исполнили ваши обязательства, я обязан поступить точно так же. Требование ваше совершенно законно.

— Да, с деловой точки зрения, разумеется, но приличие требовало бы, чтобы я не был так назойлив. Правда, у меня есть оправдание, я бы мог указать на причину, заставившую меня так грубо навязываться, но

она так необыкновенна, что, право, я не решаюсь назвать ее.

— Говорите! — улыбаясь, сказал Юлиан.

Наваха находился в сильном раздумье. Лицо его было бледно, что-то, видимо, тревожило его.

— Сударь, — спросил он наконец тихим голосом, — верите ли вы в предчувствия?

— В предчувствия? — переспросил удивленный Юлиан.

— Да... Не думайте, что я вас забавляю сказками, сударь, но обстоятельства заставили меня быть суеверным. Я глубоко верю в предчувствия... Скоро сорок лет, как я живу на свете, и никогда они меня не обманывали.

— Хорошо, но какое отношение между вашим приходом и этой верой в чудесное?

— А вот какое: я чувствую, что Майор не только жив, но даже успел бежать.

— Наваха, — торжественно проговорил Юлиан, — я лично видел Майора распростертым на груди окровавленных трупов. Он мне казался мертвым. Но я хочу быть откровенным с вами: подозрение ваше странным образом совпало с моими мыслями — я тоже думаю, что он жив.

— А я так в этом уверен. Вот зачем я тороплюсь получить обещанные деньги; мне хочется скорее убраться отсюда. Что-то говорит мне, что человек этот будет причиной моей гибели.

— Полноте... Теперь вам нечего бояться — вы уезжаете во Францию, он же никогда не посмест вернуться туда. Но, чтобы не задерживать вас напрасно, позвольте мне сейчас же произвести с вами расчет.

Юлиан вынул из бюро связку бумаг.

— Вот вам чек на семьдесят пять тысяч пиастров на дом Ротшильдов в Париже, Лондоне или Вене, куда хотите.

— Благодарю...

— Кроме того, дон Кристобаль поручил передать вам пять тысяч мексиканских унций.

— О это слишком! Право, я не заслужил...

— Берите, берите, — продолжал, смеясь, Юлиан. — Заслуги ваши для нас неоценимы, а что касается величины суммы, то не бойтесь разорить дона Кристобалья. Он так богат, что, пожалуй, не знает и счета своим

сокровищам. Верьте, что он с особым удовольствием посылает вам эти деньги.

— В таком случае, я принимаю... Еще последняя просьба: потрудитесь написать чек на имя Вильяма Фильмора.

— Извольте. Вы берете это имя?

— Да, я становлюсь чистокровным янки. Впрочем, все мои бумаги в порядке; вот уже четыре года как я числюсь североамериканским гражданином.

— Я вижу, что вы предусмотрительный человек... Скажите, могу ли я вам быть полезен?

— Благодарю вас, — с чувством сказал Наваха. — Вы для меня много сделали: вы дали мне богатство и свободу. Через несколько дней я буду на пути в Европу. Ваших планов я не знаю, но полагаю, что вы оставите Мексику и вернетесь во Францию. Если когда-нибудь в Париже вам понадобится верный человек, вспомните Вильяма Фильмора из Нью-Йорка, и знайте, что каждый день, между четырьмя и пятью часами пополудни, он будет ждать вас в Пале-Рояль, у Café de la Rotonde. Будущего нельзя предвидеть, а преданный человек всегда может пригодиться.

ГЛАВА XXI

Мексиканцы любят, чтобы свадебные торжества длились по крайней мере две недели. Гости не покидали ачиснды. Каждый день был новым праздником; пир шел за пиром и все должно было завершиться большой охотой, устроенной Железной Рукой и прочими охотниками, не исключая и команчей, в честь друзей их и товарищей Темного Сердца и Железной Руки. Охота должна была продолжаться восемь дней. Со своей стороны, дон Кристобаль, желая достойным образом отблагодарить за приглашение, делал также большие приготовления. В назначенный день, на рассвете, блестящий поезд двинулся со двора ачиснды. Впереди сжали пятьдесят вооруженных вакросов под предводительством Но-Игнасио; за ними, верхом на чудных лошадях, следовали великолично одетые гости, числом более трехсот. Длинный обоз, нагруженный палатками, провиантом, кухонной посудой, замыкал шествие. Сбоку гарцевали разведчики. Высокие травы так легко могут скрыть засаду! На этот раз, впрочем, бояться было нечего. Кавалькада была слишком многочисленна и хорошо вооружена, чтобы кто-либо осмелился напасть на нее. Сборный пункт, на котором охотники ожидали своих гостей, отстоял часов на шесть езды от ачиснды. На половине пути Юлиан подъехал к Эдуарду Пети. Почтенный капитан казался восхищенным. Он бодро сидел на красивом мустанге, улыбаясь по сторонам.

— Ну что, капитан, — весело спросил его Юлиан, — как вам понравилось флоридское гостеприимство?

— Слов не нахожу, — с восторгом отвечал капитан. — Просто не знаю, во сне ли я вижу, или наяву... Жаль, что скоро придется расстаться со всеми этими чудесами.

— Будто вы уже собираетесь в Гуаймас?

— Пора... Покуда я здесь кучу, там черт знает, что делается.

— Ничего. Пусть матросики повеселятся!

— Веселиться — пусть веселятся, но дезертировать не следует. А мне дали знать, что один негодяй, взятый мною из жалости, выкинул подобную штуку...

— А экипаж ваш велик?

— Достаточно... шестьдесят человек, все на подбор... исключая, впрочем, этого мерзавца Жоана! Но если он только попадется ко мне в руки...

— Послушайте, капитан, я хотел с вами поговорить... Наймите еще человек двадцать. Мы поедем с дамами и всякие предосторожности будут не лишни...

— Извольте... Да вы не беспокойтесь, — прибавил он, смеясь, — у нас есть чем защищаться. «Belle Adèle» вооружена не хуже любого военного судна. У меня контрабандой припрятаны две пушки и шесть камнеметных мортир. Покуда мы в гавани, все шито-крыто, но как только мы выйдем в открытое море, сейчас артиллерию вверх на палубу!.. Все, знаете, лучше, на всякий случай...

— Прекрасно, капитан; вы, видно, любите предосторожность. Тем лучше! Значит, я могу на вас рассчитывать и надеяться, что вы не забудете нанять еще несколько матросов?

— Хорошо, хорошо! Будьте покойны!

Было около десяти часов, когда караван достиг сборного пункта.

В несколько минут образовался настоящий лагерь. Шатры были раскинута, повара весело застучали ножами. Утомленное общество, тотчас после роскошного завтрака, отправилось спать. В четыре часа все опять сели на лошадей и охота началась. Охотники и краснокожие не поленились заготовить облаву для своих гостей. Целых восемь дней перед ними пробегали стада бизонов, лосей, антилоп и прочее. Для разнообразия

иногда натыкались на ягуаров и медведей. Юлиан был царем охоты.

Все шкуры убитых зверей были раскуплены доном Кристобалем и его гостями, к великой радости охотников и краснокожих, не избалованных щедротами обыкновенных купцов. На девятый день кавалькада тем же порядком вернулась в ачиенду, и гости стали разъезжаться по домам. Капитан Пети уехал одним из первых. Все заметили, что перед отъездом у него был длинный разговор с доном Кристобалем, но никто не придавал этому особого значения.

Прошло более месяца. Юлиан и Бернардо торопились кончать свои дела. Тот и другой далеко не были богаты. Все состояние их заключалось, по их расчетам, в сотне тысяч франков, лежавших в банке Скруба и К°, в Эрмосильо. Они знали, что им придется много работать, но оба были молоды, сильны духом и телом, и будущее не страшило их. По правде сказать, им жаль было покинуть беспредельные и таинственные степи, к которым они так привыкли. Тут они были действительно свободны! Цивилизованная жизнь нсвольно их смущала. Они чуждались сердцем сс условностей, трсбований и однообразия. Но Дениза никогда не смогла бы свыкнуться с треволнсния-ми степной жизни. Несмотря на любовь сс к мужу, жизнь сс была бы рядом определеннх лишсний. А нужно, чтобы она была счастлива! Юлиан и Бернардо этого хотели и решились расстаться с цветущими саваннами и девственными лссами. Настал день отъезда. Но накануне графиня дс Валенфлер получила письмо, измснившее весь план ее путешествия. Важные дела трсбовали ее возвращения в Канаду. Однако она всс-таки захотела проводить друзей своих до Урэса, куда отправлялся доктор в сопровождении новобрачных, желавших подольше быть с ним и воспользоваться случаем, чтобы проститься с генералом Х.

Хозяева ачиенды плакали, расставаясь с ними.

— Прощайте, мой добрый друг! — сказал Юлиан, обнимая в последний раз дона Кристобаля и садясь на коня.

— Не прощайте, а до свидания, — отвсчал тот. — Я надеюсь видсть вас скорее, чем вы думаете... Мне нужно, наконец, побывать в вашей прскрасной Франции...

Радостное восклицание встретило это заявленис.

— Да, — продолжал дон Кристоаль, — Бог даст увидимся в Париже, и заранее прошу вас не отказать мне в гостеприимстве.

Юлиан засмеялся.

— А я заранее обещаю вам, — сказал он, — гостеприимство самое радушное, Но, к сожалению, не роскошное.

— Кто знает, — тонко улыбаясь, отвечал дон Кристоаль.

Многочисленный конвой сопровождал путешественников. Они ехали не спеша, останавливаясь на ночь, и, таким образом, через двенадцать дней после отъезда из ачиенды, прибыли в Урэс. Неожиданная радость ожидала их там. Генерал Х. дал в их честь большой обед. Общество было избранное и разговор, разумеется, вращался исключительно около последних событий в ачиснде. Когда подали шампанское, генерал встал и, обращаясь к Юлиану и Бернардо, сказал:

— Господа, я с нетерпением ожидал вашего приезда в Урэс и счастлив, что могу наконец выразить вам мое глубокое уважение и сказать, что я ничего не забыл... — он произнес эти слова с особенным ударением.

— Генерал... — пробормотал смущенный Юлиан.

— Да, господа, — продолжал генерал, — к вам были несправедливы. Я считаю лишним распространяться на этот счет: вы меня и так понимаете. Одним словом, вы имели право требовать удовлетворения от правительства, и оно вам в нем не отказало: награждаю вас орденами Почетного легиона! Все сознают важность услуги, которую вы нам оказали истреблением самой опасной шайки бандитов.

Радость друзей еще более увеличилось, когда они узнали, что дон Кристоаль получил то же отличие.

Когда настала минута расставания, доктор и графиня де Валенфлер решили проводить отъезжавших до Гуаймаса. Путешествие продолжалось при тех же условиях, как в начале. Ехали только днем, и то исключительно в те часы, когда солнце не пекло. Не доезжая трех лье до Эрмосильо, дорога разветвлялась: одна ветвь вела в самый город, другая в Сонору. На самом перекрестке караван встретился с крытыми носилками, пристроенными на двух мулах, и окруженными несколькими всадниками.

Один из них, лицо которого скрывалось под широкими полями соломенной шляпы, был одет матросом. В ту минуту, когда оба поезда поравнялись, матрос быстро нагнулся к носилкам и что-то прошептал. Спущенные шторы быстро раздвинулись. Бледное, изнуренное лицо, искаженное страшным волнением, показались в окне.

То был Майор. Предчувствие Навахи и Юлиана оправдались. Преданная любовь донны Люс еще раз спасла его! За два дня до атаки ачиенды Майор спешно вызвал свою жену в лагерь. По окончании экспедиции он, если читатель помнит, надеялся бежать, но не иначе как увозя с собою ту, которую продолжал любить, как в первые дни их супружества. Когда он двинулся против «Флориды», донна Люс не хотела оставить его, но, боясь за нес, Майор спрятал ее в соседнем лесу под охраной нескольких наиболее верных ему бандитов. Донна Люс долго ждала его возвращения. Придя наконец в отчаяние, она послала разведчиком одного из своих телохранителей, и тот вскоре вернулся с ужасной вестью. Она поклялась спасти своего мужа. Убедившись, что победители разошлись, донна Люс в сопровождении бандитов отправилась на место побоища. Любовь одна способна внушать подобную преданность! Молодая женщина долго разбирала изуродованные ранами и предсмертными судорогами трупы. Наконец она нашла того, кого искала. Майор лежал бездыханный, холодный, весь истекавший кровью... С помощью бандитов она, не страшась опасности и затруднений, перенесла его в грот Каскада. Там Майор более месяца боролся со смертью. Когда ему стало немного лучше, донна Люс пересвезла его в Эрмосильо, в дом своих родных, где его окружили всяческой заботой. Любовь донны Люс вернула жизнь этому мерзавцу!

Случай свел Майора с Жоаном, бежавшим с «Belle Adèle».

Жоан был негодяй, имевший полное право бояться закона. Нанимаясь к капитану Пети, единственной мыслью его было бежать в первом попавшемся американском порту. После встречи с Себастьяном, который, к слову сказать, далеко не был с ним так скрытен, как хвастал потом Майору, Жоан отправился к тестю бандита. Почтенный банкир был в то же время и шпионом, и даже

подчас вербовщиком своего зятя. Жоан показался ему человеком подходящим, и, по прибытии Майора в Эрмосильо, он приставил его к нему. Между тем здоровье Майора медленно поправлялось. Слабость все не проходила. Доктора решили, что воздух Эрмосильо ему вреден, и посоветовали донне Люс везти его в Сонору. Она тотчас же поехала приготовить все нужное, а на другой день в закрытых носилках туда же отправился и Майор.

Вот объяснение встречи, о которой сказано выше.

— Смотрите, майор! — сказал матрос, который был никто иной как Жоан.

Караван проходил мимо них.

Майор взглянул... Лицо его вспыхнуло, жилы на лбу напряглись. Яростный вопль вырвался из его уст. Он опрокинулся почти без чувств на подушки. Услышав крик, путешественники повернули головы. Но, не видя ничего особенного, продолжали свой путь. Матрос нагнулся над Майором.

— Ну что, — сурово спросил он, — правду ли я сказал Себастьяну?

— Она!.. Она! — глухо простонал Майор. — О! Каким образом осталась она жива!.. И это она украла мою девочку, мою бедную маленькую Ванду!.. Проклятие! Куда она едет? Я должен ее найти. Один из нас лишний на этом свете...

— Успокойтесь!.. — уговаривал его матрос. — Вы себе только вредите. Обещаю вам все разведать. Я узнал одну из сопровождавших ее дам — госпожу Денизу, нашу бывшую пассажирку. Они, наверное, все едут в Гуаймас, а оттуда во Францию. Я проберусь в Гуаймас, расспрошу товарищей с «Belle Adèle» и, если не узнаю всю подноготную, то назовите меня дураком.

— Слушай, ты любишь деньги? — тяжело дыша, спросил Майор.

— Еще бы!

— Если узнаешь, зачем она тут была и куда едет, ты получишь сто унций золотом.

— Ура!.. — воскликнул матрос. — Все будете знать! Но человек предполагает, а Бог располагает.

Когда Жоан вернулся в Эрмосильо, путешественников уже там не было, а когда он вслед за ними поспешил в Гуаймас, то узнал, что «Belle Adèle» накануне еще ушла в открытое море.

Он был поражен. Прощайте, денежки!

Но Жоан был малый неглупый, а главное, находчивый.

Вернувшись в Сонору, он, к удивлению своему, застал Майора значительно поправившимся.

— Что, узнал? — спросил его тот.

— Еще бы! — самоуверенно отвечал матрос. — Обе дамы отправились в Гавр. Чтобы убедиться в отъезде известной вам особы, я оставался в Гуаймасе до отплытия «Belle Adèle».

— Вот твои сто унций.

Мы увидим, какие последствия эта ложь имела для самого Жоана!

ГЛАВА XXII

Мы сказали уже, что доктор и графиня де Валенфлер провожали наших друзей до Гуаймаса. Тотчас по прибытии, доктор должен был окончательно распрощаться со своими детьми, но грусть разлуки умалялась надеждой на скорое свидание.

Было получено известие, что безумно начатая мексиканская экспедиция близилась к развязке. Графиня де Валенфлер сопровождала путешественников до Нового Орлеана, где дела должны были задержать ее поездку в Квебек. Конвой был богато награжден и распущен. Тут случилось одно обстоятельство.

Один из трех вождей команчей — Тахера — так подружился с Бернардо, что решил схватить с ним вместе в Европу.

Капитан Пети исполнил желание Юлиана. Экипаж был укомплектован двадцатью рослыми матросами. Дисциплина, быстрота действий всего экипажа смело могли конкурировать с любым военным судном.

Общество собиралось каждый день в большой зале. Дамы занимались воспитанием маленькой Ванды, живой ум и милый характер девочки нежно привязали к ней ее покровительницу.

В Новом Орлеане графиня де Валенфлер и Арман расстались со своими друзьями. Юлиан и Дениза с грустью простилась с ними. Графиня особенно была им дорога. Они знали, что обязаны ей всем своим счастьем.

В Новом Орлеане Тахера в первый раз примерил европейское платье. Скоро он совсем освоился с новым нарядом, и, когда пестрая татуировка окончательно смылась с лица его, он предстал красивым парнем лет двадцати пяти, не более. Цвет лица его, разумеется, был немного красноватым, но это не очень его портило.

На другой день, по уходу из Нового Орлеана, «Belle Adèle» сразу утратила свою мирную внешность. Пушки и мортиры, до того времени спрятанные в трюме, были поставлены на лафеты, боевые припасы лежали у ютмачты. Юлиан заметил эти приготовления.

— Вы опасаетесь чего-нибудь? — спросил он капитана.

— Ничего особенного, — отвечал тот, — это просто меры предосторожности. Пока мы не вышли из проливов и не отошли от Гаваны, они не лишни.

Дня через два после этого разговора, капитан вручил Юлиану письмо.

— От кого это? — спросил тот с удивлением.

— Не знаю, мне приказано передать вам это письмо не ранее, чем корабль оставит американские воды и окончательно отойдет от материка. Срок настал. Следующая остановка будет только во Франции.

Сильно заинтригованный, Юлиан распечатал конверт.

Письмо было написано по-испански; внизу стояла подпись дона Кристобаля де Карденаса.

Пробежав его, Юлиан отпустил руки от изумления.

— Слушай, Дениза! — сказал он жене.

И он, читая, переводил письмо на французский язык:

«Милый Юлиан, не хочу сердить вас напоминанием о том, сколько раз вы спасали меня и мое семейство, но вы должны сами знать, как бесконечно мы вам обязаны. Теперь вы женаты на прелестной девушке, которую мы все горячо любим и с которой вы будете счастливы, как того заслуживаете. Но, Юлиан, вы небогаты, а Дениза бедна. В Париже, говорят, нужно быть очень богатым, для того чтобы быть очень счастливым. Вам, друг мой, я ничего не предлагаю — знаю, что вы откажетесь, — но Дениза примет приданое от меня. Отказав мне, вы поступите дурно, а я вас считаю не способным дурно поступать. Клянусь честью, что приданое, каким бы оно ни показалось значительным при вашей щепетильности, со-

ставляет ничтожнейшую часть наследства предков моих, мексиканских инков. Да и чему должно служить богатство, если не тому, чтобы иногда способствовать счастью лучших друзей? Приданое состоит из слитков, бережно уложенных в ящики. Капитан Пети передаст вам их. Кроме того, у него есть для Денизы шкатулка. Это подарок донны Луизы. Примите, дорогой друг — именем дружбы прошу вас, — примите наш подарок, если не для вас, то для жены вашей. Отказ ваш докажет нам только, что вы нас не любите, и в таком случае, к крайнему моему сожалению, я с вами расстанусь навеки. Преданный вам дон де Карденас».

— Что делать? — спросил Юлиан, окончив чтение.

— Принять, друг мой! — твердо сказала Дениза. — Принять не из жадности золота — мы и так довольно богаты, по-моему, но для того, чтобы не оскорбить честного человека, богатство которого неисчислимо и который всеми силами желает доказать тебе свою признательность...

— Ты этого хочешь, Дениза? — колеблясь еще, спросил Юлиан.

— Я хочу только того, чего ты хочешь!.. Но мне кажется, что не следует огорчать такого человека...

— Ты права...

Юлиан позвал капитана, который из деликатности удалился.

— У вас есть багаж на наше имя, капитан? — спросил он его.

— Да, двадцать два ящика для госпожи д'Иригойен и шесть господину Бернардо Зумето.

— Ого! — вскричал Бернардо. — Да это сказка из «Тысячи и одной ночи!»

— Видишь, Юлиан, теперь мы не смеем отказаться! — сказала Дениза.

Капитан открыл шкаф и, вынув оттуда богатую шкатулку, передал ее Денизе.

В ней лежало на 3 500 000 франков бриллиантов чистой воды.

— Да это уже — целое состояние! — воскликнул Юлиан, любуясь блеском камней и не подозревая еще их настоящей стоимости. Ящики лежали в трюме; решено было не трогать их до приезда во Францию. Вскоре корабль вошел в Антильское море. Вдали обрисовывался остров Куба. Капитан казался озабоченным.

Несколько раз в день он всходил на рангоут, долго всматриваясь в далекий горизонт. Вечером он не велел, по обыкновению, убирать паруса, напротив, они были развернуты, как для полного хода. Когда все его приказания были исполнены, Юлиан подошел к нему.

— Капитан, — сказал он, — вы беспокоитесь?

— Да! — откровенно признался Эдуард Пети.

— Отчего?

— Не хочу ничего скрывать от вас, тем более что обязан даже сговориться с вами насчет наших действий. Сегодня с утра неизвестный корвет следует за нами.

— Вы убеждены, что он действительно за нами следит?

— Совершенно... Я нарочно несколько раз менял направление корабля, и всякий раз корвет следовал нашему примеру. Сомнения не может быть: нас преследуют. Да в этих проклятых проливах вечно наткнешься на какую-нибудь историю!..

— Капитан, — сказал Юлиан, — я также буду откровенен с вами; сознаюсь, что я сам заметил странное поведение этого корвета. Скажу более, я предчувствовал его появление, а потому и просил вас увеличить силы вашего экипажа.

Эдуард Пети смотрел на него с удивлением.

— Не спрашивайте меня, — серьезным голосом продолжал бывший охотник. — Быть может, подозрения мои ошибочны! Подумаем лучше, как помочь беде.

— Нам остается стараться выиграть время. Мы как раз на большой дороге, и легко можем встретить военный корабль. Не то — придется драться. Как ни быстр ход «Belle Adèle», этот дьявол еще быстрее... Если мы не найдем союзника, способного заставить его от нас отстать, он в полночь нас настигнет.

— Сколько защитников насчитываете вы на «Belle Adèle»?

— Девяносто два, вместе с вами и вашим другом.

— Ручаетесь ли вы за ваших людей?

— Как за самого себя!

— Так выслушайте меня.

В несколько минут план был составлен и принят.

Полночь. На безоблачном небе ярко светит луна, озаряя синеватым таинственным светом громадные пустыни небес и вод. Золотая полоса, искрясь и играя, широко перерезывает гладкую поверхность моря.

Все тихо. «Belle Adèle» кажется спящей. Огни везде потушены. Большая часть парусов убрана и корабль медленно движется, неловко заворачивая то влево, то вправо. Рулевой, по-видимому, задремал.

Неприятельский корвет приближался с быстротою молнии. Это было небольшое судно, длинное и острое, как настоящая рыба; на буксире у него были две лодки, битком набитые людьми. Число пиратов не превышало пятидесяти, но все они, впрочем, были прекрасно вооружены. Между ними был и Жоан.

Эту погоню он устроил по приказанию Майора, разумеется. От него майор узнал о силах «Belle Adèle», но подробности эти оказались далеко не верными. Жоан поступил к капитану Пети уже после вооружения корабля, и так как в короткое время его службы на «Belle Adèle» не было надобности выказать все силы, Жоан не подозревал о существовании пушек и мортир. Вот отчего пираты так смело преследовали «Belle Adèle» и без опасения приближались к ней...

На расстоянии выстрела корвет остановился. Буксирные лодки были отвязаны... Обмотанные соломой весла не производили шума. Пираты приближались, заранее уверенные в успехе. Что могли против них сделать сонные, застигнутые врасплох, безоружные пятьдесят человек? Как видно, дезертир не знал даже числа защитников «Belle Adèle». По данному знаку, пираты с дикими криками, разом бросились на корабль, стараясь вскарабкаться на палубу. Но судно внезапно круто повернулось и опрокинуло собой обе лодки, сидевшие в них мгновенно пошли ко дну.

Палуба вдруг заполнилась людьми. Страшная пальба открылась по уцелевшим пиратам, которые, отчаянно защищаясь, пытались кинуться на abordаж. Выстрелы, проклятия, крики торжества и отчаяния сливались с грохотом пушек и мортир. Камни разметали и топили спасавшихся вплавь разбойников, ядра громили корвет.

Мачта его была срезана, борт пробит, но ему как-то удалось стать под ветер и уклониться от сыпавшегося на него свинцового града.

Так окончилась дурно задуманная и плохо исполненная атака пиратов на «Belle Adèle»! Экипаж ее вел себя геройски. К счастью, не оказалось ни раненых, ни уби-

тых. Несколько мертвых пиратов лежали на палубе. В одном из них все узнали дезертира Жоана.

Нечего и говорить, что Юлиан щедро наградил весь экипаж «Belle Adèle». заключительная часть плавания окончилась благополучно.

Через месяц с небольшим на горизонте показалась темная полоса. По мере приближения, она все увеличивалась... То были берега Франции!

Юлиан возвращался на свою родину после четырнадцатилетнего отсутствия!

Сколько в это долгое время было им пережито! Сколько страданий, печали, опасностей было им изведено! Тяжелые воспоминания теснили его грудь. Зачем судьба такой злой мачехой отнеслась к лучшим годам его молодости и что ждет его впереди?

Ласки Денизы, сердцем любящей женщины отгадавшей грусть мужа, разогнали его мрачное настроение, и он вступил на родную землю счастливый настоящим и полный упований на будущее. Что касается Бернардо, то, казалось, им было все забыто. Он весь жил надеждой. Теперь он был богат, и ничто не мешало ему добиваться любви милой Мариетты. По приплытии в Гавр тотчас открыли ящики, присланные доном Кристобалем. Ценность подарка далеко превзошла самые смелые ожидания обоих супругов и в особенности Бернардо. Юлиан велел позвать эксперта и просил его определить стоимость слитков. Эксперт работал два часа и после тщательного осмотра объявил, что стоимость чистого золота, лежавшего в этих двадцати восьми ящиках, составляла баснословную сумму — тридцать восемь миллионов. Каково же должно было быть состояние дона Кристобала, если эти миллионы составляли только ничтожную часть наследства инков?! Это море золота скорее испугало, чем ослепило Юлиана. Его вкусы были так скромны, что если бы не Дениза, он, не задумываясь, отказался бы от этих богатств.

Путешественники не покидали «Belle Adèle» до последней минуты.

Юлиан призвал капитана и, заплатив за проезд, передал ему значительное вознаграждение для всего экипажа. После того, он объявил, что опять нанимает его корабль.

Капитан должен был плыть обратно в Гуаймас, а оттуда лично отправиться во «Флориду» для передачи

дону Кристобалью письма, которое Юлиан написал. Кроме того, Юлиан просил капитана не покидать Гавр, пока тот не получит из Парижа подарки, которые также просил отвезти ачиендеросу.

Но и Эдуард Пети не был забыт. Юлиан просил его принять пятьдесят тысяч франков, прибавив, что это лишь слабое выражение той признательности, которую он и жена его питают к нему.

Капитан чуть с ума не сошел от радости. Пятнадцать лет он плавал, и в первый раз встречал таких щедрых пассажиров!

Скорый поезд умчал Юлиана, Денизу, Бернардо и Тахеру в Париж.

Десять дней спустя после их отъезда, капитан Пети получил двадцать огромных сундуков. Это были подарки, предназначенные для дона Кристобаля и донны Луизы.

На другой день, с восходом солнца, «Belle Adèle» вышла обратно в Гуаймас.

Часть третья

ВОСКРЕШЕНИЕ

ГЛАВА I

29 марта 1870 года какой-то человек осторожно крался с улицы Сен-Мартен на улицу Гравилье.

Вечерело. Газовые рожки бледно мерцали сквозь густой, пронизывающий до костей туман, башенные часы церкви Сен-Мери звонко пробили семь.

Трудно определить было возраст шедшего человека. Казалось, он был еще довольно молод, но его желтое безбородое лицо, с вытянутым носом, беспокойно бегущими глазами, носило как бы отпечаток порочности и преждевременной старости. Одет он был обыкновенным работником, только рваная блуза его, заплатанные штаны, засаленная черная шелковая, надвинутая на брови фуражка, поражали своим неопрятным видом.

Он шел, как-то особенно переваливаясь с боку на бок, заложив в карманы руки и посасывая короткую трубочку.

У 28-го номера он остановился, окинул улицу быстрым взглядом и, не заметив ничего подозрительного, вошел в Римский двор.

Удивительное место этот Римский двор! Город в городе! Уцелевший обломок средних веков в современном Париже! Нужно там побывать, чтобы оценить деяния прогресса и официальных разрушителей. Вторая империя, прикрывая свои стратегические цели более гуманными, во всяком случае сослужила огромную службу столице мира. Благодаря ей, рушились многочисленные

дворы чудес, размножившиеся, подобно зловредным язвам, по древнему городу, и в темные закоулки их пролиты были потоки солнечных лучей и света.

К сожалению, ломка оказалась не радикальной. Как всегда в подобных случаях, частные интересы за тормозили общее дело. Неизвестными, а может быть, и известными судьбами некоторые притоны были пощажены. Растерявшиеся было мошенники вздохнули свободнее.

Осталось еще, где приютиться, потому что не все гнезда были разорены!..

Римский двор был именно одним из подобных убежищ. У него было три главных входа: с улиц Гравилье, де-Вертю и Рима. Это был лабиринт темных и грязных во все времена года переулков, скрещивавшихся по всем направлениям и образовавших в центре небольшую площадь, украшенную фонтанами и часами. Вдали виднелись трубы фабрик. Население Римского двора и соседних к нему улиц составляет отдельный класс общества; впрочем, вернее сказать, оно не принадлежит ни к какому определенному классу общества. Тут были контрабандисты, воры, убийцы, беглые из тюрем и каторги, шулера, злостные банкроты, содержатели публичных домов — словом подонки общества; и все это утром не знает, чем позавтракать, а вечером, глядишь, обедает на чей-либо счет. Все средства хороши для достижения цели!

Население двора разделяется на две, строго определенные группы: на эксплуатирующих мрак ночи и на работающих при дневном свете.

Но обе группы в нравственном отношении стоят одна другой.

В 1870 году, а может быть, и по сию пору, в одном из указанных нами переулков стоял дом, время постройки которого относилось по крайней мере к XIV столетию. Входная дверь отворялась в узкий и темный коридор, выходящий на обширный двор, середину которого занимал колодец, окруженный каменной оградой.

Предание гласило, что колодец этот спускался в какие-то таинственные подземелья. Впрочем, так говорили лишь по слухам; уже сорок лет, как отверстие колодца было наглухо заколочено.

Направо от входной двери находилась лавка; вечно спущенные красные занавеси на окнах придавали ей вид винного погребка, и этим она привлекала любопытные взоры прохожих. Жители Римского двора рассказывали, что лавка эта торгует всем, в особенности же теми предметами, которые полицией к продаже не допускаются.

Обыкновенно, днем там было пусто, но чуть наступали сумерки, картина менялась. Покупатели стекались со всех сторон, а из коридора выпархивали, точно стая ночных бабочек, нарумяненные нахальные женщины.

Дом этот, целиком нанимаемый владельцем лавки, принадлежал к разряду тех, которые полиция сама поддерживает. Ей необходимы центры, куда бы могли свободно стекаться мошенники, и где она время от времени могла бы устраивать удачные облавы. Хозяева подобных домов, большей частью освобожденные преступники, волсей-неволей являются союзниками полиции. Нечего и говорить, что при первом удобном случае они не задумываются надуть ее агентов и всецело покровительствуют своим собратьям.

Человек, о котором мы говорили, не сразу решился войти в этот дом. Зорко оглядываясь и прислушиваясь к малейшему шуму, он несколько раз прошелся взад и вперед, и, убедившись, наконец, что все обстоит благополучно, сильно дернул дверь и быстро вошел в лавку.

Лавка помещалась в большой, высокой комнате, заставленной столами и скамейками.

За массивным прилавком сидела пожилая женщина необыкновенной худобы и высокого роста. Совиное лицо ее, с маленькими мигающими глазами, производило отталкивающее впечатление.

Нельзя не заметить, что большинство притонов содержатся женщинами, и нужно удивляться, каким образом эти представительницы слабого пола ухитряются держать в страхе и повиновении целую армию негодяев!

Висячая лампа тускло горела в полумраке огромной комнаты, а свет ее отражался на разноцветных бутылках, украшавших прилавки и полки.

Несколько человек, молча и торопливо уплетали отвратительную похлебку, запивая ее не менее скверным вином.

Никто, кроме Ла-Марлуз — боевое имя почтенной хозяйки, казалось, не обратил внимания на вошедшего. Она встала и пошла к нему навстречу.

— А! Наконец-то, земляк, — сказала она, оскалив рот и выставляя ряд желтых испорченных зубов. — Откуда ты?

— Из разных мест! — хриплым голосом отвечал прибывший, усаживаясь за один из свободных столов.

— И хорошо там было? — продолжала хозяйка, улыбаясь еще шире.

— Хорошо тем, которые умеют сеять бобы, а собирать горох... А как здоровье господина Ромье?

— Эх! — проговорила хозяйка, покачивая головой. — Неважно!.. Да ты скоро увидишь, а пока не хочешь ли закусить?

— И закусить, и выпить... Да смотри: гадости не подавать! Сегодня платить есть чем; нам требуется фрикасе из кроликов, салат и бутылка настоящего!

Ла-Марлуз разбудила дремавшую у прилавка служанку, и они вдвоем бросились исполнять приказание посетителя.

Вскоре обед стоял перед ним, и он принялся за него с таким усердием, что, как говорится, за ушами трещало.

Посетители мало-помалу начали расходиться.

В углу, на скамейке, растянувшись во весь рост, лежал человек. Казалось, он крепко спал. Храп его густым басом разносился по комнате, нимало не смущая, впрочем, невзыскательных гостей. «Должно быть пьян!», — думал каждый про себя.

Не успел последний из посетителей оставить лавку, как спавший вскочил и, протирая глаза, весело вскрикнул:

— Тьфу, черти!.. Я думал, что они никогда не убесятся!..

Между ним и обедавшим было поразительное сходство. Та же развалистая походка, тот же хриплый голос, а главное, беспокойно бегающий взгляд. Лицом он казался несколько старше, чему способствовала, может быть, густая борода и лихо закрученные черные усы.

— Тише, тише, Полит! — остановил его обедающий. — Тебя могут услышать.

— Э, полно, Лупер!.. Никого нет, кроме тебя и тетушки Ла-Марлуз. Говори теперь: зачем ты велел ожи-
дать тебя здесь?

— Узнаешь потом! — величественно ответил Лупер, так звали нашего знакомого. — А теперь, было бы тебе известно, что дело серьезное: золото польется рекой, но вот условие: держи язык за зубами. Могу я на тебя рассчитывать?

— Как на самого себя! — с восторгом воскликнул Полит. — Ты знаешь, как я тебе предан!

— Преданность преданностью, а ты помни, что тебя ожидает, если я что-нибудь замечу.

Лупер подкрепил свои слова взглядом, от которого у Полита мурашки забегали по спине, хотя он был не трус!

В эту минуту два раза прозвенел колокольчик.

Ла-Марлуз, все время сидевшая за прилавком, подошла к разговаривающим.

— Господин Ромье вас ждет, — любезно доложила она.

Лупер вылил остатки вина в стаканы.

— Выпьем за твое здоровье, Полит, — сказал он, усмехаясь. — Следуй за мной, а главное, ничему не удивляйся.

Ля-Марлуз зажгла два фонаря и, подавая их мужчинам, сделала знак следовать за ней. Они прошли две комнаты, длинный коридор и очутились во дворе.

Холодный ветер дохнул им в лицо. Темно было, хоть глаз выколи.

Ла-Марлуз подошла к колодцу, ощупью пошарила руками... Часть ограды тихо опустилась и обнаружила отверстие.

— Готово, ягнятки мои! — смеясь, сказала ужасная женщина. — Не робейте! Дорога узковата, но надежна.

Лупер поднес фонарь к отверстию и внимательно посмотрел вниз.

Веревочная лестница, крепко натянутая, была прикреплена к двум толстым железным кольцам, вделанным в стену колодца. Пламя фонаря красноватым отблеском не могло осветить эту бездну; первые ступеньки лестницы ярко выделялись, затем все исчезало в густом мраке.

— Хорошо! — хладнокровно сказал Лупер, прикрепляя фонарь к поясу. — Это что-то похожее на путь к небу, то есть нечто трудное и неприятное, но все равно: мы готовы!

И он начал спускаться.

— Эй ты, там! — весело крикнул ему Полит. — Не торопись очень: меня потеряешь!.. А что, — обратился он к Ла-Марлуз, — очень глубок ваш колодец?

— Семьдесят метров вглубь, — ответила та.

— Фью!.. — просчитал Полит. — Прогулочка хоть куда! Ну, прощайте... Всем от меня поклон, а курочкам вашим мое почтение.

Он смело последовал за Лупером, фонарь которого блестящей точкой сиял далеко внизу.

Ограда колодца вновь поднялась, а Ла-Марлуз вернулась к своему прилавку.

Бандиты осторожно спускались.

Нужно было иметь действительно большое мужество, чтобы решиться на этот подвиг. Малейшая оплошность могла им стоить жизни. Они висели над зияющей пропастью, не зная даже наверное, что их ждет внизу!

Гробовое молчание царило кругом. Слышалось только их учащенное дыхание; спертый воздух душил их, холодный пот струился по лицам.

Это продолжалось с четверть часа. Лупер громко считал ступеньки.

На двести восьмой он остановился, говоря со своей обычной усмешкой:

— Пора бы и кончить!

— Кончили! — раздался внезапно грубый голос. — Шагните два раза, и готово!

— Честь имею пожелать вам доброго вечера! — ответил Лупер, соскакивая на землю.

— Как вечера? — возразил невидимый собеседник. — Теперь едва полдень!

— Ваши часы опаздывают, — вежливо сказал Лупер; — на моих час двадцать семь минут.

— Верно! — крикнул голос.

Свет факела блеснул в темноте, навстречу бандитам шел какой-то человек.

— Кабуло! — воскликнули они в один голос.

Кабуло был рослый малый лет сорока. Красное лицо его, с выражением какого-то мошеннического добродушия, едва ли могло внушать большое доверие.

Разглядев бандитов, он им крикнул:

— Теперь осторожнее: не шевелитесь!

Он повернул вделанную в стену рукоятку и поспешно откинулся назад.

Веревочная лестница с шумом свалилась на землю.

— Больше никого не ждем! — смеясь, сказал Кабуло.

— Будто, кроме нас, приходили другие? — спросил Полит.

— Еще бы! Там у нас немало твоих друзей и знакомых.

— Отлично!.. Но скажи, Кабуло, как мы выйдем отсюда без лестницы?

— Не бойся, старина! В целости доставим! Во-первых, вы уйдете не с этой стороны, а, во-вторых, лестница в пять минут может быть на месте.

— Браво!.. Точно в театре!

Кабуло опять прижал какую-то пружину, и потайная дверь неслышно повернулась.

Бандиты вошли в длинный коридор, конца которого они не могли ни видеть, ни угадать. Вероятно, это подземелье было заброшенной каменоломней.

В некоторых местах, свод подпирался толстыми столбами, иногда же он опускался так низко, что бандиты подвигались почти ползком. Старинные и недавние обвалы загораживали путь на каждом шагу. Круглые залы перерезывали коридор, от них расходились, точно лучи, широкие галереи, такие же бесконечные и таинственные, как та, по которой шли три друга.

Кабуло уверенно направлялся по этому лабиринту. Он был здесь, как у себя дома, и шел, беспечно насвистывая веселую песенку.

Не то было с Лупером и Политом. Эти мрачные своды давили их, могильная тишина, одиночество, неизвестность невольно наводили на мрачные мысли.

Вдруг проводник их остановился, высоко подняв над головой свой факел.

— Что такое? — спросил заинтригованный Лупер.

— Ничего... Как будто шаги... — отвечал тот, прислушиваясь.

— Ты думаешь, что за нами следят?

— Все возможно... Галереи эти так громадны, что нам невозможно знать все входы и выходы... Очень может быть, что и, кроме нас, здесь есть хозяева.

— Черт возьми! — сказал Лупер. — Это было бы досадно.

— Еще бы! Когда я шел за вами, мне тоже слышался какой-то шум...

— Но теперя я, признаться, ничего не слышал!

— И я тоже! — подхватил Полит.

— Может быть, мне почудилось. Во всяком случае — пойдем вперед!

— А далеко нам еще? — спросил со вздохом Полит.

— Через пять минут мы будем на месте.

Действительно, он вскоре остановился и открыл погайную дверь. Друзья вошли в погреб, сверху донизу заставленный бочонками с вином.

— Ай да мебель! — сказал, облизываясь, Полит. — Вот бы!..

Но Кабуло шел вперед, не обратив внимания на его слова. Он открыл еще дверь, поднялся по лестнице и, пройдя небольшой двор, остановился наконец у маленькой двери.

Само собой разумеется, бандиты следовали за ним Кабуло постучался три раза.

— Войдите! — раздался чей-то голос.

ГЛАВА II

При выходе из подземелья, Кабуло и его товарищи потушили факел и фонари.

Лупер и Полит напрасно напрягали зрение, стараясь, если не рассмотреть, то угадать, где они. Проницательность мошенников бывает поистине изумительна. Им стоит иной раз пройти по незнакомой местности, и они заметят все, что им нужно.

Но на этот раз бандиты должны были сознаться, что вся их смышленость не может ни к чему послужить; они были окружены совершенным мраком, в котором решительно ничего нельзя было рассмотреть.

Кабуло обратился к Политу:

— Ну, сынок, я сейчас тебя поведу к товарищам.

— А я? — спросил Лупер.

— Ты — другое дело... Тебе откроют дверь, ты ответишь на вопросы, а там — увидишь!

Затем, до свидания!

Он удалился вместе с Политом.

Дверь отворилась, показался дюжий лакей.

— Не поздно ли? — спросил он.

— Никогда, если луна взошла, — отвечал бандит.

— Ваше имя?

— Лупер.

— Хорошо, идите за мной.

Лупер повиновался. Дверь захлопнулась за ним, и он очутился в богато убранной передней.

— Вы знаете, что мне приказано завязать вам глаза? — спросил лакей.

— Не знал, но все равно: поступайте, как будто бы я знал.

Лакей накинул ему на голову большой черный мешок, завязывавшийся кругом шеи, с отверстиями для носа и рта.

Лупер ослеп совершенно и наполовину оглох. Он слышал все-таки, как кругом вдруг заговорили несколько лиц на непонятном ему языке. Потом он почувствовал, что сильные руки подняли его и уложили на носилки.

— Не шевелитесь! — сказал ему кто-то по-французски... — Вы можете себя ранить.

Лупер пассивно отдался в распоряжение неизвестных. Все это не пугало его, но удивляло бесконечно, он с нетерпением ждал развязки.

Странное превращение сделалось с этим человеком с той минуты, как он расстался с товарищами!

Голос, выражение лица, манеры стали совершенно другие. Если бы не платье, можно бы об заклад побиться, что это не Лупер.

Сколько его несли, он точно не помнил. Ностерпение делало для него время ностерпимо длинным.

Наконец носилки остановились. Лупера осторожно сняли и посадили в кресло.

Через несколько секунд незнакомый голос сказал ему:

— Извините, дорогой Лупер, за эти предосторожности... Надеюсь, что отныне они будут лишними между нами. Потрудитесь снять мешок.

Лупер не заставил повторить приглашение.

Первым его делом было осмотреться.

Комната, в которой он находился, была не особенно велика и более чем просто меблирована.

Огонь в камине и небольшая лампа освещали скромную обстановку, которая могла одинаково принадлежать кабинету доктора, адвоката или стряпчего.

У большого черного бюро в кожаном кресле сидел высокого роста человек. Лицо его, без того некрасивое, казалось отталкивающим из-за множества шрамов и широких рубцов.

Синие очки защищали его глаза, густая борода покрывала щеки и подбородок.

Левый рукав халата висел пустой: человек этот был калека.

Увидав его, Лупер вздрогнул.

К счастью, тот не успел заметить его невольное движение и продолжал медоточивым голосом:

— Так вы не сердитесь, дорогой друг? Очень рад... а я беспокоился! Видите, нам нужно переговорить о весьма важных делах, так я, знаете, на всякий случай, если бы мы с вами не сошлись... Не хотите ли сигару? У меня превосходные!

— Благодарю вас, пока не хочу! — сухо ответил Лупер. — Но вы говорили о важных делах: не угодно ли вам объясниться?

— Да, да... Знаете ли, дружок, вы мне ужасно нравитесь!

— Очень вам благодарен...

— Правда, правда!.. Послушайте, хотите играть со мной в открытую?

— Это мое обыкновение...

— Знаю, знаю, и искренно радуюсь за вас и за себя...

— Не пора ли нам покончить с предисловиями?

— Гм... — усмехнулся тот. — Странно как-то слышать такое слово из уст начальника подвижной армии!..

— Что это, ирония? — сурово заметил Лупер. — Как вам будет угодно, господин Ромье, но если вы таким образом желаете вести со мной дела...

— Бог с вами! — тревожно воскликнул Ромье. — Зачем сердиться за невинную шутку? Поверьте, что я сумею уважать ваше инкогнито.

— В таком случае, обещаю не менее уважать и ваше инкогнито! — ответил Лупер с такой усмешкой, что Ромье даже привскочил. — Ничего, не тревожьтесь, господин Ромье! — добавил он, ударяя на этом имени.

— Вы меня знаете?

— Гораздо ближе, чем вы полагаете, и во всяком случае лучше, чем вы меня... Но довольно об этом: эти стычки только напрасно раздражают нас. Вы нуждаетесь во мне; может быть, и вы будете мне небесполезны. Давайте толковать о наших делах ясно и честно, как два купца. Потом поговорим о взаимных условиях.

— Я только этого и хотел! — с неподдельной радостью воскликнул Ромье. — Я начинаю...

Лупер встал, подошел к столу и выбрал одну из лежащих в ящике сигар. Отрезав кончик и закулив ее, он небрежно развалился на диване, процевив сквозь зубы:

— Говорите... я слушаю!

Нахальство его, видимо, раздражало Ромье, но он сдержался и продолжал:

— Вы главный начальник подвижной армии?

Лупер ответил утвердительно кивком головы.

— Можете вы определить численность вашей армии?

— Сорок пять тысяч человек.

— Неужели?

— Их гораздо больше, но я тут считаю только тех, которых различные обстоятельства заставляют вести открытую войну с обществом.

— Гм! А на скольких из них вы можете положиться?

— Смотря для какого дела. Скажите откровенно, зачем вам нужны эти люди, и я скажу вам, сколько могу доставить их.

Господин Ромье раздумывал. А что, если, открыв свой замысел, он в то же время откроет и свою личность?

— Так как же? — продолжал Лупер. — Помочь вам, что ли? Вам, что нужно-то: украсть, убить, увести...

— Видите ли, — тихим голосом проговорил Ромье. — Придется все это проделать и даже немного более! — Кончил он совсем шепотом.

— В таком случае, необходимо человек пятьсот, может быть, и более.

— Да, но людей готовых на все.

— Решительно!.. Но я должен объявить вам, что дело обойдется недешево.

— Я только посредник! — уклончиво замстил Ромье.

— Мне все равно. Итак, вы платите?

— Да. Вы будете вообще иметь дело только со мной.

— Прекрасно. Но любите кататься, любите и саночки возить... Какую сумму назначили вы на это дело?

— Как сумму?

— Да деньги же, Боже мой! Не воображаете ли вы, что я работаю из любви к искусству? — спросил, смеясь, Лупер.

— Ах да, деньги!.. Во всяком случае, мне не будет надобности в ваших пятистах человеках. Я уже наварбовал человек восемьдесят.

— Эге!.. Слуга покорный! Я отвечаю только за лично мне известных людей, да и то в том случае, если они непосредственно будут зависеть от меня. Покажите-ка мне лист с именами.

Ромье с сердитым видом вынул из бюро длинный список и подал его Луперу. Тот нагнулся к лампе и стал читать, подчеркивая что-то время от времени ногтем.

Кончив, он передал лист беспокойно следившему за ним Ромье.

— Посмотрите-ка мои заметки! — сказал он небрежно. — Вот каких молодцов вы набрали!

— Что же? — возразил Ромье. — Раз, два, три... Вы отместили девятых... Это, верно, негодные?

— Напротив: эти-то и есть порядочные.

— Девять из восьмидесяти! — с ужасом вскрикнул Ромье.

— Точно так. Предупреждаю вас, что остальные приносят вам более вреда, чем пользы. Это трусы, простые воришки, не способные ни на что порядочное... между ними я даже нашел четырех полицейских сыщиков.

— Господи! — воскликнул позеленевший от страха Ромье. — К счастью, они еще ничего не знают и даже не видели меня.. Кабуло все устраивает, и собирал их неподалеку отсюда... Но квартиры моей они также не знают!

— Тем лучше! В таком случае, я ничего не потеряю. Дайте им немного денег и распустите сегодня же. Ну а теперь вернемся к вопросу о сумме.

— Что вы скажите о ста тысячах франков? — с довольным видом спросил Ромье.

Лупер залился хохотом.

— Как? Вы смеетесь? Сто тысяч франков!

— Вы с ума сошли! — хохотал Лупер. — Прибавьте миллион, тогда и говорите.

— Миллион! — в ужасе завопил Ромье.

— Ни сантима меньше! — решительно отрезал Лупер. — Подумайте: только деньгами можете вы добыть людей, для которых деньги все. Каждому из них нужно будет выдать по тысяче франков... Тогда вы смело можете приказывать им, хоть сжечь Париж: они готовы на все! Кроме того, дело может затянуться, а я буду обязан одевать, поить и кормить эту ватагу. Рассчитайте, что мне останется!

— Но миллион... миллион!.. — вздыхал жалобно Ромье.

— Опять ошиблись... Нужен не миллион, а миллион двести тысяч.

— Но вы сказали...

— Я сказал миллион моим людям... Неужели же вы находите, что двести тысяч на мою долю слишком много?

— Я разорен!.. — в отчаянии кричал безрукий.

— Вы?.. Ведь вы говорили, что вы только посредник?

— Да, да! — бормотал Ромье. — Но я защищаю интересы...

— Кого хотите, мне до этого дела нет! — резко остановил его Лупер. — Решайте: да или нет! Я требую четыреста тысяч франков задатка: сто тысяч сейчас же, в триста завтра в девять часов утра, на Елисейских полях, против итальянского посольства.

— Вы меня без ножа зарезали, — плаксивым голосом сказал Ромье, открывая огромное бюро.

Ворча и чуть не плача, он вынимал один за другим банковые билеты и передавал их Луперу, а тот, насмешливо улыбаясь, тщательно осматривал каждый билет.

— Будьте аккуратны, — сказал Лупер, когда счет был кончен. — Если завтра в девять часов пять минут вас не будет на означенном месте, ваши сто тысяч пропали даром.

— Буду, буду! — с огорченным видом отвечал Ромье. — Завтра же мы условимся насчет плана действий.

— Непременно. Но теперь я должен идти. Как мне отсюда выбраться?

— Я сам вас провожу.

Они прошли несколько комнат и коридоров и дошли наконец до передней, где Ромье долго возился с входной дверью. Она сверху донизу была выложена железом и запиралась секретными замками.

— Черт возьми! — смеясь, сказал Лупер. — К вам нелегко попасть.

— Что же вы хотите! — смиренно отвечал Ромье. — На свете столько мошенников! Поневоле запираешься. Лупер смеялся.

— А скажите мне, где я нахожусь? — спросил он. — Вы меня так странно заставили пропутешествовать, что я совсем потерялся.

— Вы в Пасси, на улице Насоса.

— Так далеко!.. Удивительно! Прощайте, господин Ромье.

— Прощайте, господин де Монреаль!

И безрукий залился едким хохотом.

Лупер вздрогнул от изумления. Но тотчас же оправился.

— Ровно в девять часов, Фелиц Оианди! — крикнул он во все горло. — Я буду аккуратен.

— Что? Попался? — говорил сам с собою Лупер, направляясь к Парижу... — Сам виноват. А, видно, он не знает моего настоящего имени!

ГЛАВА III

Для большей ясности рассказа мы должны несколько вернуться назад.

Шесть лет прошло со времени возвращения Юлиана из Мексики. Счастье и любовь не покидали нашего героя. Дениза оставалась по-прежнему очаровательной, он по-прежнему влюбленным, и взаимная привязанность укрепилась еще рождением сына, которого называли Бернардо.

Богатство перестало стеснять его. К хорошему скоро привыкают! Недели через две по приезде в Париж судьба представила ему случай купить великолепный отель на бульваре де-Курсель.

Какой-то русский князь, ухлопавший на него пять миллионов, продавал его менее, чем за полцены. Роскошь обстановки была изумительна. Мрамор, золото, живопись осуществляли сказочные мечты «Тысячи и одной ночи». Чудеса науки и творчества соединены были для комфорта и изящества этого поистине царского жилища.

Кроме того, Юлиан приобрел в нескольких лье от Парижа доходное и прекрасное поместье.

По окончании злополучной мексиканской экспедиции вернулся и доктор. В его распоряжение отдана была левая половина отеля, и там, окруженный книгами и хирургическими инструментами, он забывал грустное прошлое, посвящая свое время науке и семейству.

Счастье не обошло и Бернардо. Пять лет уже он был мужем милой Мариетты, и смех и лепет четырехлетнего

его сына Юлиана радостно раздавался в огромном доме, купленном Бернардо на окраине города.

Бывший охотник не изменил своим несколько отшельническим привычкам. Вполне свободным он себя чувствовал только вдали от шумных кварталов Парижа. Лучшими же днями он считал те, которые проводил в своем имении, которое приобрел неподалеку от имения Юлиана.

Приятель его, Тахера, окончательно освоился с платьем и отчасти с требованиями цивилизации. Все его сперва поражало, удивляло, не нарушая, впрочем, невозмутимой важности его наружности.

Одним счастливецом на свете больше стало с тех пор, как почтенный Брюлар, бывший привратник дома, где жил доктор в Париже, и отец Мариетты, преобразился в управляющего всеми имениями господина д'Иригойена. Теперь господин Брюлар получал шесть тысяч франков жалованья и даровую квартиру в том самом доме на улице Азас, в котором он так долго занимал такую скромную должность.

Дом этот куплен был Юлианом.

В мае 1867 года, за несколько недель до открытия выставки, Дениза стала замечать какую-то странную перемену в своем муже.

Мысль о неверности мало смущала ее, она слишком была уверена и в нем, и в себе.

Тем не менее его таинственный вид и частые отлучки возбудили в ней, если не подозрение, то по крайней мере любопытство. Несколько раз принималась она за расспросы, но всякий раз Юлиан отшучивался или уходил, ничего не отвечая.

Однажды, прогуливаясь по саду, Дениза увидела рабочих, пробивающих в стене дверь в сад соседнего отеля.

Не желая показать людям, что она не знает, что у нее делается в доме, она ушла к себе сердитая и с нетерпением стала ожидать Юлиана.

Теперь он обязан объясниться!..

Но Юлиана целый день не было дома... Где он пропал?

Наконец, в пять часов послышался стук его кареты. Дениза проворно выбежала в сад, зная, что он непременно будет искать ее.

Он, действительно, явился, веселый, торжествующий, но с более таинственным видом, чем когда-либо.

Поцеловав жену и наговорив любезностей по поводу ее свежести и туалета, он тут же стал извиняться, что без ее ведома пригласил *гостей к обеду*.

— Но, Юлиан, у нас ничего не приготовлено...

— Не беспокойся, ангел мой, я уже распорядился...

Дениза покачала головой, ничего не отвечая. Взяв Юлиана за руку, она, как бы случайно, направилась к заинтриговавшей ее двери. Юлиан послушно следовал за ней, едва удерживаясь от улыбки.

— Ах!.. — вскрикнула вдруг притворно удивленная Дениза.

— Что случилось? — спросил Юлиан.

— Смотри, пожалуйста: дверь!.. Что же это значит?

— Гм!.. Обыкновенно дверь служит для входа и выхода, то есть средством для сообщения, — сказал добродушно Юлиан.

— Ты смеешься надо мной! — топнув ножкой, вскрикнула действительно рассерженная Дениза. — Тут скрывается какая-то тайна... Я хочу знать ее!

— Я вам ее открою, — раздался вдруг звучный и приятный голос.

Из-за таинственной двери показалась дама в сопровождении молодой девушки и молодого человека.

— Графиня Валенфлер! — с восторгом закричала Дениза, бросаясь в объятия графини.

— Гадкий! Как ты меня испугал! — обратилась она к мужу, с любовью глядя на него. — Бог с тобой! Я тебе прощаю: я так счастлива!

Начавшиеся рассказы и расспросы обещали затянуться так долго, что Юлиан напомнил, что пора идти встречать ожидаемых гостей.

— Я и мои дети сами напрашиваемся к вам на обед! — сказала графиня. — Всего час, как я приехала в Париж, и у меня еще ничего не готово.

— Разумеется, милая Леона! — радушно отвечала Дениза. — Но как жаль, что у нас гости! Как хорошо было бы провести вечер наедине!

— Что делать, — улыбаясь, сказала графиня. — Но вы теперь знаете, что муж ваш купил для меня соседний отель; нужно надеяться, что мы будем часто видеться.

Юлиан молчал и радостно потирал себе руки.

Едва все общество вошло в гостиную, как слышался стук экипажей, и почти тотчас же лакей доложил:

— Сеньор дон Кристоаль де Карденас, синьора донна Луиза, донна Мерседес де Карденас, дон Панчо де Карденас.

Невозможно описать радость, поцелуи, объятия, которые затем последовали! Доктор, Бернардо и Мариетта вошли тем временем в комнату и приняли участие в этих сердечных излияниях.

За обедом дон Кристоаль горячо благодарил Юлиана и Бернардо. Дениза узнала, что более месяца все готовилось к приезду ачиендероса. В отеле, купленном на его имя, комнаты устроены были по образцу флоридских; наемная прислуга состояла исключительно из французов, говоривших по-испански, или испанцев, говоривших по-французски.

Сам дон Кристоаль никакого другого языка, кроме испанского, не знал.

— Вы не поверите, как это все меня тронуло! — говорил он. — Я на чужбине, а между тем чувствую себя, как дома!

Воспоминаниям не было конца.

— Кстати, — сказал дон Кристоаль. — Знаете ли вы, что майор воскрес?

Все, кроме Юлиана, были поражены.

— Да, — продолжал ачиендерос. — Еще раз дьявол спас его! Целый год, после нападения на ачиенду, о нем не было ни слуха ни духа; потом вдруг он начал опять разбойничать, и только полгода тому назад исчез вторично и, как уверяют, — окончательно. Что касается Фелица Оианди...

— Уж этот-то, наверное, умер? — спросил Бернардо.

— Ничуть! Ему удалось бежать как раз накануне дня, в который он должен был быть расстрелян. С тех пор о нем ничего не известно. Вероятно, он где-нибудь нашел своего Майора; эти молодцы созданы друг для друга.

— Во всяком случае, я не советовал бы им показываться в Париже, — заметил Юлиан.

— Боже мой! — прошептала Дениза. — Я не могу быть совершенно спокойной, пока эти люди живы!

— Полно, милая, — нежно сказал ей Юлиан. — Ни тот, ни другой не могут более вредить тебе.

Три года прошли незаметно для наших друзей. Они вполне наслаждались так дорого купленным счастьем.

Все наведенные о двух бандитах справки ни к чему не привели. Их считали погибшими. Один Юлиан, а также Бернардо, продолжали сомневаться и решили быть настороже.

В 1870 году, когда вновь начинается наш рассказ, Арману Валенфлеру минул двадцать один год, а Ванде исполнилось шестнадцать лет.

С ними случилось то, что они обещали в детстве.

Оба были прелестной наружности, и начали замечать, едва отдавая в том себе отчет, что родные братья и сестры любят друг друга не такою любовью, как они.

ГЛАВА IV

Наступил май. Яркое солнце отражалось всеми цветами радуги на покрытой утренней росой молодой листве.

В одной из отделенных аллей Булонского леса ехали верхом на чудных испанских лошадях Ванда и Арман. За ними, несколько поодаль, следовали два грума. Молодые люди казались задумчивы. Более получаса ими не было произнесено ни одного слова. Ванда не раз поворачивала свою прелестную головку, быстро взглядывая из-под бархатных ресниц на своего молчаливого спутника.

— Знаете, Арман, — сказала она, выведенная наконец из терпения, — вернемтесь домой! Вы сегодня ужасно рассеяны... О чем вы думали?

Молодой человек слегка улыбнулся.

— О вас, Ванда! — отвечал он.

— Очень любезно!.. Но я вам не верю. Разве брат может постоянно думать о сестре своей? — сказала она не без намерения.

— Вы мне не сестра!

Вспыхнувшая девушка сильно ударила хлыстом свою лошадь и поскакала галопом. Арман следовал за ней.

— Арман, — сказала она, когда он догнал ее. — Вы меня огорчаете... Скажите, что с вами?

— Ванда, я страдаю!

— Вы страдаете? И вы молчите? О милый брат, прежде вы мне поверяли все ваши горести!

— Прежде!.. — усмехнулся молодой человек.

— Брат мой...

— Не называйте меня так, Ванда. Зовите меня Арманом, как я вас называю Вандой.

Молодая девушка остановила на нем долгий взгляд.

— Арман, — проговорила она, — вы меня больше не любите.

— Я!.. — воскликнул он.

— Вы! — грустно подтвердила она. — А я вас люблю по-прежнему.

— Как сестра! — горько улыбаясь, сказал Арман.

Они замолчали. Лошади шагом шли по усыпанным песком аллеям.

Арман первый прервал молчание.

— Ванда, — сказал он, — вам скоро будет шестнадцать лет. Вы хороши, божественно хороши, богаты...

— Богата?

— Разве вы не знаете, что у вас более ста тысяч годового дохода?

— Откуда же? Вы шутите, Арман...

— Неужели вы забыли, какая сумма денег была с вами, когда...

— Когда вы меня нашли, Арман? Но я должны вам признаться в одной вещи, друг мой. С того дня, как вы меня спасли, а ваша мать приняла меня, покинутую сироту, как свою дочь, я всеми силами старалась вычеркнуть из моей памяти все, что относилось к мрачной и безотрадной поре моего первого детства. Я все забыла, кроме ласк вашей матери, ничего не желаю помнить, что было вне вашего дома... И вы говорите, у меня нашли много денег? Положим, но что ж из этого?

— Очень много... Главное уже то, что всюду вы будете окружены...

— Так что же?

— Вам вскружат голову... Ванда, Ванда! Вы сами полюбите кого-нибудь.

Отчаяние звучало в его голосе. Ванда вдруг выпрямилась и, положив руку на плечо молодого человека, твердо сказала:

— Арман, я давно уже люблю единственного человека, которого могла бы когда-нибудь полюбить.

— Ванда! — страстно прошептал он. — Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, если вы меня не поняли!.. Но тогда я очень несчастна!

— Боже мой, возможно ли!.. Вы меня любите?

— Довольно, Арман, ради Бога, довольно... Вернемся домой, переговорим с мамой!

Занятые собою, молодые люди не замечали, что *какой-то всадник* с некоторого времени неотступно следовал за ними.

Лицо этого человека поражало бы своей красотой, если бы оно не было изуродовано длинным шрамом, идущим от виска вдоль всей щеки. Густая серебряная борода покрывала его подбородок, верхняя часть лица скрывалась широкими полями великолепной панамской шляпы, на глазах были темно-синие очки. Все движения отличали человека хорошего общества, по ловкости, с которой он управлял своим великолепным скакуном, можно было угадать лихого наездника.

Взор его был устремлен на молодых людей. Несколько раз он, казалось, хотел к ним подъехать, но останавливался в раздумье, и продолжал молча следовать за ними.

Поравнявшись с озером, он наконец решился.

Подъехав к Арману, он вежливо поклонился.

— Позвольте мне, — сказал он, — задать вам один вопрос.

Арман отдал ему поклон и приостановил лошадь.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Может быть, вопрос покажется вам несколько странным... — начал неизвестный господин.

Арман пристально взглянул на незнакомца; какое то невыразимо враждебное чувство инстинктивно возникло у него.

— С кем имею честь говорить? — сухо спросил он.

Незнакомец замялся.

— Мое имя вам необходимо, чтобы ответить на мой вопрос?

— Извините, — надменно сказал Арман, — я не имею чести вас знать. Вы сами предупредили меня, что вопрос ваш может показаться странным, и я желаю знать, с кем придется иметь дело, в случае, если он мне покажется нескромным.

— Боже мой! Не сердись, пожалуйста, — с усмешкой сказал незнакомец, — мне просто хотелось удостовериться, что молодая особа, сопровождающая вас, действительно мадемуазель Ванда.

— Милостивый государь, эта молодая особа, как вы позволяете себе ее называть, моя сестра. Прошу вас не упоминать о ней в нашем разговоре.

И, обратясь к Ванде, Арман прибавил:

— Лора, отъезжай подальше. Твое присутствие здесь лишне.

Молодая девушка повиновалась.

Незнакомец до крови закусил губу. Быстро оправившись, он продолжал тем же насмешливо-вежливым тоном:

— Не с графом ли де Валенфлером я имею честь говорить?

Арман как будто ожидал этого вопроса.

— Я вас не понимаю, — холодно ответил он, — и хотя не признаю ни за кем права допрашивать меня, но, извольте, я готов отвечать вам. Прошу вас только следовать за мной к полицейскому комиссару для объяснения вашего странного поведения, и для того, чтобы, сказав вам мое имя, я бы мог знать, кто вы такой. Тут как раз стоят два полицейских, один из них не откажется проводить нас в полицейскую префектуру.

Незнакомец страшно побледнел. Глухо вскрикнув, он сделал движение, как бы отыскивая скрытое под платьем оружие. Но, машинально повернув голову, он увидел вблизи стражей порядка, с особенным вниманием следивших за ним.

Однако он сразу овладел собой. Весь гнев его точно пропал, но на мертвенно-бледном лице кровавой полосой выделялся шрам.

Он тихо опустил руку и, нагнувшись немного к молодому графу, дрожащим от гнева голосом произнес: «Мы увидимся!»

Шпоры вонзились в бока лошади, и бедное животное, заржав от боли, помчалось, как вихрь.

В то мгновение, когда незнакомец пронесся быстрее молнии мимо одного остановившегося всадника, тот громко крикнул:

— Эй!.. Майор! Осторожнее... не сломайте себе шею!

— Я угадал! — прошептал Арман, слышавший эти слова. — Это он! Дьявол сорвался с цепи; нужно принять меры.

— Что хотел этот человек? — спросила Ванда, подъезжая к нему.

— Это сумасшедший! — смеясь, отвечал Арман.

— Какой он страшный!.. Мы нес скоро поедем опять в Булонский лес, не правда ли?

— Отчего?

— Этот человек напугал меня. Я ни за что не хотела бы вновь встретить его.

— Трусиха!

— Но зачем вы называли меня Лорой?

— Затем, что имя такой девушки, как вы, не должно произноситься перед незнакомыми. Но забудьте о нем, Ванда. Мало ли кто может встретиться на дороге!

Несмотря на кажущуюся беспечность, Арман страшно встревожился. Он решил ничего не скрывать от своих друзей, и случай представил ему возможность переговорить с ними наедине в этот же самый день. Он подробно передал им все обстоятельства встречи с Майором, не забывая незнакомца, так смело бросившего это имя в лицо самого Майора.

— Сомнений нет, — сказал Бернардо, — это он! Негодяй хочет сыграть последнюю партию. Хорошо! Мы готовы, и на этот раз, клянусь, он погибнет.

— Сегодня же, — сказал доктор. — Я отправлюсь в полицейскую префектуру. У меня там сохранились некоторые связи, которые могут нам пригодиться.

— Зачем вмешивать сюда полицию? — с жаром вскрикнул Бернардо. — Мы обойдемся и без нее. Неужели бывшие охотники не способны справиться с неприятелем в Париже?

— Бернардо, — ответил ему Юлиан, — в такой борьбе, как наша, следует пользоваться всеми шансами. Если мы не расположим полицию в нашу пользу, она отнесется к нам враждебно и будет всячески нам препятствовать. Если же мы заключим с ней союз, она будет нам помогать всеми средствами. А средства эти громадны.

— Вы лучше меня знаете, что делать! — успокоился Бернардо. — Прошу только, чтобы и мне дали работу.

— Во всем этом, — заметил дон Кристоаль, — я не вижу пока эту мерзкую гадину Фелица Оианди.

— Не беспокойтесь! — засмеялся Юлиан. — В свое время и этот негодяй выйдет на сцену. Он и Майор неразлучны.

Затем, обращаясь к Арману, он спросил:

— Вы еще ничего не говорили вашей матушке?

— Нет, — отвечал граф, — я прежде хотел посоветоваться с вами.

— Хорошо, но ваша матушка должна все знать. Если желаете, я возьму на себя труд предупредить ее.

ГЛАВА V

На другой день, часов около восьми утра, Юлиан занимался в своем кабинете. Время от времени он поглядывал на стоящие против стола часы.

Дверь отворилась, и вошел высокого роста плечистый малый лет тридцати пяти. Военная выправка так и сквозила в нем; действительно, это был отставной сержант кирасирского полка.

Жозеф Эчевери, так звали его, родился в Луберии в семействе, чрезвычайно преданном всем Иригойенам. Отец и мать Жозефа жили щедротами доктора, сам он, будучи ребенком, играл с Юлианом и сохранил к нему самую горячую привязанность. По возвращении из Мексики, Юлиан сделал его своим главным дворецким и доверял ему во всем.

Со своей стороны, преданность Жозефа доходила до фанатизма. По знаку Юлиана, он готов был убить врага, приятеля, себя, кого угодно.

— А! Вот и ты! — сказал Юлиан, увидев его. — Ну что, исполнил мои поручения?

— Точно так.

— Все?

— Все до одного!

— Отлично!.. Ну рассказывай, да скорее, я тороплюсь.

— Вы приказали мне отыскать незатейливый с виду, но хорошо устроенный дом... Я отправился прямо в новые кварталы, и скоро увидел неказистый домишко с

довольно низкой крышей, но расположенный, как вы желали, между двором и садом. Деревья закрывают его со всех сторон, с улицы ничего не видно, тем более что высокая стена окружает его. Но внутри, сударь, ей-Богу, не хуже, чем у нас! Всюду зеркала, картины, бархатная мебель... Кроме того, зимний сад. А снаружи совсем ла-чуга! Хозяин говорил, что это нарочно устроено было, давно уже, герцогом де Бельгардом.

— Надеюсь, что ты сейчас же купил это сокровище?

— Точно так... Разглядевши все, я повел хозяина к вашему нотариусу, и мы покончили на 600 000 франках. Нотариус тут же скрепил купчую, выдал деньги, а я строго приказал хозяину не называть никого, кроме меня, если кто любопытствует узнать, кто у него купил дом. Потом я купил лошадей, экипажи, серебро, белье... Все будет на месте к трем часам.

— Хорошо. Где же находится этот дом?

— В Сент-Антуанском предместье, в улице Рельи, № 229.

— Слушай теперь: выбери, кого хочешь, между твоими товарищами, я полагаюсь на тебя, но чтобы четыре лакея, повар, кучер и два конюха одеты были в темные ливреи и перевезены туда. Только выбирай народ понадежнее и порослее.

— Слушаюсь.

— Оружие ты не забыл?

— Никак нет.

— Ну хорошо. Теперь ступай в новый дом и жди меня к двум часам. Только помни: молчок!

За завтраком Юлиан сообщил доктору и Денизе о своей новой покупке.

— Но зачем тебе этот дом? — спросила Дениза. — Право, все эти тайны начинают меня смущать и если бы я не была так уверена в тебе...

Она, смеясь, погрозила ему пальцем.

— Признаться, меня тоже немало интригует это приобретение, — заметил доктор.

— По правде сказать, — отвечал Юлиан, — я сам не знаю, зачем купил этот дом.

— Не знаешь? Юлиан!.. Ты с ума сошел!

— Сомневаюсь. Выслушайте меня: с сегодняшнего дня мы начинаем страшную борьбу, и не знаем ни того, как пойдет у нас дело, ни каковы будут его результаты.

Вы знаете Майора и понимаете, что этот человек не остановится ни перед чем... Поэтому мы не должны пренебрегать никакими предосторожностями, как бы нелепы они ни оказались. Я подумаю, что, быть может, нам не лишне будет иметь тайное убежище, куда бы в случае крайности мы могли скрыться. Вот я и купил этот дом, не зная даже, нужен ли он нам будет или нет.

— Что же, мысль, может быть, недурная... Можно видеть эту диковинку?

— Я хотел просить вас и Денизу сопровождать меня.

— Нет, Юлиан, я не поеду, — решительно сказала Дениза.

— Это отчего, капризница?

— Увидите, что я права. Юлиан утверждает, что борьба началась. Неужели же вы полагаете, что в таком случае Майор не окружил нас шпионами? По всей вероятности, за нами будут следить, и что станет тогда с нашим тайным убежищем, если мы сами поведем туда врага? Поверьте, батюшка, довольно и того, что Юлиан туда едет. Мы же только стесним его и поможем навлечь подозрения.

— Справедливо! — сказал доктор. — Сын мой! Жена твоя рассуждает, как ангел. Поезжай один. Хотя, по всей вероятности, Майор не успел еще окружить нас своими шпионами, тем не менее нужно быть настороже. Предосторожность — мать безопасности.

Юлиан простился с ними и, переодевшись, отправился из отеля пешком, приказав кучеру ждать его с пяти часов у подъезда театра Комеди Франсез.

Не успел он отойти несколько шагов, как ему показалось, что за ним кто-то следит. К счастью, улица была запружена народом и экипажами.

Юлиан сделал знак проезжавшему мимо пустому фиакру и, сунув извозчику двадцатифранковую монету, что-то тихо шепнул. Войдя в карету, он опустил обе шторы, и пока извозчик расправлял вожжи и заворачивал себе ноги одеялом, неслышно отворил дверцы и, спрыгнул на мостовую, смешался с толпой.

Фиакр крупною рысью направился, как ему велено было, по дороге к Курбевуа. Позади кареты, крепко уцепившись за нее, сидела какая-то подозрительная личность.

Юлиан не ошибся: за ним следили.

Убедившись, таким образом, что Майор уже открыл действия, Юлиан решил удвоить предосторожности и пе-

ременил несколько фиакров прежде, чем добрался до улицы Рельи.

Жозеф уже был там. Все было готово, люди и вещи. Оставалось только переехать.

Жозеф верно описал новое приобретение Юлиана. Снаружи оно представляло собой большую лачугу, едва видную из-за деревьев и кустов, внутри же все дышало роскошью и комфортом.

Это очаровательное гнездышко устраивал знаменитый повеса начала этого столетия. Здесь, обыкновенно, завязывались и развязывались многочисленные его интриги. Все говорило, все напоминало о любви. Серебристая вода тихо журчала в мраморных бассейнах, живопись, скульптура, казалось, соединялись для возбуждения страсти.

Некоторые картины и статуи были так откровенны, что Юлиан велел поскорее убрать их.

Крепкие запоры на дверях и окнах доставляли ему гораздо более удовольствия. Он с восторгом убедился, что ничтожная с виду лачужка в случае необходимости могла служить надежной крепостью.

Осмотрев все и похвалив Жозефа, Юлиан велел ему запрягать. Он чуть не лопнул со смеха, когда к подъезду подкатил грязный фиакр, запряженный тощей лошадей. На козлах сидел Жозеф, одетый извозчиком.

— В каждом кармане кареты лежит по шестизарядному револьверу, — доложил он Юлиану. — На козлах точно также.

— Распорядись, чтобы в прочих экипажах было то же самое. А теперь вези меня в Пале-Рояль.

Внутри карета оказалась не только чистой, но даже изящной, тощая лошадь бежала со скоростью тысячного рыска.

Ровно в четверть пятого Юлиан вошел в кафе Ротонд. Народу было там много. За одним из столов одиноко сидел, углубленный в чтение «Таймс», какой-то господин. Юлиан прямо направился в его сторону.

— стакан полынной и «Galignani», — громко сказал он официанту.

Читатель «Таймс» взглянул на него исподлобья. Юлиан вынул сигару и, увидя спички около читающего, спросил по-английски:

— Вы позволите?

— Сделайте одолжение, — отвечал тот на том же языке.

После этого оба углубились в чтение.

Минут десять прошли таким образом. Наконец, читатель «Таймс» бросил газету на стол, рассчитался с официантом и, молча поклонившись Юлиану, вышел из кафе.

Немного погодя, и Юлиан последовал его примеру. Выйдя в сад, он увидел незнакомца, спокойно прогуливавшегося по дорожкам и, по-видимому, наслаждавшегося природой. Юлиан пошел за ним.

Тот даже не обернулся.

Они вышли из Пале-Рояля и вошли во двор Фонтанов. Незнакомец повернул налево и, войдя в угловой дом, стал подниматься по лестнице. Юлиан не отставал от него, идя, впрочем, немного поодаль.

Он услышал, как незнакомец поворачивал ключ в замке, и, поднявшись в четвертый этаж, увидел перед собою открытую дверь.

— Не забудьте заперсть дверь! — крикнул по-английски громкий голос.

Юлиан вошел и очутился в просторной комнате, заставленной самой разнокалиберной мебелью. Тут была библиотека избранных книг, фортепьяно, различное оружие, коллекции палок, трубок, туалет из палисандрового дерева и т. п. Дорогие картины висели на стенах, великолепная люстра украшала потолок. Тяжелые драпри закрывали окна и дверь, ведущую, по-видимому, в другую комнату.

— Не сердитесь на меня за эту скучную прогулку, господин Иригойен! — радушно сказал хозяин этой странной квартиры.

— Я не только не сержусь, господин Фильмор, но счастлив убедиться, что вы не отучились остерегаться! — смеясь, ответил Юлиан.

— Остерегаться всегда следует, господин Иригойен.

— Давно вы в Париже?

— Давно! И часто сожалею о просторе наших милых саванн. Хорошее было времечко!

— Может быть!.. Но скажите, можем мы тут свободно переговаривать?

— Будьте покойны. Меня считают за американца и никому в голову не приходит что-либо подозревать. Вы желаете говорить о Майоре?

— Да! Правда ли, что он в Париже?

— Уже два года, но вчера только я *в этом окончательно* убедился, встретив его нос к носу в Булонском лесу.

— Как? Это вы называли его по имени? Зачем вы это сделали?

— Чтобы не сомневаться более. Эта старая штука: внезапно названный по имени человек, как бы он ни был обстрелян, невольно встрепечется и выдаст себя. Майор точно также попался. Хотя он и очень постарел, и обезображен новым шрамом на лице, тем не менее я его узнал.

— Позвольте, я не узнаю вашей обычной предусмотрительности! А что, если он также вас узнал?

— Я спокоен на этот счет. Когда мне донесли, что Майор в Париже, я сначала отказывался верить этому. Узнав недавно, что он каждое утро катается верхом в Булонском лесу, я решил проследить его и, наклеив бороду, надев парик и очки, отправился сам туда. Положительно невозможно, чтобы даже он догадался, кто его окликнул.

— Дай Бог!.. Скажите теперь, по-прежнему ли вы готовы оказать мне услугу?..

— Более, чем когда-либо, можете быть в этом уверены.

— Благодарю... Желаю и надеюсь, что мы с вами опять сойдемся.

— Без сомнения. Но позвольте мне сначала объяснить. Господин Иригойен, я вам обязан жизнью и достоянием... К слову сказать, у меня семьдесят тысяч годового дохода, сумма немалая для человека, прошедшего огонь и воду... Но, кроме этих благ, вы дали мне нечто более: вы возвратили мне самоуважение. Теперь я честный человек! В отношении вас — долг мой не оплачен. Плотью и кровью готов я помогать вам в борьбе против Майора. Но решение мое непоколебимо — никаких договоров, вроде заключенного в Мексике, не будет!

— Но, мне кажется...

— Не настаивайте! Помогая вам, я в то же время служу себе. Я поклялся отомстить Майору и сдержу клятву во что бы то ни стало!

— Если вы требуете...

— Да, требую! И в противном случае останусь нейтральным, что меня глубоко огорчит.

— Пусть будет по-вашему. Но позвольте мне пожать вам руку.

Они с чувством подали друг другу руки.

— А теперь, — весело продолжал Юлиан, — не можете ли вы что-нибудь мне сообщить?

— Ничего ранее вечера... Я только с сегодняшнего дня начал действовать. Все, что я могу сказать вам на-верное, это то, что Калаверас также в Париже.

— Так я и знал!.. Кстати, уверены ли вы в вашем шпионе?

— Еще бы!.. Он также поклялся отомстить Майору... Да вы, впрочем, знаете его!

— Я? Кто же это?

— Себастьян, бывший матрос.

— Он не умер?

— Нет! Это длинная история. Но вот два года, как он следит за Майором.

— Странно, враги Майора как будто воскресают для того, чтобы уничтожить его!.. Сговоримся теперь, где и как нам встречаться?

— Завтра в кафе Гельдера, в пять часов. Я буду одет отставным офицером и первый к вам подойду. Тут же мы условимся о следующем свидании. Нужно сбивать с толку шпионов. Как вы оденетесь?

— Но завтра я могу остаться в обыкновенном платье. Майор видел меня всего один раз, и тогда у меня была длинная борода и длинные волосы.

— Правда. Если вам нужно будет писать, адресуйте письма на бульвар Пуассоньер, № 88. Там моя настоящая квартира.

— Хорошо. А мой адрес...

— Знаю! Давно знаю!

— В таком случае, до свидания, до завтрашнего дня.

Юлиан отправился к театру, где его ожидал экипаж, и вернулся домой.

ГЛАВА VI

При звуке голоса, громко назвавшего его по имени, панический страх овладел Майором. Нешадно шпоря коня, он мчался, как вихрь, с единственной мыслью — бежать, бежать, как можно дальше.

Мало-помалу волнение его улеглось и, остановив взмыленную лошадь, он тяжело перевел дух.

— Дурак! — сказал он сам себе. — Вместо того, чтобы узнать, что мне нужно, я возбудил подозрение в моих врагах! Теперь они знают, что я здесь.

Бешенство его утихло, уступая место размышлениям. Результатом их было то, что он повернул лошадь назад и направился к Парижу. Он ехал тихой рысью, покуривая сигару и глубоко раздумывая о своих делах.

Около одиннадцати часов он въехал в пустынный и узкий переулок и остановился у высокой каменной стены. Не слезая с лошади, он постучал хлыстом в дверь, потом, соскочив на землю, привязал измученное животное к железному кольцу и подошел к другой, находившейся рядом двери.

Вынув из кармана крошечный ключик, он повернул его в замке и вошел, с шумом захлопнув дверь за собой. Покуда он ощупью шел по длинному и совершенно темному коридору, на противоположном конце показался человек с фонарем в руке.

— Откройте! — крикнул ему Майор, останавливаясь перед массивной железной решеткой, перерезывавшей коридор во всю его ширину.

Человек с фонарем придавил пружину и решетка опустилась под пол.

Майор прошел и последовал за человеком с фонарем.

Они вошли в кабинет, отчасти нам уже знакомый, ибо это был тот самый, в котором господин Ромье принимал Лупера.

— Здравствуйте, Оианди! — сказал Майор, разваливаясь на диване. — Что это вы такой нарядный? Не собираетесь ли куда-нибудь?

— Не собираюсь, а только что вернулся! — с сердитым видом отвечал Оианди.

— Так рано? Где же вы были?

— В Елисейских полях, чтобы отдать негодяю, которого я надеялся болес не видать, четыреста тысяч франков!

— Ого! Так много!

— Кроме того, я ему вечером передал сто тысяч...

— Должно быть вы очень богаты, друг Оианди.

— Полно зубоскалить... Ведь вы настаивали на моем свидании с Лупером, а с ним дешесво не разделасшся.

— Ничего! Лишь бы все удалось, как следует.

— То-то и дело, что благодаря вам мы, наверное, опять провалимся. Вы хорошо знаете этого Лупера?

— Я знаю его за очень умного, расторопного и, главное, влиятельного бандита. Подчиненные его обожают и готовы идти за ним в огонь и в воду. Мне приходилось видеться с ним три или четыре раза, и он думает, что я бежавший с каторги.

— Уверены ли вы в том, что он вас не знает ближе?

— Каким образом?

— А таким, что меня, например, он отлично знает! Нужно вам сказать, что мне передали, что он принадлежит к отличной фамилии и что настоящее имя его Монреаль. Вчера вечером, рассердившись на него, я хотел показать ему свою проницательность и крикнул: «Прощайте господин де Монреаль!» А он мне в ответ: «До завтра, Фелиц Оианди!»...

— Гм-м!.. Вы были неосторожны!

— Разумсется. Я старался исправить ошибку. Тотчас же я послал вслед за ним одного из наших, но мерзавец не только не убил его, но даже выдал меня...

— По крайней мере, сегодня утром Лупер смеялся над моей неудачной попыткой убить его. Я клялся, что ничего не замышлял, но он не поверил.

— Карай!.. Дело дрянь... Знаете ли, что не далее как часа два тому назад, какой-то незнакомец *также называл* меня по имени?

— Черт побери!.. — с ужасом воскликнул Оианди. — Значит, мы узнаны!.. Бежим, Майор!.. Ничего другого не остается нам делать.

— Ну, ну!.. Куриное сердце! А денежки наши? Пропадать им, что ли?

— Лучше потерять деньги, чем жизнь! Не обвиняйте меня в трусости, я просто осторожен. Вы забываете, что мы не в свободных саваннах, а в Париже, в центре, где господствует законность, где полиция превосходно организована, и где малейшая шалость преследуется как преступление...

— Та, та, та! — остановил его Майор. — Не очень-то восхищайтесь этой чудесной полицией. Многих она ловит, а еще больше пропускает мимо! Мы с вами, кажется, пример налицо. Попадаются одни дураки! Рассуждайте хладнокровнее: что нам угрожает? Мы были узнаны, положим. Но кем? Знавшими нас до отъезда в Америку? Невозможно! Наши тогдашние деяния не могут быть известны; к тому же те, которые меня тогда знали, думают, что я давно умер. Кто же может нам угрожать? Если бы сюда случайно попал кто-либо из близко знавших нас в Америке, то это могут быть только люди, имеющие те же причины, как и мы, скрываться от полиции. А бумаги наши все в порядке... Нам будут, может быть, угрожать шантажом, ну да с этим легко справиться.

— Вы забыли Юлиана Иригоейна и Бернардо Зумето.

— Нет не забыл; и знаю, что борьба с ними будет ужасна. Но опять-таки, я уверен, зная характер их, что они не обратятся к полиции.

— Может быть, ошибаетесь.

— Наверное, нет. Им это даже в голову не придет.

— Дураки же они!

— У нас с ними борьба не на жизнь, а на смерть... Одни подлецы поручают полиции мстить за себя. Одним словом, объявляю вам, что я ни за что не покину Париж. Что касается вас, вы свободны отказаться и от прелестной Денизы, и от так давно ожидаемого мщения. Впрочем, вряд ли ваша осторожность позволит вам мстить кому бы то ни было.

Оианди устремил на него бешеный взгляд.

— Хорошо, — сказала он глухим голосом. — Я останусь! Но помните, что я вас предупредил. Я вам говорю: мы погибнем!

— Будь, что будет! — мрачно отвечал Майор. — Нужно действовать быстро и решительно. У вас все готово?

— Готово-то, готово. Мина подведена, остается только взорвать ее. Уже шесть месяцев у Иригойенов и Валенфлеров ничего не делается, чего бы шпионы наши не знали.

— Все козыри в наших руках! Победа будет наша!

— Увидим! — недоверчиво сказал Оианди.

— Вот упрямец, черт возьми!

— Это не упрямство, Майор, а...

Оианди побледнел. Волнение судорожно сжало ему горло.

— Вы что-то скрываете от меня, — с участием сказал ему Майор. — Оианди, мы с вами более чем сообщники — мы друзья, отчего вы скрытничаете со мной?

— Вы будете смеяться над моим суеверием.

— Вот оно что!.. Смеяться я не буду, потому что мы с вами баски, следовательно, воспитаны на вере в чудское. Только не надо нервничать, как молодая кокеточка. Говорите, в чем дело... А чтоб придать вам бодрости, я первый расскажу вам случай, бывший со мной в молодости. Знаете ли причину моей бесшабашной храбрости?.. Вера в предсказание одной старой цыганки.

— Возможно ли?

— Клянусь! Мне было всего восемнадцать лет. Возвращаясь однажды из военной школы, я встретил цыганку и бросил ей двадцать су. Старая ведьма схватила мою руку, поцеловала и значительно покачала головой. Я велел ей объясниться, и после долгого молчания она сказала: кровь на твоих руках... берегись тех, которых ты убьешь. Напрасно просил я ее сказать еще что-нибудь, она убежала, повторяя: берегись мертвых! Много лет спустя, припомнил я эти слова и, признаюсь, до настоящего времени они поддерживали меня. Если я должен бояться только мертвых, что же мне могут сделать живые?.. Но теперь ваша очередь, рассказывайте!

Оианди начал тихим голосом:

— Месяц тому назад я был на большом обеде у моего банкира. За десертом речь зашла о новой гадалке, которая, как уверяли, творила просто чудеса. Не понимаю сам, отчего любопытство мое было так задето, но я спросил ее адрес и на другой же день отправился к ней.

— Браво, Оианди!

— Она жила в старом доме предместья Сен-Жак и, признаться, я не без трепета остановился у двери, на дощечке которой было написано: «Госпожа Шерами». Мне отворила дверь девочка лет двенадцати и ввела в довольно хорошо меблированную гостиную. На шестах перед окнами дремали огромный ворон и сова. Наконец, вошла и гадалка. Это была красивая женщина лет сорока; бледное лицо ее, огненные глаза, исчерна-синие волосы были прелестны. Усевшись перед старинным дубовым столом, на котором лежали карты и завязанные мешочки, она сделала мне знак приблизиться. «Что вы хотите знать? — спросила она гармоничным голосом. — Прошедшее, настоящее или будущее?» «Будущее!» — ответил я. «В таком случае вы будете иметь большую игру. Положите двадцать франков в эту вазу». — Я повиновался. Тем временем она разложила карты. Вдруг, быстрым жестом она смешала их, говоря: «Возьмите назад ваши деньги: они покрыты кровью! Я все вам скажу, но ничего не хочу брать от вас». Я сделал невольное движение. «О! — надменно продолжала она. — У меня есть защитники!» Она позвонила, и тотчас два человека в масках вошли и встали у дверей.

— Ай да баба! — воскликнул Майор.

— Сивилла продолжала: «Эти люди понимают только по-французски... на каком языке желаете вы, чтобы я с вами объяснялась?» «На языке басков!» — отвечал я. Она опять разложила карты и высыпала на них хлебные зерна, лежавшие в мешочках. «Шем-Един!» — повелительно произнесла она. Ворон открыл глаза, захлопал крыльями и прилетел на стол. «Ида!» — сказала она ему по-баскски. Ворон быстро начал клевать зерна, но не наудачу, а как бы выбирая известные карты. Наконец, он три раза крикнул и улетел обратно на шест. «Саверис!» — позвала Сивил-

ла. Сова мигом очутилась на ее плече... Клюв поганой птицы щелкал и издавал странный звук. Между тем лицо Сивиллы побледнело и на нем выступил пот. Когда сова улетела, она осталась погруженная в мрачное молчание. «Кровь, кровь и кровь там далеко, за океаном! — проговорила она, наконец, хриплым голосом. — Вернулся сюда, чтобы мстить... Боятся, колеблется, но злой гений заставит. Те, которые наполовину вас растерзали, окончат свое дело. Берегитесь Сан-Бернардо». Я с ужасом спросил: «Когда это должно случиться?» Она отвечала: «Через три месяца после убийства в карете».

— Черт знает, что такое! — вскрикнул Майор. — А дальше?

— Слушайте. Она продолжала: «Через двадцать девять дней, в то время, когда вы будете рассказывать злому гению подробности нашего свидания, небо пошлет вам последнее предостережение: двенадцать часов не успеют пробить на церковных часах, как зеркало, висящее над диваном в вашем кабинете, вдребезги разобьется. А теперь, — кончила она, повелительно указывая мне на дверь, — идите! Мне не о чем болес с вами говорить». — Я ушел сам не свой.

— Ну что вы скажете, Майор?

— Скажу, что вы напали на бой-бабу, вот и все. Жнщина эта, несомненно, ловкая штука, наверное, из наших мест. Иначе, как бы она говорила по-баскски? Вы знаете, что наш язык положительно не доступен иностранцам. Она вас узнала, вспомнила много и приплела все, ни к селу ни к городу. Что, например, означаст «те, которые вас наполовину растерзали».

— Майор, значение этих-то слов и ужасно... Помните ли вы в скалистых горах хижину Ляфрамбуаза.

— Помню! — нахмуря брови, отвечал Майор.

— В ту ночь, вы помните в какую, мне почти удалось бежать, как вдруг две грозные собаки бросились на мня, повалили и растерзали бы неминуемо, если бы Темное Сердце и сам Ляфрамбуаз не защитили меня.

— Да, да, припоминаю!

— Но *знаете ли вы*, как я отомстил проклятым собакам?

— Я слышал, что Ляфрамбуаз и все его семейство погибли в огне.

— Я поджег хижину... Не то чтобы я зол был на Ляфрамбуаза. Он ухаживал за мною во время моей болезни, а когда я выздоровел, подарил мне оружие и лошадь... Нет, я был признателен ему от души, но поклялся отомстить мерзким псам... Подойти к ним я не решался, оставалось сжечь хижину...

— Ай да молодец! Чтобы отомстить псам, вы сожгли целую семью?

— Это была страшная необходимость! Я клялся...

— А порядочный человек всегда сдерживает клятвы? Разумеется! Но сколько вас было, чтобы проделать эту штуку?

— Я один... Сообщники бы меня выдали, а я хотел схоронить это дело.

— А ведь, право, странно, что ваша Сивилла наметнула вам о нем? Знаете, на вашем месте, я велел бы крепче укрепить ваше зеркало.

— Я это сделал.

— Прекрасно. Будем надеяться, что оно останется цело, а в таком случае предсказание колдуньи разобьется в прах. Но вы, кажется, сказали, что она предсказала вам, что зеркало слетит через двадцать девять дней после вашего свидания с ней. Не сегодня ли срок?

Оианди побледнел.

— Прекрасно! Мне интересно было бы присутствовать при опыте.

— Она сказала, что вы тут будете.

— Я?.. Ах, да! Демон, злой гений!.. Тем лучше, все в порядке.

Он посмотрел на часы: было без двух минут двенадцать.

Три сильных удара потрясли стену.

— Что это, сигнал? — спросил Майор.

— Не знаю... Я никого не жду, — пробормотал дрожащий Оианди.

— Значит, начало фарса... Да не трусьте же так, черт возьми!..

— Смотрите, смотрите! — завопил вдруг Оианди.

Зеркало тихо покачнулось.

Двенадцать часов начали звонить на церковных часах.

— Что же? — насмешливо сказал Майор.

Зеркало нагнулось вперед и вдруг с треском повалилось на пол.

Фелиц Оианди со страшным криком, без чувств упал к ногам Майора.

ГЛАВА VII

За кабинетом Оианди находилась его спальня. У изголовья постели маленькая дверь отворялась в небольшую комнату, служившую ему гардеробной, она приходилась стеной к стенс с его кабинетом.

Пораженный в первую минуту, майор быстро оправился.

— *E finita la comedia!* — засмеялся он.

Нагнувшись в Оианди, он потряс его за руку. Тот оставался недвижим.

— Трус! — с презрением сказал Майор. — Этот человек способен отнять у меня последнюю надежду. Но вместо того чтобы болтать, надо разыскивать виновников этого фокуса... Проклятая колдунья должна иметь свои цели.

Он вошел в спальню — никого! Хорошо зная квартиру своего друга, он прямо направился к гардеробной.

В дверях стоял человек, закрытый большим испанским плащом. Черты скрывались полями широкой шляпы.

Майор громко захохотал.

— Так оно и есть! — воскликнул он. — Очень рад видеть того, кто так напугал моего бедного друга!

— Дорогу! — грозно прошептал незнакомец.

— Это другое дело!.. Прежде необходимо исполнить маленькую формальность.

— Дорогу! — снова сказал тот.

— Изволь, только прежде скажи, кто ты?

— А!.. Когда так!

Наклонив голову, незнакомец кинулся на Майора. Началась страшная борьба. Противники схватили друг друга поперек тела.

Шляпа незнакомца вдруг свалилась. Майор в ужасе опустил руки.

— Себастьян! — закричал он хриплым голосом.

— Да! — отвечал тот со зловещей усмешкой. — Себастьян, вышедший из могилы, чтобы отомстить тебе.

В руке его блеснул кинжал, и Майор упал, тяжело застонав.

Себастьян бросился в окно. Заранее, вероятно, подпленная железная решетка легко поддавалась его напору, и он выскочил в сад. В ту же минуту, пришедший в себя Майор вскочил на ноги и, подбежав к окну, один за другим пустил несколько выстрелов из револьвера ему во след.

— Мы увидимся, Майор! — донесся до него насмешливый голос.

— Я все-таки попал в него! — прошептал Майор.

Кто-то тронул его за плечо. Бледный, как смерть, Оианди стоял за ним.

— Ну что, — сказал Майор, — не был ли я прав? Сообщник колдуньи был тут спрятан, выжидая удобного случая, чтобы скрыться, а может быть, чтобы вас убить. Мы с ним сцепились, и он угостил меня ударом кинжала.

— Вы ранены?

— Да... Дайте мне, чем перевязать рану. А покуда я этим займусь, посмотрите на улицу — не увидите ли чего-нибудь?

Перевязав рану, в сущности пустяковую царапину, Майор с нетерпением ждал возвращения Оианди.

— Ну что? — спросил он, когда тот вернулся.

— Шпион также ранен. Следы крови привели меня к концу переулка, где, видимо, его ожидал экипаж. Я зашел в соседнюю колбасную, сказав, что забыл пакет в фиакре, номера которого не заметил, и что фиакр этот, долго простояв в этом месте, уехал с полчаса тому назад. Один из приказчиков случайно заметил номер этого фиакра, не помнит только наверное — 107 или 109...

— Bravo! Благодаря номеру мы найдем человека...

— На что он нам?.. У нас и так довольно дел. Связываться еще со шпионами да колдунами!

— Человек этот держит нашу жизнь в своих руках. Одним словом, приятель, это Себастьян.

— Себастьян? Ваш матрос? Но ведь его убили?

— Я сам так думал... Прежде всего надо отправиться к колдунье.

— Где мы ее найдем? Я забыл вам сказать, что я хотел *быть у нее* второй раз, но уже ее не было на той квартире, и никто не мог дать мне ее нового адреса.

— Караи!.. Ее нужно отыскать. Вы сами понимаете теперь все... Времени терять нечего. Враги действуют, не позволим же им предупредить нас. Постараемся вернуть потерянное время.

— Сегодня же вечером я отдам приказания нашим бандитам.

— А завтра вечером мы сговоримся окончательно... Да, еще вот что! Написали ли вы в Гавр?

— Да, все готово. С будущей пятницы вооруженный баркас будет вас ожидать в Руане.

— В Руане? Это довольно далеко. Как мы туда доберемся?

— Я все предвидел: наркотическое средство отдаст их в наше распоряжение, а купленный мною крошечный пароходик живо довезет их до Руана.

— Отлично!

— А вы все подумываете о похищении?

— Непременно! Раз они будут в открытом море, ничто не спасет их.

— А Ванда?

— Ванда ничего не будет знать. Что касается ее матери... Оианди, эта женщина уже не то, что была!

— Полноте! Бедная женщина ни слова не говорит по-французски, нигде не бывает, кроме церкви!

— Видите, в Эрмосильо, будучи между жизнью и смертью, я открыл ей, что дочь ее жива, и даже сказал ей, у кого она.

— Эхе-хе, приятель! Это было не совсем осторожно!

— Что же ты хочешь!.. Я был болен... Она спасала мне жизнь, так нежна была ко мне!.. Доверие мое жестоко было наказано: с этого дня донна Люс преобразилась. Мысль о дочери не покидала ее. Напрасно я пробовал уверить ее, что я ошибся, что Ванда умерла.

— Но, в таком случае, как вы решились везти ее в Париж?

— Тогда я еще любил ее. Она умоляла не оставлять ее одну, я не имел сил отказать ей. К тому же, она не была такая, как теперь. В настоящее же время жизнь наша сущий ад. Дело дошло до того, что я каждую минуту опасаюсь катастрофы, и смотрю за ней во все глаза.

— Это невыносимо...

— Именно. Но зато я решился, как только удостоверюсь в ее измене, покончить с нею. Я поклялся, а вы знаете, что я своим клятвам не изменяю.

— Мне жаль ее, но мы, действительно, в таком положении, что малейшее снисхождение может нас погубить.

— Я это сознаю и потому буду непреклонен. Надеюсь, впрочем, что не придется прибегать к крайностям. Как бы то ни было, но я не могу забыть, что эта женщина, которую я так ненавижу теперь, единственная, которую я когда-то любил.

Переговорив еще кое о чем со своим другом, Майор нажал какую-то кнопку, спрятанную в резьбе камина. Открылась потайная дверь, за которой он и скрылся.

Четверть часа спустя, он уже выходил из дома на улицу Ссн-Клер. Немного погодя, он вошел в церковь Троицы.

Церковь была почти пуста. Сторож тушил свечи, против алтаря сидел, погруженный в глубокое созерцание, какой-то человек. Больше в церкви не было никого.

Майор на цыпочках подошел к молящемуся и, сев подле него, набожно раскрыл богато переплетенный молитвенник. Прошло несколько минут.

— Как жаль, — проговорил Майор, — я опоздал на службу!

— Всегда можно молиться! — отвечал вполголоса его *сосед*.

— Тут холодно...

— Солнце редко заглядывает в церкви... Зато можно свободно разговаривать.

— Хорошо, — сказал Майор. — Я вижу, что мы друг друга понимаем. Что нового?

— Очень много. Известная вам особа пришла сюда к девятичасовой службе и села рядом с черномазой дамой лет сорока, но еще очень красивой. «Адрес есть?» — спросила ее известная вам особа. «Да, если у вас есть тысяча франков», — отвечала та. Разговор велся на ис-

панском языке. Особа передала ей нарядный бумажник. Дама пересчитала, спрятала бумажник в карман и сказала: «Отель Валенфлер, улица де-Курсель, недалеко от аллеи де-Ваграм».

— Дальше!

— Дама вышла из церкви. На паперти ее встретил человек в широком плаще. «Ну что?» — спросил он ее по-испански. «Готово», — отвечала она, на том же языке. «Хорошо, теперь поезжай домой, а я отправлюсь в Пасси, и вернусь не ранее десяти часов вечера». Потом они сели, каждый в отдельный фиакр, и расстались.

— Черт возьми!.. И вы потеряли ее из виду?.. Друг Кабуло, за это вы получите пятьсот франков вместо обещанной тысячи.

— Ошибаетесь: вы дадите мне все сполна! Я также нанял фиакр и отправился вслед за дамой.

— А!..

— Вот в нескольких словах ее подноготная. Зовут ее Ирма Ланжвень. Живет она на Монмартре, на улице Аббатис. Не болс мсяца, как она туда переехала, а так как она заплатила вперед, то ее не беспокоили никакими расспросами. Вообще в доме ее считают гордячкой и не очень недолгобливают. Никто у нее не бывает, кроме одного пожилого господина; они разговаривают на каком-то непонятном языке, часто высзжают вместе и всегда в экипаже. Вообще она держит себя странно, ни с кем не знакомится и нередко проводит ночь вне дома... Вот все, сударь! Неужели я не заслужил тысячи франков?

— Вот они.

— Благодарю! Право, удовольствие служить у такого барина, как вы!

— Хочешь заслужить вдвое больше?

— Еще бы!

— Можшь ты пробраться в квартиру этой дамы?

— Плевое дело!

— Раз ты к ней в квартиру попадешь, ты должен положительно узнать, где ее действительное жилище. Понял?

— Можно узнать.

— Завтра вечером явись с донесснием на бульвар Пуассоньер, в ресторан Бребана. Ты спросишь номер 25 и велишь доложить о себе. Я буду там. Но, как ты себя назовешь?

— Нужно быть джентльменом?

— Непременно.

— Готов и на это. Вот вам моя карточка.

Он передал Майору визитную карточку, украшенную виконтской короной, над которой стояло: «Виконт де Карлиас. Секретарь при посольстве республики С.-Марино». Майор, смеясь, положил ее в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Выслушай последнее мое приказание. Выбери трех сильных и надежных людей. Смотря по тому, что ты узнаешь, наши действия начнутся или завтра, или на двадцать четыре часа позже.

— Слушаю. Но три верных человека будут немало стоить.

— Например?

— По крайней мере, по триста франков на душу. Ведь не обойдется без убийства?

— Вероятно. Вот тебе три тысячи франков. Это только на расходы, и не входит в счет обещанных денег. А теперь прощай! Помни: завтра, в ресторане Бребана.

ГЛАВА VIII

Графиня Валенфлер давно заметила странную перемену в характере Ванды. Беспечный и веселый ребенок внезапно превратился в серьезную и задумчивую девушку. Одно не изменилось в ней: страстная ее привязанность к графине.

Порою блестящая слеза сверкала на бархатных ресницах молодой девушки. Сама не зная почему, она чувствовала томление и тоску, и когда встревоженная графиня спрашивала ее, что с нею, она бросалась ей на шею, отвечая, смеясь, и рыдая:

— О, мама, мама, я люблю тебя! Как я счастлива с тобой!..

Сначала графиня беспокоилась. Наблюдая, однако, внимательнее, она успокоилась и даже как будто обрадовалась.

В неприятные дни графиня проводила время в прелестном будуаре, убранном со всей прихотливой изысканностью хорошего вкуса. Там мы и застаем ее в обществе Ванды и мисс Люси Гордон, компаньонки и подруги последней.

Если нам не приходилось называть мисс Люси, то это не потому, что она была незначительное лицо в семействе Валенфлер. Уже много лет она жила в их доме на правах, почти равных с Вандой.

Она родилась в Нью-Йорке, в строгой пуританской семье. Ребенком еще она покинула ее и переселилась к графине, окружившей ее, если не материнской нежно-

стью, то всевозможным вниманием и роскошью. В двадцать лет Люси была очаровательной девушкой. Высокая и стройная, своим царственным видом она могла свести кого угодно с ума. Водопад пепельных волос, большие голубые глаза, жемчужные зубы довершали очарование.

Ванда без памяти любила ее.

Опытный наблюдатель заметил бы некоторые странности в поведении молоденькой американки.

Когда входил граф Арман, побледневшее лицо мисс Люси как-то судорожно опускалось на грудь. Глаза ее быстро скользили по Ванде и, почти не подымая головы, она останавливала жгучий взгляд на молодом человеке.

Это продолжалось не более секунды. Почти тотчас же лицо ее принимало обычное холодное и несколько надменное выражение.

Никто ничего не замечал, а менее всех, может быть, сам Арман, всецело преданный любви к своей милой Ванде. Чувство это заглушало в нем все другие; удовольствия не привлекали его, женщины не занимали. Впрочем, он оставался вполне светским человеком, всегда готовым услужить товарищу и повеселиться в известной мере.

Несколько дней спустя после прогулки в Булонском лесу, часов около двух пополудни, Арман вошел в будуар своей матери. Графиня разговаривала с Вандой и Люси, но, увидев сына, сделала чуть заметный знак, понятный только молодой американке.

Та встала и, вспомнив, что ей нужно писать домой, просила позволения удалиться в свою комнату, что, разумеется, ей было любезно разрешено.

— Надеюсь, — смеясь, сказал Арман, — что мисс Люси не от меня убегает?

— Почти что так, — серьезно отвечала графиня. — Мне нужно с вами переговорить о таком важном деле, что как бы Люси ни была нам близка, ей не следует присутствовать при нашем разговоре.

Арман нагнулся и поцеловал руку матери.

— О чем или о ком желаете вы говорить, матушка? — спросил он.

— О вас, Арман.

— Обо мне? Я должен был догадаться... Вы всегда думаете о ваших детях! Но не провинился ли я чем? Заранее прошу у вас прощения.

— Нет, Арман, нет, милый сын мой! Но мне нужно не с вами только говорить...

Она остановилась, бросив значительный взгляд на Ванду. Молодая девушка вспыхнула и низко наклонилась над своим вышиванием.

— Я не понимаю, мама? — дрожащим голосом произнес Арман.

Глаза графини с любовью глядели на взволнованных детей.

— Зачем, — ласково сказала она, — зачем вы так смущаетесь? Что вы сделали дурного? Случилось то, что было неизбежно. Воспитанные вместе, вы друг друга полюбили, и так это и должно было быть. Гораздо раньше вас угадала я вашу тайну — и знаете ли? — я глубоко счастлива всем этим!..

— Матушка! — в один голос воскликнули влюбленные, падая на колени перед нею и покрывая ее руки поцелуями.

— Вы согласны?.. — с трепетом спросил Арман.

— Да, дети, согласна и, повторяю, счастлива... С этой минуты — вы жених и невеста.

Радость Армана и Ванды превосходила всякое описание. Час тому назад они еще так мало рассчитывали на скорый успех.

— Вы позволите мне, — спросил Арман, когда волнения их несколько улеглось, — сообщить эту счастливую весть нашим друзьям?

— Завтра они все обедают у нас, сын мой, и мы поделимся с ними нашей радостью. Но, садитесь, я еще не все сказала.

— Оставьте нас у ваших ног, мама, — попросила Ванда. — Нам здесь так хорошо!

Графиня поцеловала ее, потихоньку приподняв голову, усадила рядом с собою. Арман тоже сел.

— Дети мои, — сказала графиня, — нужно подумать о свадьбе...

— О матушка, — прервал Арман, — мы не будем откладывать...

Графиня покачала головой. Лицо ее сделалось еще серьезнее.

— Милые мои, — продолжала она, — оба вы так молоды, что не грешно отложить свадьбу на некоторое

время; впрочем, есть другая причина, которая заставляет поступить таким образом.

Тяжелое предчувствие стеснило грудь молодых людей. Они устремили на графиню тревожный взгляд.

— Не печальтесь, дети, не отнимайте у меня последнее мужество... Выслушайте спокойно... Впрочем, — прибавила она, стараясь улыбнуться, — вы увидите, что слова мои не так страшны... Ванда, дорогая дочь моя, когда Богу угодно было послать мне тебя в саванне, я сразу полюбила тебя и поклялась, что все сделаю для твоего счастья...

— Вы сдержали клятву, — растроганным голосом прервала ее Ванда. — Не было ребенка счастливее меня благодаря вам — и впредь я буду также счастлива.

Графиня отвечала на ее ласки и, вздохнув, продолжала:

— Вторая причина состояла в том, что рано или поздно я узнаю, кто твои родители и что с ними случилось. До сих пор все мои поиски оставались безуспешными, но кто знает? Не сегодня-завтра, тайна может, наконец, открыться. Агенты мои ищут в Соединенных Штатах, в Мексике даже в Утахс. Мне нужно знать, живы или умерли твои родители, и во всяком случае получить верные доказательства того или другого. Как только доказательства смерти твоих родителей будут у меня в руках, мы тебя повенчаем в день, когда тебе исполнится семнадцать лет.

— Позвольте заметить, мама, — сказал Арман, — что поиски могут затянуться до бесконечности. Если их будут по-прежнему тщетно продолжать, неужели же мы должны все будем ждать?

— Нет, дитя мое. Если два года еще мы ничего не узнаем, Ванда и ты свободны вступить в брак, когда захотите.

— Два года ожидания! — грустно сказал Арман.

В эту минуту, Клеретта тихонько постучалась в дверь и, войдя в будуар, доложила графине, что ее спрашивает какая-то дама. Приказав сказать, что она сейчас выйдет, графиня встала и, поцеловав Армана, сказала ему:

— Полно, не грусти! Два года скоро пройдут... А теперь советую тебе совершить хорошую прогулку. Это успокоит твои нервы.

Поцеловав затем Ванду и посоветовав ей ничего не говорить Люси, она пошла в большую гостиную.

При входе ее, навстречу ей поднялась небольшого роста, но замечательно пропорционально сложенная дама. Малейшие движения ее дышали природной грацией, она, должно быть, была очень хороша. Вглядевшись в усталые черты ее правильного лица, видно было, что ей не более тридцати двух лет, но горе провело преждевременные морщины кругом ее черных глаз и изборозило ее нежную кожу.

Она похожа была на испанку из Севильи или Гренады.

Обе женщины молча смотрели друг на друга. Незнакомка первая заговорила.

— Как вы прекрасны! — воскликнула она по-испански. — Я знала уже, как вы добры, и пришла благодарить вас.

Графиня в недоумении смотрела на нее.

— Вы иностранка? — спросила она ее тоже по-испански.

— Да! — отвечала в сильном волнении, незнакомка. — Я родилась в Мексике...

— В Мексике? — переспросила графиня, вздрогнув и пристально глядя на нее.

— В Эрмосильо, в штате Сонора, — со слезами сказала она.

— Я была в этих местах...

— Знаю! — тихо прошептала незнакомка и, слегка нагнувшись к графине, вдруг залилась слезами. — Знаю!.. Вы были там и спасли от страшной смерти дитя мое, мою бедную девочку, которой вы заменили мать!

И, схватив руки графини, она горячо целовала их.

— Как!.. — воскликнула пораженная графиня. — Вы...

— Я донна Люс Аласуеста Моралес, мать Ванды.

— Но Ванда говорила, что вы умерли, что она сама похоронила вас под цветами!

— Все это правда! Зачем я не умерла тогда! — отвечала донна Люс, ломая руки. — Выслушайте, как все произошло.

И она рассказала всю свою длинную, тяжелую повесть: как она любила, страдала, как потеряла дочь и как наконец узнала, что случилось с ее ребенком.

— Небо наказывает меня за моего мужа! — с горечью сказала она. — Но чем виновата была молодая девушка, что ее полюбил человек, имя которого она проклинала, не зная, что оно принадлежит тому, кого она избрала своим мужем. Узнайте мой позор — я жена Майора.

— Майора! — в ужасе вскрикнула графиня. — О Боже, Боже мой!

— И вас это имя ужасает... Вы, может быть, видели его?

— Да... — машинально ответила графиня.

— Этот человек любил меня, а между тем не задумался обмануть. Он не испанец, а француз. Зверски убив свою первую жену, распуслав слухи о своей смерти, он бежал в Америку, где женился на мне под чужим именем, так что я даже не жена его, а просто любовница. Всего шесть лет как я это узнала от приятеля его, того самого бандита, который спас мне жизнь в саванне. Стыд превратил в ненависть мою любовь. Я благословляла Бога за исчезновение дочери, хотела бежать, но он меня не пустил. ...Что сказать вам, сударыня? С тех пор, жизнь была для меня адом. Майор не стеснялся болсе и открыто предавался своим порокам. Наконец, в прошлом году, после долгого отсутствия, он нанял корабль и, собрав свои сокровища, поехал в Англию. Я сопровождала ему. Вскоре мы отправились в Париж, где он выдавал себя за испанского гранда. Не знаю, как ему удалось попасть в испанское посольство, но там его уважают и считают за того, за кого он себя выдаст... Одно обстоятельство, однако, предало его в мои руки. Представьте себе, что этот человек, который смеется над всем, ничего не боится, попирает все законы, представьте себе, что он проводит страшные ночи. Кошмары его ужасны, он заставляет меня проводить ночи возле него, чтобы я будила его каждый раз, как только он начнет бредить...

— Он бредит? — нервно сказала графиня. — Что же он говорит?

— Не могу всего понять, потому что он, обыкновенно, бредит по-французски, но вот что мне удалось разоблачить. Он хочет увезти от вас Ванду... Это чудовище обожает свою дочь.

— Несчастливая девушка!.. Отдать ее этому негодяю!.. Ужасно, ужасно!

— Сударыня, я мать Ванды и люблю ее более всего на свете... Я знаю, что за мной следят, что смерть, может быть, угрожает мне, но я пришла сюда умолять вас не покидать дочь мою, на которую я передаю вам все свои права.

Она подала графине довольной большой сверток бумаг.

— Вот метрическое свидетельство Ванды и прочие бумаги, необходимые для утверждения ее прав по французскому законодательству. Тут же и завещание мое, в котором я рассказываю мою печальную повесть и по которому Ванда должна получить состояние, лично принадлежащее мне. Кроме того, вы найдете другие документы... Трудно было добыть все это, но теперь, слава Богу, они в ваших руках; знайте, что если Майор вздумает мстить вам, вы теперь легко можете погубить его.

— Я с благодарностью принимаю эти бумаги, но, скажите, что вы сами намерены теперь делать?

— Я погибла... Майор давно меня подозревает, шпионы окружают меня, и когда он узнает, что я здесь была, он убьет меня.

— Полноте... В Париже нельзя так легко убить, как в саванне.

— Майору все можно... Клянитесь, что вы не оставите мою дочь! — прибавила она, с мольбою скрестив руки.

— Клянусь вам! Наша Ванда имеет теперь двух матерей.

— Да, из которых одна, верно, недолго проживет.

— Бросьте эти мрачные мысли! — утешала ее графиня. — Хотите ее видеть? — прибавила она, улыбаясь.

— О!..

— Сейчас! — сказала графиня, позвонив.

— Скажите барышне, — приказала она вошедшему лакею, — что я прошу ее в гостиную.

Через несколько минут вбежала счастливая и веселая Ванда, и не, замечая постороннего лица, бросилась на шею графине.

— Тише, тише, — с улыбкой остановила ее графиня, — вы не видите разве, что я не одна?

Ванда слегка сконфузилась, но, оправившись тотчас, непринужденно подошла к донне Люс.

— Извините, сударыня, — сказала она, — я думала, что матушка моя одна... Вы сами знаете, какое счастье целовать свою мать.

Донна Люс поклонилась ей, еле удерживая слезы.

Графиня поторопилась прийти ей на помощь.

— Милая Ванда, — сказала она, — я оставила свой флакон или в спальне, или в будуаре... Поищи его, пожалуйста... Я сейчас вернусь туда.

Ванда уже уходила, но вдруг остановилась и повернувшись к донне Люс, сказала по-испански:

— Сударыня, я не имею удовольствия вас знать, но какая-то невольная симпатия притягивает меня к вам. Позвольте мне вас поцеловать. Согласис ваше будет, как бы прощением за мою невольную невежливость.

— Милое дитя!

И, открыв объятия, донна Люс прижала девушку к своей груди. Слезы душили ее, но она не смела плакать, чтобы не возбудить подозрени в дочери.

— Теперь мы знакомы! — весело сказала Ванда, тихонько освобождаясь из ее рук. — Вы увидите, что мы будем друзьями...

И, слсгка поклонившись, она, как птичка, выпорхнула из гостиной.

Графиня бросилась к донне Люс, которая в изнсможении опустила на кушетку.

— Ничего... — сказала мексиканка, — мне лучше! О как она хороша, и как она вас любит!.. Божс мой! Я могу умсреть тепсрь... Я видела свою дочь и уверена, что она будет счастлива!

— Обещаю вам! — отвечала графиня. — Но позвольте мнс надеяться, что мы будем видеться. Ванда полюбила вас с первого взгляда, сердце сс угадало вас и, может быть, со врмснем...

— Нет! — твердо сказал донна Люс, — пусть она никогда не знает, кто ее родители. Еще возьмите этот портфель... Майор, кажется, очень дорожит им: не знаю, что в нем заключается. Может быть, вам он пригодится.

Она персдала графине большой кожаный портфель.

— А тепсрь благодарю вас в последний раз, я прощаюсь с вами. Говорите иногда Ванде, что у нес была мать... Прощайте... Да хранит вас Господь!

Обе матери упали друг другу в объятия. Мексиканка опустила вуаль и тихо вышла из гостиной.

Графиня из окна следила за нею.

Она видела, как донна Люс прошла двор, и сделала знак фиакру, стоявшему у ворот отеля. Не успела она

войти в карету, как дверцы наглухо захлопнулись, и лошадь быстро понеслась.

В ту же минуту раздался страшный, нечеловеческий крик.

Испуганная прислуга бросилась на улицу.

— Боже мой! — в отчаянии вскрикнула графиня. — Неужели правда? Неужели ее убили?..

И она замертво упала в кресло.

ГЛАВА IX

Граф Арман, следуя совету матери, велел оседлать лошадь и отправился в Булонский лес. Прогулка, действительно, освежала его, и он весело возвращался домой, мечтая о невесте, и восхищая прохожих ловкостью, с которой управлял чудным арабским конем.

Невдалеке от аллеи Ваграм страшный шум поразил его слух. Навстречу ему с быстротою молнии неслась карета, а за нею тысячная толпа бежала в криками: «Держите! Держите!.. Убийцы!»

Одна из дверей кареты была открыта; кучер, вместо того чтобы удерживать разгоряченную лошадь, немилосердно хлестал ее кнутом. Арман сразу сообразил, что делать. Укрепившись в седле, подобрав трензель и рассчитав расстояние, он во весь дух пустил своего коня, и пересек путь почти у носа мчавшейся лошади. Испуганное внезапным его появлением животное встало на дыбы и грохнулось на землю. В ту же минуту кучер соскочил с козел и, прежде чем успели погнаться за ним, скрылся из виду.

Толпа собралась громадная. Все кричали, призывая полицию, но, как водится, ее на месте не было. Толпа бросилась к карете...

Первые подбежавшие с ужасом отступили.

Карета была двухместная; на скамье лежал, залитый кровью, труп красивой и нарядной дамы. Лиф ее был разорван, и с левой стороны над грудью виднелась широкая рана, из которой сочилась кровь.

Удар приходился сверху вниз, прямо в сердце; смерть была мгновенной. Она едва успела вскрикнуть.

Наконец, послышалось обычное: «Проходите, господа проходите!..» Явились полицейские. После необходимых внушений направо и налево, порядок был несколько восстановлен. Узнав, в чем дело, полицейские кое-как запрягли успокоившуюся лошадь и, окружив карету, отправились в префектуру.

Несмотря на повторяемые «проходите, господа!», масса зевак последовала за ними. Граф Арман был в числе любопытных. Необъяснимое чувство сожаления к несчастной жертве побуждало его собрать о ней сведения. Поручив коня сопровождавшему его лакею, он проследовал за несколькими привилегированными лицами в кабинет полицейского комиссара.

Следствие уже началось, допрашивали свидетелей.

Вот что было известно: убитая дама приехала неизвестно откуда на улицу де-Курсель и остановилась у отеля Валенфлер.

Велев фиакру ожидать ее, она вошла в отель и осталась там более часа. Во время ее отсутствия кучер курил трубку, прохаживаясь взад и вперед у решетки отеля. К нему подошел прохожий, попросил у него огня и довольно долго разговаривал с ним. Куда он скрылся — никто не видел; полагают, что он вошел в карету с другой стороны. Заметили тоже, что, несмотря на жару, кучер все время держал воротник поднятым, а шляпу нахлобучил на глаза. Лица его никто не видел.

Выйдя из отеля, дама сказала кучеру: «Везите меня к месту, где я вас наняла». Слова эти были произнесены очень неправильно и с сильным акцентом. Потом она села в экипаж. Послышался страшный крик, и лошадь помчалась по направлению к Нельи. Дверца была открыта, но когда выпрыгнул убийца, никто не видел.

Арман передал свою визитную карточку полицейскому комиссару. Прочитав ее, тот обратился к нему и спросил: не родственник ли он графине Валенфлер?

— Я ее сын, — отвечал молодой человек.

— Не можете ли вы нам дать какие-нибудь показания?

— Меня дома не было, когда случилось несчастье, но по крайней мере я могу вам уверенно сказать, что дама эта прежде никогда не бывала у графини. Я прибавлю, что тип этой дамы — чисто мексиканский, а так как

графиня долго жила в Мексике, то, вероятно, дама эта приезжая, проходившая к ней с рекомендательным письмом. Впрочем, это только мои догадки, может быть, ошибочные... Прошу только верить, что все сведения, какие вам потребуются из нашего дома, я всегда готов доставить вам.

Никаких указаний не нашли на бедной убитой. С четвертого пальца левой руки сорваны были кольца, найденные потом в карете; когда их примерили на ее руку, оказалось, по стертой коже, что одного кольца не доставало. Вероятно, обручального.

Карета также ничего не открывала. Номер ее был тщательно стерт и закрашен.

Тело покойницы было отправлено в морг.

Граф Арман, сильно взволнованный этим происшествием, отправил лошадь с лаксесом, а сам пошел пешком. В раздумье, он сбился с пути и, сам не зная как, очутился не на улице Курсель, а в пересулке позади парка отеля.

Замстив свою ошибку, он продолжал идти — разница в расстоянии была небольшая — и подошел к маленькой двери, ведущей в их сад. Дверь эта, граф помнил отлично, была наглухо заколочена. Каково же было его удивление, когда, подойдя ближе, он увидел женщину, старающуюся открыть ее ключом.

Он ускорил шаг, но, заметив его, женщина сильно дернула дверь, отворила ее и, быстро вбежав, захлопнула за собой.

Арман бросился за ней, но дверь оказалась крепко запертой изнутри.

Кто могла быть эта женщина?

Движение ее было так стремительно, что Арман не успел ее рассмотреть.

Но вдруг воспоминание живо представило ему образ Люси Гордон.

Сам испугавшись этой мысли, Арман всячески старался отбросить ее.

Зачем Люси, милая, добрая Люси, приятельница Ванды, будет тайком уходить из отеля? Нет, это просто невозможно!

Но, во всяком случае, кто-то проходил... А при настоящих обстоятельствах, нельзя позволять никому уходить или приходить так подозрительно.

Вернувшись домой, Арман прямо прошел в сад. Главный садовник и его помощник вынимали из оранжерей апельсиновые и лимонные деревья и расставляли их по дорожкам.

— Любезный Бардо, — обратился Арман к садовнику, — велите-ка вашим людям захватить несколько хороших дубовых досок и здоровых гвоздей, и пойдемте к маленькой двери в глубине сада. Мне показалось, что она не совсем плотно закрыта...

— Правда, сударь! — отвечал главный садовник. — Мне кажется, что ее даже открывали.

— А!.. Почему же вы это подозреваете?

— Вы знаете, сударь, что если садовую дверь долго не открывать, она покрывается пылью, сухими листьями, а главное, паутиной. Такова была дверь несколько дней тому назад. Теперь же, сами можете убедиться, она чистехонька, и даже замок смазан маслом.

— Странно... Но кто мог это сделать?

— Вот этого уж я и не знаю, и ни на какого не хочу напраслину взводить... А все-таки, мне кажется, что вернее всего можно думать на лаксэв... Эти тунсядцы то и дело шныряют тут. Может быть, кто-нибудь из них нашел затерянный ключ или сделал новый... Они рады бегать, Бог знает куда, по ночам.

Бардо ненавидел лаксэв. Отчего?.. Один он это знал, и, разумеется, не выдал бы своей тайны.

Они подошли к двери. И, действительно, нашли ее в таком виде, как описывал Бардо.

Одного взгляда достаточно было, чтобы убедиться, что ее открывали.

Зачем и кто?.. Арман терялся в догадках.

Между тем работники принесли доски и под руководством Бардо наглухо заколотили дверь.

Убедившись в прочности работы, Арман отправился домой с намерением все рассказать своим друзьям.

Скоро раздался звонок к обеду, и он пошел в столовую.

Графиня была бледна и грустна: в ее ушах продолжал звучать предсмертный крик несчастной донны Люс. На расспросы сына она отвечала, что ей нездоровится. Она не хотела упоминать при Ванде о страшном происшествии.

Выражение лица Армана убедило ее, что ему известны уже подробности несчастья.

Сказав Ванде и Люси, чтобы они ее подождали, она взяла сына под руку и вышла с ним в соседнюю со столовой гостиную.

— Ты знаешь все? — спросила она, в изнеможении падая в кресло.

— Да, матушка... Это я остановил лошадь. Но, к сожалению, убийца успел бежать.

— Ужасно, ужасно! — прошептала, заплакав графиня. Но рассказывай, что знаешь, я же расскажу тебе, что тут случилось.

Граф описал посещение свое полицейского комиссара. Графиня похвалила его за данное им объяснение по поводу визита несчастной женщины, и обещала давать показания в том же смысле.

— Не нужно, — сказала она, — раскрывать тайну этого ужасного преступления... Бедная! Она предчувствовала свою гибель!.. А я отказывалась ей верить!

— Но кто же была эта женщина? Вы ее знаете?

Рыдания мешали ей говорить. Наконец она сказала:

— Поклянись мне, что никогда, ни под каким видом ты ничего не скажешь Ванде!

— Ванде? — спросил изумленный граф. — Каким образом она замешана в страшной драме?

— Эта женщина — ее мать!

— Мать Ванды!.. О клянусь вам, она этого никогда не узнает! Объясните мне эту ужасную тайну.

Графиня Валенфлер передала ему историю донны Люс и, кончая, еще раз просила его навсегда скрыть эту тайну от Ванды.

— Что касается наших друзей, они должны все знать, — прибавила она. — Утаивая что-нибудь от них, мы можем навлечь на себя и на них большую беду.

Вернувшись в столовую, они сели за стол. Во время обседа Арман воспользовался случаем первести разговор на историю с дверью.

При первых же словах, загадочный взор мисс Люси устремился на него. Он также не спускал глаз с нее.

Американка слушала внимательно, но с полнейшим самообладанием. Чем долее шел рассказ, тем она становилась спокойнее и веселее.

Графиня встревожилась.

— Нужно непременно найти виновника!.. — взволновано сказала она. — Если подозревают слуг, надо их всех прогнать!

— Напрасно, мама! — отвечал Арман. — В числе их много преданных нам. Во всяком случае, уходя, они унесли бы ключ с собою... Но вы не дали мне кончить! Спите спокойно, и забудьте об этой двери: предосторожности все приняты.

— Какие же, сын мой?

— О! Самые простые и верные. Я велел заколотить. Только пушкой можно теперь пробить ее — иначе никто через нее не пройдет.

Послышался слабый крик, и мисс Люси, бледная, как смерть, без чувств упала в объятия испуганной Ванды.

Ее вынесли из комнаты.

— Боже мой! — с горечью подумал Арман. — Возможно ли?.. Она — решительно всем нам обязанная!

ГЛАВА X

Парижане навсегда сохраняют благодарную память о великом Филиппе! Мы говорим о содержателе ресторана Бребана.

Все его знают, все ценят, и не только за отличную кухню и неподдельные вина, но и за ласковый присмотр, учтивость и умение всем угодить.

Зато апартаменты его всегда полны. Армия официантов сует во все стороны, разнося затейливые кушанья, посетители уходят, приходят, нарядные гетеры шуршат длинными шлейфами, а сам Филипп, величественный, улыбающийся, незаметно командует всеми.

Номер 25 один из самых маленьких в его ресторане; впрочем, это не мешает ему быть роскошно убраным.

Мягкая мебель, пианино, толстый ковер сделали эту комнату весьма уютным уголком. Пятерым было здесь тесно. Главным украшением ее было огромное зеркало, сплошь изрезанное именами и надписями. На стекле его не раз удостоверилась ценность только что полученного подарка.

Некоторые дамы необыкновенно подозрительны!.. Впрочем, их так часто обманывают!

В этом-то номере застаем мы Майора и Фелица.

Подав им все нужное, официанты удалились и оставили их наедине. Теперь они могли свободно говорить о своих делах.

— Кстати, — спросил Оианди, — кто тот человек, с которым ты обещал познакомить меня?

— Увидишь, — смеясь, ответил Майор. — Я готовлю тебе сюрприз.

— Приятный?

— Чрезвычайно!.. Могу ли я сделать тебе неприятное?

— Гм... Впрочем, как знаешь! Но ты обещал мне кое-что сообщить, когда мы останемся одни! Теперь никого нет; только не лучше ли нам говорить по-баскски?

— Осторожность тебя никогда не оставляет!

— Осторожность — добродетель! — ответил Оианди, переходя на родное наречие.

— Как знаешь! — сказал Майор, следуя его примеру. — Но к делу! Помнишь ли ты, что я говорил тебе насчет моей жены?

— Помню.

— Налей еще шампанского!.. Подозрения мои оправдались, более даже, чем я предполагал. Донна Люс украла у меня важные документы, между прочим, известный тебе портфель, и передала все это графине Валенфлер.

— Ой, ой!.. Скверно!

— Помнишь ли также мою клятву? Я поклялся, что если удостоверюсь в ее измене, то покончу с ней!.. Клятву мою я сдержал.

— Карай!.. Эта женщина, убитая в карсте... Весь Париж о ней говорит... Неужели?..

Майор утвердительно кивнул головой. Он налили себе еще шампанского и залпом выпил полный стакан.

— Карай! — сказал побледневший Оианди. — Бедная женщина!.. Она ведь спасла тебе жизнь, помнишь тогда, в ачиендс?

Майор пожал плечами.

— Ты дурак! — презрительно сказал он. — Что же такого, что она мне там спасла жизнь, когда тут она хотела меня погубить!

Какой Оианди не был злодей, но он, казалось, был возмущен. Такое бессердечие пугало его.

Он налил себе машинально стакан вина. Майор засмеялся.

— Вот это лучше! — сказал он. — А то ты, как мокрая курица. Слушай теперь, что я тебе еще расскажу. Дело касается тебя.

— Меня? Объяснись, пожалуйста.

— Помнишь, я обещал тебе справки...

— Какие?

— Черт тебя побери!.. Или ты забыл чудесное падение твоего соперника?

— Каспита!.. Признаюсь, я на тебя не похож. Смерть твоей жены меня так поразила, что я едва могу собраться с мыслями...

— Ах ты, ягненок беспорочный, горлица невинная! — с сарказмом проговорил майор. — Как ты добр и нежен, а между тем, когда это было можно, ты не задумался изжарить дюжину людей...

— Не упоминай об этом, прошу тебя, — с трепстом оглядываясь, проговорил Оианди.

— Проклятый лицемер, — с трудом сдерживая бешенство, хрипел Майор. — Комедиант! Да, я бандит, тигр, если хочешь, но смело подставляю грудь без страха и без угрызений совести... А ты, гисна, ты, как подлая тварь, исподтишка нападаешь и убиваешь руками других. И ты думаешь, что твои сентиментальности меня тронут?.. Да я раздавлю тебя, как мерзкую гадину!..

Глаза его метали молнии, руки судорожно протягивались к шее Оианди...

Чем кончилась бы эта сцена, неизвестно, но, к счастью Фелица, Майор услышал стук в дверь.

Железная его воля сразу возвратила ему спокойный вид.

— Войдите! — твердым голосом крикнул он.

Вошел лакей и подал ему визитную карточку.

— Просите сюда господина виконта! — сказал Майор, взглянув на нее.

Через несколько секунд появился прекрасно одетый, изящный господин средних лет. Майор пошел ему навстречу, протягивая обе руки.

— Душевно рад вас видеть, виконт! Садитесь, пожалуйста, и не откажите выпить с вами стакан пунша.

Он жестом показал на дверь лакею. Тот вышел.

Едва дверь затворилась, Майор захохотал во все горло.

— Ай да Кабуло! — весело вскрикнул он. — Виконт да и только!

— Кабуло?.. — сказал, начинавший приходить в себя Оианди. — Ни за что бы не узнал!

— Много чести, хозяин! — отвечал, кланяясь, Кабуло.

— К делу, к делу! — торопил Майор. — Что нового?

— Открыл гнездо голубков...

— Вот как! Будто они...

— Теперь — не знаю, а прежде точно, что любили друг друга. Хотели даже пожениться, но барышня отправилась в Париж, а влюбленный, с горя, поступил в матросы. Всего год, как они опять встрелились в Англии, с тех пор они не разлучны. Не знаю зачем, десять месяцев тому назад они приехали в Париж и поселились на отдельных квартирах. Она гадает, он ничего не делает. Вечером они сходятся на условленном месте и улетают в свое гнездышко. К утру же расходятся, как чужие.

— Bravo! Сведения превосходные! Как вы их достали?

— И, Боже мой!.. Золотым ключом чего не откроешь!.. Только я совершенно израсходовался.

— Не беспокойтесь об этом... Ничего не потеряете.

— Я в этом убежден, потому так и старался.

— Есть еще что-нибудь?

— Да, кое-что еще есть! Увидите!

— Посмотрим! — смеясь, сказал Майор. — Что же?

— А то, что теперь половина первого, и в час хорошая лошадь может нас доставить туда. Там же нас ждут четыре молодца... Если хотите, все будет конечно к четырем часам утра, только нужно торопиться.

— Моя карета у подъезда! — сказал Майор. — Едем!

— Пожалуй, едем! — недовольным голосом сказал Оианди. — Но я желал бы знать...

— Нечего пока еще, — ответил Майор. — Мы расскажем тебе все дорогой. Ехать ты должен. Дело это касается столько же тебя, сколько и меня. Мне надоело одному за всех хлопотать, пора и тебе шевелиться.

Расплатившись по счету, друзья оставили ресторан и сели в карету Майора. Кабуло дал фальшивый адрес, и кучер направил лошадей к улице Тебу.

— Вы ручаетесь за вашего кучера и за лакея? — спросил Кабуло Майора.

— Они за меня под гильотину пойдут.

— Тем лучше. На улице Лафайет мы свернем на настоящую дорогу, а возвращаться будем другим путем. Впрочем, никому в голову не придет подозревать сидящих в таком экипаже.

Фелиц Оианди внутренне бесился ничтожной ролью, которая выпала на его долю.

— Кажется, — прогнул он, — пора бы наконец толком объясниться...

— Потерпите немного, господин Ромьс! — насмешливо сказал Кабуло. — Теперь приходится наблюдать за маршрутом.

Оианди сердито забился в угол кареты.

Пробило половина второго. Экипаж остановился.

Улица Тебу была совершенно пустынна. Кое-где в окнах светился огонь.

Майор и Кабуло вышли из кареты и спросили кучера: знает ли он, где Дранси? Он обещал доставить их туда в сорок минут. Сговорившись насчет места, где он и лакей должны будут ждать, они опять сели в карету.

— Ну, — сказал Кабуло, когда экипаж тронулся, — теперь мы можем поговорить.

— Да, — засмеялся Майор, — наш друг Ромьс не прочь узнать наконец, куда и зачем его везут.

— Ты смеешься надо мною? — сердито спросил Оианди.

— Нисколько... я шучу! Какой у тебя тяжелый характер. А я рассчитывал на твою признательность.

— Я готов рассказывать, — объявил Кабуло, закуривая сигару, — но это будет долго. Посещение господина Ромьс перевернуло все вверх дном в хозяйстве Сивиллы...

— Как? — воскликнул Оианди. — Дело касается Себастьяна и...

— То-то! — прервал его Майор. — Видишь, неблагодарный.

Фелиц Оианди, как-то вдруг выпрямился.

— Так мы едем туда, чтобы покончить с ними? спросил он.

— А то зачем же? — с дьявольской усмешкой сказал Майор. — Кто же ночью делает визиты?

— Спасибо, друг! Смейся теперь, говори что хочешь, мне все равно!.. Мы отомстим.

— Наконец-то понял! Ты, верно, забыл мое обещание?

— Правда... Извините меня.

— То-то! Ну, Кабуло, продолжайте.

Кабуло продолжал:

— Не знаю, что между вами, но вижу, что им не хотелось попасться вам на глаза. Тотчас после визита господина Ромье, они переехали на другую квартиру, а штука с зеркалом не имела другой цели, как напугать вас и заставить, таким образом, отказаться от их преследования. Видя дурной оборот дела, они увеличили предосторожности: женщина отправилась на Монмартр, а человек, которого вы называете Себастьяном и которого я знаю под именем Бланше, поселился в домике, купленный им недавно в Дранси. Каждый вечер они в нем сходятся, но всегда различными путями.

— Сведения эти верны?

— Совершенно. Дом этот стоит особняком, довольно велик и красив, но пользуется отвратительной репутацией.

— Вот как?

— Его прозвали «домом разбоя», потому что с тремя хозяевами подряд там случилось несчастье: они были найдены убитыми, неизвестно кем.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Майор. — А теперь там хозяйничает Бланше, то есть Себастьян! Действительно, этот дом приносит несчастье.

— Хороший знак для нас! — усмехнулся Оианди.

— Бланше не любим соседями... Его и боятся, и подозревают. Он никого не принимает, кроме той дамы. Прислуги тоже у него нет. Мне удалось войти в дом во время отсутствия хозяина: ни души. Я воспользовался этим и снял слепки со всех замков. Ключи у меня в кармане.

— Бедный Себастьян! — вздохнул Оианди. — Нужно было еще купить этот проклятый дом!

— Ба! — сказал Майор. — Не мы убьем его, а судьба.

— Все мы смертны! — подняв к небу глаза, проговорил Оианди.

Все трое расхохотались.

Экипаж остановился. Они были в Дранси.

ГЛАВА XI

Кабуло пошел провсрить, на месте ли его сообщники. Вернувшись через несколько минут, он застал Майора и Оианди горячо разговаривавшими. При его приближении они замолчали.

— Ну что? — спросил Майор.

— Недалеко ссть сарай, в котором можно поставить карсту. Не лучше ли ее туда спрятать?

Майор подумал.

— Нст! Я знаю средство. Какое ближайше отсюда селение?

— Гонес.

— Далеко оно?

— Полтора или два лье.

— Прекрасно! Мишель!..

Кучер слез с козсл.

— Вы поедете, — сказал сму Майор, — до Гонеса, дальше, если хотите, но ровно через полтора часа будьте опять на этом же месте. Крик совы, два раза повторенный, уведомит вас о нашем присутствии. Поняли? Пусть Антуан сядет в карету и время от времсни, в особенности, когда будут проезжать жандармы, выглядывает в окно.

— Слушаюсь.

— Славная мысль! — засмеялся Кабуло. — В случае нужды, вы можете доказать, что были в Гонесе. Но пора идти!

— Идсм!

— Кстати, вы вооружены?

— У меня два шестизарядных револьвера и кинжал.

— А вы, господин Ромье?

— Я никогда не ношу оружия, да к тому же, я не был предупрежден относительно цели этой прогулки.

— Все равно. Нас шестеро против одного. Как бы храбр он ни был, но ему невозможно будет с нами справиться.

Майор и сообщники его вынули шерстяные носки и надели их поверх сапог. Затем они вышли и, осторожно озираясь, неслышными шагами проскользнули в тополиную аллею.

Пройдя сотню шагов, они увидели домик, стоявший особняком.

— Теперь, — сказал Кабуло, — если вы хотите надеть маски, то пора.

— Друг мой, Кабуло, — возразил Майор, — поймите, что я не иду в этот дом с простой целью убить и ограбить тех людей, которых мы там найдем.

— Я знаю — это мщенис, вы от меня этого не скрыли.

— Если я закрою лицо маской, то какос же это будет мщенис? Эти люди подумают, что имеют дело с обыкновенными разбойниками, а я желаю, чтобы мои враги видели меня в лицо и поняли, что я мщу.

— Правда.

— Слушайте, я вам должен две тысячи франков, я хочу совершенно с вами расплатиться. Хотите, вместо двух тысяч, получить шесть тысяч франков, не считая всего того, что вы найдете в доме? А тут, должно быть, золота найдется немало; подумайте, ведь для вас это целое состояние! Только смотрите, чтобы у вас рука не дрогнула.

— Ведь без жертв ни одно дело не обходится, — сказал Фелиц Оианди вкрадчивым голосом.

— Ну что же, да или нет? — спросил Майор.

— А когда деньги?

— Сейчас.

— Ну, если так, то согласен, но только с одним условием: вы мне отдадите свое оружие.

— Вы мне не доверяете?

— Я этого не говорю, но предосторожность никогда не мешает.

— Я вам не отдам револьверов, но выну из них барабаны.

— Отчего же вы не хотите дать мне револьверы?

— Кто знает? Может быть, они мне пригодятся, если придется кому-нибудь пригрозить; ведь вам все равно, если у вас в руках будут барабаны?

— Ну, пожалуй! Только дайте мне также ваш кинжал.

— Вот он, возьмите, берите, кстати, и деньги.

Майор подал ему пачку банковых билетов.

— Да тут две тысячи франков лишних, — воскликнул Кабуло.

— Это для успокоения вашей совести, — возразил Майор, смеясь.

— Ну, надо признать, что если вы не сам черт, то, во всяком случае, приходите к нему сродни!

— Может быть! Хотите, чтобы я при вас вывернул свои карманы!

— Нет, не нужно. Я знаю, что с вами не было другого оружия, а господин Ромье совсем безоружен.

— Каким же вы образом избавитесь от своих товарищей?

— Это уж мое дело.

— Правда... Ну, теперь идем!

Они отправились в путь. Ночь была темная, и они подвигались медленно. Кабуло шел впереди, за ним Фелиц Оианди и, наконец, Майор замыкал шествие.

Дорогой он что-то вынул из кармана и принялся что-то делать с револьверами, которые остались в его руках; если бы Кабуло мог это видеть, то, вероятно, задумался бы над этой работой.

Несколько минут спустя, все трое подошли к дому. Шагах в двадцати от него налево находилась маленькая роща, в которую Кабуло вошел, оставив Фелица Оианди с Майором возле дома.

В роще лежали, спрятавшись под кустами, четыре человека, которые встали при приближении Кабуло.

Последний подвел и представил их Майору.

Ла-Гуан, старший из четырех разбойников, вынул связку поддельных ключей и подал ее Кабуло.

— Ну, что нового? — спросил он.

— Ничего, — ответил Ла-Гуан. — С тех пор, как они вошли в дом, ничего не слышно.

— Я еще раз обойду и посмотрю, все ли в порядке, — сказал Кабуло.

Майор посмотрел на часы.

— Гм! — сказал он. — Уже четверть четвертого.

— Ничего! — сказал Ла-Гуан. — Рассветает не раньше половины пятого, кроме того, теперь никаких работ нет в поле, и крестьяне спят до шести часов. Мы успеем все обделать и убраться отсюда, не встретив ни одной живой души.

Прошло десять минут. Майор начинал уже терять терпение, когда Кабуло появился.

— Ну, хорошо, что я пошел посмотреть, что там делается.

— А что? — спросил Майор. — Разве они не спят?

— И не думают, сидят себе в столовой и уплетают что-то с большим аппетитом.

— Ах, черт их побери! Вот досада-то! — воскликнул Майор. — А что, на дороге будет слышен отсюда выстрел из револьвера?

— Нет, слишком далеко. Надо нагрянуть на них сразу, чтобы они не смогли успеть выйти из столовой с оружием, а затем мы пустим в ход ножи, стрелять будем только при последней крайности, а теперь марш, и не шуметь!

Разбойники отправились к входным дверям.

Расскажем теперь, что происходило в это время в доме.

Себастьян и жена его, потому что мнимая колдунья, настоящее имя которой было Мичела Езагирра, была действительно его женой, он на ней женился в Ливерпуле, месяц спустя после встречи с ней.

Себастьян с женой сидели за ужином и пили кофе из маленьких чашечек.

Себастьян с удовольствием покурил трубку. Мичела казалась грустной, озабоченной и нервной, она была замечательно красива, и при сильном свете висячей лампы ее природная бледность оттенялась необыкновенно эффектно.

Себастьян смеялся и старался ее успокоить, но все его усилия были тщетны.

— Мне страшно в этом уединенном доме, вдали от всякой помощи, — повторяла она жалобным голосом.

— Ну чего же ты боишься наконец! — воскликнул Себастьян в порыве нетерпения. — Разве я не при тебе?

— Правда, мой друг, но я могу тебе только повторить: мне страшно, хотя и не знаю почему. Может быть, это предчувствие, но мне кажется, что нам грозит несчастье.

— Ты с ума сошла! Какое может нам грозить несчастье? Я ни с кем не вижусь, ты также, никто даже не подозревает о существовании этого дома.

— Все это совершенно справедливо, а все-таки я нахожусь под влиянием ужасного страха. Ах, зачем ты меня не послушался, когда я тебя умоляла не возвращаться во Францию! А потом, когда этот человек ко мне приходил, чтобы я ему гадала, зачем ты не согласился уехать? Мы были бы счастливы и спокойны; мы богаты, а с деньгами везде хорошо.

— Да, может быть, я напрасно не уехал после встречи с Майором, но я думал...

— Этот человек нас убьет, я чувствую, что он вокруг нас рыщет.

— Это все вздор, он о нас и не думает. Я знаю, зачем он в Париже, у него поважнее заботы, но если тебе уж так страшно, то я тебя одним словом успокою: радуйся, мы отсюда уедем!

— Правда? — воскликнула она, в порыве безумной радости. — Когда? Скоро, не правда ли?..

— Завтра или даже сегодня, через несколько часов.

— Как! Что ты говоришь?

— Да я хотел тебе сделать приятный сюрприз, но, чтобы тебя успокоить, я все тебе расскажу. Это дом, со всей обстановкой продан одному крестьянину, который хочет тут устроить ферму, я получил сегодня, то есть, правильно говоря, вчера, деньги, весь остальной мой капитал с этими вместе отдал моему банкиру, и взамен я взял у него аккредитивы на большую сумму, вот они тут, у меня в портфеле.

— Куда мы уедем? Говори, говори, скорее! — воскликнула она, задыхаясь.

— Сначала в Испанию, если понравится, то мы там и останемся. Мы поедем с первым поездом, который отходит в шесть часов двадцать пять минут... Вот уже бьет три часа, ты бы прилегла немного, а то устанешь.

— Ни за что на свете! Я спать не хочу и все меня в этом доме пугает.

— Ну, как хочешь, посидим, поговорим, время скорее и приятнее пройдет, — сказал он, смеясь...

— Да останемся вместе, три часа скоро пройдут, нам здесь так хорошо!

— Трусиха!

— Да, признаюсь! Я так трушу, что мне по временам кажется, что я слышу шаги по коридору: я знаю, что это сумасшествие, я уверена, что это одно воображение, а между тем мне все кажется... Ах! — крикнула она в ужасе, вскакивая с своего места и выказывая самую высшую степень страха. — Вот!.. Берегитесь!.. Вот они!.. О мои предчувствия!..

Жена Себастьяна испустила такой ужасный крик, ее искаженное лицо выражало такой безумный страх, что Себастьян вскочил и повернулся к дверям, держа по револьверу в каждой руке.

Обе двери столовой отворились без шума, и у каждой из них стояли несколько человек.

— А! — заревел Себастьян, целясь в каждую дверь.

Два выстрела раздались, два человека упали.

Но, перескочив через их тела, ворвались другие люди и бросились на Себастьяна.

Он сделал еще два выстрела, но на него разом накинулись несколько человек. Себастьян продолжал стрелять наугад, пока оставались заряды в его револьверах, когда же он выпустил последний, его повалили и скрутили веревками.

Мичела лежала в обмороке на полу.

Бандиты даже не вынули своих ножей, сопротивление старого матроса было таким энергичным и неожиданным, что они не успели за них взяться.

Борьба длилась не более пяти минут. Себастьяна схватили, но его сопротивление стоило жизни трем разбойникам, Ла-Гуан был опасно ранен, а у Кабуло рука была прострелена навывлет.

Фелиц Оианди был контужен в голову и казался совершенно одуревшим, хотя рана была легкая.

Только Майор был цел и невредим.

— Черт возьми, — воскликнул Кабуло, приподнимаясь, — вот дьявол-то! Приятнее видеть его в теперешнем положении, чем давеча!

— Да, и я того же мнения, — сказал Ла-Гуан, пробуя улыбнуться. — А ты еще уверял, что он без оружия; спасибо, так угостил, что чуть всех на тот свет не спровадил!

— Признаться, горячо было.

— Да! И мне кажется, что мне тоже не сдобровать... Кабуло... я тоже...

Ла-Гуан упал на пол, закрыв глаза.

Кабуло нагнулся над раненым.

— С ним сделался обморок, — сказал он, — теперь время, а то, пожалуй, еще очнется!.. Бедный Ла-Гуан, жаль мне тебя, да делать нечего! Дружба дружбой, а дело делом! Он приложил хладнокровно дуло револьвера к виску раненого и спустил курок.

— Ну вот и четвертый! — сказал он, вставая. — Этого мне, по правде, жаль, это был старый товарищ!.. Но дело прежде всего!

— Bravo! — сказал Майор. — Ты честно заработал свои шесть тысяч франков, друг Кабуло!

— Не считая еще тех денег, которые они получили вперед и которые я у них сейчас отниму; но, если бы нужно было начать снова, то у меня, пожалуй, и духу не хватило бы!.. Да, правду сказать, уж не знаю, от потери ли крови, или от чего другого, но мне кажется, что я сейчас сам упаду без чувств, все кружится у меня перед глазами...

— Ну! Ничего не будет, — сказал ему Майор, — я тебе сейчас пересвяжу руку, а пока понюхай этой соли, тебе сейчас лучше станет.

И, вынув из кармана жилетки крошечный флакончик, он подал его раненому.

Кабуло отвернул стеклянную пробку и поднес флакончик к носу.

Майор следил тревожно за его действиями, не спуская с него упорного взгляда.

Едва понюхал Кабуло из флакончика, как вскочил и конвульсивно, со всего размаха грохнулся на пол, даже не испустив крика.

Он умер.

Соль Майора оказалась синильной кислотой.

— Покойной ночи! — сказал Майор, расхохотавшись ужасным смехом. — Этот мошенник был слишком умен, он бы мне стал мешать! Гм! Кажется, теперь тут порядочно просторно стало, — прибавил он, оглядываясь кругом и растирая каблуком флакончик в порошок.

Считая его, оставались еще четыре человека в живых. Пятеро были убиты.

В числе живых были: во-первых, Мичела, все еще без памяти лежавшая на том же месте, где она упала, потом Себастьян, мрачный, молчаливый, связанный и привязанный к стулу, на котором сидел, и, наконец, Фслиц Оианди.

Последний стоял в отдаленном углу комнаты и глядел вокруг себя бессмысленным взором.

Им овладел безотчетный, безумный страх, зубы его стучали, все тело нервно дрожало.

Майор посмотрел на него пристально и пожал презрительно плечами, не сказав ему ни слова. Затем с возмутительным хладнокровием он нагнулся по очереди к каждому валявшемуся труп и, убедившись, что смерть вступила в свои права, стал шарить в их карманах, забирая у каждого те деньги, которыми так щедро их наделил.

Это делалось не из жадности. При огромном богатстве Майора эти несколько тысяч франков не могли представлять в его глазах ни малейшего интереса, но он не хотел, чтобы полиция знала, что эти люди попали в этот дом за вознаграждение, и постарался, насколько возможно, скрыть следы.

Окончив это дело, он выпрямился, и страшный огонь блеснул в его глазах. Он подошел к бывшему матросу:

— Ну, друг Себастьян, теперь за тобою очередь, — сказал он беспешадным тоном.

— Убейте меня, — ответил тот с хладнокровной решимостью, — убейте меня, так как я в вашей власти!

— Ну! Время терпит, — сказал Майор, смеясь злобющим голосом. — Потолкуем прежде с полчаса.

— Мне не о чем с вами говорить.

— Может быть, но я имею кое-что сказать тебе. Зачем ты мне изменил?

— Я вам не изменил, я за себя отомстил.

— Какое остроумное мщение: отправиться рассказывать наши дела толпе бездельников, которым до этого дела никакого не было!.. Если уж ты считал себя вправе мне отомстить, зачем ты меня просто не убил?

— Я часто об этом думал.

— Что же тебе помешало?

— Вы слишком бы скоро умерли, а я хотел, чтобы вы долее страдали.

— Я с удовольствием вижу, что в этом наши мнения сходятся. Я тоже для того тебя теперь не убиваю, чтобы

дать тебе подольше времени насладиться ожиданием смерти. Теперь моя очередь, мой друг, долг платежом красен. Ты увидишь, что я для тебя приготовил и...

Раздался выстрел из револьвера. Майор не договорил, он упал, как сноп, и остался недвижим.

Фелиц Оианди испустил ужасный крик и бросился вон из комнаты.

Вот что произошло.

Пока Майор *разговаривал* с Себастьяном, Мичела пришла в себя и открыла глаза. Сначала она не поняла, что вокруг нее происходит, но вскоре память к ней вернулась, она вздрогнула и приподнялась.

Возле нее упал Кабуло, рядом лежал револьвер, которым он не успел воспользоваться во время борьбы с Себастьяном; она протянула руку и схватила это оружие, потом привстала, сделала угрожающий знак Фелицу Оианди, который все стоял, как помешанный, и, прицелившись в Майора, спустила курок.

Она бросилась к Себастьяну и разрезала спутывающиеся его веревки. Она обзумела от радости, плакала и смеялась в одно время.

— Пойдем, бежим отсюда! — воскликнула она, дрожащим от волнения голосом. — Бежим из этого дома, я не хочу здесь оставаться ни одной минуты.

— Хорошо, пойдем! — ответил Себастьян. — Но так как нам некого опасаться после смерти этого негодяя, то мы останемся в Париже. Зачем нам теперь ехать в Испанию?

— Я на все согласна, только все эти убийства в этом доме поднимут полицию на ноги, и может быть...

— Да, ты права, лучше скрыться на время и вернуться, когда вся история будет забыта.

Четверть часа спустя, Себастьян с женой спешили по направлению к Парижу.

В столовой продолжала царить зловещая тишина.

Вдруг тело Майора слегка вздрогнуло, он глубоко вздохнул и привстал. Он почувствовал сильную боль в левом бедре и мгновенно все вспомнил.

— Ну спасибо, что на мне была кольчуга, а то бы тут мне и конец. Однако пора убираться, пускай полиция разбирается здесь, как знает.

Он поднял свою шляпу и вышел поспешно, хотя немного шатаясь. Переступая порог, он чуть не растянул-

ся, споткнувшись о какое-то тело, лежавшее поперек дороги. Это был Фелиц Оианди.

— Эй, вставай! — крикнул ему Майор, ударив него сапогом в бок. — Нечего тут прохлаждаться.

— Как? Это ты? Ты не умер?

— Как видишь, дурак! Пойдем скорее, нас, должно быть, карета ждет уж давно.

— Иду! Иду!

Они бегом удалились, оставив двери растворенными настежь.

Почти при въезде в Бурже они нашли карету и, сев в нее, приказали ехать в Париж.

ГЛАВА XIII

Уже давно Филь-ан-Катр не показывался у Ла-Марлуз, и постоянные посетители ее харчевни начинали сильно беспокоиться об его участи.

Дней десять прошло уже, но никто из товарищей нигде не встречал его. Начинили серьезно опасаться, что он попал в руки полиции во время какого-нибудь чрессечур рискованного предприятия. Раз всером, часов в восемь, мазурик вошел в харчевню, как ни в чем не бывало, и, усевшись на свое обычное место, вытащил из кармана коротенькую трубочку и, набив ее тщательно, спокойно закурил.

Несмотря на все расспросы Ла-Марлуз, он не удостоил ее ни одним путным ответом, так что она, наконец рассердившись, отошла, оставив его в покое.

Вдруг кто-то приоткрыл входную дверь, и хриплый голос крикнул:

— Гороху!

Филь-ан-Катр быстро встал и направился к дверям.

— Ты уходишь? — крикнула ему Ла-Марлуз.

— Не плачь! Я вернусь! — ответил он, смеясь.

На тротуаре его ожидал какой-то человек. Это был Лупер.

— Нам нужно поговорить, — сказал ему последний и, взяв его под руку, повел в конец улицы. Мимо них ехала пустая извозичья карета, он ее остановил и сел в нее с Филь-ан-Катром, приказав ехать в Булонский лес.

— Вот видишь ли, мой милый, — сказал он удивленному молодому мошеннику, — только в карете и можно разговаривать спокойно, а то расплодилось за последнее время мух* в Париже, что плюнуть негде.

— Какая ты умница, Лупер, право! — сказал молодой человек, глядя на Лупера с благоговением.

— Прежде всего скажи, где это ты пропадал все это время?

— Это целая история.

— Ну, рассказывай твою историю!

— Надо тебе сказать, что недели две тому назад я шлялся около Гренельского моста в ожидании, не перепадет ли что; вдруг вижу, идет богатый буржуа, пальто новое, на животе болтается золотая цепь, я подождал, чтобы он вошел на мост.

— Ну, и ты на него бросился, пырнул ножом, обобрал, как липку, и через перила да в воду? Знаю я наперед твою историю.

— А вот ничего ты и не знаешь! Правда, я помышлял сделать так, как ты говоришь, да вышло-то наоборот.

— Ну, не буржуа же тебя угодил через перила в воду?

— Почти что так: когда я на него бросился с ножом, он меня так полоснул палкой поперек физиономии, что я повалился на мостовую. Не дав мне времени опомниться, он схватил меня одной рукой за шиворот, другой за панталоны и, подняв, как ребенка, понес через перила и стал держать над водой. Признаться, мне было не особенно весело в эту минуту.

— Ну, и чем это кончилось?

— Понятно, что я взмолился за свою собственную шкуру, ведь жаль тоже. Буржуа немного подумал и, перенеся меня обратно на прежнее место, бросил на мосту, даже не посмотрел, подлец, как я упал: решеткой или орлянкой. «Стой!» — крикнул он мне. Я встал, как высеченная собака. Тут он мне объявил, что моя жизнь в его руках, но что, если я хочу ему честно служить, он меня помилует, да еще и хорошо платить станет. «Давным бы так сказали», — ответил я ему. Тут мы с ним и поладили, он мне дал три золотых и назначил свидание

* Сыщик, наушник.

на другой день. Ты понимаешь, что я аккуратно явился, и, таким образом, я всякий день получаю три золотых.

— Что же ты делаешь?

— Ну, когда тебя об этом спросят, ты скажешь, что не знаешь, потому что я тебе не скажу. Мне приказано молчать.

— Как знаешь. Но разве это тебе помешает помочь мне в одном деле? Ты мне нужен, и я на тебя рассчитывал.

— Если я тебе нужен вечером или ночью, то с большим удовольствием, я всегда свободен после пяти часов вечера.

— Ну и отлично, только нужно, кроме тебя, еще человек десять отважных ребят. Предстоят два дела, одно пустос, а другое, может быть, и жаркое. У меня их порядочно навсрбовано, не можешь ли ты собрать остальных?

— Что ж, пожалуй. Во-первых, я возьму Кабуло, Ла-Гуана...

— Об этих нечего говорить, их песенка спста.

— Да! Их нашли зарезанными и застреленными в «домс разбоя», оттуда перстасили в морг, где они и пролсжали чуть ли не десять днсий, но ты понимаешь, что их никто не признал, так с тем их и похоронили. Я их там видел.

Настала минута молчания, после которой Филь-ан-Катр вдруг так привскочил на месте, что Лупер на него посмотрел с удивлением.

— Что с тобой? — спросил он своего товарища.

— Помнишь, когда мы отправились на свидание через колодец Ла-Марлуз?

— Конечно, помню. Когда нас к себе звал господин Ромьс?

— Помнишь, кто нас внизу встретил? Кабуло; он же нас и провел по подземельям до того дома, которого мы никогда не могли найти. Уж не господин Ромье ли уколошил Кабуло и всех остальных в «доме разбоя»? Если он таким образом расплачивается с теми, которые для него работают, так есть над чем задуматься.

— Да, надо глядеть в оба, но дело пока не в этом. Ты, кажется, мне сказал, что тот человек, за которым тебе поручено следить, у тебя из виду пропал около Пасси.

— Да, он, наверное, живет в Пасси или в отелс.

— А тот хозяин для которого господин Ромье заставляет нас работать, тоже около тех мест живет, так что мы, пожалуй, гонимся за одним и тем же зайцем, с той разницей, что ты за ним следишь за деньги, а я из собственной любознательности; я хочу знать, кто тот богач, который скрывается за господином Ромье. Кто знает, может быть, выгодно к нему нагряться ночью в гости?

— Знаешь, с тем Лупер, повидаемся-ка с моим хозяином — знаешь, с тем буржуа, который меня чуть не бросил в Сену; он умница и готов всем пожертвовать, чтобы разыскать этого нсуловимого франта. Я пошлю к нему записку с рассыльным, и он к нам приедет, куда мы назначим.

— Дело; пиши, назначим ему ближайший перскресток, пускай ведет нас к себе.

Оба товарища зашли в погребок, где Филь-ан-Катр написал записку.

«Буржуа» Филь-ан-Катра незамедлил явиться и увел их в совершенно пустой домик на улице Шальо, который стоял посреди густого, заросшего сада.

Мы не будем приводить их разговор. Читатель вскоре узнает, что было между ними решено, а скажем только, что на прощание «буржуа» дал каждому из товарищсй по тысяче франков, «в задаток», как он выразился.

— Ну, надо признаться, — сказал Филь-ан-Катр, когда они очутились на улице, — что этот Майор и Фелиц Оианди, о которых он только что говорил, страшные люди!

— Да, с ними нужно держать ухо востро, а впрочем, они правы. Самый лучший способ гарантировать молчание сообщника, это убить его.

Было четыре часа утра. Оба друга расстались с тем, чтобы опять встретиться на другой же день вечером, в этом же месте.

ГЛАВА XIII

Прошло уже болсе месяца с тех пор, как совершенно было убийство донны Люс Аласусста среди белого дня в наемной карете, и другое в «доме разбоя», причем на месте совершения преступления оказались пять трупов неизвестных людсй, а полиции не удалось напасть на след убийц. Ирингойсны, отец и сын, Бернардо, Арман и дон Кристабаль несколько раз уже совсщались относительно того, не лучше ли было бы оставить Париж и Францию, чтобы укрыться куда-нибудь подальше от их беспощадного врага.

Но Юлиан и Бернардо остались при своем мнении: не отступать и бороться до конца; остальным волей-неволей приходилось согласиться с этим решением.

Графиня де Валенфлер рассказала своим друзьям о посещении ее донной Люс и о страшной мести, которая постигла бедную женщину по выходе от нее. Они вскрыли затем портфель, который донна Люс передала ей за несколько минут до своей ужасной смерти.

Портфель содержал много весьма дорогих для Майора бумаг, между прочим, и доказательство того, что маленькая Ванда, найденная Арманом в саванне, была дочерью Майора и донны Люс.

Бедная графиня де Валенфлер сильно изменилась со дня смерти донны Люс. Ею овладел непреодолимый страх, каждую минуту ей казалось, что к ней врывается Майор, чтобы вырвать у нее свою дочь, эту милую девушку, к которой она привязалась всей душой.

Таково было положение всех действующих лиц этого рассказа, когда раз вечером, именно на другой день после свидания Лупера с Филь-ан-Катром, и их совещания с «буржуа», Бернардо Зумето вышел с улицы Булар, находящейся на окраине Парижа, и быстрыми шагами направился, через Менское шоссе, на вновь проложенную и еще немощеную улицу под названием де-Плант.

Два или три дома возвышались на этой улице, где еще не было ни тротуаров, ни газовых фонарей. Заборы, огораживавшие пустыри, тянулись по обеим сторонам улицы между редкими строящимися домами. Бернардо шел быстро, и дорога, по-видимому, была ему знакома; дойдя до середины улицы, он повернул на улицу Саблиер, которая очень походила на первую. Те же строящиеся дома и пустыри, обнесенные заборами.

Он перешел на другую сторону и остановился у калитки покрашенной в желтую краску, вынул из кармана крошечный ключ и вложил его в едва заметную замочную скважину.

Но вдруг, вместо того чтобы отпереть калитку он отпрыгнул в сторону и присел на корточки.

В ту же минуту раздался выстрел, и пуля врезалась в забор на том самом месте, где он только что стоял.

Бросив свой плащ, Бернардо сделал прыжок тигра; прежде чем убийца успел опомниться, он схватил его за горло.

Оба упали на землю. Они боролись в темноте, как два хищных зверя. После двух или трех минут, ожесточенная борьба вдруг прекратилась.

— Что он умер или только в обмороке? — прошептал Бернардо. — Надо, однако, посмотреть, кто это хотел меня подстрелить, как куропатку.

Он стал шарить по карманам, и вынул спичечницу, чтобы зажечь спичку.

Но вдруг мнимый мертвец вскочил на ноги, бросился бежать и исчез с такой быстротой, что ошеломленный Бернардо остался на месте со спичкой в руках.

— Ну, молодец! — сказал он про себя. — Эх, летит-то как! Ну, в другой раз поймаю, не пропадет он у меня: уж наверное, захочет другой раз меня доконать!

Он зажег спичку и стал внимательно осматривать землю: не оставил ли беглец что-нибудь.

Его поиски увенчались некоторым успехом.

Во-первых, он поднял прекрасный шестизарядный револьвер, вероятно, тот самый, из которого в него выстрелили и который убийца выронил во время падения. Потом поднял маленький бумажник с серебряными углами.

Убедившись, что более ничего нет, он положил находки в карман, отпер калитку и вошел во двор. На довольно большом расстоянии от высокого забора стоял низенький одноэтажный домик, который с улицы совсем не было видно. Дом был окружен густым садом, так что можно было вообразить себя за сто лье от Парижа.

Этот дом принадлежал Бернардо: он жил здесь со своей женой Маристтой, маленьким сыном Юлианом и другом из американских степей Тахсрой.

Как только вошел Бернардо, подали ужин, и маленькое общество, тесно связанных дружбой людей уселось весело за стол.

Бернардо объявил, что дон Кристобаль купил прекрасный поместъе со старинным замком в Турени и собирается отправиться туда месяца на два. Бернардо стал уговаривать свою жену тоже переехать туда с их малолетним сыном — ввиду радушного приглашения дона Кристобала, с одной стороны, и опасности для молодой женщины оставаться в Париже во время борьбы их с Майором и Фелицем Оианди, с другой; тем более что Бернардо мало бывал дома, занятый поисками своих врагов.

Ужин кончился и Мариетта, взяв на руки полусонного маленького Юлиана, понесла его в спальню укладывать спать; оба друга остались за столом, разговаривая и куря прекрасные сигары, как вдруг раздался громкий звонок.

— Какого черта несет сюда так поздно? — воскликнул Бернардо. — Двенадцатый час, и я никого не жду!

Тахера уже встал и пошел узнавать в чем дело.

Он вскоре вернулся и привел с собой знакомого нам охотника Шарбона.

Шарбон был бледен и казался сильно взволнованным.

Он в кратких словах передал Бернардо, что случилось ужасное несчастье: графиня де Валенфлер, будучи нездорова, не могла поехать посетить больных и бедных своего квартала, как это она обыкновенно делала. Ванда упросила отпустить ее с мисс Гордон, ее компаньонкой, вместо себя. Графиня имела неосторожность согласиться на это, и теперь полицейский агент привел пустую каре-

ту с лошадьми в отель; ни Ванды, ни мисс Гордон, ни лакея, ни кучера при карете не оказалось. Полицейский ничего не знал, он видел на улице пустую карету без кучера, отвез ее в полицейскую префектуру, где по гербу, нарисованному на дверках, узнали, кому она принадлежит и препроводили ее по принадлежности. Затем, немного погодя, кучер и лакей, мертвецки пьяные, были принесены какими-то людьми к привратнику отеля де Валенфлер, и люди эти тут же убеждали, не дав никакого объяснения.

— Это непостижимо! Это ужасно! Подобные вещи творятся в Париже! Понять ничего нельзя.

— Да, и удивительное всего то, что кучер и лакей, оба немолодых уже лет, служат графине очень давно, люди честные, вполне трезвые и испытанные — просто непонятная история.

— Ну а граф Арман?

— Да разве вы забыли, что он уехал в Данвиль на несколько дней? Доктор Юлиан убедительно просит вас приехать, надо посоветоваться о том, что делать.

Я вслепел запрячь карету, — продолжал охотник, — положил заряженные револьверы в сумки, захватил двух вооруженных слуг и помчался за вами. Карета нас ждет шагах в пятидесяти отсюда, на углу улицы Саблиер.

Бернардо поспешно оделся и зашел в детскую проститься с женой.

— Я все слышала, — сказала она ему с решимостью, — долг и дружба требуют твоего присутствия там, поезжай!

Когда Бернардо, готовый ехать, вернулся в столовую, он кратко передал Шарбону о том, что с ним случилось в ту минуту, как он возвращался домой. Потолковав об этом событии, они пришли к заключению, что Майор объявил им войну, и что все эти события исходят от него.

ГЛАВА XIV

Когда Бернардо и Шарбон подошли к ожидавшей их карете, последний спросил слугу, рассказывавшего по тротуару перед каретой:

— Что нового?

— Ничего особенного, сударь, только несколько оборванцев проходили мимо и, притворяясь пьяными, затеяли спор перед каретой, с целью разглядеть нас, потом, видя, что мы не обращаем на них внимания, они пошли своей дорогой, затем несколько подобных же людей проходили мимо, горлая песни, но у всех, по-видимому, наша карета была, как бельмо на глазу. Всего, проходивших мимо нас, я насчитал человек с пятнадцать, и все, надо полагать, принадлежат к одной и той же шайке.

— Хорошо, Мишель. Садитесь на козлы возле кучера и глядите в оба, нам придется проезжать по очень пустынным местам. Скажите кучеру, чтобы он ехал, как можно скорее.

Едва успел Бернардо захлопнуть дверцу, как карета покатила с быстротой молнии. Сначала улицы, по которым они проезжали, не были еще так пустыны, время от времени встречались пешеходы, спешившие домой, или кареты, и все трактиры еще были открыты.

Но на Севрской улице было уже совершенно пусто.

Бернардо и Шарбон удвоили внимание. Если им грозила опасность, то ее следовало ждать здесь.

Карета приближалась к бульвару Инвалидов. Налево виднелась строящаяся церковь, окруженная лесами и забором, направо тянулся пустырь, обнесенный частоколом.

Невдалеке послышался тихий, переливающийся свист.

Бернардо опустил переднее стекло кареты.

— Берегитесь! — сказал он кучеру шепотом. — И, что бы ни случилось, не останавливайте лошадей.

— Понимаю! — ответил кучер.

Тот же самый свист опять повторился.

— Ну, теперь дело затевается! — воскликнул Бернардо и опустил все стекла кареты.

В ту же минуту несколько досок вылетели из забора налево, а из-за частокола направо показались несколько человек, и с двух сторон толпа оборванцев, вооруженная ножами и револьверами, бросилась к карете.

Кучер ударил по лошадям, Бернардо и Шарбон выстрелили в толпу с обеих сторон кареты. Чей-то голос крикнул на наречии команчей наречии «ауак» (вперед); карета рванулась, послышались крики из-под колес; Бернардо, Шарбон и слуга, сидевший на козлах, стреляли в бандитов, пытавшихся остановить карету, лошади, обезумевшие от страха, мчали во всю прыть. Вскоре крики, угрозы и стоны стали доноситься все слабее и наконец умолкли совершенно.

— Стой! — крикнул кучеру Бернардо. — Надо зарядить оружие.

Но нелегко было кучеру справиться с испуганной парой кровных лошадей. Удары бичом, к которым они не привыкли, выстрелы, дикие крики, все это довело их почти до бешенства, и прошло еще минут пять, пока удалось остановить их.

Когда карета остановилась, кто-то отворил дверцу. Это был Тахера.

Он подал Бернардо раздавленный бумажник, в котором находились какие-то бумаги, и связку ключей. Это он нашел в карманах двух бандитов, раздавленных каретой, которых остальная шайка не успела захватить с собой, когда разбежались от выстрелов.

— Ну, нам тут более делать нечего, — сказал Бернардо, пряча к себе в карман поданные ему вещи. Затем они поехали дальше.

В то время, о котором мы говорим, подобные нападения на окраинах Парижа были далеко не редким явлением.

Была уже половина второго ночи, когда наконец карета остановилась перед отелем графини де Валенфлер.

Бернардо отвел в сторону Шарбона и сказал ему на ухо:

— Вслите немедленно запрячь мне другую карету. Этот слуга поедет со мной. Я здесь пробуду только несколько минут.

— Как? Вы не войдете к графине, чтобы утешить ее и успокоить?..

— Это невозможно, друг мой, Шарбон. Обстоятельства таковы, что каждая минута дорога. Теперь нужно действовать. Скажите Юлиану, он меня поймет. Впрочем, я надеюсь, что через час я вернусь сюда... От моего предприятия, быть может, зависит успех всего нашего дела.

— Вы правы Бернардо, но что же я скажу Юлиану?

— Скажите ему, что я поскал во двор Фонтанов. Слышите? Юлиан знает, что это значит.

В эту минуту карета, запряженная парой свежих лошадей, вышла из сарая и подъехала к крыльцу.

Бернардо пожал руку Шарбону и, подождав к себе Мишеля, сказал ему тихо:

— Карета должна остановиться на углу улицы Монтескье и там меня ждать. Передайте это приказание кучеру незаметно, во время езды, и сядьте рядом с ним на козлы. Потом он позвал Тахеру, который одним прыжком очутился в карете, и они быстро покатали.

В нескольких шагах от отеля какой-то человек, стоявший, по-видимому, настороже, вскочил на запятки.

Но кучер не дремал, он послал ему назад такой меткий удар бича, что шпион скатился на мостовую, заревев от боли и злости.

Карета беспрепятственно доскала до назначенного места. Бернардо и Тахера вышли из экипажа, и Бернардо приказал лакею сделать большой объезд и остановиться у ресторана Бребана, с тем, чтобы, как только он, Бернардо, сядет в карету, во весь дух мчаться в отель Валенфлер; затем он пошел пешком вперед, а Тахера шагах в пятнадцати от него, следя за всеми его движениями.

Бернардо дошел, таким образом, до стоявшего в стороне дома; в одном окне третьего этажа виднелся свет.

Бернардо сделал знак, и Тахера исчез за углом соседней улицы. Тогда Бернардо замаяукал по-кошачьи с таким совершенством, что какой-то кот, сидевший на крыше, замаяукал ему в ответ.

Огонь в окне третьего этажа исчез, и послышался бешеный лай собаки.

Тогда Бернардо вынул из кармана огниво и кремь и стал высекать огромное количество искр, закуривая при этом сигару. Лай собаки утих, дверь дома слегка приотворилась, и Бернардо стремительно вошел в нее.

В эту минуту Тахера, обойдя персулками, показался в другом конце улицы, но тут же сделал прыжок в сторону и спрятался под ворота соседнего дома. Два человека, стоя в нескольких шагах от него, разговаривали вполголоса. Поняв из их разговора, что это шпионы, приставленные караулить Бернардо, чтобы убить его по выходе из дома, в который он только что вошел, Тахера принял свои меры.

Оба шпиона продвигались медленно по улице, в тени, бросаемой домами, как вдруг аркан, искусно накинутый, упал на их плечи, и петля была мгновенно затянута такой сильной рукой, что они оба, полузадушенные, покатались на тротуар, не успев издать ни малейшего звука и понять, что с ними случилось.

Тахера набросил на них лассо.

Это был единственный способ разом схватить их, а все знают, с какой изумительной ловкостью краснокожие владеют арканом, называемым «лассо».

Тахера, не задумываясь ни минуты, вынул из кармана нож, собираясь перерезать обоим горло, но вдруг вспомнил, что Бернардо, вероятно, пожелает их допросить, и поэтому, решив, что всегда успеет с ними покончить, он сложил нож и, распустив несколько аркан, связал им руки и ноги. Головы закутал в свой платок, и отнес все еще находившихся в бесчувственном состоянии шпионов в углубление ворот, в которых подкараулил их, затем стал опять наблюдать за тем, что происходило вокруг дома, куда вошел Бернардо.

Между тем последний, захлопнув поспешно за собой дверь, произнес тихо одно слово:

— Флорида!

Другой голос ответил ему: «Наваха и Рагнерия»!

— Железная Рука, — сказал Бернардо.

Тогда Бернардо ввели навверх по лестнице, где его встретил Вильям Фильмор, в той же комнате, в которой он уже не раз совещался с Лупером и Филь-ан-Катром.

Бернардо и Вильям Фильмор, или Наваха, долго совещались. Фильмор уже давно следил за Майором и Фелицем Оианди, устроив над ними тайный надзор, состоявший из целого полицейского штата. Он успокоил Бернардо, сказав, что надеется отыскать Ванду и мисс Гордон, но при этом присовокупил, что им необходимо содействие одного бывшего полицейского агента, отличающегося нсобыкновенным мастерством при расследовании самых запутанных дел. Он решил к нему отправиться немедленно и привезти его в отель Валснфлер, куда Бернардо возвращался теперь. Вильям Фильмор приказал запрячь карету и повел Бернардо тайными ходами в соседний дом, выходящий на другую улицу. Когда они спустились там с лестницы, то у крыльца стояла уже готовая карета. Бернардо и Фильмор пошли пешком на ту улицу, где караулил Тахера, который объяснил им, что случилось, и указал на двух связанных людей.

— Давайте их ко мне в карету, — сказал Вильям Фильмор, — мы от них можем узнать многое, весьма для нас нужное.

Когда шпионов подняли, то один из них оказался мертвым: аркан Тахеры его слишком придушил, другого положили в карету, и друзья расстались. Вильям Фильмор поехал к полицейскому агенту, а Бернардо и Тахера вернулись к своей карете, дожидавшейся у Бребана. Несколько минут спустя после их возвращения домой, явился и Вильям Фильмор, с плотным господином лет, по-видимому, около пятидесяти, в котором Бернардо сразу узнал начальника сыскной полиции, проводившего в Пиренеях следствие об исчезновении маркизы Жерманди.

Можно себе вообразить, с какой радостью взялся им помогать этот человек, когда узнал, что дело касается именно того разбойника, который столько лет тому назад заставил его напрасно прокатиться в Африку.

— Слушайте, — сказал он. — Вот уже шесть лет, как я в отставке, однако состою в постоянных сношениях

с полицейским префектом и иногда помогаю полиции в запутанных делах вроде вашего. Я имею полное право заниматься также делами частно, и тогда делаю это по добровольному соглашению — короче сказать, по найму. Я с этой целью к вам теперь и приехал. Но докажите мне, что этот Майор и маркиз Жермандиа одно и то же лицо, и я с вас сантима не возьму вознаграждения. Я даром буду этого человека преследовать, из личной мести, клянусь вам!

Юлиан Иригойен, однако, не согласился принять бесплатно услуги со стороны агента и, рекомендуя себя только как друга и уполномоченного графини де Валенфлер, уговорил его принять сумму, ассигнованную для разыска ее дочери Ванды.

Полицейскому агенту пришлось согласиться, после чего он решил произвести на месте дознание, чтобы собрать в одно целое все подробности об исчезновении Ванды. Он много расспрашивал о мисс Люси Гордон и, несмотря на несогласии всех остальных, выразил убеждение, что она замешана в этом событии; затем он пожелал видеть кучера и лакея, сопровождавших карету, но они продолжали спать мертвецким сном, несмотря на всевозможные средства, к которым прибегали, чтобы привести их в чувство.

К счастью, Бернардо, осмотрев их, вспомнил, что существует в Америке одно растение, которое, если его понюхать, погружает немедленно в непробудный сон, от которого может избавить только прием порошка известного, ему корня. Он поспешил к себе за этим корнем (он вывез из Америки немного туземных средств) и приступил к их лечению. Полчаса спустя, кучер и лакей были в состоянии обстоятельно рассказать, что с ними случилось.

Они повскакали, что объехали почти все квартиры, адреса которых были даны Вандой, оставалось только еще одно бедное семейство, живущее на улице Акаций, дом № 96 в Термахе, к которому они намеревались захватить на обратном пути.

Карета остановилась перед означенным домом, и Ванда с мисс Гордон вошли в него. Кучер оставался на козлах, а лакей на тротуаре, возле кареты, когда человек, одетый ремесленником, вышел из этого же дома и, подойдя к кучеру, что-то у него спросил. Кучер, не услышав вопроса, наклонился к нему, а в эту минуту

незнакомец поднес ему быстро что-то под нос. С этой минуты он ничего более не помнит. С лакеем, оставшимся на тротуаре, поступили точно также. Лакей прибавил к этому показанию еще одно важное обстоятельство, а именно, что мисс Гордон во время посещения Вандой больных почти все время сидела в карете и смотрела по сторонам, будто ожидая кого-то. Она только в трех домах входила вместе с ней. Когда они остановились на улице Акаций, № 96, Ванда сказала своей подруге: «Ну здесь, Люси, не стоит тебе выходить, я войду только на минутку». Но мисс Гордон настояла на том, чтобы войти вместе, так что Ванда сказала ей, смеясь: «Ну, иди со мной, упрямица, если тебе этого так хочется!»

В связи с этими показаниями, полицейский агент захотел осмотреть комнату мисс Люси Гордон, и Юлиан поспешил провести его туда.

Все в двух комнатах, занимаемых девушкой, было в полном порядке, и ни письма, ни записки, ничего компрометирующего ее, нельзя было найти. Полицейский агент, с вытянувшимся лицом, уже собирался уйти, как вдруг взгляд его остановился на золе в камине. Вмиг он очутился на коленях перед очагом, разрывая лихорадочно золу руками. Он собрал тщательно несколько обгоревших бумажек и, смахнув с себя золу, стал перед окном сличать их и прикладывать одну к другой.

Сложив вместе две бумажки он показал их Юлиану.

— Да ведь тут никакого смысла нет! — воскликнул тот, попытавшись прочитать написанное. — Что же это должно означать?

Действительно, на двух сложенных бумажках было написано следующее: «Мсадгокин илиартвазеинащевое-шавь тинлопсиолатсанямерв М С.»

Полицейский агент рассмеялся и, читая написанное справа налево, произнес следующее:

«С.М. Время настало исполнить ваше обещание, завтра или никогда! С.М.»

— Видите, что это нетрудно, — сказал он Юлиану, — только согласитесь, что у этой барышни странная переписка, а вот вам и ответ, он написан также справа налево, только я вам его прямо прочту вслух.

«Дорогой мой друг!

Мое сердце разбито, я дрожу при одной мысли о том, что вы от меня требуете. Вы непременно этого хотите,

будь по вашему, завтра все будет сделано. Ах, зачем требуете вы от меня такой ужасной жертвы? Да, простит меня, несчастную, Бог всемогущий! Л. Г.».

В эту минуту послышался шум в отеле, и Шарбон влетел в комнату, крича:

— Мисс Люси Гордон только что вернулась. На нее страшно взглянуть! Она лежит теперь в обмороке.

— Ну что вы на это скажете? — спросил Бернардо агента полиции.

— Я скажу, друг мой, что мы имеем дело с замечательными мошенниками, и нелегко вам будет с ними справиться!

— Как! Несмотря на то, что она вернулась, вы продолжаете обвинять эту девушку в похищении Ванды? — воскликнул Юлиан.

— Более, чем когда-нибудь. Я вам ручаюсь, что мисс Гордон будет теперь так больна, что вы от нее слова путного не добьетесь, а люди, которые ее привели, если она не одна вернулась, или тут же исчезли, или, если дожидаются, то дураки, ничего в самом деле не знающие, и которые точно также вам ничего не скажут.

— Стало быть, вы все-таки продолжаете утверждать, что мисс Люси Гордон причастна к похищению Ванды де Валенфлер?

— Более, чем когда-нибудь; я даже прибавлю, что это новое событие меня еще более в этом убеждает.

— Но вы все-таки спросите этих людей, которые привели мисс Люси домой. Говорят, они сидят у привратника в ожидании, что их спросят.

— Пожалуй, хотя, как я вам уже говорил, это ни к чему не приведет.

ГЛАВА XV

Нам нужно теперь вернуться на несколько часов назад и ввести читателя в харчевню, принадлежавшую Ла-Марлуз.

Было не более пяти часов вечера.

Разношерстная отвратительная публика, собравшаяся у нее, с жадностью поглощала кушанья, один вид которых был способен отнять у всякого обыкновенного смертного аппетит по крайней мере на неделю. Вглядываясь пристальнее в эти грязные, испитые лица, можно было узнать нескольких из наших бывших знакомых, хотя за последнее время смерть значительно опустошила их ряды.

Теперь не было слышно ни криков, ни возгласов, ни ссор. Все ели молча, поспешно, перекидываясь изредка короткими фразами и то вполголоса. Можно было подумать, что это армия готовится выступить в поход. Тот, кому пришла бы эта мысль, не ошибся бы.

Полководцы этой армии нищеты и разврата, в лице господина Ромье и Лупера, сидели в отдельной комнате и решали сообща последние подробности похода. Лупер рассказал Ромье каким образом ему удалось завязать отношения с мисс Люси Гордон. Лупер когда-то принадлежал к очень хорошей фамилии, но вследствие одного преступления, совершенного в молодости (он убил в припадке ревности своего счастливого соперника), он был приговорен к смертной казни, но успел бежать в Америку, где в Нью-Йорке, занимаясь всякими делами, слыл

за человека богатого. В то время находилось там несчастное семейство переселившихся англичан, которое буквально умирало с голоду. В числе детей была девочка лет одиннадцати, замечательно умненькая и красивая. Лупер, который тогда еще не пал так низко, заинтересовался этими несчастными людьми и помогал им часто деньгами. Он особенно привязался к этой маленькой девочке, которую звали Люси, ей он постоянно носил подарки, и благодарная девочка сильно привязалась к своему благодетелю. Но довольно важное дело вызвало Лупера в Саратогу, он передал триста долларов несчастной матери его любимицы и уехал. Отсутствие его продолжалось гораздо долее, чем он предполагал, только семь месяцев спустя ему удалось вернуться в Нью-Йорк, немедленно по возвращении он начал отыскивать столь интересовавшее его бедное семейство, но он нашел довольство, где оставил нищету. Богатая дама, графиня де Валенфлер, заинтересовавшись маленькой Люси, взяла ее с собою в Канаду с целью ее воспитать. Она уехала, вполне обеспечив бедное семейство. Вскоре он потерял их из виду и забыл о них. Однажды, впрочем, они встретились с Люси в Канаде, куда его забросила судьба бездомного и беспутного скитальца. Люси уже тогда была взрослой девушкой, и ее красота произвела на него такое впечатление, что его тихая привязанность к ласковому и миловидному ребенку перешла в сильную любовь. Но в то время ему приходилось скрываться вследствие одного темного дела, и он вскоре уехал во Францию, в Париж, не успев высказать своих новых чувств к Люси, которая, не зная ничего о его жизни и похождениях, продолжала считать его честным и благородным покровителем ее семьи.

— А теперь, — продолжал Лупер, — я ее здесь разыскал и рассказал ей длинную историю о каком-то политическом заговоре, о преследованиях, которым я подвергаюсь... Одним словом, она согласилась на свидание со мною в доме № 96 на улице Акаций, в том же доме, где Ванда де Валенфлер посетит сегодня одно бедное семейство. Я ее уверил, что она может мне оказать огромную услугу, и она с радостью ухватила за мысль хоть чем-нибудь отплатить за мои прошлые благодеяния. Свидание назначено в восемь часов вечера, так как мне раньше нельзя.

— Молодец! Право, как это все отлично придумано! Теперь птичка от нас не уйдет.

— Однако вот уже тридцать пять минут седьмого, а у меня много дел: в семь часов я уйду, ни минуты ждать ни буду. Где же ваш друг?

— А вот он, — ответил безрукий.

Лупер живо повернулся.

Дверь со двора отворилась без шума, пропустив человека, закутанного в длинный военный плащ. Человек этот был высокого роста, широкие поля надвинутой на глаза шляпы закрывали его лицо, он стоял на пороге, подозрительно оглядываясь.

— Вы пришли в назначенный час, тем лучше, — сказал Лупер, — давайте скорее деньги, мне некогда.

Майор, это был он, вынул толстую пачку ассигнаций из кармана и передал их тому, которого он знал под именем Лупера. Затем, решив последние подробности похищения бедной Ванды, три мошенника разошлись.

ГЛАВА XVI

Возвратимся теперь к двум молодым девушкам, Ванде и Люси. Объездив уже всех бедных, они остановились в улице Акаций, перед домом № 96.

Было восемь часов вечера. Дом, в котором жили бедные люди, состоял из трех корпусов, отделенных узкими дворами с темными проходами. Последний корпус выходил в улицу Плень, параллельную улице Акаций, в которой почти не было домов, а только заборы, отделяющие пустыри и склады кирпича и известки.

С наступлением сумерек никто не проходил по этой улице, даже живущие на ней, старались возвращаться домой до девяти часов вечера, запирая тщательно двери и ставни из опасения ночного нападения.

В третьем корпусе дома № 96, выходившем на эту зловещую улицу, жило на пятом этаже то бедное семейство, к которому шли девушки.

Они шли с некоторым опасением, проходы, соединяющие дворы, были так узки, что рядом идти было невозможно. Ванда де Валенфлер шла впереди, а Люси Гордон за нею.

Вдруг мисс Люси услышала, что Ванда испустила крик ужаса.

Молодая американка, испуганная этим криком, причину которого она не умела себе объяснить, бросилась вперед, желая прийти на помощь своей подруге, но почувствовала, что ее схватили и держат; она стала вырываться и звать на помощь.

Ей набросили на голову толстую шаль, которая мгновенно заглушила ее крики, в то же время руки ее были крепко связаны платками.

Она почувствовала, что два человека бережно подняли ее на руки и быстро куда-то понесли, а потом посадили в карету.

— Вот и отлично! — сказал чей-то насмешливый голос. — Каждый из нас имеет свою голубку. Счастливого пути, друг Лупер! Только не забывайте завтрашнего дня.

Потом дверка кареты захлопнулась, и тот же голос насмешливо продолжал:

— Пошел, кучер! Прямо на остров любви!

Карета быстро покатила.

Молодой американке показалось, что вторая карета тоже помчалась в одно время с ней, только в другом направлении, потому что вскоре стук ее колес затих.

Люси Гордон чувствовала, что не одна в карете, она ясно слышала прерывистое дыхание.

Карета быстро ехала, молчание продолжалось. Бедная Люси, под влиянием страха за себя и за Ванду, лишилась чувств.

Сколько времени оставалось она в бессознательном состоянии, она не знала.

Когда она наконец пришла в себя и открыла глаза, то руки и ноги ее были освобождены и толстая шаль, обматывавшая голову, снята.

Возле нее был человек, который старался привести ее в чувство. Этот человек был тот, которого она с детства привыкла любить и уважать!

Тут произошла ужасная сцена. Бандит сбросил личину честного человека, он явился тем, чем был на самом деле. Попытавшись тщетно лаской и мольбами уговорить молодую девушку разделить его любовь и отдаться ему, он дал волю своей необузданной натуре, тем более что выпил значительное количество водки, готовясь совершить это похищение. Он бросился на нее, как разъяренный зверь, но мисс Люси недаром росла и воспитывалась в Америке, увидав на стене развешенное оружие, она с быстротою молнии сорвала со стены револьвер, прицелилась и спустила курок, говоря:

— Да простит мне Бог! Другого для меня выхода нет!

Разбойник дико вскрикнул, хотел сделать шаг вперед, но потерял равновесие и упал на стол, который опрокинулся с ним вместе на пол.

— Ах! Я убила изверга! — воскликнула молодая девушка, глядя на Лупера помутившимся взором.

Вся ее сила, вся ее энергия, поддерживавшие ее в этой роковой борьбе, оставили ее. На нее напал страх, панический страх, она бросилась к дверям, побежала по каким-то коридорам, проходам, дворам, ничего не помня, ничего не соображая, пока наконец не вырвалась на улицу. Покуда физические силы ей не изменили, она бежала, но вдруг в глазах ее потемнело, ноги подкосились, и она без памяти упала около скамейки на бульваре.

Более часа она пролежала на этом месте, наконец, два ремесленника, возвращавшиеся домой со своими женами, заметили бедную девушку.

Ее подняли и положили на скамейку, стараясь привести в чувство, но видя, что обморок не поддается обыкновенным средствам, они осмотрели ее карманы, в надежде узнать, кто она. В кармане оказались визитные карточки и два письма с ее адресом. Тогда эти добрые люди наняли карету и привезли девушку в отель де Валенфлер. Ясно, что показания этих людей не могли навести сыщика ни на какой след.

ГЛАВА XVII

На другое утро, однако, сыщик отправился, переодевшись рассыльным, в дом № 96 на улицу Акаций. Он приготовил пакет с деньгами для бедного семейства, к которому отправилась накануне Ванда. Но ловко заведенный разговор с привратником и затем с членами несчастного семейства Вердие, которому он передал деньги от имени графини де Валенфлер, убедил его в том, что все эти люди были совершенно не причастны к похищению Ванды де Валенфлер и даже не подозревали, что она была в этом доме накануне. Поиски его во дворах и на улице Плень тоже не дали никакого результата, и он вернулся часам к двум в отель де Валенфлер, где ему пришлось признаться, что, несмотря на его опытность, он совершенно не знает, что следует теперь предпринять и где искать дерзких похитителей.

— Видите ли, сударь, — сказал ему Бернардо, улыбаясь, — вы не обратили внимание на то, к какому разряду принадлежат люди, против которых нам приходится бороться. Вы привыкли к хитростям и уловкам обыкновенных парижских мошенников и захотели выследить по привычному вам способу. Поэтому с первых же шагов вы сбились с толку. Пожалуйста, не сердитесь на меня, но я все это предвидел и поэтому послал Тахеру выслеживать похитителей Ванды, и я уверен, что он, привыкший в саванне высматривать врагов, непременно найдет следы и указания там, где вы ничего не найдете. Вы не можете с нами конкурировать на этом

поприще, но зато у Майора есть нанятая шайка самых отчаянных разбойников, нравы которых вам в совершенстве известны. Вот против этих второстепенных врагов ваша помощь нам вполне необходима. Мы будем выслеживать диких, а вы — «цивилизованных».

— Мне кажется, однако, что если вы не отказываете мне в умении выслеживать «цивилизованных» мошенников, тем легче я мог бы выследить диких. Но, согласитесь, что когда следов нет, то ничего сделать нельзя.

— Нет, я не могу с вами согласиться. Всегда бывает след, и все дело в умении его открывать. Это целая наука. В Буэнос-Айресе, особенно в Панаме, есть люди, дошедшие до такого совершенства в этой науке или искусстве — назовите, как хотите, — что в Буэнос-Айресе, городе, в котором насчитывают до шестисот тысяч жителей, *растрeadоры** находят человека по следам, как охотничьи собаки выслеживают дичь на поле.

— Позвольте вам сказать, милый господин Бернардо, что вы, кажется, немного увлекаетесь. Каким образом выследить, например, следы человека на улице, по которой после него прошли и проехали сотни людей и экипажей?

— А вот идет наш друг Тахера, он вам ответит за меня.

Действительно, краснокожий входил в комнату со своим простым и сосредоточенным видом и остановился молча, ожидая вопроса.

— Ну, что вы нашли, Тахера? Говорите скорее, — обратился к нему Юлиан Иригойен.

— Молодые девушки были похищены в проходе между первым и вторым дворами дома № 96 на улице Акаций, — ответил Тахера. — Вот пуговица от рукава Ванды де Валенфлер. Их потащили в улицу Плень. Там стояли два экипажа, один запряженный вороными лошадьми, другой — белыми. Мисс Ванду посадили в первую карету, а мисс Люси во вторую, вот кусочек ее платья, который оторвался, когда захлопнули дверку. Их обеих несли на руках, потому что следа их ног нигде нет. Между следами около того места, где стояли кареты, я видел след Майора и другого человека в тонких сапо-

* Буквально: искатели следов.

гах, которого не знаю. Кареты сперва поехали вместе, кружа по соседним улицам, но потом разъехались в разные стороны. Около Триумфальной арки карета, в которой была мисс Ванда, остановилась. Кто-то выбил стекло, вероятно, мисс Ванда; Майор вышел из кареты, но только раз ступил на дорогу, и опять вернулся, вероятно, чтобы схватить мисс Ванду, которая хотела выскочить в другую дверку. Кучер и лакей искали что-то вокруг кареты, следы их ног указывают, что они нагибались, но они ничего не нашли и поехали дальше. Но я нашел то, что они искали. Вот, видите эту бриллиантовую серьгу? Ее мисс Ванда выбросила в разбитое окно. Видя, с какой стороны лежали разбитые стекла, я стал искать по тому направлению, и нашел ее около одной из тумб, окружающих Триумфальную арку. Вот она, возьмите. Тахера все сказал.

— Ну, остальное теперь плевое дело! — воскликнул Бернардо в восхищении. — С этой нитью в руках я берусь с помощью Тахеры и вас, — прибавил он, обращаясь к сыщику, — разыскать наших преследователей. Что скажете теперь о наших американских растреадорах, господин Боном?

— Сударь, — сказал сыщик с достоинством и полной откровенностью, — я преклоняюсь перед вами и признаю себя побежденным в этом деле, но я постараюсь доказать, что и в Париже живут не одни дураки.

ГЛАВА XVIII

Лупер не умер, он даже не был ранен.

Пуля, направленная прямо в сердце бандита, неминуемо его убила бы, если бы толстый бумажник, набитый банковыми билетами, которые он за два часа перед тем получил от Майора, не послужил ему панцирем, спасши ему таким образом жизнь. Однако удар был так силен, что бандит, потеряв мгновенно сознание, упал на паркет, увлекая за собой стол, со стоявшей на нем закуской и стаканами.

Когда он пришел в себя, было около пяти часов утра.

Не сразу сообразил он, в чем дело и что с ним произошло. Но когда память к нему вернулась, он вскочил, как ужаленный, и бросился искать Люси по всему дому. В первую минуту он вообразил, что она где-нибудь спряталась, но когда он убедился, что она спаслась, им овладел припадок настоящего бешенства. Тогда ему захотелось бежать в отель де Валенфлер и силой овладеть девушкой, которая с таким мужеством сумела защитить себя; он придумывал всякие способы почувствительнее ей отомстить, но боль контузии в сердце наконец взяла верх над остальным, и он разделся, чтобы посмотреть, не ранен ли? Когда он вынул бумажник из бокового кармана, то нашел в нем пулю, застрявшую между подкладкой и стенкой его.

— Вот так счастье! — воскликнул он с радостью. — Еще на волос бы дальше, так и конец. Однако, что же это со мной? Какая адская боль!

Он снял поскорее жилетку и расстегнул рубашку.

Тогда он увидел слева, против самого сердца, черный кровоподтек, величиной в серебряную пятифранковую монету.

Лупер открыл маленький шкаф, в котором у него хранилась маленькая аптека. Достав какие-то снадобья, он стал их мешать, тереть, толочь. Потом, взяв кусок лайки, он намазал на него приготовленную мазь, приложил к контуженному месту, прикрепил этот пластырь бинтами, оделся, прилег на диван и вскоре уснул.

Он, вероятно, проспал бы до вечера, но около двенадцати часов дня его разбудил сильнейший звонок в передней.

— Кого это черт несет? — пробормотал он сонно. — Кто бы это мог быть?

Невидимая рука опять стала дергать звонок с удвоенной силой.

— Это свои, — продолжал он размышлять, — надо впустить.

И приподнявшись на диване, надавил на скрытую в стене пружину, с помощью которой он мог, не вставая с места, отворять входную дверь.

Послышался шум шагов, и Филь-ан-Катр вошел в комнату в сопровождении Себастьяна.

Не трогаясь с места, Лупер сделал им знак сесть и, обращаясь к Филь-ан-Катру, спросил:

— Что нового?

Но прежде чем передавать ответ Филь-ан-Катра, мы возвратимся к тому моменту, когда, связанного по рукам и ногам Тахерой, Вильямс Фильмор увез его и запер в своей квартире.

Он пролежал в какой-то темной камерке всю ночь, стараясь сообразить, что с ним случилось и где он находится.

Первая мысль, пришедшая ему в голову, была та, что его арестовали полицейские сыщики и что он находится в части или в полицейской префектуре.

Однако, несмотря на тревожные думы, он уснул крепчайшим сном. Около двух часов ночи он был грубо разбужен.

Не успев опомниться, почувствовал, что его закутали с головой и, тщательно связав, понесли куда-то.

— Что ж это такое? — подумал он. — Стало быть, это не полиция меня поймала? Черт возьми, это, пожалуй, еще хуже. Куда же это меня тащат? Верно, хотят со мною покончить!

Но опасения Филь-ан-катра не сбылись. Через полчаса, его, наконец, поставили на ноги, раскутали, и он увидел себя в прекрасно меблированном кабинете, где сидел американец Вильям Фильмор, которого он не знал. Возле него стояли три рослых человека.

Мистер Фильмор предложил ему на выбор: выдать тех, для которых он работал, рассказав все, что он знает, и затем, поступив на службу к нему, мистеру Фильмору, продолжать, будто бы работать для тех, которые подослали его на улицу Фонтен с целью убить Бернардо; за это он предлагал ему свободу и десять тысяч франков. В случае же несогласия со стороны Филь-ан-Катра, он его передавал в руки трех мрачных тут же стоявших мужчин, изучивших в совершенстве всевозможные способы заставлять людей говорить против их воли.

Филь-ан-Катр ни минуты не усомнился в том, что действительно с ним поступят так, как было объявлено, но все-таки он не захотел выказывать малодушия, согласившись немедленно, и потому стал ломаться, как бы не решаясь изменять прежним товарищам.

Американцу эта комедия надоела.

— Хорошо, — сказал он. — Так как этот бездельник над нами смеется, то покажите ему, с кем он имеет дело, стяните ему пальцы рук так, чтобы из-под ногтей выступила кровь, это, надо полагать, отнимет у него охоту ломаться.

Два человека схватили мгновенно Филь-ан-Катра, и в то время как они его держали, не давая возможности пошевелиться, третий, связав ему руки вместе, обмотал два больших пальца около ногтей тонкой голландской бечевой и быстрым движением затянул их.

Филь-ан-Катр испустил страшный, хриплый крик. Боль была ужасная.

— Черт вас всех побери! — заорал он, корчась от страшной боли. — Оставьте меня, что вам от меня надо?

— Хочешь говорить?

— Конечно, хочу! Вот вопрос! Не дожидаться же мне, пока вы меня совсем убьете!

И Филь-ан-Катр рассказал обо всем, с той минуты, как незнакомый буржуа на мосту Гренель едва не бросил его в воду, а потом нанял с тем, чтобы он выслеживал его самого, мистера Фильмора, имени которого Филь-ан-Катр не знал. Потом он рассказал, как Лупер свел его к господину Ромье-безрукому, который вошел через него в переговоры с его гренельским буржуа. Потом он рассказал, как его с Ла-Дешом послали в улицу Фонтен, чтобы убить Бернардо, которого он также по имени не знал.

— Теперь слушай! — сказал ему Вильям Фильмор. — Я тебе дам две тысячи франков сейчас и восемь тысяч, когда дело будет кончено. Вот в чем дело.

И американец с полчаса передавал ему свои приказания и закончил следующими словами:

— Смотри не вздумай меня обманывать, я тебя на дне моря найду, и тогда эти господа, — он указал на стоящих трех человек, — не оставят на твоём теле ни клочка живой кожи. Берегись!

— Была мне охота вам изменять для них! Вы платите по-барски, а они трясутся над каждым франком! Будете мною довольны. Одно слово — ужоу!

Вот почему мы видим Филь-ан-Катра, влетающего так неожиданно к Луперу.

На его вопрос: «Что нового», он ему рассказал целую историю, условленную заранее с мистером Фильмором, по которой он будто бы подслушал разговор того, которого ему было поручено убить, с каким-то другом. Тот, которого Филь-ан-Катр с помощью Ла-Деша должен был убить, рассказывал своему другу, что графиня де Валенфлер решила бежать из своего отеля, боясь нападений Майора, и должна была на другой же день перебраться в маленький дом, купленный на имя ее слуги на улице Рельи, № 227. А там уж в отеле без нее приготовят такой прием Майору, что он долго будет его помнить.

Несокрушимый апломб, с которым Филь-ан-Катр рассказывал эту вымышленную историю, совершенно убедил Лупера, который, заинтересовавшись, спросил:

— Ну а чем все это кончилось?

— Да ничем почти, они тут стали болтать на каком-то неведомом языке и наконец распростились. Тот вернулся в дом, а наш повернул за угол. Он был один, мы на него и нагрянули, но подлец, видно, догадывался в чем дело, он схватил бедного старого Ла-Деша за горло,

а меня швырнул шагов на десять в сторону. Вот силищато!.. Когда я встал, его уже след простыл, а Ла-Деш лежал пластом на улице. Он умер; тут не время было рассуждать, я удрал оттуда, куда следует, выпался и вот пришел.

— Я доволен тобою, ты молодец, я приму к сведению то, что ты мне сказал.

— Тем лучше, что вы довольны, тогда вы не откажете мне...

— Ты, стало быть, вечно без денег? Ну, возьми, вот тебе пятьдесят франков.

— Только-то! С этим далеко не уедешь.

— Что ж, если тебе не нравится, так и скажи, я могу и не дать.

— Чего уж тут, давайте, все лучше, чем ничего. Ну затем мое вам почтение, ничего не прикажете?

— Конечно, прикажу. Ты мне очень нужен, теперь не время бить баклуши.

— В чем же дело?

— Ступай прямо отсюда в Сент-Антуанское предместье и жди меня у старухи Шублань.

— На углу улицы де-Рельи? Ну спасибо, вот путешествие-то!

Себастьян и Филь-ан-Катр распростились с Лупером и поспешно удалились.

ГЛАВА XIX

Заперев тщательно за ними дверь, Лупер отправился в свою спальню и там занялся тщательно преобразованием себя из изящного, приличного человека в бандита самой ужасной и грязной наружности.

Долго он работал над лицом, но зато остался весьма доволен своим превращением. Тени не оставалось того господина де Монреалья, которого знала мисс Люси Гордон; Лупер воскрес во всем цинизме своей неряшливой и отвратительной наружности. Надев засаленную фуражку набекрень, он зажег свою коротенькую трубочку и собирался уже выходить, когда раздался резкий звонок в передней.

— Опять кто-то, — воскликнул он с досадой, — черт бы их побрал! Уже не уйти ли мне тайным ходом?.. Да может быть, это что-нибудь нужное... лучше впустить!

И он нажал пружину, отпиравшую входную дверь.

Два человека поспешно к нему вошли. Это были Майор и господин Ромье.

— Здравствуйте, — сказал ему Майор, смеясь. — Что, это вы до сих пор спали? Мы, может быть, вас обеспокоили?

— Я сам только что домой вернулся, — сказал Лупер, — стало быть, не спал. Но что же вам нужно?

— Вот это мне нравится, — возразил Майор, — с кем же, позвольте вас спросить, было у вас назначено сегодня утром свидание у Ла-Марлуз?

— Ну признаться, я об этом совершенно забыл. Тут произошло нечто такое, что у всякого отшибло бы память.

И в кратких словах Лупер передал им о необыкновенной энергии и находчивости мисс Люси Гордон, которая, воспользовавшись его беспамятством, нашла возможность спастись и, вероятно, теперь находилась в безопасности в отеле графини де Валенфлер.

— Ах черт ее побери, и вас тоже! — воскликнул разозлившийся Майор. — Каким образом зажать теперь рот этой дуре? Она разболтает теперь все!

— Какой вздор! — вступился безрукий г-н Ромье. — Что она может разболтать? — Ну, положим, она отсюда убежала. Во-первых, я полагаю, что с одного страха у нее в голове все вверх дном перевернулось, а потом — что ж она скажет? Что ее увезли куда-то — и только!

— Совершенно справедливо, — сказал Лупер.

— Но, — продолжал безрукий, ухмыляясь, — ведь сколько мне помнится, похищение двух девчонок было только первой частью нашего плана, и самой незначительной, а затем следовало уже похищение графини де Валенфлер и моей прелестной Денизы, к которой, признаюсь, я далеко не равнодушен.

— Да, так-то оно так, но что бы вы там ни говорили, а после побега американки трудно будет это исполнить, — возразил Майор. — Ведь они там тоже не дураки, и теперь, наверное, примут все возможные предосторожности.

— Вы, кажется, забыли друг мой, — сказал Ромье, — что трое слуг отеля де Валенфлер у нас на жалованье, и впустят нас туда, когда мы захотим?

— Все это один вздор, — вступил в разговор Лупер, — слуги графини де Валенфлер, которым вы, вероятно, очень дорого платите, поднимают вас на смех, давая вам ложные сведения. Они сами ничего не знают о том, что творится в отеле.

— А вы, должно быть, все знаете, не правда ли? — спросил насмешливо безрукий.

— Да, уж, конечно, больше вас. Слушайте!

И он им передал со всеми подробностями все, что он за час перед этим слышал от Филь-ан-Катра.

— Стало быть, — закончил Лупер, — все трудности и неудобства, которых мы могли опасаться в отеле де

Валенфлер, не будут существовать в маленьком домике на улице Рельи. Вот куда мы должны направиться с ночным нападением, и чем скорее, тем лучше. Я именно туда собирался идти, чтобы лично со всех сторон осмотреть позицию, когда вы пришли. Что, вы согласны со мной?

— Конечно! — воскликнул Майор. — Мне тоже хочется отомстить разом за все, вот уже двадцать лет я жду удобного случая.

— Но, — заметил безрукий, — не втроем же мы войдем в этот дом?

— Конечно, нет; это значило бы добровольно лезть в петлю. Я прошу только одни сутки, чтобы сделать необходимые распоряжения, уж на этот раз это будет последняя попытка и надо, чтобы она увенчалась полнейшим успехом.

— А наши люди, которые ждут окончательного приказа насчет нападения нынче ночью?

— Надо их немедленно распустить, — сказал Лупер. — Где они?

— Я знаю где, — сказал Майор. — Я отсюда пойду прямо к ним и велю им ждать меня завтра у Ла-Марлуз.

— Ну и отлично, пойдемте. Завтра сойдемся и уже решим окончательно.

В эту минуту раздался громкий звонок.

— Это еще, что такое? — спросил Майор.

— Я не знаю, — ответил с беспокойством Лупер.

Чья-то невидимая рука вторично дернула звонок с большой силой, и отчетливый голос произнес угрожающие слова:

— Именем закона, отоприте!

Бандиты переглянулись с ужасом.

— Уже! — прорычал Майор.

— Тут сомневаться нечего, — сказал Лупер, — это полиция.

— Мы пропали! — прошептал безрукий, дрожа, как лист.

— Нет еще! — ответил Лупер, пожимая плечами.

— Именем закона, отоприте! — повторил голос за дверью.

— Ну! Еще успеем, — процедил Лупер сквозь зубы.

Он тщательно стал запирать все двери квартиры, одну за другой.

— Это по крайней мере займет их на несколько лишних минут, — сказал он.

Потом Лупер подошел к камину в гостиной и прижал спрятанную в резьбе пружину.

В ту же минуту на потолке образовалось круглое отверстие, складная лестница спустилась и уперлась концом в мягкий ковер, разостланный на полу.

— Вот наша дорога, — сказал Лупер. — Пойдемте скорее!

Все трое поспешно влезли наверх и исчезли в круглом отверстии.

В ту минуту, как лепное украшение потолка с висячей лампой появилось опять на своем месте, бандиты услышали третье приказание: отворить именем закона, и затем сухой треск выломанной двери.

— Где мы? — спросил шпотом Майор.

— На чердаке, — ответил Лупер. — Тут есть сообщение с соседним домом, мы в безопасности.

— Как бы мне хотелось посмотреть, кто эти люди, которые нас травят.

— Нагнитесь и отодвиньте вот эту дощечку, тут между лепными украшениями потолка есть крошечное окошечко, в которое вы увидите все, что под нами делается. Майор поспешно отдернул дощечку, посмотрел и, быстро откинувшись назад, произнес в порыве ярости.

— Это опять он! Везде, везде этот мерзавец умсст меня найти!

Это был действительно Бернардо, который вошел в комнату в сопровождении Тахеры и сыщика.

С самой Триумфальной арки, Тахера по одному ему понятным и видным приметам, вел их по следам кареты, увозившей накануне мисс Люси Гордон, и дойдя до ворот дома, в котором жил Лупер, он вошел в темный коридор, поднялся по лестнице на третий этаж и, указав своим спутникам на запертую дверь, сказал:

— Здесь!

Осмотрев всю квартиру и убедившись, что никого нет, они вернулись в гостиную, и Бернардо, который в отыскивании следов немногим уступал своему краснокожему другу, стал внимательно разглядывать стены, пол и потолок.

— Неужели вы предполагаете, что те, которых мы ищем, могли улететь сквозь потолок или провалиться

сквозь землю, — спросил его немного насмешливо сыщик.

— С подобным человеком — всего можно ожидать, — ответил Бернардо, продолжая тщательно разглядывать ковер. — Э! Да вот, глядите сами! — воскликнул он, быстро нагибаясь еще ниже к ковру.

Он только что заметил едва уловимый след, вдавленный в пушистый ковер обеими стойками лестницы.

Он машинально взглянул наверх и заметил легкое колебание лампы.

— Вот куда они вылетели! — воскликнул он.

След был найден.

Лупер, убежденный, что никогда не найдут его тайного хода, уселся преспокойно на пол в ожидании того, что враги их, утомленные бесплодными поисками, рсшат наконец покинуть его квартиру.

— Ах, черт их побери! — воскликнул он в бешенстве. — Что ж эти люди действуют с помощью самого сатаны, что ли?

— Я же вас предупреждал, — сказал Майор, стискивая кулаки.

— Ну они нас еще не взяли! — воскликнул Лупер. — Пойдемте, идите за мной!

Он их провел через весь чердак к потайной дыре, ведущей на чердак соседнего дома. Пробежав его во всю длину, они достигали второй двери, ведущей на черную лестницу, по которой бегом спустились и через минуту очутились уже на улице.

— Сегодня вечером, у Марлуз, — сказали они друг другу и разошлись по разным направлениям.

Едва успели они скрыться из виду, как в дверях того дома, через который бандиты спаслись, показались Бернардо и его спутники, которые бежали за ними по горячим следам и опоздали только на несколько мгновений.

— Опять упустили! — воскликнул с досадой сыщик.

— Ну, беда еще не так велика! — ответил Бернардо. — Посмотрите на Тахеру, пари держу, что он нас к ним опять приведет. Не так ли друг? — сказал он с улыбкой, обращаясь к Тахерс.

Тахера, занятый тщательным осмотром тротуара и улицы в этом месте, ответил:

— Они разошлись в три разные стороны, пойдемте по следам Майора.

Бернардо и сыщик пошли за ним по направлению к улице Мэн.

— А! — сказал Тахера. — Он тут взял карету.

Возле забора стоял маленький оборванец и глядел с разинутым ртом на «господ».

— Эй ты! — сказал ему Бернардо. — Вот тебе двадцать су, если ты мне скажешь, куда поехал тот господин, который здесь сел в карету.

— Он велел ехать скорее на угол улицы Экюри д'Артура и предместья Сент-Оноре.

Пять минут спустя, все трое мчались в извозничьей карете по указанному направлению.

Погоня возобновилась еще ожесточеннее, чем когда-либо.

ГЛАВА XX

В то же время американец Вильям Фильмор позвонил у подъезда графини де Валенфлер. Пройдя к Юлиану Иригойсну, он сообщил ему придуманный им план раз навсегда покончить с Майором и Фелицем Оианди. Он ему рассказал, как через Филь-ан-Катра довел до их сведения, что графиня де Валенфлер и Дениза укроются в маленьком доме на Рельи, с целью привлечь туда нападение бандитов, предполагавших, что большая часть прислуги останется в большом отеле на улице Курсель, где будто бы ждали их нападения.

Вильям Фильмор поэтому поспешил предупредить Юлиана, чтобы он немедленно отослал в дом на Рельи почти всю мужскую прислугу с приказанием тщательно там спрятаться, пока еще бандиты не успели поставить своих шпионов.

— Отлично! — сказал Юлиан. — Я немедленно же распоряжусь, а когда вы думаете перевезти туда дам?

— А среди белого дня, с маленьким количеством слуг и багажа, и, принимая какие-нибудь предосторожности, чтобы не возбудить подозрения тех шпионов, которые часа через два, наверное, будут наполнять улицу Рельи. Только не сообщайте ничего этого дамам, к чему их пугать?

— Конечно, они и так уж довольно расстроены и испуганы.

Юлиан Иригойен позвал управляющего графини и отдал ему приказания насчет переселения графини в домик на улицу Рельи и попросил узнать, может ли его принять графиня де Валенфлер, и, на утвердительный его ответ, вошел в ее будуар, в котором она сидела с Денизой и женой дона Кристобаля де Карденаса.

Несмотря на сильное потрясение от исчезновения любимой названной дочери Ванды, она была в этот день оживленнее и бодрее. Дело в том, что она только что имела долгий разговор с Люси Гордон, которая уже совсем оправилась от всего перенесенного ею страха и поведала ей всю историю своего знакомства с господином де Монрсалем. Эта чистосердечная исповедь несколько успокоила графиню, к горю которой примешивалось еще тяжелое чувство, что она доверилась девушке, недостойной быть принятой в порядочном доме. Убедившись, что Люси, которую она воспитывала с детских лет, осталась вполне достойной ее привязанности, она почувствовала облегчение.

Дамы беспркословно согласились переселиться в домик на Рельи и пошли приготовиться к отъезду.

Часа два спустя, они ехали в свое новое жилище, где их уже ожидал Бернардо, только что возвратившийся с поисков.

Дом, хотя очень невзрачный на вид, был очень просторен и весьма удобен внутри. Запущенный сад превратился с годами в настоящий парк, и графиня много гуляла по тенистым аллеям, думая о своей бедной Ванде... Уже прошло два дня с тех пор, как ожил домик на улице Рельи, но ожидаемого нападения все еще не последовало. Майор с Фелицем Оианди точно в воду канули. Между тем Бернардо и его верный друг Тахера открыли одно из многочисленных жилищ Майора, в подвале которого им удалось напасть на вход в подземелья Монтружа.

Г-н Боном, сыщик, которому известны были эти подземелья как притон всех жуликов Парижа, обратился в полицейскую префектуру, прося содействия в проведении серьезной облавы по этим подземельям, и ему дали пятьдесят полицейских агентов, с которыми он на другой день намеревался начать облаву, с целью поймать майора и освободить бедную Ванду.

Но в ту же ночь Майор совершил нападение на дом в Рельи, пытаясь похитить графиню де Валенфлер и Денизу, и тем отомстить Юлиану за все свои неудачи; но эта последняя отчаянная попытка окончилась его смертью.

Ночью, когда все спали, и Майор, с десятью сообщниками, перелезал через забор сада, а Фелиц Оианди с помощью веревочной лестницы через забор двора, Фелиц отступился, упал и в страшном испуге крикнул во все горло.

В эту минуту, точно по данному сигналу, на него бросилась огромная собака сенбернарской породы (это был Дардар Армана) и вцепился зубами в горло. Сбитые с толку, разбойники растерялись, полицейские агенты их окружили, и им пришлось постыдно сдаться. Майор, слыша шум по ту сторону дома, хотел поспешно вернуться назад, но полиция не дремала, и он оказался окруженным со всех сторон.

Понимая, что спастись ни силой, ни бегством ему не удастся, он вынул из кармана револьвер и выстрелил себе прямо в лицо. Пуля, страшно его изуродовав, проникла через левый глаз в мозг, и он, как сноп, свалился на землю.

Борьба была окончена.

Лупер оказавшийся в числе опасно раненых, согласился, по просьбе узнавшей его Люси, открыть, где спрятана Ванда. Целый отряд полицейских, с сыщиком и Бернардо во главе, поспешил ее выручить, и вскоре привезли ее к графине де Валенфлер.

Личность Майора осталась неизвестной полиции. Юлиан и Дениза, конечно, знали, что это был бывший полковник французской военной службы маркиз Жермандиа, но из уважения к графине де Валенфлер они не выдали никому этой тайны. И его похоронили вместе с Фелицм Оианди под загадочным именем Майора.

Долго еще это имя служило предметом всевозможных рассказов на посиделках в Луберии, куда перебрались на жительство герои нашего рассказа...

Люси осталась на всю жизнь у графини де Валенфлер, стараясь своей любовью и преданностью изгладить из ее памяти воспоминания о тех мучениях, которые причинила ей своей неосторожностью.

Арман женился на милой Ванде, никогда не узнавшей тайны своего рождения и тех узах, которые связывали ее с Майором.

Юлиан исполнил свое заветное желание, он занял место отца, и долго еще имя Иригойсна будет благословляться бедными жителями этот забытого уголка Пиренеев.

Валентин Гиллуа

ПОСВЯЩЕНИЕ ВАЛЕНТИНУ ГИЛЛУА

Друг мой! Эта книга, которая носит ваше имя, посвящена вам; но эти листки, посланные так далеко и неудачу, дойдут ли до вас? Я не смею льстить себя этой надеждой: наша разлука на реке Хоакин, когда вы уезжали в сопровождении вашего верного Курумиллы в ту таинственную экспедицию по Скалистым горам, из которой вы *надеялись* не воротиться, оставила в моем сердце печаль, которую время не уменьшило, а, напротив, увеличило.

Мрачное предчувствие говорило мне, что я в последний раз сжимаю ту благородную руку, которая так долго поддерживала меня во время моих опасных путешествий по пустыне! Предвидения мои оправдались, потому что я давно не получал известий от вас! Однако, если я пугался понапрасну, если мои опасения неосновательны — и дай Бог, чтобы было так! — если эта книга дойдет до вас наконец, вы увидите, друг мой, что воспоминание о вас всегда оставалось в моем сердце, и вы простите мне, что, рассказывая вашу жизнь, наполненную столь благородными, прекрасными поступками, я высказывал на каждой странице дружбу, соединявшую нас, и показал скептическим обитателям городов нашей старой Европы одну из тех избранных натур, какие может только выковать жизнь в великих американских пустынях.

Густав Эмар

ГЛАВА I

Гора Реки Ветра

Скалистые горы составляют между Калифорнией и собственно Соединенными Штатами, границу почти непроходимую; их опасные ущелья и обширные западные равнины, орошаемые реками, еще доныне почти не известны американским искателям приключений, и путешествуют по ним только неустрашимые канадские охотники.

Эти величественные горы, называемые горами реки Ветра, возвышают до небес свои белые, заснеженные вершины, которые простираются на северо-запад, до тех пор, пока не исчезают на горизонте в туманной дымке.

Горы реки Ветра самые замечательные из Скалистых гор, они образуют огромный массив в тридцать миль длины и двенадцать ширины, над которым возвышаются утесистые вершины, увенчанные вечными снегами, имеющие у своего подножия и узкие, и глубокие долины, наполненные источниками, ручейками и озерами, обрамленными скалами. Эти великолепные резервуары дали начало некоторым из тех могущественных рек, которые протекают сотни миль по живописной местности и становятся притоками Миссури, с одной стороны, Колумбии, с другой, и несут дань своих вод в два океана.

По рассказам охотников, горы реки Ветра знамениты по справедливости: ужасные ущелья и дикие места, окружающие их, служат убежищем луговым пиратам, и

много раз были театром ожесточенной борьбы белых с индейцами.

В конце июня 1854 года путешественник, на хорошей лошади и старательно закутанный в толстые складки плаща, поднятого до глаз, сжал по самой крутой покато-сти горы реки Ветра, недалеко от источника Зеленой реки, этого великого западного Колорадо, который несет свои воды в Калифорнийский залив.

Было около семи часов вечера; путешественник ехал, дрожа под ледяным ветром, который зловеще свистел в ущелье.

Он ехал, не слыша шума шагов своей лошади; иногда причудливые извилины тропинки принуждали его проезжать через чащу леса, и гигантские скелеты деревьев нависали над ним.

Путешественник продолжал путь, тревожно озираясь; лошадь его, утомленная длинной дорогой, спотыкалась на каждом шагу и, несмотря на понукания всадника, решила, по-видимому, совсем остановиться, когда на повороте тропинки вдруг вышла на обширную прогалину, где довольно сухая трава составляла окружность метров сорока в диаметре; пожелтевшая зелень резко отделялась от белого инея, окружавшего ее со всех сторон.

— Слава Богу! — закричал путешественник на прекрасном французском языке. — Вот, наконец, место, где я могу переночевать, а я уже отчаивался найти его.

Обрадованный путешественник остановил свою лошадь и сошел на землю.

Первой заботой его было заняться лошадью: он снял с нее узду и седло, и накрыл ее своим плащом, несмотря на холод который свирепствовал на этих возвышенных местах.

Лошадь начала щипать траву на прогалине. Успокоившись насчет своего товарища, путешественник стал располагаться на ночлег.

Высокий, худощавый, хорошо сложенный, с широким и высоким лбом, с умными, смелыми голубыми глазами незнакомец, казалось, давно привык к жизни в пустыне и не находил ничего необыкновенного или особенно неприятного в том положении, в котором он оказался.

Это был человек, доживший до половины жизни, на челе которого огорчения, скорее, чем усталость от опасной жизни в пустыне, провели глубокие морщины, рассыпав серебристые нити по густым белокурым волосам; его костюм, довольно изящный, представлял нечто среднее между одеждой белых охотников и золотоискателей, но легко было узнать, несмотря на загорелый цвет лица, что он был чужд этой земле и родился в Европе.

Бросив довольный взгляд на свою лошадь, которая прерывала свой обед время от времени, чтобы повернуть в его сторону свою умную голову, он перенес свое оружие и упряжь лошади к подножию скалы, представлявшей довольно ненадежное убежище против порывов ночного ветра, и начал подбирать сухие ветки, чтобы развести огонь.

Предприятие было нелегкое — найти сухих ветвей в месте, почти не имевшем деревьев, и где земля была покрыта снегом; но путешественник был терпелив — он через час собрал, наконец, довольно сухих ветвей для того, чтобы развести на всю ночь два костра. Скоро ветви затрещали и яркое пламя устремилось к небу.

— Ага! — сказал путешественник, который, как все люди, принужденные жить одиноко, взял привычку разговаривать сам с собой вслух. — Огонь хороший, теперь приготовим ужин.

Пошарив в двойных карманах, которые у охотников находятся всегда у седла, он вынул оттуда все, необходимос для умеренного ужина, то есть говядину, высушенную на солнце, и несколько маисовых лепешек.

Путешественник положив, говядину на угли приподнял голову, и остался неподвижен, открыв рот и только величайшей силой воли подавив крик удивления, а может быть, и ужаса.

Хотя никакой шум не обнаруживал присутствия живого существа, он вдруг увидел перед собой человека, который, опираясь на длинный карабин, стоял перед ним неподвижно и смотрел на него с пристальным вниманием.

Преодолев минутную растерянность, путешественник старательно разложил говядину на уголья, потом,

не спуская глаз со своего странного гостя, протянул руку к своей винтовке, говоря самым равнодушным тоном:

— Друг или враг, добро пожаловать, товарищ! Ночь холодна и если вы озябли, отогрейтесь, если вы голодны — кушайте. Когда ваши нервы успокоятся, а ваше тело обретет свою обыкновенную силу, мы откровенно объяснимся так, как должны сделать люди с честным сердцем.

Незнакомец молчал несколько секунд, потом, покачивая головой, прошептал тихим и меланхоличным голосом, как будто скорее говоря сам с собою, чем отвечая на вопрос:

— Неужели действительно находятся человеческие существа, в сердце которых еще остается сострадание?

— Испытайте, товарищ, — с живостью отвечал путешественник, — примите мое дружеское приглашение. Два человека, встречающиеся в пустыне, должны тотчас сделаться братьями, если особые причины не делают из них неумолимых врагов. Садитесь возле меня и кушайте.

Этот разговор происходил по-испански; на этом языке незнакомец говорил с легкостью, обнаруживавшей его мексиканское происхождение. Он подумал с минуту, потом решился.

— Я принимаю ваше приглашение, потому что голос ваш слишком симпатичен, а взгляд слишком чистосердечен для того, чтобы лгать.

— Ну вот и прекрасно! — сказал путешественник. — Садитесь и будем есть немало не медля, потому что, признаюсь вам, я умираю с голода.

Незнакомец печально улыбнулся и опустил на землю возле путешественника.

Оба собеседника, так странно сведенные случаем, принялись за ужин с необыкновенным аппетитом, показывавшим продолжительное воздержание.

Однако путешественник все рассматривал своего странного собеседника. Вот результат его наблюдений: общий вид незнакомца был самый жалкий: разорванная одежда едва покрывала его костлявое тело; впалые и болезненные черты казались угрюмы; глаза, лихорадочно сверкали мрачным огнем и бросали иногда магнетические лучи. Оружие его было в таком же дурном

состоянии, как оджда; в случае борьбы, этот человек, физическая сила которого, видимо, была велика, но которую ужасные лишения всякого рода давно уже ослабили, не был бы для путешественника опасным противником; однако под этой жалкой наружностью можно было угадать избранную натуру, в этом человеке было что-то великое, пробуждавшее не только сострадание, но и уважение к тайным мукам, так гордо претерпеваемым. Этот человек, прежде чем упал так низко, должен был быть велик в добре, а может быть, и во зле; но, наверное, в нем не было ничего пошлого и могучее сердце билось в его груди.

Таково было впечатление, произведенное незнакомцем на охотника, между тем как оба, не обмениваясь ни одним словом, утоляли свой голод.

Обеды и ужины охотников коротки; этот ужин продолжался не более четверти часа. Когда он кончился, путешественник подал сигарку незнакомцу.

— Вы курите? — спросил он.

При этом простом вопросе случилось странное обстоятельство, которое будет понято только теми, кто привык к табаку и долго его не употреблял. Лицо незнакомца вдруг осветилось внутренним волнением, мрачные глаза его засверкали. Схватив сигарку с нервным трепетом, он закричал голосом, которого радость передать невозможно:

— Да-да! Я когда-то курил!

Наступило довольно продолжительное молчание. Оба собеседника курили сигары молча, как бы погружившись в мысли.

Между тем над их головами дул восток, снег валил хлопьями, а эхо гор жалобно выло; ночь была ужасна. За кругом света от костра все было покрыто густой темнотой; картина, представляемая этими двумя людьми, сидящими в пустыне и странно освещенными синеватым пламенем костра и, так сказать, нависшими над пропастью, беззаботно курившими, между тем как ветер ревел вокруг них, имела что-то поразительное и странное, — что невозможно передать.

Выкурив сигару, путешественник зажег другую и сказал своему собеседнику:

— Теперь, когда лед растаял между нами, когда мы почти познакомились — потому что сидели у одного ко-

стра, ели, пили и курили вместе, — настала минута, кажется, познакомиться совсем.

Незнакомец сделал безмолвное движение и покачал головой; это движение можно было объяснить и отказом, и согласием. Путешественник продолжал с веселой улыбкой:

— Я нисколько не намерен, — сказал он, — принуждать вас открывать вашу тайну — вы свободны сохранить инкогнито, если вы хотите, я этим не оскорблюсь; однако позвольте мне подать пример откровенности, сказав вам, кто я; моя история будет непродолжительна, она будет состоять только в нескольких словах. Франция — мое отечество, я родился в Париже, которого я, без сомнения, не увижу никогда, — продолжал он с подавленным вздохом. — Причины, которые будет слишком продолжительно рассказывать вам и которые нисколько не будут для вас интересны, привели меня в Америку. Случай, а может быть, и Провидение, приведя меня в пустыню, пробудили мои инстинкты и мое стремление к свободе, сделали из меня лесного наездника; двадцать лет езжу я по лугам и, вероятно, будут ездить до тех пор, пока индейская пуля из-за какого-нибудь куста не остановит меня навсегда. Города мне противны; я до страсти люблю великие зрелища природы, которые возвышают мысли и приближают человека к его Создателю; я еще раз только вступлю в хаос цивилизация, чтобы исполнить клятву, данную на могиле друга, потом убегу в глубину самых неведомых пустынь, чтобы окончить мою карьеру, отныне бесполезную, вдали от людей, страсти и низкая ненависть которых отняли у меня ту ничтожную долю счастья, которой я имел право домогаться. Теперь, товарищ, вы меня знаете так же хорошо, как я сам себя знаю; я только прибавлю, что белые мои соотечественники называют меня Валентином Гиллуа, а краснокожие — Кутунепи, то есть храбрым; я считаю себя настолько добрым и настолько храбрым, как только может быть человек при своей несовершенной организации; я никогда с намерением не делал зла и оказывал услугу своим ближним так часто, как только мог, не ожидая от них благодарности.

Речь, начатая охотником голосом звучным и тем беззаботным тоном, который был ему свойствен, окончилась

против его воли, под приливом горестных воспоминаний, голосом тихим и невнятным; окончив, он печально опустил голову на грудь со вздохом, походившим на рыдание.

Незнакомец смотрел на него несколько минут с выражением кроткого сострадания.

— Вы страдали, — сказал он, — страдали в любви, страдали в дружбе; ваша история похожа на историю всех людей: в этом мире кто из нас не чувствовал, как слабеет его мужество под тяжестью горестей? Вы один, без друзей, оставленный всеми, добровольный изгнанник, вдали от людей, которые внушают вам только ненависть и презрение, вы предпочитаете общество хищных зверей, менее свирепых, чем люди; но по крайней мере вы живете, между тем как я — мертв!

Охотник выпрямился с живостью и с удивлением посмотрел на своего собеседника.

— Вы считаете меня сумасшедшим, не так ли? — продолжал тот со странной улыбкой. — Успокойтесь, я в полном рассудке; голова моя холодна, мысли ясны, но, повторяю вам, я умер, умер для моих родственников, для моих друзей, умер для целого света и осужден вечно вести эту жалкую жизнь. История моя очень странна и вы знали бы ее, если бы вы были мексиканец или путешествовали в некоторых мексиканских областях.

— Я вам сказал, что я уже более двадцать лет объезжаю Америку по всем возможным направлениям, — отвечал охотник, любопытство которого пробудилось в высшей степени. — Можете ли вы сказать мне, что это значит?

— Я могу сказать вам мое имя, которое приобрело некоторую известность, но я сомневаюсь, слышали ли вы его.

— Как же вас зовут?

— Меня звали Марсьяль Тигреро.

— Вас! — закричал охотник с величайшим удивлением. — Это невозможно!

— Конечно, потому что я умер, — отвечал незнакомец с горечью.

Живой мертвец

Тигреро опустил голову на грудь и погрузился в мрачно размышление.

Охотник, смущенный оборотом, который принял этот разговор, и желая возобновить его, машинально поправлял огонь своим кинжалом, между тем как глаза его блуждали вокруг и устремлялись иногда на собеседника с выражением глубокого сочувствия.

— Послушайте, — сказал он через минуту, толкнув ногой в костер несколько угольев, подкатившихся к нему, — извините, сеньор, если мое восклицание показалось вам обидным, вы не так поняли мои слова; хотя мы никогда не видались, мы не так чужды друг другу, как вы предполагаете — я давно уже вас знаю.

Тигреро медленно поднял голову и посмотрел на охотника с недоверчивым видом.

— Вы? — удивился он.

— Да, я, кабальеро, и мне нетрудно будет дать вам доказательства.

— К чему? — прошептал дон Марсьяль. — Какой интерес может быть для меня в том, знаете ли вы меня или нет?

— Любезный сеньор, — возразил француз, несколько раз качая головой, — ничего не бывает на этом свете случайного. Поверьте мне, разум, выше нашего, управляет всем на земле, и если судьба позволила нам встретиться таким странным и неожиданным образом, то, стало быть, Провидение имеет относительно нас на-

мерения, в которые проникнуть мы не можем; не будем же возмущаться против Божьей воли: как Он решил, так и будет. Кто знает, может быть, я без моего ведома послан к вам затем, чтобы принести вам высокое утешение или доставить средства исполнить мщение, давно замышляемое и которое вы считаете невозможным в эту минуту.

— Повторяю вам, сеньор, — отвечал Тигреро, — ваши слова показывают человека мужественного и с сердцем. Я невольно чувствую к вам влечение, мне кажется, также, как и вам, что эта встреча не случайная, после стольких одиноких и горестных дней встреча с человеком вашего характера не может быть *случайною*. Убеденный в своей бессилии выйти из ужасного положения, доведшего меня до отчаяния, я почти решился на самоубийство. Благородная рука, которую вы протягиваете мне, должна быть рукою друга. Расспрашивайте же меня без опасения, я буду отвечать вам со всей откровенностью.

— Благодарю за эти слова, — сказал охотник с волнением, — они доказывают, что мы начинаем понимать друг друга. Скоро, я надеюсь, между нами не будет тайн; но я должен сказать вам прежде всего, каким образом я знаю вас давно, хотя вы этого не подозревали.

— Говорите, сеньор, я вас слушаю с самым серьезным вниманием.

Валентин собирался с мыслями несколько секунд, потом заговорил:

— Несколько месяцев тому назад, вследствие обстоятельств, которые бесполезно вам напоминать, но о которых вы, без сомнения, помните, вы встретили во французской колонии Гецалли француза и канадского охотника, с которыми впоследствии находились в отношениях довольно коротких.

— Действительно, — отвечал Тигреро с нервным трепетом, — этот француз, о котором вы говорите, граф де Пребуа-Крансе. О! Никогда не буду я в состоянии заплатить ему долг признательности за услуги, которые он оказал мне.

Печальная улыбка пробежала по бледным губам охотника.

— Вы ничем уже не обязаны ему, — сказал он, меланхолически качая головой.

— Что вы хотите сказать? — с живостью вскричал Тигреро. — Граф не умер, я надеюсь?

— Он умер, кабальеро, он убит на гваймасском берегу; палачи положили его в окровавленную могилу; его благородная кровь, вероломно пролитая, вопиет о мщении к небу. Но, терпение! Господь не допустит, чтобы такое страшное преступление было не наказано.

Охотник отер слезы, которые не мог удержать, говоря о графе, и продолжал голосом, прерывавшимся от внутреннего волнения:

— Оставим пока это печальное воспоминание в глубине наших сердец. Граф был мой друг, мой друг самый драгоценный, более, чем брат; он часто говорил мне о вас, несколько раз рассказывал он мне вашу странную историю, историю мрачную и ужасную, кончившуюся страшной катастрофой.

— Да-да, — прошептал Тигреро, — катастрофой действительно страшной. Я был бы рад найти смерть в бездне, в которую я скатился во время моей борьбы с Черным Медведем, чтобы спасти ту, которую я любил*. Господь решил иначе — да будет благословенно Его святое имя!

— Аминь! — сказал охотник, печально отвернувшись.

— О! — продолжал дон Марсьяль через минуту. — Я чувствую, как мои воспоминания возвращаются ко мне толпою; мне кажется, что покрывало, закрывавшее мою память, разорвалось, чтобы напомнить происшествия, уже отдаленные от меня, но оставившие в уме моем следы глубокие. Я также теперь вас узнаю: вы тот французский охотник, которого граф старался отыскать в пустыне, но он называл вас не такими именами, которые вы сказали мне.

— Действительно, — отвечал Валентин, — он, без сомнения, называл меня *Искателем Следов* — так обыкновенно называют меня белые охотники и индейцы Далекого Запада.

— Да, теперь я вспоминаю; он действительно так называл вас; вы были правы, когда говорили мне, что мы давно знаем друг друга, хотя никогда не видались.

— Теперь, когда мы встретились в этой пустыне, — сказал охотник, протягивая руку мексиканцу, — связан-

* «Анита». Собрание иностранных ром.анов, 1862, январь, февраль, март.

ные воспоминанием о друге, уже несуществующем, хотите быть моим другом?

— Нет не другом, — с жаром вскричал Тигреро, крепко пожимая руку охотника, — нет, не другом, а братом.

— Да, будем братьями, — отвечал охотник. — Теперь, когда мы убедились, что любопытство не участвовало в моем желании узнать, что с вами случилось с той минуты, как вы так неожиданно расстались с вашими друзьями, говорите дон Марсьяль, я вас слушаю; потом я расскажу вам в свою очередь, какие причины привели меня в эти места.

Тигреро собирался с мыслями несколько минут, потом начал свой рассказ:

— Мои друзья должны были считать меня мертвым; я не сержусь на них за то, что они бросили меня, хотя, может быть, они слишком скоро сделали это, не постаравшись отыскать мое тело, чтобы удостовериться — действительно ли умер я и что всякая помощь бесполезна для меня; но так как я не знаю, что было в пещере, после моего падения — трупы, оставленные на поле битвы, доказали мне после, что сражение было жестоко, может быть, они принуждены были бежать от индейцев, словом, повторяю: я не обвиняю их. Вы знаете, что на меня напал Черный Медведь в ту минуту, когда я думал, что успел спасти тех, кого поклялся защитить. На самом краю бездны Черный Медведь и я обвилились, как две змси, и завязали решительную борьбу; в ту минуту, когда мне удалось сладить с отчаянными усилиями моего врага, когда я уже подымал руку, чтобы перерезать ему горло, военный крик команчей вдруг раздался у входа в пещеру, главарь апачей успел вырваться у меня и устремился к донне Анитс, без сомнения, решившись — так как по милости неожиданной помощи, подоспевшей к нам, мщение его не могло совершиться — бежать, похитив молодую девушку; но та оттолкнула его с той силой, которую придает отчаяние, и искала защиты возле отца. Уже опасно раненный двумя выстрелами, Черный Медведь отступил на край бездны и потерял равновесие. Он чувствовал, что падает, тогда, инстинктивно, а может быть, и по последнему чувству бешенства, он протянул руки, чтоб удержаться, уцепился за меня, приподымавшегося и еще оглушенного борьбой, заставил меня пошатнуться, и

мы оба скатились в бездну, он с хохотом торжества, а я с криком отчаяния. Простите, что я так подробно рассказываю вам последнюю развязку этой битвы, но я принужден входить в эти подробности, чтобы дать вам понять по какой счастливой случайности я был спасен, когда считал себя погибшим безвозвратно.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал охотник, — я вас слушаю с величайшим вниманием.

Дон Марсьяль продолжал:

— Индеец был ранен очень опасно, его последнее усилие, в которое он вложил всю оставшуюся у него силу, стоило ему жизни: меня увлекал труп, потому что в несколько секунд, в которые продолжалось наше падение, он не сделал ни одного движения. Бездна была не так глубока, как я предполагал: в ней было сдва футов двадцать пять; склоны были устланы растениями и травами, которые не допустили вертикального падения. Черный Медведь первым упал на дно, а я упал на него; его тело смягчило мое падение, которое, однако, было так сильно, что я лишился чувств. Сколько времени оставался я в таком состоянии — не знаю, но, по расчету, сделанному мной после, мой обморок продолжался по крайней мере два часа. Пришел в себя я от холода, вдруг охватившего меня. Я раскрыл глаза: я находился в совершенной темноте. В первую минуту мне невозможно было отдать себе отчет, в каком положении я находился и как очутился тут; однако память мало-помалу ворочилась ко мне, равновесие восстановилось в моем уме; мысли мои сделались яснее, я стал думать о том, как бы выбраться поскорее из бездны, в которую упал. Я ужасно страдал; я не был ранен, но сильно ушибся во время падения, малейшее движение причиняло во мне сильную боль. Я должен был терпеливо перенести все страдания: карабкаться по стенам ущелья, когда силы мои истощились, было бы безумством, я решил ждать. Я находился в совершенной темноте, но это меня несколько не тревожило: со мной было все необходимое, чтобы добыть огонь. Я осмотрелся вокруг: я лежал на дне бездны суживавшейся сверху вниз, ноги почти до колен были в воде подземного источника, а тело лежало на трупе индейского вождя. Я зажег факел и увидел, что склоны ущелья, покрыты растениями и довольно густым хворостом, шли отлого и

что по ним нетрудно будет вскарабкаться, когда мои силы достаточно окрепнут. В эту же минуту нечего было об этом и думать. Я покорился обстоятельствам, и хотя мое беспокойство насчет друзей, оставленных мною в пещере, было очень велико, решил ждать несколько часов, прежде чем предприму свое спасение. Таким образом, я оставался около двадцати часов в бездне, наедине с трупом моего врага. Много раз во время моих поездок по пустыне я находился в положении почти отчаянном, но никогда не был до такой степени предоставлен самому себе. Однако, как ни печально было мое положение, я не унывал. Несмотря на ужасную боль, я удостоверился, что физически нахожусь в удовлетворительном состоянии, и что надо только вооружиться терпением. Когда я почувствовал, что силы ко мне возвратились, я зажег два факела и воткнул их на дне бездны, чтобы мне было светло выбирать дорогу, перебросил через плечо винтовку, которая покатилась за мной в бездну, взял кинжал в зубы и с отчаянным усилием, уцепившись за хвост, начал подниматься. Я не скажу вам ничего о затруднениях, которые мне пришлось победить, об ужасных усилиях, с какими я принуждал мое тело, разбитое при падении, преодолеть почти непреодолимые препятствия, довольно вам знать, что я добрался до выхода из бездны через полтора часа, и в это время я истратил энергию, какую только может придать человеку надежда спастись. Когда я добрался до пещеры, то оставался почти полчаса распростертым на песке, едва переводя дух от утомления, не способный сделать ни малейшего движения; я едва дышал, ничего не слышал, ничего не видел, даже не сознавал то ужасное положение, в котором я находился. К счастью для меня, это болезненное оцепинение продолжалось недолго.

Земля около меня была усеяна трупами: без сомнения, борьба между белыми и краснокожими была ужасной. Напрасно отыскивал я тело донны Аниты и ее отца; я вздохнул свободно, надежда воротилась в мое сердце: стало быть, моя жертва не была бесплодна — те, для которых я пожертвовал собой, были живы, спасены, я увижу их.

Эта мысль придала мне мужества, я нашел себя совсем другим человеком. Я встал без большого труда и,

опираясь на винтовку, отправился к входу пещеры, взяв с собою съестные припасы и порох, спрятанные мной прежде, и которые, без сомнения, друзья мои и не подумали взять с собой в спешке своего побега.

Никакие слова не сумеют передать мое волнение когда, после продолжительных блужданий по гроту, я наконец дошел до берегов реки и увидел солнце; надо было находиться в таком отчаянном положении, в каком был я, чтобы понять крик или скорее рев радости, вырвавшийся из моей стесненной груди, когда я увидел благодетельное светило, вдохнул душистый воздух степей; я упал на колени и, благоговейно сложив руки, молился Тому, Кто спас меня. Эту трогательную молитву, эту наивную благодарность признательного сердца, наверное отнес на небо мой ангел-хранитель.

Насколько я мог удостовериться по высоте солнца, было около двух часов пополудни. Полная тишина царствовала вокруг меня; степь была пуста — индейцы и бледнолицые исчезли; я был один, один с Богом, Который спас меня таким чудесным образом и Который не оставит меня.

Прежде чем идти далее, я подкрепился пищей, которая была необходима для моих истощенных сил. Когда прежде я искал убежища в пещере вместе с доном Сильвой Торресом и его дочерью, я спрятал наших лошадей в лесу, со всем остававшимся у нас фуражом, в прогалине, находившейся недалеко; я знал хорошо инстинкт этих благородных животных и не опасался, что они убежали, напротив, я знал, что если охотники не увели их, то отыщу их на том самом месте, где оставил. Лошадь была мне необходима: пеший человек погибнет в пустыне; я решился идти отыскивать лошадей. Отдохнув и чувствуя, что силы почти восстановлены, я, не колеблясь, отправился к лесу. В ответ на мой зов, я услышал довольно сильный шум в кустах, и лошадь моя явилась, я с избытком отплатил товарищу моих отважных странствований за его верность, и вернулся в пещеру, где находилась сбруя лошади.

Через час на моей доброй лошади я отправился в путь. Он был продолжителен, так как я был еще слаб. Когда я приехал в Сонору, ужасное известие чуть не

лишило меня рассудка: дон Сильва Торрес был убит в битве с апачами, вероятно, также и дочь его, об участи которой никто не мог сказать мне ничего. Целый месяц я находился между жизнью и смертью, но Господь, в Своей мудрости определил, что я спасусь и на этот раз.

Когда я выздоравливал, я дотащился до дома человека, который один мог дать мне сведения точные и достоверные о том, что я хотел знать; человек этот не захотел узнать меня, хотя я давно имел с ним тесные сношения; когда я назвал себя, он расхохотался мне в лицо, и когда я настаивал — велел прогнать меня, говоря, что я сумасшедший, что Марсьяль Тигреро умер, а я, самозванец. Я удалился с бешенством и с отчаянием в сердце.

Друзья мои как будто все сговорились и не хотели узнавать меня; они поверили слуху о моей смерти. Все усилия мои, чтобы уничтожить это заблуждение, были тщетны, слишком много людей было заинтересовано в этом вопросе по причине моего богатства, и также, я полагаю, они опасались прогневать человека, к которому я обращался, единственному родственнику из фамилии Торрес, которая, по своему общественному положению, пользуется огромным влиянием в Сонорсе. Что сказать вам еще, друг мой? С сердцем, разбитым горем, видя бесполезность усилий добиться, что-либо от тех, с кем я имел дело, я оставил город, сел на лошадь и вернулся в пустыню, отыскивая самые неизвестные места, чтобы скрыть мое отчаяние и умереть, когда Бог определит, что я страдал довольно, и призовет меня к себе.

После этих слов Тигреро замолчал и с унынием опустил голову на грудь.

— Брат, — кротко сказал ему Валентин, слегка дотронувшись до руки его, чтобы привлечь его внимание, — вы забыли назвать мне имя человека, который велел вас выгнать и назвал самозванцем.

— Это правда, — отвечал дон Марсьяль, — его зовут дон Себастьян Герреро, он военный губернатор Сонорской провинции.

Охотник с живостью приподнялся и вскрикнул от радости:

— Дон Марсьяль! Благодарите Бога, определившего нам встретиться в эти горах для того, чтобы наказание этого человека было полнее.

Договор

Дон Марсьяль с удивлением посмотрел на охотника.

— Что хотите вы сказать? — спросил он. — Я вас не понимаю.

— Скоро поймете, друг мой, — отвечал Валентин. — Как давно странствуете вы в этих местах?

— Около двух месяцев.

— Стало быть, вы знаете эти горы, среди которых мы находимся в эту минуту?

— Нет ни одного дерева, ни одной скалы, которых точное расположение я не мог бы определить, нет ни одной тропинки, по которой я не проехал бы.

— Очень хорошо. Далеко мы от места, называемого крепостью Чичимск?

Тигреро подумал с минуту.

— Вы знаете, какие индейцы живут в этих горах? — спросил он.

— Да, жалкие бедняки, которые называют себя едоками корней, а охотники называют их *достойными сожаления*; кажется, это робкие, боязливые, не опасные существа, у которых скотские инстинкты заглушили разум; впрочем, я говорю вам по слухам, потому что я никогда не видал этих бедняг.

— Вам сказали совершенную правду о них: они действительно таковы, какими вы их описываете. Я часто встречал их и сожалел о той степени унижения, в которое впало это несчастное племя.

— Позвольте мне заметить, что я не вижу никакой связи между этим униженным народом и сведениями, о которых я вас спрашиваю.

— Связь самая прямая: с тех пор как я езжу по этим горам, вы первый белый, с которым я согласился вступить в сношения; у этих же индейцев нет ни историй, ни преданий, жизнь их ограничивается едой, питьем и сном. Я не мог узнать от них названия величественных гор, окружающих нас. Вероятно, я знаю то место, о котором вы говорите, но если вы не опишете его мне, то я не могу по одному названию определить вам его точное положение.

— Однако то, что вы у меня спрашиваете, очень важно для меня. Я в первый раз в этих местах, мне будет довольно трудно дать вам положительные сведения о месте, которого я не знаю, однако попробую. Недалеко отсюда есть дорога, проходящая косвенно через Скалистые горы, из Соединенных Штатов Америки, эта дорога ведет в Санта-Фе, в одном месте она перекрещивается другой дорогой, идущей из Калифорнии.

— Я знаю дороги, о которых вы говорите, караваны эмигрантов, золотоискателей и охотников сзывают по ним или в Калифорнию, или оттуда.

— Хорошо. На том самом месте, где скрещиваются обе дороги, они составляют перекресток довольно обширный, окруженный со всех сторон скалами довольно высокими. Вы знаете этот перекресток?

— Знаю, — отвечал Тигеро.

— Ну, на расстоянии двух ружейных выстрелов от этого перекрестка открывается тропинка, извиляющаяся по склонам гор по направлению к юго-востоку; эта тропинка, сначала узкая, так что лошадь с трудом по ней проходит, незаметно расширяясь, доводит до эспланады, или террасы, на краю которой еще существуют остатки грубых построек, в которых легко, однако, узнать бывший парапет; эту-то террасу называют крепость Чичимек, по какой причине — я не знаю.

— Я также не знаю, хотя могу вас уверить, что знаю место, о котором вы говорите, я часто останавливался на нем в бурные ночи, там есть довольно глубокий грот, вырытый в скале и разделенный на несколько отделений — я знаю все их извороты, этот грот служил мне убежищем в ужасные бури, свирепствующие в этих местах.

— Я не знал о существовании этого грота, — обрадовался охотник, — благодарю вас, что вы мне сказали об этом, этот грот будет очень полезен для моих планов. Далеко мы от этой эспланады?

— Прямым путем будет миль шесть. Днсм я мог бы показать вам эту эспланаду отсюда, но так как нам придется ехать в объезд, чтобы добраться до той дороги, по которой ездят караваны и по которой мы отправились к этому перекрестку, то нам предстоят почти три часа езды.

— Это безделица! А я боялся, что заблудился в этих неизвестных мне горах; я рад, что старая опытность не изменила мне и на этот раз, и инстинкт охотника не обманул меня.

Говоря таким образом, француз встал осмотреть прогалину. Гроза прскратилась, ветер прогнал облака, синее небо было усыпано блестящими звездами, луна пролила свой беловатый свет, придававший пейзажу фантастический вид.

— Великолепная ночь! — сказал охотник некоторое время внимательно рассматривая небо. — Час пополудни, а я не чувствую ни малейшей охоты спать. Вы устали?

— Я никогда не устаю, — улыбаясь, отвечал Тигреро.

— Хорошо, стало быть, вы такой же лесной наездник, как и я. Что вы думаете о прогулке при этом великолепном лунном сиянии?

— Я думаю, что после хорошего ужина и интересного разговора, ничто не восстанавливает равновесие в мыслях так, как ночная прогулка с человеком, которого любим.

— Bravo! Вот прекрасные слова. А так как всякая прогулка должна иметь цель, мы подем в крепость Чичимек.

— Я хотел вам предложить это, а дорогой вы мне скажете, какая причина принудила вас приехать в эти неизвестные места и на какой план вы намекали.

— Я не могу исполнить вашего желания, — отвечал охотник с лукавой улыбкой, — по крайней мере теперь, я хочу предоставить вам удовольствие неожиданности, но успокойтесь, я недолго буду испытывать ваше терпение.

— Действуйте как хотите, я совершенно полагаюсь на вас. Я не знаю почему, но уверен, по предчувствию или по симпатии, что, устраивая свои дела, вы устроите и мои в то же время.

— Вы, может быть, ближе к истине, чем думаете сами. Итак, мужайтесь, брат!

— Сегодняшняя счастливая встреча сделала из меня совсем другого человека, — сказал Тигреро, вставая.

Охотник положил ему руку на плечо.

— Позвольте минуту, — сказал он, — прежде чем мы выедем отсюда, где мы так счастливо встретились, условимся, что нам делать, чтобы впредь не случилось какого-либо недоразумения.

— Хорошо, — отвечал дон Марсьяль, — составим договор по индейскому обычаю, и горе тому из нас, кто изменит ему.

— Прекрасно сказано, друг! Вот мой кинжал, брат, пусть он служит вам, как он служил мне, отмщать за ваши обиды и за мои.

— Принимаю его перед лицом неба, которое беру в свидетели чистоты моих намерений, и примите мой в замену, возьмите половину моего пороха и моих пуль, брат.

— Принимаю. Вот половина моих снарядов, мы не можем в будущем стрелять друг в друга. Все между нами общее: ваши друзья будут моими друзьями, вы назовете мне ваших врагов для того, чтоб я помог вам отомстить. Лошадь моя принадлежит вам.

— Моя принадлежит вам, через несколько минут я отдам ее вам.

Потом оба друга ударили рука об руку, устремив глаза к небу и протянув правую руку вперед, произнесли следующие слова:

— Беру Бога в свидетели, что без тайной мысли выбираю другом и братом человека, рука которого сжимает в эту минуту мою руку, я буду помогать ему во всем, о чем он будет просить меня, не надеясь на награду; готов днем и ночью отвечать на его первый сигнал, без раздумий и без упрека, если бы даже он потребовал моей жизни; даю эту клятву в присутствии Бога, который меня видит и слышит, да поможет Он мне во всем, что я стану предпринимать, и накажет, если я не сдержу своей клятвы.

Было что-то величественное и торжественное в этом простом поступке двух людей, столь энергически организованных, при бледных лучах луны, в этой пустыне, вдали от всякого человеческого общества, лицом к лицу с Богом, которые верили друг другу и как будто вызывали на бой все общество.

Когда они произнесли клятву, он поцеловали друг друга в губы, пожали друг другу руки, и Валентин сказал:

— Тсперь поедем, брат, я верю вам, как себе; мы успеем восторжествовать над нашими врагами и ввести их в то отчаяние, в которое они ввели нас.

— Подождите мсня минут десять, брат, моя лошадь спрятана недалско отсюда.

— Ступайте, а я в это врмя оссдаю свою лошадь, которая теперь принадлежит вам.

Дон Марсьяль удалился большими шагами, Валснтин остался.

— На этот раз, — прошептал он, — кажется, наконец с встретил человека, которого давно ищу и уже отчаивался найти: с ним, с Курумиллой и Вессельчаком я могу начать борьбу; я уверен, что он не бросит меня и не выдаст врагу, которого я хочу победить.

По своей привычке, охотник произнес этот монолог вслух и быстро седлал свою лошадь.

Тигреро скоро въехал в прогалину на великолепном вороном коне.

— Вот ваша лошадь, друг мой, — сказал он, сходя на зсмлю.

— А вот ваша, — отвечал Валентин.

Размен был сделан, оба друга сели в седла и уехали из того места, где встретились таким странным образом.

Тигреро не солгал, когда сказал, что в нем совершилась перемена и что он сделался совсем другим человеком; его черты потеряли свою мраморную неподвижность, глаза оживились и не горели уже мрачным, сосредоточенным огнем; и хотя взор его был еще несколько свиреп, выражение, однако, все-таки сделалось несколько доброжелательнее; он сидел в седле твердо и прямо — словом он помолодел на десять лет.

Эта неожиданная перемена не скрылась от пронизательного взгляда француза, он внутренне поздравлял се-

бя, что был причиной нравственного выздоровления и спас такого неординарного человека от отчаяния.

Мы сказали, что ночь была великолепна. Такие люди, как наши действующие лица, привыкли ездить по пустыне во всякое время, эта ночная поездка была скорее отдыхом для них; они ехали рядом и разговаривали между собою о постороннем, об охоте, об экспедиции против индейцев — предмет разговора, всегда очень приятный для лесных наездников, и быстро подвигались к тому месту, которого хотели достигнуть.

— Я должен предупредить вас, друг мой, — вдруг сказал Валентин, — что если мы действительно едем по дороге к крепости Чичимек, то мы встретим там, вероятно, несколько человек: это мои друзья, которым я назначил там свидание и которых я вам представлю; по причинам, которые вы скоро узнаете, эти друзья поехали не по одной дороге со мной и по всей вероятности уже ждут меня в назначенном месте.

— Мне все равно, кто бы ни находился там, и если это действительно ваши друзья, главное состоит в том, чтобы мы не ошиблись насчет пути, — сказал Тигреро.

— Признаюсь, я не способен решить этот вопрос: я в первый раз отважился пуститься в Скалистые горы, куда надеюсь никогда более не возвращаться. Итак, я отдаю себя совершенно в ваше распоряжение.

— Я постараюсь всеми силами, но не могу ручаться, что точно приведу вас в то место, куда вы желаете попасть.

— Ба! — улыбаясь, сказал охотник. — Два места, похожие на то, которое я вам описал, нечасто должны встречаться в этих окрестностях, как они ни живописны, и заблудиться уж точно было бы несчастьем.

— Впрочем, мы скоро узнаем, — сказал Тигреро, — потому что мы приедем через полчаса.

Звезды начинали бледнеть, горизонт стал принимать перламутровый оттенок, предметы прояснились.

Уже несколько минут, как авантюристы проехали перекресток и въехали на тропинку довольно узкую, причудливые извилины которой шли по бокам скал, нависших над страшными безднами; всадники перестали управлять лошадьми и положились на их инстинкт. Эта предосторожность очень благоразумна и все путешественники должны пользоваться ею.

Вдруг поток света блеснул на горизонте и осветил пейзаж; взошло солнце, лучезарное и великолепное; позади путешественников оставался еще последний мрак ночи, а перед ними светлый день заставлял блистать вершины гор.

— Наконец, — закричал охотник, — нам теперь светло, я надеюсь, мы скоро увидим крепость Чичимек.

— Посмотрите прямо перед вами через зубчатую вершину этой горы, — отвечал Тигреро, протянув руку, — вот эспланада, к которой я вас веду.

Охотник остановился, у него закружилась голова. Непроходимая пропасть отделяла его от огромной эспланады. Подножие горы обрушилось от землетрясений, столь частых в этих местах, а вершина осталась в целости и значительно возвышалась над долиной, паря над ней по какому-то непонятному равновесию. Это зрелище было и величественно, и страшно.

— Прости Господи! — прошептал охотник. — Кажется, я испугался, невольно все мои мускулы затрепетали... Уф! Не хочу болсе смотреть, поедетс дальше, друг мой.

Они все ехали по извилинам тропинки и через полчаса, наконец, въехали на эспланаду.

— Именно здесь! — вскричал охотник, показывая остатки вчерашнего костра.

— Но ваши друзья? — спросил Тигреро.

— Ведь вы сказали, что здесь недалеко есть грот?

— Точно.

— Они, верно, спрятались туда, услышав топот наших лошадей.

— Может быть.

— Посмотрите!

Охотник выстрелил из своего ружья.

При звуке выстрела явились три человека, хотя невозможно было угадать откуда они пришли.

Эти трое были: Весельчак, Черный Лось и Орлиная Голова.

Путешественники

Теперь нам надо оставить Валентина Гиллуа и его товарищей на эспланаде крепости Чичимек, куда мы скоро к ним вернемся, и поговорить о других лицах, долженствующих играть важную роль в нашем рассказе.

Миль за шесть от того места, где встретились Валентин Гиллуа и Тигреро, караван из десяти человек остановился в ту же ночь и почти в ту же минуту, как и охотник, в узкой долине, совершенно укрытой от ветра густым кустарником.

Этот караван удобно расположился на берегу прозрачного ручейка; с лошаков сняли багаж, поставили палатку, развели огонь и начали готовить ужин.

Один из этих путешественников принадлежал, по-видимому, к высшему обществу, а другие были индейские пеоны или слуги.

Хотя костюм этого путешественника был самый простой, надменность его обращения, его величественная походка выдавали человека, давно привыкшего властвовать и не допускавшего ни отказа, ни даже малейшей нерешительности.

Ему было уже за пятьдесят; роста он был высокого, строен, все движения исполнены чрезвычайного изящества. Широкий лоб, черные блестящие и открытые глаза, длинные усы с проседью и волосы, стриженные под гребенку, выдавали в нем военного, что еще подтверждалось его резким и отрывистым разговором. Хотя он

выказывал довольно любезное обращение, однако невольно изменял себе, и легко было узнать, что скромный костюм мексиканского золотоискателя было ничто иное как маскарад.

Вместо того чтобы удалиться в палатку приготовленную для него, человек этот сел у огня вместе с пеонами, которые поспешили дать ему место с нескрываемым почтением.

Между пеонами два человека особенно привлекали внимание: один был краснокожий, другой метис, с умным взглядом, насмешливой улыбкой и раболопным обращением, который по каким-то причинам пользовался расположением своего господина; товарищи называли его Карнеро, а иногда капатац.

Карнеро был остряк в караване, он всегда был готов смеяться и шутить, вечно курил сигару и отчаянно брнчал на гитаре; но под этой легкомысленной наружностью он скрывал характер более серьезный и мысли более глубокие, нежели хотел показать.

Краснокожий составлял с капатацем самый полный контраст; это был длинный сухой, худощавый человек, с угловатыми чертами, с мрачным и печальным лицом, с черными глазами, глубоко запавшими, вечно находившимися в движении и с выражением неуловимым; большой рот с зубами широкими и белыми, как миндалины; тонкие, сжатые губы составляли физиономию не очень симпатичную и казавшуюся еще более злойшей при неразговорчивости этого человека, который говорил только в самых необходимых случаях и то односложно; о возрасте его трудно было составить какое-нибудь мнение, как вообще о возрасте всех индейцев, потому что волосы его были черны, как вороново крыло, а кожа на лице не имела ни одной морщинки; впрочем, он казался одаренным необыкновенной силой.

Он нанялся в Санта-Фе в проводники каравану и, если не принимать во внимание его упорного молчания, его можно было только хвалить за ловкость, с какой он исполнял свою обязанность.

Пеоны называли его индейцем, а иногда Хозе — насмешливое прозвище, которым в Мексике называют мирных индейцев; но краснокожий казался столь же нечувствителен к похвалам, как и к насмешкам.

Когда ужин кончился, каждый зажег трубку или сигарку, и господин обратился к капатацу:

— Карнеро, хотя в такую ужасную погоду и в таких уединенных местах нам нечего опасаться конокрадов, однако поставьте все-таки часовых, осторожность не помешает.

— Я назначил двух человек, — отвечал капатац, — притом я намерен делать объезды ночью. Эй, Хозе, — обратился он к индейцу, — ты уверен, что не ошибся? Ты точно видел след?

Краснокожий презрительно пожал плечами и продолжал бесстрастно курить.

— Знаешь ли, кому принадлежат открытые тобой следы? — спросил его господин.

Индеец сделал утвердительный знак.

— Эти люди опасны?

— Это Вороны! — глухо отвечал краснокожий.

— Если это Вороны, то нам следует остерегаться, — вскричал господин, — это самые хитрые грабители в Скалистых горах!

— Ба! — отвечал Карнеро с презрительным смехом. — Не верьте этому человеку, он хочет похвастаться. Эти индейцы лгут, как старые бабы.

Глаза индейца вдруг оживились и зловеще сверкнули; ничего не отвечая, он вынул из-за пазухи мокасин и так ловко швырнул его в капатаца, что попал ему прямо в лицо.

Метис вскрикнул от ярости и бросился на индейца с ножом.

Но тот не терял его из вида; легким движением он избегнул отчаянного нападения капатаца и, схватив его за пояс, поднял легко, как ребенка, и швырнул в самую середину огня, где капатац метался с минуту с криками боли и бессильного гнева.

Когда наконец он выбрался из костра с ожогами, то не думал возобновлять нападения, но сел, глухо ворча, и бросая зловещие взгляды на своего противника.

Господин смотрел с самым полным равнодушием на эту схватку, только поднял мокасин и внимательно рассмотрел его.

— Индеец прав, — сказал он холодно, — на этом мокасине метка Воронов. Мой бедный Карнеро! Наказание, было жестоко, однако я принужден сознаться, что ты заслужил его.

Краснокожий опять принялся курить так спокойно, как будто не случилось ничего.

— Он поплатится за это, — глухо отвечал капатац на замечание своего господина, — не буду я мужчиной, если не отдам его на пищу этим Воронам, следы которых он находит так хорошо.

— Мой бедный Карнеро, — сказал с насмешкой господин, — забудьте это дело, неприятное для вашего самодлюбия, я думаю, что вы ничего не выиграете, если затеете новую ссору.

Капатац не отвечал, он обвел взглядом всех присутствовавших, выбирая, на ком бы сорвать свой гнев без большого риска, но пеоны остерегались подать ему повод, все были серьезны. Тогда он встал с досадой, сделал знак двум пеонам следовать за ним и удалился, ворча.

Начальник каравана несколько минут оставался погружен в размышления, потом ушел в свою палатку; мало-помалу пеоны растянулись на земле ногами к огню, старательно закутались в свои плащи и заснули.

Индеец вынул тогда трубку изо рта, осмотрелся вокруг, заткнул трубку за пояс, встал с небрежным видом и пошел медленными шагами под дерево, лег и совершенно закутался в бизонью шкуру; эта предосторожность была необходима — предстояла холодная ночь.

Скоро, кроме часовых, опиравшихся на ружья и неподвижных, как статуи, все путешественники были погружены в глубокий сон, потому что сам капатац, несмотря на обещание, данное своему господину, лег у входа в палатку.

Прошел целый час и ничто не нарушило тишины, царствовавшей в стане.

Вдруг произошло странное обстоятельство: шкура, которой прикрывался индеец, медленно приподнялась, и явилось лицо краснокожего, бросавшего огненные взгляды в темноте. Через минуту проводник медленно встал и прислонился к стволу дерева, у подножия которого он лежал, потом ухватился за ствол руками и ногами и приподнялся таким образом до первых ветвей, среди которых исчез.

Это было исполнено так ловко, что не произвело ни малейшего шума; притом шкура под деревом так хорошо сохранила первоначальные складки, что нельзя было, не прикоснувшись к ней, заметить, что никого нет под

нею; когда проводник укрылся под густыми листьями, он остался с минуту неподвижен, не затем, чтобы перевести дух — этот человек был железный, он никогда не чувствовал усталости, — но ему нужно было, вероятно, осмотреться; склонившись вперед, устремив глаза в пространство, он вдыхал воздух полной грудью и взглядом как будто хотел проникнуть сквозь мрак.

Проводник, прежде чем лег под дерево, удостоверился, что оно — очень высокое и очень густое — соединялось вершиной с другими деревьями, которые постепенно доходили до горы и составляли долине зеленую стену.

Прошло несколько минут, проводник взял нож в зубы и буквально начал порхать по ветвям, перепрыгивая с дерева на дерево, висая на руках и цепляясь за лианы, будя птиц, которые улетали в испуге, и скользя в темноте, как мрачный призрак.

Это странное путешествие продолжалось три четверти часа, наконец проводник остановился, внимательно осмотрелся вокруг и соскользнул на землю.

Место, в котором он оказался, была довольно обширная прогалина, в середине ее горел огромный костер, у которого грелись сорок или пятьдесят краснокожих; большая часть этих индейцев, вместо длинных копий и луков, имела ружья американской работы, это заставляло предполагать, что эти воины избранные храбрцы своего народа; впрочем, на них виднелись многочисленные волчьи хвосты у пяток — знак почетный, которым имеют право украшаться только знаменитые воины.

Этот отряд краснокожих, должно быть, шел на войну или по крайней мере в серьезную экспедицию, потому что с ними не было ни женщин, ни собак.

Проводник подошел к индейцам свободно и смело, это показывало, что его ждали эти воины, которые не обнаружили никакого удивления, увидев его, а, напротив, гостеприимно пригласили сесть с ними около огня.

Проводник молча присел и начал курить трубку, которую тотчас предложил ему индеец, сидевший возле него. Этот начальник был человек еще молодой; черты его дышали смелостью и умом.

После довольно продолжительного времени, нарочно, без сомнения, предоставленного гостю, чтобы дать ему возможность перевести дух и согреться, молодой предво-

дитель поклонился проводнику и сказал почтительным тоном:

— Отец мой — дорогой гость у сыновей его; они ждали его прихода с нетерпением.

Проводник отвечал на этот комплимент гримасой, которая, без сомнения, имела притязание быть улыбкой. Предводитель продолжал:

— Но лазутчики старательно осматривали стан испанцев; воины Насмешника готовы повиноваться распоряжениям их великого вождя, Орлиной Головы. Отец мой, Курумилла, доволен ли своими краснокожими детьми?

Курумилла — потому что проводник был никто иной как старый знакомый читателя, ароканский вождь — опустил голову, положил правую руку на грудь и воскликнул: «гук!», что означало у него самую большую радость.

Насмешник и его воины давно знали Курумиллу, и немота его не могла показаться им странной, поэтому они покорились без принуждения его страсти к молчанию и начали с ним разговор знаками.

Мы имели уже случай в прежних наших сочинениях говорить, что краснокожие имеют два языка: язык слов и язык жестов; этот последний, достигший у них совершенства и который понимают все, обыкновенно употребляется на охоте или в экспедиции, где одно слово, произнесенное шепотом, может обнаружить присутствие засады врагов, людей или зверей, которых преследуют и на которых хотят напасть врасплох.

Это было бы зрелище очень интересное и даже очень веселое для иностранца, если бы он присутствовал при этом свидании и видел, с какой быстротой обменивались знаками эти люди, освещенные красноватым отблеском огня, и походившие ночью, по своим движениям, свирепым физиономиям и странным позам, на совет демонов; иногда Насмешник, наклонившись вперед, держал немую речь, за которой его товарищи следили со вниманием и на которую отвечали с быстротой, которую даже слова не могли превзойти.

Наконец этот безмолвный совет кончился. Курумилла поднял руку к небу, указывая на звезды, начинавшие бледнеть, и вышел из круга. Краснокожие почтительно проводили его до дерева, с которого он спустился к ним.

— Да защитит Всевышний моего отца! — сказал тогда Насмешник. — Сыновья хорошо поняли его распоря-

жения и исполняют их. Великий бледнолицый охотник, должно быть, уже присоединился к своим друзьям; завтра Искатель Следов увидит своих братьев команчей; на рассвете лагерь будет снят.

— Хорошо, — отвечал Курумилла.

Поклонившись в последний раз воинам, которые почтительно склонились перед ним, вождь схватил лиану и, уцепившись за нее, в одно мгновение добрался до ветвей и исчез в листьях.

Поручение, исполненное индейцем, было, вероятно, очень важное, если он решился подвергнуться таким большим опасностям, чтобы иметь свидание ночью с краснокожими; но так как читатель скоро узнает последствия этой экспедиции ароканского вождя, мы считаем бесполезным передавать язык жестов, употребленный в совете и объяснять намерения Курумиллы и Насмешника.

Проводник опять начал свою воздушную прогулку с такой же легкостью и с такой же удачей, и добрался до стана белых.

Там царствовала та же тишина; часовые все стояли неподвижно на своих постах; костры начали гаснуть.

Он удостоверился, что никто на него не смотрит и, молча проскользнул под бизонью шкуру.

В ту минуту, когда он осматривался в последний раз кругом, капатац, лежавший поперек палатки, тихо приподнял голову и пристально посмотрел на место, занимаемое краснокожим.

Не подозрение ли зародилось у мексиканца? Не приметил ли он уход и возвращение ароканского вождя?

Через минуту он опустил голову и на неподвижном лице нельзя было прочесть мыслей, волновавших его.

Остаток ночи прошел спокойно.

Крепость Чичимек

Всходило солнце; лучи его играли на пожелтевших листьях деревьев и расцвечивали их тысячью оттенков пурпурных и золотых. Птицы весело щебетали; пробуждение природы было великолепно и величественно, как во всех горных странах.

Начальник каравана вышел из палатки и приказал снимать лагерь. Палатка немедленно была сложена, лошаки навьючены, лошадь оседлана и все отправились в путь без завтрака; завтракали обыкновенно в одиннадцать часов, когда останавливались отдохнуть во время дневного жара.

Караван направлялся по дороге из Санта-Фэ, с быстротой необыкновенной в подобных обстоятельствах, что необходимо в этих странах, опустошаемых многочисленными шайками индейцев и, кроме того, луговыми пиратами, разбойниками еще более опасными, которые, нападают из засады на караваны, безжалостно убивают и грабят путешественников.

В двадцати шагах впереди каравана ехали четыре всадника с ружьями и проводник, это был авангард, потом ехала вся группа, состоявшая из шести пеонов, хорошо вооруженных, смотревших за лошадьми, затем начальник каравана, в тридцати шагах за ними ехал, наконец, капатац в компании четырех решительных всадников, вооруженных с головы до ног.

Таким образом караван находился в относительной безопасности, потому что было маловероятно, чтобы бе-

лые или краснокожие разбойники осмелились напасть днем на семнадцать решительных и храбрых путников. Ночью надо было более опасаться конокрадов, увозящих лошадей, и уносящих поклажу.

По случайности ли, или вследствие предусмотрительности начальника каравана, после отъезда из Санта-Фэ, то есть около месяца, мексиканцы не видали ни одного индейца и путешествовали очень спокойно; однако это не заставило их пренебрегать мерами предосторожности. Начальник, которого внутренне беспокоило это непонятное небрежение разбойников, удваивал бдительность и предосторожность, чтобы избежать неожиданного нападения.

Открытис, сделанное накануне проводником — след индейцев Ворон, самых решительных воров в этих горах, еще более увеличило его тайные опасения; он не скрывал от себя, что если принужден будет сражаться, то несмотря на мужество и дисциплину своих пеонов всё будет против него в борьбе с людьми, знающими этот край и нападающими не иначе как в довольно значительном числе; они смогут разбить его группу, несмотря даже на отчаянное сопротивление.

Начальник каравана, терзасмый мрачным предчувствием, пришпорил свою лошадь и подъехал к индейцу, который ехал вперед один, осматривая кусты и по всей очевидности исполняя, как следует, обязанность опытного проводника.

Курумилла хотя слышал позади себя топот лошади мексиканца, не обернулся, и продолжал беззаботно ехать на плохоньком лошаке, отданном в его распоряжение.

Начальник каравана догнал проводника и внимательно рассматривал его несколько минут, стараясь проникнуть сквозь бесстрастную маску, надетую на лицо индейца, и прочесть его мысли. Но после довольно продолжительного изучения, мексиканец принужден был сознаться в бесполезности своих усилий и в невозможности угадать намерения этого человека, к которому он чувствовал инстинктивную неприязнь, несмотря на услуги, оказываемые им каравану.

— Индеец, — сказал он ему по-испански, — я желаю поговорить с вами несколько минут об одном важном деле; прервите же ваше молчание и отвечайте как

честный человек на вопросы, которые я намерен вам задать.

Курумилла почтительно поклонился.

— Вы обязались в Санта-Фэ за четыре унции, из которых половину вы получили вперед, проводить меня, до границы Верхней Мексики. С тех пор, как вы у меня на службе, я должен признаться, что могу только хвалить вас за верное исполнение ваших обязанностей; но мы теперь среди Скалистых гор, то есть у самого опасного пункта нашего продолжительного путешествия; два дня тому назад вы открыли след Ворон, врагов очень опасных для караванов; мне нужно условиться с вами насчет средств, какие надо употребить, чтобы расстроить засаду, в которую эти индейцы постараются нас вовлечь; узнать, какие меры хотите вы принять, чтобы избежать встречи с ними — словом, узнать ваш план действий.

Индеец ничего не отвечал, но порылся в сумке, висевшей на плече его, и вынул оттуда грязную бумагу, сложенную вчетверо, развернул ее и подал мексиканцу.

— Что это такое? — спросил тот, взяв эту бумагу и пробегаая ее глазами. — Ах да! Очень хорошо — ваше условие. Ну какое же отношение имеет оно к вопросу, который я задал вам?

Курумилла, положил палец на бумагу, именно на то место, где был написан последний параграф условий.

— Ну что ж это такое? — вскричал мексиканец досадой. — Правда, тут сказано, что я должен положить на вас вполне и предоставить вам действовать, как вы хотите, для общей пользы, и не расспрашивать вас.

Индеец утвердительно кивнул головой.

— Кто же мне докажет, — вскричал мексиканец, выведенный из себя холодностью и упорным нежеланием этого человека отвечать ему, — что вы действуете для общей пользы и что вы не изменник?

При слове «изменник» Курумилла бросил на мексиканца взгляд тигра, между тем как все его тело задрожало от нервного трепета, он испустил два или три непонятные восклицания, и прежде чем мексиканец мог понять его намерения, Курумилла схватил его с седла и бросил на землю, потом соскочил со своего лошака, вы-

нул из-за пояса две унции золота, бросил их мексиканцу и, подойдя к краю пропасти, спустился на дно ее с головокружительной быстротой и исчез почти тотчас.

То, что мы рассказали, произошло так быстро, что пеоны, оставшиеся позади, хотя поскакали во весь опор, на помощь своему господину, подоспели слишком поздно, чтобы не допустить побег индейца.

Мексиканец не ушибся, только неожиданность и сила падения оглушили его на минуту, но он опомнился почти тотчас и, поняв бесполезность и сумасбродство погони в таком месте и за таким противником, подавил свой гнев и стыд, и, сев на лошадь, которую остановили, холодно приказал продолжать путь, внутренне обещая себе, если представится случай, отмстить за полученное им оскорбление.

В эту минуту нечего было и думать об этом; более могущественные интересы призывали все его внимание — для него было очевидно, что, назвав проводника изменником, он попал в цель, и что тот, взбешенный, что с него была снята личина, ловко избежал опасности и нашел путь к спасению.

Положение становилось самым критическим для начальника каравана: он мог погибнуть без проводника в этих неизвестных местах, без сомнения, подстергаемый врагами и мог подвергнуться каждую минуту нападению, последствия которого должны были быть неблагоприятны для него и для его людей; надо было принять решительные меры и избежать, если возможно, несчастий, которые угрожали каравану.

Мексиканец был человек энергичный, храбрый до отваги, которого никакая опасность, как бы велика ни была она, не могла заставить растеряться; в несколько секунд он просчитал все благоприятные шансы, оставшиеся ему, и решение было принято.

Дорога, где он ехал, была та самая, по которой шли караваны, отправляющиеся из Соединенных Штатов в Калифорнию или в Мексику, другой дороги не было по горам; мексиканец решил остановиться в первом месте, положение которого покажется ему благоприятным, укрепиться там, как можно лучше, ждать ближайшего каравана и присоединиться к нему.

Этот план был очень прост, и исполнить его было очень легко. Объяснив своим приунывшим пеонам в не-

скольких словах свои намерения, он велел удвоить бдительность, оставил их и поехал вперед осмотреть местность и выбрать удобное место для лагеря.

Он направил свою лошадь вперед и скоро исчез за поворотом дороги. Опасаясь неожиданного нападения, он держал ружье в руке и старательно осматривал густой кустарник, обрамлявший дорогу со стороны гор.

Мексиканец ехал таким образом около двух часов, замечая, что чем дальше он ехал, тем более суживалась тропинка, становясь все более крутой и каменистой.

Вдруг эта тропинка расширилась и привела его на эспланаду, через которую проходила дорога и которая называлась крепостью Чичимек, уже описанной нами.

Опытный взгляд мексиканца уловил с первого взгляда выгоды подобной позиции и, не теряя времени для рассматривания подробностей, он повернул лошадь и присоединился к каравану.

Путешественники хотя ехали гораздо медленнее своего начальника, ускорили, однако, шаги, так что он встретился с ними через три четверти часа после того, как нашел эспланаду.

Побег проводника привел в уныние мексиканцев, людей, привыкших к тропическим областям; мужество их очень уж ослабло при виде снегов Скалистых гор; к счастью для планов их начальника, он имел над своими слугами ту власть, которую имеют избранные умы, и пеоны, видя своего начальника веселым и беззаботным, начали надеяться, что они выйдут лучше, нежели они воображали, из дурного положения, в которое были поставлены так неожиданно.

Путешествие продолжалось спокойно, не было открыто ни одного подозрительного признака, и мексиканцы могли думать, что, кроме потери времени в ожидании нового проводника, побег индейца не имел для них никаких неприятных последствий.

Странное дело! Карнеро, капатац, казался скорее весел, чем сердит на исчезновение проводника; вместо того чтобы жаловаться на промедление, он смеялся над тем, что случилось и отпускал на этот счет шуточки более или менее остроумные, вконец рассердившие его господина, который внутренне проклинал препятствие, удерживавшее его в горах и подвергавшее его опасности нападения разбойников.

— Что вы находите такого приятного в том, что случилось с нами? Чему вы так радуетесь, Карнеро? — сказал он наконец довольно сердитым тоном.

— Вы извините меня, — смиренно отвечал капатац, — но вы знаете испанскую пословицу: «Лучше забыть о том, чего поправить нельзя» — вот я и забываю.

— Гм! — только сказал господин.

— Притом, — прибавил капатац, наклонившись к своему господину и говоря ему почти на ухо, — как ни дурно наше положение, не лучше ли делать вид, будто мы находим его прекрасным?

Господин бросил на него проницательный взгляд. Капатац продолжал бесстрастно, с раболопной улыбкой:

— Обязанность преданного слуги состоит в том, чтобы разделять всегда мнение своего господина. Пеоны сегодня утром роптали после вашего отъезда. Вы знаете характер этих скотов: если уныние овладеет ими — мы погибнем, потому что нам невозможно будет извлечь из них никакой пользы. Я думал, что разделю ваше намерение, если постараюсь ободрить их, и выказывал веселость, которой не чувствую, поверьте, предполагая, что это будет вам приятно.

Мексиканец покачал головой с видом сомнения, однако замечания капатаца были так справедливы, причины, выставляемые им, казались так правдоподобны, что он принужден был поблагодарить его, не желая сердить человека, который одним словом мог переменить настроение пеонов и возбудить их к мятежу, вместо того чтобы поддерживать в исполнении их обязанностей.

— Благодарю вас, Карнеро, — сказал он, — вы вполне поняли мое намерение, благодарю вас за вашу преданность. Поверьте мне, скоро настанет минута, я надеюсь, когда я смогу доказать, как я вами дорожу.

— Уверенность, что я исполнил свой долг в этих обстоятельствах, как всегда, есть единственная награда, которой я добиваюсь, — отвечал капатац, почтительно поклонившись.

Мексиканец бросил на него взгляд искоса, но воздержался, и с улыбкой во второй раз поблагодарил своего капатаца.

Начальник каравана был одим из тех людей, которые, обманывая всю жизнь всех, с кем сводят их случайности бурной жизни, наконец не верят никому и

стараятся под самыми пустыми словами открыть корыстолюбивое намерение, которого по большей части не существует. Хотя капатац Карнеро давно уже служил у него, хотя он выказывал ему величайшее доверие, однако внутренне не только его остерегался, но даже подозревал, что он ведет двойную игру.

Было ли это предположение справедливо — мы теперь этого не скажем, но мексиканец пристально следил за капатацем и думал, что рано или поздно сомнения его подтвердятся.

Незадолго до одиннадцати часов утра караван досхал до эспланады, и с радостью, которую они не старались даже скрывать, псоны увидели, какую крепкую позицию выбрал их господин для лагеря.

— Здесь мы остановимся пока, — сказал мексиканец, — развьючивайте лошаков, разводите огонь, приготовляйте завтрак, а потом мы укрепимся таким образом, что обезопасим себя от нападения мародеров.

Псоны повиновались с проворством людей, сделавших продолжительный переезд и подгоняемых сильным голодом.

Огонь был разведен в одну минуту, и псоны скоро принялись за завтрак.

Когда голод был утолен и сигарки выкурены, начальник встал.

— Теперь, — сказал он, — за работу!

Сюрприз

Позиция, в которой начальник каравана решил остановиться, воображая, что он первый открыл ее, была прекрасно выбрана для лагеря, который мог сопротивляться несколько месяцев нападению индейцев и луговых пиратов; это была огромная эспланада, значительно возвышавшаяся под пропастями и охраняемая справа и слева огромными скалами, предоставляя такие условия безопасности, что к пеонам возвратилась их беззаботность, и они смотрели на таинственный побег проводника как на случай вовсе не важный, который не мог иметь других последствий, как заставить их пробыть в дороге долее назначенного времени.

Поэтому они вскочили, по приказанию своего начальника, и начали рыть ров, который должен был предохранить их от неожиданного нападения.

Главная квартира, то есть палатка, была устроена прежде всего.

В ту минуту, когда начальник каравана шел с пеонами, которые несли заступы и лопаты к входу на эспланаду, вероятно, для того, чтобы показать, в каком месте надо было рыть ров, капатац подошел к нему с рабоспным видом и, почтительно поклонившись, сказал:

— Я должен сообщить вам нечто очень важно.

Господин обернулся и, окинув его с ног до головы с плохо скрываемой подозрительностью, повторил:

— Нечто важно — сообщить мне?

— Да, — отвечал капатац, поклонившись.

— Что же такое? Говорите, только поскорее, Карнеро, вы видите, мне некогда!

— Если вы позволите мне сказать вам два слова наедине, то сейчас узнаете, в чем дело.

— Что за таинственность?

— Долг предписывает мне сообщить только вам, что я открыл.

— Гм! Вы открыли что-нибудь?

Капатац поклонился молча.

— Ну пойдёмте, — сказал ему господин, — а вы, — обратился он к псонам, — ступайте, я сейчас приду.

Те продолжали свою дорогу; начальник каравана, напротив, сделал несколько шагов назад, капатац шел за ним. Отойдя на значительное расстояние, начальник снова обратился к метису:

— Теперь, я полагаю, Карнеро, вы можете объясниться.

— Могу.

— Говорите же и не держите меня в недоумении.

— Вот в чем дело: я нашел грот.

— Что! — с удивлением вскричал его господин. — Вы нашли грот?

— Да.

— Где же это?

— Здесь.

— Здесь? Это невозможно!

— Точно, здесь.

— В каком же месте?

— Там, — сказал капатац, протянув руку, — за этой грудой скал.

Молния подозрения мелькнула в глазах господина.

— А! — прошептал он. — Как это странно, Карнеро! Могу я узнать, каким образом вы нашли этот грот и какая причина привлекла вас к этим скалам, когда вы знали, как ваше присутствие было необходимо в другой стороне?

Капатац несколько не смутился тоном, каким были произнесены эти слова, и отвечал со спокойным видом, как будто не примечал угрозы, заключавшейся в них:

— О! Это открытие было совершенно случайное, — уверяю вас.

— Я не верю случайностям, — отвечал его господин, — но оставим это. Что ж далее?

— Когда мы кончили наш завтрак, — продолжал капатац, — я приместил, что несколько лошадей, между прочими и моя, отвязались и разбежались в разные стороны.

— В самом деле, — прошептал сго господин, скорес отвечая на свою собственную мысль, чем на слова капатаца.

Тот неприметно улыбнулся.

— Боясь, — продолжал он, — чтобы лошади не заблудились, я побсжал за ними; их легко было поймать, только одна не допускала к себе, она бросилась в средину скалы, и я принужден был идти за нею.

— Понимаю: лошадь таким образом довела вас до входа в грот.

— Имснно! Она остановилась у самого входа, и я без труда схватил ее.

— В самом деле, как это странно! И вы вошли в этот грот, Карнеро?

— Нет, я счел своей обязанностью предупредить вас.

— Вы были правы. Ну, мы пойдем туда вместе, возьмите факелы и укажите мне дорогу. А! Не забудьте взять оружие: неизвестно, с кем можем иметь дело в пещерах, открытых таким образом, с людьми или с хищными зверями.

Это было сказано с сарказмом, который, несмотря на наружное равнодушие, заставил капатаца внутренне затрепетать.

Пока он исполнял приказания своего господина, тот выбрал между псонами шесть человек, на которых мог положиться болсе, чем на других, приказал им взять ружья, а другим велел хорошенько караулить, но не начинать никаких работ до его возвращения, а капатацу велел идти вместе с ним. Карнеро смотрел несодобрительно на распоряжения своего господина, но, вероятно, счел неблагоприятным делать замечания, потому что молча опустил голову и направился к гряде скал, закрывавших вход в грот.

Эти груды гранита, нагроможденные одна на другую без всякого порядка, казались, однако, не игрою случая, а, напротив, походили на остатки какой-то грубой, но прочной постройки очень отдаленных времен.

Мексиканцы прошли довольно легко скалы и скоро очутились перед мрачным отверстием пещеры. Начальник приказал пеонам остановиться.

— Было бы неблагоразумно, — сказал он, — войти в эту пещеру, не приняв предосторожностей. Приготовьте оружие и не зевайте — при малейшем подозрительном шуме, при малейшем предмете, который вы увидите — стреляйте! Капатац, зажгите факелы!

Тот повиновался. Начальник каравана удостоверился взглядом, что приказания его исполнены, вынул из-за пояса пистолеты, зарядил их, взял по пистолету в каждую руку и, обратившись к Карнсро, сказал ему насмешливым тоном:

— Ступайте вперед, справедливость требует, чтобы вы показали нам место, которое вы так неожиданно нашли, и вы тоже идите вперед, — прибавил он, обратившись к псонам.

Восемь человек вошли в пещеру по следам капатаца, который поднял факелы над головой, чтобы лучше осветить окружающие предметы.

Эта пещера, как и те, что большей частью встречаются в этих местах, по-видимому, образовалась вследствие какого-то подземного катаклизма; стены были довольно высоки, сухи и наполнены множеством ночных хищных птиц, которые, испугавшись блеска факела, взлетали и кружились над мексиканцами, те с трудом отмахивались от них ружьями, но чем далес они входили внутрь пещеры, тем многочисленнее становились эти птицы, цепляя их своими крыльями и оглушая пронзительным криком.

Таким образом они дошли до места довольно обширного, которое составляло род залы, откуда выходило несколько галерей.

Хотя мексиканцы были довольно далеко от входа, однако дышали без всякого труда, потому что в скале было множество расселин, сквозь которые поступал воздух.

— Остановимся здесь на минуту, — сказал начальник, взяв факел из рук капатаца, — эта зала, если, как я предполагаю, пещера имеет несколько выходов, достаточно надежное убежище. Осмотрим подробно это место.

Он осмотрел старательно залу и удостоверился по некоторым следам, еще остававшимся от человеческих трудов, что эта пещера была когда-то обитаема.

Пеоны сели с беззаботным видом на обломки скалы, разбросанные там и сям, поставив ружья между ног, они

довольно равнодушно отнеслись к исследованиям своего господина.

У того мало-помалу развеивались подозрения, возбужденные капатацем; он был уверен, что уже много лет ни одно человеческое существо не вступало в это мрачное убежище, потому что никаких следов, остающихся всегда после людей, какие бы ни принимали они предосторожности, чтобы скрыть свое присутствие, не нашел. И, действительно, их не существовало; все, напротив, показывало самое полное запустение, поэтому начальник каравана готов был выбрать это место, которое легко было укрепить, вместо того чтобы разбивать лагерь — работа всегда трудная и продолжительная, подвергавшая людей и животных климату убийственному для тех, кто не привык к мексиканской жаре.

Продолжая осмотр, начальник каравана разговаривал с капатацем дружелюбнее обыкновенного, радовался его находке и объяснял свои планы, которые тот слушал с лукавым видом, свойственным ему.

Вдруг мексиканец остановился и начал прислушиваться. Оба они в эту минуту стояли у входа к одной из тех галерей, о которых мы говорили.

— Послушайте, — сказал он капатацу, дотронувшись до его руки, чтобы привлечь его внимание, — не слышите ли вы чего-нибудь?

Капатац слегка наклонился вперед и оставался неподвижен несколько секунд.

— В самом деле, — сказал он, — точно отдаленный гром.

— Не правда ли? Или, может быть, грохот подземных вод?

— Вы правы! — закричал капатац с радостью. — Какое счастье, что мы найдем воду в этой пещере, это увеличит нашу безопасность, потому что, может быть, не надо будет водить наших лошадей, может быть, далеко на водопой.

— Я сейчас хочу удостовериться, справедливо ли это предположение. Шум раздастся из этой галереи, пойдем туда, а люди наши пусть ждут здесь, теперь нам нечего опасаться, потому что, если индейцы или пираты спрятались, чтоб напасть врасплох, они не ждали бы до сих пор, следовательно помощь, наших псонов будет нам бесполезна.

Капатац покачал головой с сомнением.

— Индейцы очень хитры, — сказал он, — кто знает, какие дьявольские планы задумали эти краснокожие? Кажется, благоразумнее было бы взять пеонов.

— Ба-ба! — сказал сго господин. — Это бесполезно; мы двое людей решительных и хорошо вооруженных, нам нечего бояться, говорю я вам, притом, если на нас нападут, люди наши услышат шум борьбы и прибегут на помощь, они будут в одну минуту возле нас.

— Конечно, невероятно, — отвечал капатац, — чтобы нам пришлось подвергнуться какой-нибудь опасности; однако я счел долгом предупредить вас, как преданный слуга, потому что в случае, если враги спрятались в этих коридорах, изворотов которых мы не знаем, мы буквально попадем в ловушку. Два человека, как бы храбры они ни были, не в состоянии сопротивляться двадцати или тридцати врагам; вы знаете, что индейцы нападают на белых только в случае, если они совершенно уверены в успехе.

Эти слова произвели на начальника каравана некоторое впечатление, он молчал с минуту, по-видимому, серьезно размышляя о том, что услышал, но скоро поднял голову и покачал ею с решительным видом:

— Я не верю опасности, которой вы боитесь, — сказал он, — а если она и существует, то нужды нет! Ждите нас здесь, — обратился он к пеонам, — и будьте готовы бежать к нам по первому сигналу.

Начальник оставил пеонам факел, сам взял другой и, обернувшись к Карнеро, сказал:

— Идемте!

Они вышли в галерсею. Она была очень узка и шла довольно покато, так что начальник и капатац принуждены были идти очень осторожно и осматривать внимательно все вокруг.

Чем более они продвигались, тем шум воды становился слышнее, было очевидно, что довольно близко от того места, где они находились, может быть, в нескольких шагах, находился один из тех подземных источников, которые протекают в пещерах, и которые по большей части ничто иное как реки, поглощенные землетрясением.

Вдруг, хотя не слышно было ни малейшего шума, начальник каравана был схвачен поперек тела, факел сго из руки вырван и погашен, а сам он опрокинут на землю и крепко связан, прежде чем успел оказать ма-

лейшес сопротивление — нападение было неожиданное и хорошо рассчитано.

Карнеро также брошен был на землю в одно время со своим господином и так же крепко связан.

— Подлые демоны! — закричал мексиканец, делая сверхъестественные усилия, чтоб разорвать связывавшие его узы. — Покажитесь по крайней мере, чтоб я знал, с кем имею дело.

— Молчите, генерал дон Себастьян Герреро, — сказал грубый голос, который заставил его задрожать, несмотря на его мужество, — покоритесь вашей участи, вы попали во власть людей, которые не выпустят вас на свободу прежде, чем будут иметь с вами одно важное объяснение.

Генерал Герреро, о котором читавшие «Золотую лихорадку»*, без сомнения, помнят, сделал движение бессильной ярости, но промолчал, он понял, что виновники засады, которой он был в эту минуту жертвой, были его неумолимые враги, потому что не побоялись прямо назвать его по имени, враги, пострашнее луговых разбойников или краснокожих, с которыми сначала он думал иметь дело.

Притом он размышлял, что темнота, в которой он находится, без сомнения скоро прекратится, и он увидит этих врагов лицом к лицу и узнает их.

Но ожидания его были обмануты: когда его перенесли в залу, где пеоны его были обзоружены и окружены индейцами, он увидел при свете факела, освещавшего залу, что между людьми, окружавшими его, на пятерых был мексиканский костюм, но лица их закрывали черные маски, так хорошо привязанные, что ему невозможно было узнать их.

— Чего хотят от меня эти люди? — прошептал он, с унынием опустив голову на грудь.

— Имейте терпение, — сказал тот, чей голос он уже слышал, — вы скоро это узнаете.

* «Собрание иностранных романов.» 1862, октябрь, ноябрь.

Объяснение

Наступила пауза, во время которой похитители совещались между собою шепотом, между тем индсйский начальник, который был никто иной, как Насмешник, вошел в залу и сказал несколько слов на языке команчей.

Генерал и капатац снова были подняты руками краснокожих и по знаку одного из замаскированных перенесены на эспланаду.

Вид се совершенно изменился во время краткого отсутствия генерала и представлял в эту минуту самое странное и живописное зрелище.

До двухсот индейских всадников, вооруженных по большей части ружьями, стояли в порядке вокруг эспланады — центр которой оставался свободен — лицом к пещере, держа посреди себя обезоруженных мексиканцев, багаж, лошадей и лошаков.

Палатка одиноко возвышалась среди места, на котором следовало быть лагерю, только занавес был поднят и всадник стоял неподвижно перед входом, как бы защищая его и предохраняя от грабсжа драгоценные вещи, находившиеся в палатке.

В ту минуту, когда похитители вышли из пещеры, всадники, стоявшие перед входом в ущелье, расступились, чтобы пропустить другую группу всадников в костюмах охотников, в которых, несмотря на загорелые лица, можно было узнать белых; две женщины на лошадках ехали между ними.

Эта группа состояла из восьми человек и вела с собой десять выючных лошаков.

Так как все мужчины были обезоружены и шли пешком посреди пятидесяти всадников, то они по всей вероятности были захвачены в плен краснокожими в искусно расставленной засаде.

Обе дамы — из которых одна была уже пожилая, а другой, по-видимому, было не более восемнадцати лет, и которых по сходству в чертах можно было бы считать в очень близком родстве, — были с чрезвычайной вежливостью, какой они вовсе не ожидали от краснокожих, отведены в палатку, занавес которой опустился за ними, чтобы избавить их от взглядов индейцев, выражение лиц которых, хотя очень почтительное, должно было быть для них неприятно.

По знаку тех, кто их привел, пленники стали возле псонов, также пленных. Это были люди в расцвете лет, с чертами резкими и энергичными, должно быть, индейцы захватили их в плен без битвы, напав на них врасплох, иначе они по всей вероятности дали бы скорее убить себя, чем сдались.

Они не выказывали ни страха, ни уныния, но их блестящие взгляды и нахмуренные брови показывали, что они молча переносили свою участь, но вовсе ей не покорялись, и поспешно ухватятся за первый случай, чтобы возвратить свою свободу, так вероломно у них отнятую.

Однако несмотря на намерение, очевидно, принятое ими, оставаться равнодушными ко всему, что будет происходить, они скоро заинтересовались, более чем хотели, странной драмой, при которой присутствовали невольно, и мрачные приготовления к которой в высшей степени возбуждали их любопытство.

Было принесено несколько обломков гранита и положено внизу скал, представляя довольно хорошо тот страшный трибунал, который в другую эпоху заседал на берегах Рейна; сходство было еще поразительнее от стараний похитителей скрыть свои черты.

Пятеро в масках сели на гранитных обломках.

Индейцы, которые принесли генерала, поставили его на землю перед этим трибуналом.

Человек, казавшийся президентом этого зловещего собрания, сделал знак — и веревки, связывавшие пленника, тотчас спали.

Генерал выпрямился, скрестив руки на груди, гордо приподняв голову и бросив на тех, кто вздумал сделаться его судьями, презрительный взгляд, сказал:

— Чего вы хотите от меня, разбойники? Кончите эти оскорбительные поступки, они не испугают меня.

— Молчите! — холодно заметил президент. — Не вы должны говорить здесь.

Обратившись к Насмешнику, стоявшему в нескольких шагах от него, он сказал:

— Приведите других пленников, прежних и новых, все должны слышать, что будет сказано этому человеку.

Насмешник сделал знак воинам — некоторые сошли с лошадей, приблизились к пленникам и, развязав узы, связывавшие капатаца, привели его, пеонов и пленников второго каравана к трибуналу и поставили их в ряд, потом по знаку, поданному Насмешником, ряды всадников сомкнулись вокруг белых, и они со всех сторон были окружены команчами.

Зрелище, представляемое этими людьми с резкими чертами, в странных костюмах, собравшихся на эспланаде, висящей над страшной бездной и прислоненной к высоким горам с крутыми склонами и заснеженными вершинами, при блеске ослепительного солнца, было странно, таинственно и даже ужасно, но в нем было какое-то дикое величие.

Мертвая тишина царила в эту минуту над эспланадой; все едва переводили дух, сердца всех тяжело бились; краснокожие, охотники и мексиканцы — все инстинктивно понимали, что готовилось дело высокого правосудия и совершалась великая драма; внизу слышался рокот воды и время от времени порыв ветра проносился со свистом над головами всадников.

Пленные с беспокойством и с тайным ужасом ждали, какую участь назначат им их свирепые победители; но были уверены, что, каково бы ни было решение, просьбы и жалобы бесполезны, им придется вытерпеть страшные муки, на которые без сомнения их осудят.

Президент обвел взором собрание, встал среди глубокой тишины, протянул руку к генералу, холодно и бесстрастно стоявшему возле него, и, бросив на него взгляд, грозно сверкавший сквозь отверстия маски, скрывавшей его лицо, заговорил голосом серьезным, строгим и звучным:

— Кабальеро, запомните хорошенько слова, которые здесь прозвучат, слушайте их с вниманием, чтобы понять, и не ошибиться насчет наших намерений, а более всего затем, чтобы успокоиться и узнать, что вы попали в руки не индейцев, жаждущих крови, не пиратов, имеющих намерение ограбить вас, а потом убить, — нет, вы не должны этого опасаться: вы будете присутствовать как бесстрастные свидетели и в случае нужды дадите отчет о том, что вы видели; а затем вы будете продолжать ваш путь и ничто из ваших вещей не будет отнято у вас. Люди, сидящие по правую и по левую мою руку, несмотря на маски, скрывающие их черты, благородные и храбрые охотники. Настанет, может быть, день, когда вы узнаете их; причины, важность которых вы скоро поймете, требуют, чтобы они оставались не известны. Я должен был, сеньоры, говорить с вами таким образом — с вами, против которых мы не имеем никакого умысла, для того, чтобы рассчитаться с этим человеком.

Один из путешественников второго каравана сделал шаг вперед, это был человек еще молодой, с чертами тонкими и благородными, высокий, стройный, с изящными движениями.

— Кабальеро, — произнес он голосом звучным и приятным, — я благодарю вас от имени моих товарищей и от себя за успокоительные слова, произнесенные вами; я знаю, как неумолимы законы пустыни, все-таки я покоряюсь им безропотно, только позвольте мне один вопрос.

— Говорите, кабальеро!

— Мщение или правосудие готовитесь вы совершить?

— Ни то, ни другое, сеньор; это скорее слабость или глупость, если внушения сердца могут быть осуждаемы или оспариваемы людьми честными и благородными.

— Пора кончить, сеньор, — сказал тогда генерал надменно, — если вы называли себя человеком благородным, покажите мне ваше лицо, чтобы я знал, с кем имею дело.

Президент пожал плечами с презрительным видом.

— Нет, дон Себастьян, — сказал он. — Потому что тогда партия между нами будет неравна; но имейте терпение, кабальеро, вы скоро узнаете, если не кто я, то, по крайней мере причины, сделавшие меня вашим непримиримым врагом.

Генерал старался улыбнуться, но невольно улыбка застыла на его губах; и хотя его надменная осанка как будто вызывала на бой его таинственных врагов, ужас сжал ему сердце.

Наступило минутное молчание, во время которого слышался только шум ветра и отдаленный грохот невидимых потоков.

Президент обвел глазами собрание и, скрестив руки на груди, заговорил голосом резким, отрывистые звуки которого заставляли невольно трепетать людей, слушавших его, людей храбрых, привыкших к страшным катастрофам жизни в пустыне и не бледневших от самых ужасных опасностей.

— Теперь послушайте, сеньоры, — сказал он, — и беспристрастно судите этого человека; судите его не с точки зрения луговых законов, но по вашему сердцу. Генерал дон Себастьян Герреро, стоящий так твердо и прямо перед вами в эту минуту, один из знатнейших вельмож Мексики; он происходит по прямой линии от испанских завоевателей; состояние его огромно, неисчислимо, определить его нет возможности; этот человек одной силой своей воли и неумолимым эгоизмом, составляющим основание его характера, всегда успевал во всех своих предприятиях; хладнокровно честолюбивый и решительный, он засыпал трупами кровавый путь, по которому шел к цели, он делал это решительно и без угрызений совести; он смотрел с улыбкой, как самые дорогие друзья его, самые преданные ему родственники падали около него; для него не существует ничего из того, что уважают люди; честь для него — слово, не имеющее смысла; у него была дочь, в которой сосредоточивались все добродетели, прекрасная, невинная, сиявшая той любовью, которую Господь вкладывает иногда в сердца своих избранных — человек этот холодно разбил сердце своей дочери, довел ее до самоубийства, и кровь бедной девушки почти брызнула на его лоб, когда он присутствовал с торжеством при юридическом убийстве человека, которого она любила, и казни которого он потребовал, потому что тот не хотел изменить своей чести и помогать ему в гнусной измене. Этот тигр с человеческим лицом, это чудовище, которое вы видите, сеньоры, имеет только одну мысль, одну цель, одно желание — достигнуть высшего звания, хоть бы ему пришлось для

этого влезать по трупам своих родных и друзей, принесенных в жертву его честолюбию; и если он не может составить для себя в этой распадающейся республике, которую называют Мексикой, независимое королевство, он хочет по крайней мере захватить верховную власть и заставить себя выбрать президентом. Если бы в жизнь этого человека было только это эгоистическое чувство и эти гнусные желания, я довольствовался бы тем, что презирал его без ненависти и, не будучи в состоянии извинить его, я забыл бы о нем. Но, нет, этот тигр сделал больше: он осмелился коснуться моего друга, моего брата, графа де Пресбуа-Крансе, о котором я вам уже говорил, сеньоры, не произнеся еще его имени; не будучи в состоянии честно победить графа, он сначала старался отравить его, но это ему не удалось, и, забыв, что его дочь — единственное существо, любившее его и молившееся за него — была невестой графа, и что убить его значило осудить ее на смерть, в своей страшной жажде мщения решился убить моего друга и холодно присутствовал при его казни, не замечая, в радостном восторге удовлетворенной ненависти, что дочь его поразила себя возле него, и что он топтал ее тело копытами своей лошади — вот что сделал этот человек! Поглядите на него хорошенько, чтобы узнать его впоследствии: это генерал дон Себастьян Герреро, бывший военный губернатор Соноры.

— О! — присутствующие инстинктивно отступили с ужасом.

— Если этот человек, бывший губернатор Соноры, — сказал с отвращением охотник, уже говоривший: — то это хищный зверь, которого свирепость — должна бы лишить покровительства законов; обязанность честных людей захватить его.

— Пусть он умрет! Пусть он умрет! — закричали многие.

Пеоны генерала стояли мрачные и унылые, они печально опустили голову и не смели защищать своего господина, не желая также и обвинять его.

Генерал все казался холоден и бесстрастен; хотя он был спокоен внешне, но страшная буря бушевала в его сердце; лицо его покрывала смертельная бледность, брови были нахмурены, губы посинели и сжались, как будто он делал необыкновенное усилие, чтобы не произнести ни

одного слова и не обнаружить пожиравшую его ярость; глаза его метали молнии; иногда все его тело судорожно подергивалось, но силой воли он успевал пресодолеть волнение и сохранить выражение презрительной насмешки, которое с начала этой сцены придал своим чертам.

Видя, что обвинитель его замолчал, он сделал шаг вперед и протянул руку, как будто хотел говорить в свою очередь; но враг его не дал ему времени произнести слова.

— Подождите, — остановил он его, — я еще не все сказал; теперь, когда я открыл все, в чем вы виноваты, я должен и хочу сделать присутствующих судьями не только того, что сделал я, но и того, что я намерен сделать против вас.

Продолжение объяснения

Генерал пожал плечами с презрительной улыбкой.

— Вы с ума сошли, — сказал он, — я теперь знаю кто вы, ваша ненависть ко мне открыла это. Снимите маску, которая теперь вам ни к чему. Я знаю вас — известно, что ненависть ясновидяща: вы тот французский охотник, которого я встречал повсюду, который расстраивал мои планы и мешал моим намерениям...

— Прибавьте, — перебил охотник, — которого вы будете встречать всегда.

— Хорошо, пусть будет так, если только я не раздавлю вас ногой.

— Вы все так же горды и так же неукротимы! Несужели вы не боитесь, что выведете меня из терпения вашими оскорблениями и я забуду клятву, которую дал себе, и пожертвую вами для моего мщения?

— Полноте, — перебил Герреро, презрительно пожимая плечами, — вы меня не убьете, это невозможно; вы хотите наслаждаться своим мщением и не заколете меня кинжалом в сердце.

— На этот раз вы правы, дон Себастьян, я вас не убью, потому что, как вы ни виновны, я не признаю за собою права сделать это; кровь не смывает крови, а только увеличивает ее пятно; я намерен мстить вам продолжительнее того мщения, которое доставил бы мне удар ножом или пистолетный выстрел, притом это мщение уже началось.

— А! — воскликнул генерал с насмешливым видом.

— Но так как это мщенис должно быть честно, — продолжал охотник с волнением, — я хочу дать вам при всех доказательства, что не боюсь вас; эта маска, в которой вы упрекаете меня, спадет с лица моего не потому, что вы меня узнали, но потому, что я считаю недостойным скрывать себя долес от вас. Братья! — прибавил он обернувшись к своим молчаливым товарищам. — Одна моя маска должна быть снята, вы своих масок не снимайте: для пользы моего мщениа вы должны оставаться не известными.

Пятеро мужчин молча подали знак согласия.

Охотник снял маску, скрывавшую сго лицо, и далеко отбросил ее от себя.

— Валентин Гиллуа! — вскричал генерал. — Я был в этом увсрен.

При этом знамснитом имсни, охотники второго каравана сдслали движенис, чтобы броситься вперед или из любопытства, или по какой-либо другой причинс.

— Остановитесь! — сказал француз, удерживая их быстрым движением. — Дайте мне кончить с этим человеком.

Охотники поклонились и отступили.

— Тсперь, — продолжал Валентин, — мы находимся лицом к лицу. Выслушайте же терпеливо то, что мне останеся вам сказать, может быть, скоро бесстрастие, разлитос по вашим чертам, растает от моих слов, как снег от первых лучей солнца.

— Я буду вас слушать, потому что я не могу поступить иначе; но если вы льстите себя надеждой, что можете тронуть меня каким бы то ни было образом, я должен предупредить, что это вам не удастся; нснависть, которую я чувствую к вам, слишком персвсшивается прсзрением, которое вы мне внушаете, так что никакие ваши поступки и слова не могут меня тронуть.

— Слушайте же! — холодно продолжал охотник. — Когда мой нессчастный друг пал на гваймасском берсгу, в пароксизме горести, я имел намерение вас убить, но скоро я обдумал, и понял, что лучше оставить вас в живых. Моими страданиями, чсрсс неделю после смерти графа, мексиканское правительство не только публично осудило ваш поступок, но даже лишило вашего места, нс удостоив объяснить вам причины этого решения.

— А! — сказал генерал, шипящим, но сдержанным голосом. — Это вам я обязан моей отставкой?

— Да, генерал, мне одному.

— Я очень рад это узнать.

— Вы остались тогда в Соноре, не имея ни власти, ни влияния, ненавидимый и презираемый всеми, с тем неизгладимым клеймом на лбу, которое Господь запечатлел на Каине, первом убийце; но Мексика страна блаженная, там честолюбцы легко ловят рыбу в мутной воде, когда, как вас, их не удерживают никакие узы чести, часто связывающие честных людей. Вы не могли долго оставаться в таком положении, ваше намерение было принято в несколько дней. Вы решились оставить Сонору, отправиться в Мехико и, при помощи вашего колоссального богатства и влияния, осуществлять свои честолюбивые планы, переменив место действия; вы намеревались заставить забыть преступные деяния, в которых оказались виновны. Ваши приготовления были скоро сделаны; теперь слушайте хорошенько, генерал, я дохожу до самого интересного места в моем рассказе, клянусь вам!

— Продолжайте, продолжайте, сеньор! — отвечал Герреро небрежно. — Я слушаю вас с вниманием, не надеюсь, чтобы я забыл хоть одно ваше слово.

— Несмотря на равнодушие, которое вы выказывали, сеньор, я знаю, что вы будете слушать с вниманием, и продолжаю: так как вы опасались по некоторым причинам, которые будет бесполезно объяснять подробно, что ваши враги постараются помешать вашему отъезду, или устроят вам засаду в том продолжительном путешествии, которое вам пришлось бы совершить из Гермозильо в Мехико — вы приняли меры предосторожности, которые оказались напрасны, как вы сами должны теперь сознаться. Чтобы обмануть ваших врагов, вы, переодевшись, с небольшим числом людей оправились по дороге в Калифорнию, чтобы возвратиться в Мехико по Скалистым горам, а человек, которому вы доверяли более всего, капитан дон Изидро Варгас, востран воин за независимость, знавший вас ребенком и которого вы сумели расположить к себе, поехал по кратчайшей дороге, и, следовательно, по самой прямой, в столицу и взял с собой не только двенадцать лошаков, навьюченных серебром и золотом, плоды вашего грабежа во время вашего губернаторства, но и тело вашей дочери, которое вы приказали забальзамировать и похоронить рядом с ее предками в вашей ачиснде дель-Пальмар, которую вы

оставили уже давно, и куда, вероятно, никогда не загляните. Цель ваша состояла не только в том, чтобы отвлечь вниманиис от ваших несправедно приобретенных богатств, но и увлечь врагов за вами и сбить их с пути; но, к несчастью или к счастью — это зависит, как вы взглянете на этот вопрос, — я старый охотник, которого трудно обмануть, мои товарищи давно дали мне знаменитое прозвище *Искателя Следов*; между тем как все терялись в предположениях на ваш счет, я один не ошибался и угадал ваш план.

— Однако ваше присутствие здесь опровергает это уверение, сеньор, — преребил иронически генерал.

— Вы думаете, сеньор? Это доказывает, что вы еще плохо меня знаете; но имейте терпение, я еще надюсь, что вы лучше меня оцените; кроме того, вы не подумали сколько времени прошло после вашего отъезда из Гермозильо.

— Что это значит? — спросил генерал с тайным предчувствием.

— Это значит, что прежде чем я напал на вас, я хотел покончить с капитаном.

— А!

— Да, генерал, с сожалением сообщаю вам, что через четыре дня по выезде из Питска, храбрый дон Изидро, хотя был старый, опытный солдат и бывший партизан, сведущий в военных хитростях, попал в такую же засаду, в какую сегодня попали вы; только...

— Только... — перебил генерал, более заинтересовавшись, чем хотел показать, и начинавший опасаться катастрофы.

— Капитану дали возможность защищаться, — иронически продолжал охотник, — он употребил ее во зло и храбро дал себя убить, чтобы спасти золото, которое вы ему поручили, а в особенности гроб с телом вашей дочери.

Темное облако пробежало по лицу генерала, холодный пот выступил на висках его, он сжал лоб рукою, но тотчас преодолел себя и возвратил все свое хладнокровие.

— Ну что ж, вы ограбили мой караван? Вы похитили золото и серебро? — сказал он с презрением.

— Вероятно, вы поступили бы таким образом, дон Себастьян, в подобных обстоятельствах, — ответил охотник, платя ему оскорблением за оскорбление, — а я счел

обязанностью поступить иначе; что же делать, я грубый и невоспитанный охотник, я грабить не умею, не научился этому в то время, когда имел честь служить моей родине, а в Мексике никогда не служил под вашим начальством. Вот что я сделал. Как только капитан и пеоны были убиты — и надо отдать им должное, бедняги отчаянно защищались, — я сам проводил, слышите ли вы, генерал? Я сам проводил ваши сокровища до вашей ачиснды дель-Пальмар, где они находятся в эту минуту в безопасности; вам легко будет удостовериться в этом, если когда-нибудь вы будете в Пальмаре.

Генерал вздохнул свободнее и улыбнулся иронически.

— Но вместо того, чтобы порицать вас, сеньор, — сказал он, — я должен, напротив, благодарить вас за такой рыцарский поступок, в особенности против врага.

— Не спешите благодарить меня, кабальеро, — возразил охотник, — я еще не все сказал вам.

Эти слова были произнесены такой ненавистью, что и сам генерал, и присутствующие невольно затрепетали, поняв, что охотник сообщит какое-нибудь страшное известие, и что спокойствие, выказываемое им, скрывает бурю.

— А! — прошептал дон Себастьян. — Говорите, сеньор, мне хочется скорее знать все, чем я вам обязан.

— Капитан Изидро Варгас провожал не одни богатства, которые я отвез в Пальмар, — сказал охотник резко и отрывисто, — в фургоне был еще гроб. Что же, генерал, вы не спрашиваете меня: куда девался этот гроб?

Электрический трепет пробежал по рядам присутствующих при этом ироническом вопросе, сделанном холодно охотником, глаза которого, неумолимо устремленные на генерала, метали молнии.

— Что вы хотите сказать? — вскричал дон Себастьян. — Я полагаю, вы не совершили святотатства?

Валентин захохотал хриплым и отрывистым смехом.

— Ваши предположения всегда преступают за границы, генерал, — сказал он. — Чтобы я совершил святотатство! О нет! Я слишком любил бедную девушку в живых для того, чтобы оскорбить ее мертвую. Нет, нет! Невеста моего друга священна для меня; но так как, по моему мнению, убийца не должен иметь никакого права на тело своей жертвы, а так как вы нравственно убийца

вашей дочери, что я похитил у вас ее тело, которое вы недостойны сохранять и которое должно лежать возле того, ради которого она умерла.

Наступило минутное молчание.

Лицо генерала, уже и без того бледное, приняло зеленоватый оттенок, глаза его налились кровью, все тело судорожно трепетало; два или три раза он делал сверхъестественное усилие для того, чтобы заговорить, но не мог; наконец он вскричал хриплым голосом:

— Это неправда, вы этого не сделали, вы не осмелились, не правда ли, похитить у отца тело его дочери?

— Я это сделал, говорю вам, — холодно отвечал охотник, — я похитил у вас вашу жертву — и никогда, никогда — слышите ли вы? — вы не узнаете в каком месте покоится это бедное тело. Это только начало моего мщения; я хочу убить в вас не тело, а душу. Теперь поезжайте, забудьте в Мехико, посреди ваших честолюбивых интриг сцену, происходившую между нами; но помните, что везде и всегда вы найдете меня на вашем пути. Прощайте или, лучше сказать, до свидания!

— Одно слово, еще одно слово! — вскричал генерал в глубоком отчаянии. — Отдайте мне прах дочери. Увы — то единственное существо на земле, которое я любил.

Охотник смотрел на него с минуту с неизъяснимым выражением, потом голосом жестким и холодно-насмешливым произнес:

— Никогда!

Он вошел в грот со своими замаскированными товарищами.

Генерал хотел броситься за ним, но его удержали индейцы и, несмотря на его сопротивление, принудили остановиться.

Дон Себастьян, тем более пораженный этим последним ударом, что он был неожидан, оставался с минуту, опустив руки и понурив голову, наконец рыдание вырвалось из груди его, две жгучие слезы брызнули из глаз и он, как мертвый, повалился на землю.

Даже индейцы, эти грубые воины, которым жалость неизвестна, растрогались этим ужасным отчаянием; многие отвернулись, чтобы не быть свидетелями.

Между тем Насмешник велел псонам седлать лошадей и навьючивать лошаков. Генерала посадили на ло-

шадь между двумя слугами; через несколько минут караван тронулся со всей своей поклажей из крепости Чичимек, мимо безмолвных рядов индейских воинов, кланявшихся, когда он просзжал.

Когда мексиканцы исчезли в извилинах дороги, Валентин вышел из грота и почтительно подошел к охотникам второго каравана.

— Извините меня, — сказал он им, — за задержку, за невольный испуг; я должен был действовать таким образом. Вы сдете в Мехико, я сам скоро там буду, и как знать, может быть, когда-нибудь мне понадобится ваше свидетельство.

— Оно будет вам дано, любезный соотечественник, — всжливо отвсчал тот самый охотник, который говорил до сих пор.

— Как! — вскричал Валентин с удивлением. — Вы француз?

— Да и все мои товарищи также. Мы едем из Сан-Франциско, где, слава Богу, накопили довольно хорошее состояние, которое надеемся удвоить в Мехико. Меня зовут Антуан Ральс — вот мои братья, Эдуард и Огюст; две дамы, сопровождающие нас, моя мать и сестра. Если вы никого не знаете в Мехико, приехав туда, прямо пожалуйста ко мне, вы будете приняты не только как друг, но даже как брат.

Охотник пожал руку, которую протягивал ему соотечественник.

— Если так, я не отпущу вас одних, — сказал он, — эти горы кишат разбойниками всякого рода, от которых, может быть, вы не спасетесь; под моей защитой вы поедете везде.

— Принимаю ваше предложение весьма охотно, но отчего вы сами не поедете с нами до Мехико?

— Это невозможно, — отвечал охотник задумчиво, — но, будьте спокойны, я скоро приеду к вам и потребую исполнения вашего обещания.

— Милости просим, друг, мы давно вас знаем, нам известно, что вы всегда возвышали в Америке звание француза.

Через два часа крепость Чичимек опустела, и белые, и индейцы оставили ее навсегда.

Мехико

Теперь мы пропустим около двух месяцев и, оставив Скалистые горы, просим читателя последовать за нами в центр Мексики.

Испанские завосватели выбирали с удивительной точностью местоположение, где основывали города, которым было назначено упрочить их могущество и сделаться впоследствии центрами их огромной торговли и средоточием их бесчисленных богатств.

Еще и теперь, эти полуразрушенные города, из которых ушла жизнь, составляют предмет удивления для путешественника, привыкшего к тесноте старых европейских городов, и который задумчиво смотрит на эти обширные площади, окруженные аркадами, на широкие улицы, в которых беспрерывно течет родниковая вода, на эти тенистые сады, где щебечут тысячи птиц в ярком оперении, на эти смелые мосты, на эти здания, отличающиеся величественной простотой, внутри которых находятся неисчислимые богатства, однако повторяем, эти города более ничего, как тень их самих; они кажутся мертвыми, и пробуждаются только при бешеном востолке, чтобы существовать несколько дней лихорадочной жизнью под влиянием политических страстей; потом, когда трупы уберут, вода омост кровь, улицы впадают в прежнее уединение, жители прячутся в дома, старательно закрытые — и все опять становится угрюмо, печально, безмолвно.

Если исключить Лиму, город великолепный, Мехико, может быть, самый большой и самый прекрасный из всех городов, бывшей Испанской Америки.

С какой стороны ни рассматривать его, — Мехико представляет великолепные виды; но, если хочешь насладиться истинно волшебным зрелищем, надо на закате солнца войти на одну из соборных башен, тогда внизу предстанет самая странная и самая привлекательная панорама, какую только можно вообразить.

Мехико существовал задолго до открытия Америки.

Вот каким образом основание этого города рассказывается старинными авторами; без сомнения, читатель простит нам это отступление.

В самый год смерти Гуэцина, короля Тэцкуко, то есть *места, где останавливаются* — потому что в этом самом месте кончилась миграция чичимсков, мексиканцы ворвались в страну и в начале 1040 нашей эры достигли того места, где теперь находится Мехико; это место составляло тогда часть владений Окульхуа, владельца Ацкапуцалко.

По описаниям древних историков, эти индейцы пришли к границе провинции Ксалиско; кажется, они были одного рода с толкстами и из фамилии благородного Гуэцина, который со своим семейством и своими слугами спасся во время истребления толтеков и остался в Чапультепске, который после был разрушен.

Рассказывают, что он прошел с ними страну Мичоакан и укрылся в провинции Ацтланд, где и умер; пресмыкающимися его были Оцалопан, его сын, и Ацплан его внук, наследником которого был Оцалопан Второй. Тот, помня страну своих предков, решился воротиться туда со всем своим народом, которого уже называли *мецетин*; он повелевал им так же, как и Ицкагуй, Куэкспал, Иопи и другие вожди, между которыми первое место занимают Ацтлал и Акатл; после многих приключений и битв, они добрались до берегов большого озера, усыпанного множеством островов; воспоминание о местоположении их страны по преданию сохранилось между ними, поэтому они тотчас ее узнали, хотя никто из них никогда ее не видал. Слишком слабые для того, чтобы сопротивляться окружающим их народам, они не могли поселиться в чистом поле; они основали на самом озере, на нескольких островах, которые соединили между собой, город,

названный ими Мехико, по их имени, который должен был впоследствии сделаться столицей могущественной империи.

Хотя мексиканцы пришли к озеру в 1040-м только в 1042-м американская Венеция начала выходить из недр вод.

Мы распространились об этих подробностях, для того чтобы исправить ошибку, сделанную одним современным автором, который приписывает ацтекам основание этого города и называет его Теноктитлан, вместо Тсмикститлан.

Для того чтобы защитить себя от несчастий, которые уже их постигли, мексиканцы отдали себя под покровительство короля Ацкапуцалко, на землях которого они поселились. Этот государь дал им в правители двух своих сыновей; первым был Акамапиктли; он был вождем тснуккас; прибыв в Анахуак эти индейцы нашли навсрху скалы смоковницу, на которой орел терзал змею. Акамапиктли выбрал эту эмблему для той нации, которой он предводительствовал. Во время войны за независимость, инсургенты снова приняли этот герб, в память древнего и знаменитого происхождения, которое он им напоминал.

Как и Венеция, его европейская сестра, Мехико был составлен сначала из хижин, служивших убежищем прибрежным рыбакам, бывшим непрерывно настороже от нападений их соседей. Мексиканцы, сначала рассеявшиеся на бесчисленном множестве маленьких островов, почувствовали потребность соединиться, чтобы иметь возможность защищаться посредством терпения и мужества; они успели выстроить высокие дома на сваях, наполненных землей, и устроили род плавучих садов, самых любопытных в свете, в которых посеяли огородные растения, сарачинское пшено, индейский перец, и таким образом сумели, еще и охотясь за водяными птицами на озере, совершенно обойтись без своих соседей.

Мехико был почти разрушен вследствие ожесточенных битв между мексиканцами и испанцами, и через четыре года после завоевания отстроен вновь Эрнаном Кортесом; но новый город вовсе не походил на старый: множество каналов было засыпано и заменено мощными улицами; великолепные палаццо, величественные

монастыри были воздвигнуты, как бы чудом, и город сделался совершенно испанским.

Мехико часто описывали писатели опытнее нас, и мы сами во многих наших сочинениях так часто имели случай говорить о нем, что не будем теперь его описывать, и начнем опять наш рассказ.

Два месяца прошло с того времени, как несчастный граф де Пребуа-Крансе, жертва несправедного суда, геройски пал в Гваймассе под мексиканскими пулями*. Было 12 октября 1854 года, густой туман целый день носился над городом, иногда шел мелкий дождь, который после заката солнца сделался сильнее, к восьми часам вечера, однако, дождь перестал.

Улицы и площади были пусты, хотя было еще не поздно; гуляющие, прогнанные дождем, поспешили укрыться в дома; глубокая тишина царствовала в городе; огни погасали один за другим, и на скользкой мостовой в длинных промежутках слышались только шаги ночных сторожей, исполнявших свою меланхолическую прогулку с самым равнодушным видом; город как будто спал.

Половина десятого пробило на соборных часах в ту минуту, как на гигантском шоссе, соединяющем город с твердой землей, послышался топот лошадей, и силуэты двух всадников, закутанных в толстые плащи, обрисовались в мрачных лучах луны.

Эти всадники, по-видимому, проделали продолжительный путь: лошади их, покрытые грязью, подвигались с большим трудом.

Они доехали наконец до низкого дома, сквозь грязные стекла которого виднелся огонь, показывавший, что обитатели этого дома еще не спали.

Всадники остановились перед этим домом — это была гостиница — и, не сходя с лошади, один из них раза три ударил ногой в дверь, призывая хозяина громким и отрывистым голосом.

Хозяин не торопился отвечать и, вероятно, еще долго заставил присезжих зябнуть перед дверью своей гостиницы, если бы тот, который стучался, утомившись, без сомнения, от этого продолжительного ожида-

* «Курумилла». «Собрание иностранных романов», 1863, май, июнь, июль.

ния, не придумал верного средства получить наконец ответ.

— Если эта собака не хочет отвечать, — сказал он, вынимая пистолет и заряжая его, — я пошлю ему пулю в окно.

Едва эта угроза была произнесена, дверь отворилась, как бы по волшебству, и трактирщик появился на пороге.

Человек этот походил на трактирщиков всех стран: у него была хитрая кошацья физиономия, но в эту минуту его улыбка плохо скрывала глубокий ужас на смертельно бледном лице.

— Имейте терпение, кабальеро! — сказал он, почти-тельно поклонившись. — Видно, что вы иностранец и не знаете обычаев нашей страны.

— Все равно, кто бы я ни был, — резко отвечал незнакомец. — Вы трактирщик или нет?

— Имсю эту честь, кабальеро, — отвечал трактирщик с новым поклоном, еще ниже первого.

— А если так, негодяй, — с гнсом закричал незнакомец, — по какому праву позволяете вы себе заставлять меня дожидаться у ваших дверей, когда обязанность ваша угождать посетителям!

Трактирщику очень хотелось рассердиться, но решительный вид человека, который говорил с ним, а в особенности пистолет в руке, принуждали его воздержаться, он отвечал с глубоким смирением:

— Поверьте, сеньор, что если бы я знал, какой знаменитый кабальеро оказал мне честь остановиться у моей бедной гостиницы, я поспешил бы отворить.

— Перестаньте болтать дерзости и отворяйте дверь!

Трактирщик поклонился, ничего не отвечая на этот раз, и свистнул слугу, который пришел помочь ему держать лошадей путешественников; те пошли в гостиницу, между тем как их усталых лошадей отводил слуга в конюшню.

Зала, в которую вошли путешественники, была низка и черна, меблирована грязными столами и скамейками, из которых многие были сломаны, глиняный пол был неглазок и грязен.

Словом, в той гостинице не было ничего ни привлекательного, ни комфортабельного, по-видимому, ее посещал самый жалкий класс мексиканского населения.

Одного взгляда было достаточно для путешественников, чтобы узнать в какое место привел их случай. Но они не выказали того, что вид этого разбойничьего притона внушил им. Они поместились, как могли лучше, за одним столом, и тот, кто говорил до сих пор, обратился к трактирщику, между тем как безмолвный его товарищ прислонился спиной к стене и приподнял к лицу складки своего плаща.

— Мы буквально умираем с голода, хозяин, — сказал путешественник, — не можете ли вы дать нам закусить чего-нибудь?

— Гм! — отвечал трактирщик с замешательством. — Уже поздно, кабальеро, я не знаю, найдется ли во всем доме лепешка из сарачинского пшена.

— Ба-ба! — возразил путешественник. — Я знаю, что это значит: приступим прямо к делу. Дайте мне ужинать, я не посмотрю на цену.

— Если бы вы мне заплатили по пиастру за каждую лепешку, я не знаю мог ли бы я подать вам две, — отвечал трактирщик все с большим и большим принуждением.

Путешественник смотрел на него пристально минуты две, потом, тяжело положил руку на плечо его и, принудив его наклониться к себе, сказал:

— Я хочу провести два часа в вашей гостинице, я знаю, что через несколько минут вы ждете многочисленное общество и что у вас все готово для его приема.

Трактирщик хотел возразить, но путешественник остановил его.

— Молчите! — продолжал он. — Я хочу присутствовать при разговоре тех кто приедет, разумеется, так, чтобы меня не видели и не слышали, но так, чтобы я не только их видел, но и слышал все, что они будут говорить. Поместите меня, где хотите, — это ваше дело. Впрочем, так как всякий труд заслуживает вознаграждения — вот вам десять унций; я дам вам столько же, когда ваши гости уедут. Спешу вас уверить, что мое требование ни в чем вас не компрометирует и что никто никогда не узнает нашего условия. Вы меня поняли, не правда ли? Теперь я прибавлю, что если вы мне откажете в том, что я вам предлагаю...

— Если я откажу?

— Я прострелю вам голову, — прямо отвечал путешественник. — Друг мой, которого вы видите, взвалит вас на плечи, бросит в воду, и все будет кончено. Что вы думаете о моем предложении?

— Я думаю, — отвечал бедный трактирщик с гримасой, имевшей притязание походить на улыбку, и дрожа всем телом, — что мне не останется выбора и что я должен согласиться.

— Хорошо! Вы становитесь рассудительны. Возьмите же эти унции в виде утешения.

Трактирщик положил деньги в карман и со вздохом поднял глаза к небу.

— Не бойтесь ничего! — продолжал путешественник. — Все произойдет лучше, чем вы предполагаете. В котором часу ожидаете вы ваших гостей?

— В половине одиннадцатого.

— Хорошо! Теперь половина десятого: у нас есть время. Где вы намерены нас спрятать?

— За прилавком. Никто не подумает искать вас там, тем более что я сам буду служить вам прикрытием.

— Стало быть, вы будете присутствовать на этом собрании?

— О! — отвечал трактирщик с улыбкой. — Меня нечего им опасаться, тем более что, если я разболтаю, то мой трактир погибнет.

— Справедливо. Итак, это решено; когда настанет время, вы поместите меня за прилавком; но не может ли поместиться там и мой товарищ?

— О! Очень удобно.

— Я думаю, что с вами это случается не в первый раз?

Трактирщик улыбнулся и ничего не отвечал.

Путешественник подумал с минуту.

— Все-таки дайте нам закусить, — сказал он наконец, — вот вам еще два пиастра за то, что вы подадите нам.

Трактирщик взял оба пиастра и, забыв, что уверял будто у него ничего нет, в одно мгновение уставил стол кушаньями, которые, не будучи деликатесами, были, однако, довольно вкусны, особенно для людей, аппетит которых сильно возбужден.

Оба путешественника рьяно принялись за ужин, и около двадцати минут слышалась только работа их челюстей.

Когда голод был наконец утолен, тот из путешественников, который, по-видимому, присвоил себе право говорить за себя и за товарища, отодвинул свой прибор и, обратившись к трактирщику, скромно стоявшему позади со шляпой в руке, сказал:

— Теперь поговорим о другом. Сколько у вас слуг?

— Двое: тот, что отвел ваших лошадей в конюшню, и еще другой.

— Очень хорошо; вам, верно, не нужны они сегодня, чтобы принять ваших гостей?

— Конечно, нет, тем более что для большей верности я один буду им служить.

— Тем лучше, стало быть, вы можете послать одного, разумеется, с тем, что за это будет заплачено?

— Могу! Куда же надо его послать?

— Просто отнести вот это письмо, — он вынул запечатанную бумагу, спрятанную на его груди, — на улицу Монтерилло, сеньору дону Антонио Ральс, и принести мне ответ сюда же, скорее.

— Это легко. Пожалуйста мне письмо.

— Вот оно, и вот четыре пиастра за труды.

Трактирщик почтительно поклонился и немедленно вышел из зала.

— Я думаю, Курумилла, — сказал тогда путешественник своему товарищу, — что наши дела идут неплохо.

Тот отвечал безмолвным знаком согласия. Через минуту трактирщик воротился.

— Ну что? — спросил путешественник.

— Ваш посланец отправился, только, верно, он воротится нескоро.

— Это почему?

— Потому что ночью запрещено ездить верхом по городу без особого позволения, так что он принужден идти и воротиться пешком.

— Это все равно, только бы он воротился до восхода солнца.

— О! Задолго до того.

— Стало быть, все хорошо; но, я думаю, что приближится минута, когда ваши гости придут.

— Действительно, так. Не угодно ли вам следовать за мной?

— Пойдемте.

Путешественники встали, трактирщик в несколько мгновений убрал остатки ужина, потом отвел своих гостей за прилавок.

Этот прилавок, довольно высокий и очень глубокий, представлял им, если не удобное, то зато совершенно надежное убежище, куда они спрятались с пистолетом в каждой руке, чтобы быть готовыми на всякий случай.

Едва поместились они под прилавком, как несколько ударов, сделанных особенным образом, раздалось в дверь гостиницы.

Гостиница

В одном из наших прежних сочинений мы документально доказали, что после объявления своей независимости, то есть около сорока лет, в Мексике было двести тридцать революций, что дает в среднем по пяти революций в год.

Причину этих революций следует отыскивать в честолюбии офицеров, командующих армией. Этих офицеров считается *двадцать четыре тысячи*, тогда как сама армия состоит всего из двадцати тысяч.

Эти офицеры вообще очень несведущие и, в особенности, очень честолюбивые, не способные командовать самое простое движение, находят в общественных беспорядках случай к возвышению, который иначе не встретили бы, и множество мексиканских генералов достигли своего звания, никогда не присутствовав в сражении и даже не видав другого огня, кроме огня своей сигарки, которая не выходит у них изо рта; зато они умели ловко направить революцию, и каждая революция доставляла им чин, а иногда и два, таким образом они приобрели звание генералов, то есть возможность при случае в свою очередь провозгласить себя президентом республики, что составляет мечту каждого из их и постоянную цель их усилий.

Мы сказали, что путешественники едва успели спрятаться за прилавки, как несколько ударов, сделанных особым образом в дверь гостиницы, предупредили трак-

тирщика, что таинственные гости, ожидаемые им, начинали прибывать.

Лусачо, трактирщик, был толстый, низенький человек с лукавой физиономией, с серыми, вечно бегающими глазами, с косым взглядом, с толстым брюхом, настоящий тип мексиканского трактирщика, жадного к прибыли, больше, чем два жиды, и умевшего очень хорошо — когда обстоятельства этого требовали, то есть, когда дело шло о его выгодах — поступать против совести; он удостоверился одним взглядом, что в зале все было в порядке и ничто не обнаруживало присутствия незнакомцев, потом направился к двери, но, прежде чем отворить ее, вероятно, для того, чтобы доказать свое усердие, благорассудил спросить прибывших:

— Кто там?

— Мирные люди, — отвечал грубый голос. — Отвори, именем чорта, если не хочешь, чтобы мы выбили дверь.

Лусачо, без сомнения, знал этот голос, потому что несколько резкий ответ, полученный им, показался ему достаточен, и он немедленно начал отодвигать запоры.

Как только дверь была открыта, несколько человек ворвались в гостиницу, толкая друг друга, как будто боялись погони.

Их было человек восемь, в них легко было узнать военных, несмотря на то, что на некоторых был штатский костюм.

Впрочем, они смеялись и шутили громко, что доказывало, что цель их собрания была не так важна, чтобы отнять у них обычную веселость.

Они уселись за один стол, и трактирщик без сомнения, давно знавший их привычки, поставил перед ними бутылку каталонского вина, которое они начали попивать, закулив сигары.

Дверь была оставлена трактирщиком открытой, он, вероятно, считал бесполезным закрывать ее. Посетители входили беспрерывно, и число их скоро увеличилось до того, что зала хотя довольно обширная, совершенно наполнилась. Вновь приходившие следовали примеру первых: они садились за стол, куда им подавали вино и сигары, не опасаясь тех, кто пришел прежде них в гостиницу, а только молча кланяясь им при входе.

Лусачо постоянно бродил вокруг столов, наблюдая за всем, и не подавал ничего без того, чтобы тотчас не получить деньги.

Наконец один из незнакомцев встал и несколько раз ударил по столу своим стаканом, чтобы потребовать молчания.

— Дон Сирвен здесь? — спросил он.

— Здесь, сеньор, — отвечал, вставая, молодой человек лет двадцати с женственными чертами лица, уже отмеченными развратом.

— Удостоверьтесь, что здесь все налицо.

Молодой человек молча поклонился и начал ходить от стола к столу, обмениваясь несколькими словами шепотом с каждым из присутствующих.

Когда дон Сирвен обошел всю залу, он приблизился к тому, кто его звал, и почтительно ему поклонился.

— Сеньор коронель, — сказал он, — собрание полное, кроме одной особы; так как она не дала нам знать, что сделает нам честь своим присутствием, то я...

— Очень хорошо, — перебил полковник, — выйдите из гостиницы, старательно наблюдайте за окрестностями, не позволяйте приблизиться никому, и если особа, известная вам, явится, немедленно введите ее. Вы слышали? Исполните же аккуратно мои приказания. Вы понимаете важность для вас беспрекословного повиновения?

— Положитесь на меня, — отвечал молодой человек.

Почтительно поклонившись своему начальнику, он вышел из гостиницы и затворил за собой дверь.

Тогда присутствующие, не вставая, повернулись на своих скамьях и, таким образом, очутились напротив полковника, который стал в середину залы.

Он подождал несколько минут, чтобы молчание восстановилось, потом, поклонившись присутствующим, сказал:

— Позвольте мне сначала поблагодарить вас за точность, с какой вы явились на свидание, которое я имел честь назначить вам. Я счастлив доверием, которое вам угодно было оказать мне. Поверьте, я сумею сделаться его достойным: оно мне доказывает еще раз, что вы истинно преданы отечеству, и что оно может полагаться на вас в час опасности.

Эта первая часть речи полковника, была встречена рукоплесканиями.

Этот полковник был человек лет сорока, ростом с Геркулеса, похожий скорее на мясника, чем на честного воина, его кошачья физиономия и косые взгляды не внушали никакой симпатии, все чины его были добыты ценой измены.

Но сообщникам своим он внушал неограниченное доверие: они знали, что он был слишком хитер для того, чтобы участвовать в дурном деле.

Дав время энтузиазму утихнуть, он продолжал:

— Я счастлив, сеньоры, не этими рукоплесканиями, но вашей преданностью общественному делу. Вы понимаете — как я, не правда ли? — что мы не можем долее переносить поступки человека, выбранного нами. Он оказался недостойным вверенной ему власти, он изменил своей обязанности, и час отставки скоро пробьет для того, кто нас обманул.

Полковник, без сомнения, долго продолжал бы эту речь, если бы вдруг один из присутствующих, не видя ничего положительного и ясного в этом потоке звучных слов, не прервал его хриплым голосом:

— Все это прекрасно, полковник, всем известно очень хорошо, что мы преданы душой и телом нашему отечеству, но каждая преданность требует платы! Что же мы получим за это в конце концов? Мы собрались сюда не для того, чтобы курить друг другу фимиам, а, напротив, чтобы окончательно условиться. Пожалуйста, приступайте же немедленно к делу.

Полковник сначала несколько оторопел, но оправился почти тотчас же, и, обернувшись с улыбкой к говорившему, сказал:

— Я только что хотел приступить к делу, любезный капитан, но вы перебили меня.

— Когда так, — отвечал капитан, — положим, что я ничего не сказал; объясните же нам все в двух словах.

— Во-первых, — отвечал полковник, — я сообщу вам известие, которое, думаю, будет принято вами с радостью. Мы собираемся в последний раз!

— Хорошо, хорошо, — сказал положительный капитан, ободряя взорами своих товарищей, — прежде скажите нам о награде.

Полковник понял, что хитрость уже невозможна, тем более что все присутствующие принимали сторону своего товарища и начали перешептываться самым зловещим образом.

В ту минуту, когда он решился наконец приступить к делу, дверь гостиницы отворилась, и человек, закутанный в широкий плащ, вошел в залу. Перед ним шел алферец дон Сирвен, который закричал громким голосом, совершенно заглушившим разговор:

— Генерал, кабальеро, генерал!

При этих словах тишина наступила, как бы по волшебству. Тот, которого называли генералом, остановился посреди залы, обвел взором всех присутствующих, потом снял шляпу, спустил плащ, и явился в полном генеральском облачении.

— Да здравствует генерал Герреро! — закричали все, вставая с энтузиазмом.

— Благодарю, господа, благодарю, — отвечал генерал, кланяясь несколько раз. — Этот горячий прием радует меня, но замолчите, прошу вас, для того чтобы мы могли скорее кончить дело, по которому мы собрались сюда; минуты драгоценны и несмотря на принятые предосторожности наше присутствие в этой гостинице может быть обнаружено.

Все приблизились к генералу с любопытством, которое легко понять. Он продолжал:

— Я несмеленно приступлю к делу. Для того чтобы не терять время — чего хотим мы? Свергнуть президента и заменить его другим, который более будет соблюдать наши интересы?

— Да-да! — закричали все.

— Но тут дело идет о нашей голове, — прибавил генерал холодно, — нам нечего обманывать себя на этот счет, если наш план не удастся, победители расстреляют нас без всякой жалости; но нам удастся, — поспешил он прибавить, приметив неприятное впечатление, произведенное этими словами на присутствующих, — нам удастся, потому что мы приступаем решительно к делу страшному, и каждый из нас знает, что его состояние зависит от выигрыша этого дела, начиная от алферца до бригадного генерала; каждый знает, что от успеха он получит два чина, и что эта ставка довольно хороша для того, чтобы заставить на-

именее решительного не дрогнуть, когда настанет минута начать борьбу.

— Да-да, — сказал среди глубокой тишины капитан, замечания которого до прихода генерала так смутили полковника, — все это очень хорошо. Действительно, конечно, очень приятно получить разом два чина, но нам обещали еще кое-что от вашего имени, сеньор.

Генерал улыбнулся.

— Вы правы, капитан, — сказал он, — и я намерен сдержать все обещания, сделанные от моего имени, не тогда, как вы имеете право предполагать, когда удастся наше славное предприятие. Может быть, вы боитесь, что тогда я буду искать предлога, чтобы не исполнить моего обещания?

— Когда же? — с любопытством спросил капитан.

— Сейчас, сеньоры, — вскричал генерал громким голосом, обращаясь не к капитану, а ко всему собранию. — Я хочу вам доказать мое полное доверие к вам и к вашему слову!

Радость, удивление, может быть, недоверие до того овладели присутствующими, что они оставались неподвижны и не произносили ни слова.

Генерал рассматривал их с минуту и улыбнулся с насмешливым видом, потом, отвернувшись, пошел к двери гостиницы и отворил ее. Офицеры с жадностью следили за его движениями, едва переводя дух, и не смели еще предаваться жадной радости, овладевшей ими.

Генерал кашлянул два раза.

— Я здесь, — отвечал голос из тумана.

— Принесите мешки, — приказал дон Себастьян и небрежно воротился на середину залы.

Почти тотчас вошел человек с тяжелым кожаным мешком. Этот человек был Карнеро, капатац; по знаку генерала, он положил свою ношу и вышел, но через несколько минут воротился с другим мешком, который положил возле первого, потом, поклонившись своему господину, удалился, и дверь затворилась за ним.

Генерал раскрыл мешки, и золото посыпалось на стол; инстинктивно присутствующие подвинулись вперед и протянули сжатые руки.

— Теперь, сеньоры, — сказал генерал, все бесстрастный, и небрежно положив руку на груду золота, — по-

звольте мне напомнить вам наши условия, нас здесь тридцать пять человек, не правда ли?

— Тридцать пять, генерал, — отвечал капитан, окончательно сделавшийся оратором собрания.

— Очень хорошо; эти тридцать пять кабальсро, подразделяются таким образом: десять алферсцов, из которых каждый должен получить двадцать пять унций. Сеньор дон Хайме Лупо, — обернулся он к полковнику, — потрудитесь передать по двадцать пять унций каждому из этих господ.

Алферсцы, или подпоручики, пробились сквозь ряды и подошли получить унции, которые полковник отдал каждому; потом отступили с радостным движением, которого и не думали скрывать.

— Теперь, — продолжал генерал, — двенадцать капитанов, которым, прошу вас, сеньор дон Лупо, передать от меня каждому по пятьдесят унций.

Капитаны положили деньги в карман так же бесцеремонно, как и алферецы.

— У нас есть десять теньсентов, которым приходится по тридцать пять унций каждому, не правда ли?

Теньенты, или поручики, нахмурившие было брови, когда капитанам заплатили прежде них, с поклоном получили деньги.

— Остаются теперь три полковника, из которых каждый имеет право на сто унций, — сказал генерал, — благоволите вручить их, любезный полковник.

Тот не заставил два раза повторить просьбу.

Однако не все золото было роздано, на столе оставалось еще довольно значительная сумма.

Генерал дон Себастьян Герреро несколько минут перебирал пальцами унции, сиявшие на огне, наконец он отодвинул золото от себя.

— Сеньоры, — сказал он с приятной улыбкой, — остается почти пятьсот унций, которые совсем мне не нужны, позвольте мне просить вас разделить их между вами, чтобы помочь ждать сигнала, который вы должны получить от меня.

При этой последней любезности, энтузиазм дошел до крайней степени, крики и уверения в преданности сдались неистовы.

Один генерал оставался бесстрастен, присутствуя спокойно и холодно при разделе, которым опять занялся полковник.

Когда все золото исчезло и жар начал остывать, дон Себастьян, который, подобно гению зла, не переставал обводить взглядом, глубоко насмешливым, этих людей, преданных жадности, ударил кулаком по столу, требуя тишины. Все замолчали.

— Сеньоры, — сказал он, — я сдержал все мои обещания, я приобрел право полагаться на вас; мы уже не будем более собираться — я после сообщу вам мои намерения, только будьте готовы действовать при первом сигнале. Через десять дней будет праздник годовщины провозглашения независимости, если мои предвидения не обманывают меня, если ничто не расстроит мои планы, я, вероятно, выберу этот день для приведения в исполнение моего намерения; впрочем, я постараюсь предупредить вас. Теперь разойдемся — уже поздно и более продолжительное заседание в этом месте может компрометировать священные интересы, за которые мы поклялись умереть.

Он любезно поклонился собранию, дойдя до дверей, обернулся:

— Прощайте, сеньоры, — сказал он, — будьте мне верны.

— Мы умрем за вас, генерал! — отвечал от имени всех полковник Лупо.

Генерал поклонился в последний раз и вышел; почти тотчас послышался топот нескольких лошадей, быстро удалявшийся.

— Нам больше нечего здесь делать, кабальеро, — сказал полковник, — разойдемся нимало не медля, только не забудьте последних распоряжений генерала.

— Э-э! — сказал капитан, радостно брэнча золотом в кармане. — Дон Себастьян слишком щедр, ему нельзя не быть верным, притом, мне кажется, теперь это единственный человек, способный спасти нашу несчастную страну. Мы слишком любим наше отечество и слишком преданы его интересам для того, чтобы не принести себя в жертву, когда обстоятельства того требуют.

Все, смеясь, рукоплескали этой речи капитана и, вежливо раскланявшись друг с другом, они ушли, как пришли, то есть оставили гостиницу один за другим чтобы не привлечь внимания, старательно закутавшись в плащи и положив руку на оружие.

Через четверть часа зала была пуста, и трактирщик окончательно запер дверь.

— Ну сеньоры, — спросил он путешественников, вышедших из-под прилавка, где они сидели два часа, — довольны вы?

— Как нельзя более, — отвечал тот, который до сих пор говорил один.

— Да-да, — сказал трактирщик, — еще три или четыре подобных дела и, надеюсь, я могу удалиться на покой с честным достатком.

— Желаю этого вам, Лусачо, и вот вам обещанные десять унций.

Гулянье Букарели

Мексика — страна величественных горизонтов и великолепных пейзажей.

Описывая Мехико, мы не говорили о прогулках по нему, намереваясь впоследствии сделать им подробное описание.

В Европе, и особенно во Франции, большой недостаток в аллеях внутри города; только с некоторого времени в Париже есть несколько, достойных его. В Испании, напротив, в самом маленьком местечке есть по крайней мере хоть одна Аламеда, где после дневного зноя жители могут дышать вечерним воздухом и отдыхать от трудов. Аламеда — название грациозное и приятное для произношения, которому некоторые ученые, не знающие испанского языка, приписывают латинское происхождение, между тем как оно чисто кастиланское и значит буквально — *место, усаженное тополями*.

Аламеда в Мехико одна из прелестнейших во всей Америке.

Она находится на краю города и составляет продолговатый квадрат, окруженный стеной, вдоль которой идет довольно глубокий ров, где грязная вода, по милости беспечного правительства, издает сильное зловоние; на каждом углу аламеды есть ворота для экипажей, всадников и пешеходов, которые прогуливаются под густой зеленью ив, тополей и ясеней: это деревья, выбранные с большим умением, ветви их никогда не бывают лишены зелени.

Многочисленные дорожки идут к площадкам, украшенным фонтанами, жасминами, миртами, розами и каменными скамейками для уставших гуляющих; статуи, к несчастью, ниже всякой критики, расставлены везде, но, под влиянием густой тени, шелеста всерного ветерка, щебетания колибри, перелетающих с цветка на цветок, гармоничного пения соловьев, забываешь мало-помалу эти статуи, предаваясь сладостной мечтательности, во время которой душа уносится в неизвестные области и не принадлежит болес землс.

Но Мехико страна контрастов: на каждом шагу варварство идет там об руку с цивилизацией; все экипажи, сделав несколько кругов по Аламедс, направляются в Букарели, и все проезжают весело и равнодушно по аллее, на которую выходит стена с широким окном, с железными заржавленными решетками, из которого вырывается зловонный воздух; это окно дома, где выставляют мертвые тела, где каждый день бросают, как попало, трупы мужчин, женщин и детей, убитых ночью, трупы отвратительные, окровавленные и обезображенные смертью! Какая восхитительная идея поместить этот дом именно между двумя городскими гуляньями!

Гулянье Букарели, названное так по имени вице-короля, украсившего им Мехико, есть ничто иное, как большая аллея, где в два ряда идут ивы и березы с двумя кругообразными площадками, в центре которых находятся фонтаны, украшенные отвратительными аллегорическими статуями, и каменные скамьи для пешеходов.

У входа в Букарели поставлена конная бронзовая статуя Карла IV, действительно замечательное произведение испанского скульптора Мануэля Тольса, отлитая Сальвадором де-ла-Вега; вид этого образцового произведения должен был бы побудить мексиканский муниципалитет снять жалкие статуи, бесславящие два прелестнейшие гулянья столицы.

Из Букарели наслаждаешься великолепным видом, представляемым панорамой гор, утопающих в светлом вечернем тумане; сквозь арки гигантского водопровода виднеются белые фасады вилл; маисовые поля тихо волнуются от ветра и снежные вершины вулканов теряются в облаках.

Только когда ночь совсем настанет, гуляющие, оставив Аламеду, приезжают в Букарели в экипажах, которые сделают два или три круга, потом экипажи, всадники и пешеходы удаляются и гулянье опустеет; вся эта веселая и шумная толпа исчезнет, как бы по волшебству, и сквозь деревья виднеется только какой-нибудь запоздалый гуляющий, который, старательно закутавшись в плащ, спешит к своему дому, потому что ночью воры, нисколько не опасаясь полицейских, занимаются своим ремеслом с дерзостью, которую может придать только уверенность в безнаказанности.

Это было вечером, как всегда, гуляющих было множество; богатые экипажи, блистательные всадники, скромные пешеходы двигались взад и вперед с криками и веселым смехом; солдаты, офицеры, светские люди и леперо смешивались в толпе, небрежно курили сигары с беспечным видом южан.

Зазвонили к вечерне и во всей этой толпе настала торжественная тишина, каждый снял шляпу и перекрестился, потом, когда последний удар колокола затих, крики, разговоры, пение, раздались по-прежнему.

Однако мало-помалу гуляющие направились к Букарели, экипажей сделалось меньше и, когда совсем стемнело, Аламеда опустела.

Всадник, в богатом костюме и на великолепной лошади, которой он управлял с редким искусством, въехал тогда в Аламеду, где проскакал галопом около двадцати минут, словно кого-то отыскивая.

Однако через несколько минут — или он убедился, что поиски его бесполезны, или по какой-нибудь другой причине — он направился к Букарели и поклонился с насмешливым видом нескольким всадникам подозрительной наружности, которые начинали было подъезжать к нему, но которых его мужественная наружность и надменная физиономия удержали в отдалении.

Хотя темнота была слишком велика в эту минуту, для того чтобы было возможно различить лицо всадника, сверх того, полузакрытого широкими полями шляпы, однако все в нем показывало силу и молодость; он был вооружен, точно для ночной экспедиции, и, несмотря на предписание полиции, за седлом его был прекрасный аркан.

Скажем, мимоходом, что аркан считается в Мехико оружием до того опасным, что надо особое позволение, чтобы привязать аркан к седлу лошади на улицах города.

Разбойники, которые тотчас по наступлении ночи распоряжаются на улицах, не употребляют другого оружия, чтобы остановить тех, кого они хотят ограбить; они набрасывают им пестлю на шсю, скачут во весь опор и несчастный, полуудавленный, оказывается в их руках.

В ту минуту, когда всадник, за которым мы следуем, приехал в Букарели, последние экипажи выезжали оттуда, и скоро там сделалось так же пусто, как и в Аламеде. Он два или три раза проскакал галопом, осматривая перекрестные аллси, в конце третьего круга всадник, приехавший из Аламеды, быстро проехал по правую его руку, сказав ему шепотом мексиканское приветствие:

— Бесподобная ночь, кабаллеро!

Хотя эта фраза не имела ничего особенного, всадник вздрогнул, немедленно повернул свою лошадь и поехал по одному направлению с тем, кто сказал эти слова.

Через минуту оба всадника ехали рядом; первый, как только увидел, что за ним следуют, тотчас замедлил бег своей лошади, как будто имел намерение войти в болсе прямые сношения с тем, с кем он заговорил.

— Прекрасная ночь для прогулки, сеньор, — сказал первый всадник, вежливо поднося руку к шляпе.

— Действительно, — отвечал второй, — хотя уже становится поздно.

— Тем лучше для некоторых разговоров.

Второй всадник осмотрелся вокруг и, наклонившись к первому, сказал:

— Я почти отчаялся встретить вас.

— Ведь я вас предупредил, что я приеду.

— Это правда; но я боялся, не помешало ли вам что-нибудь.

— Ничто не должно помешать честному человеку исполнить священную обязанность, — отвечал выразительно первый всадник.

Второй поклонился с довольным видом.

— Итак, я могу на вас положиться, сеньор дон... — начал он.

— Не называйте здесь имен, сеньор, — перебил первый всадник. — Такой опытный лесной наездник, как вы, человек, так долго бывший Тигреро, должен помнить, что у деревьев есть уши, а у листьев глаза.

— Да, вы правы, я должен это помнить и помню; но позвольте заметить вам, что если здесь мы не можем говорить о наших делах, так я не знаю уже, где нам сойтись?

— Терпение, сеньор; я хочу вам услужить — вы это знаете; вы мне рекомендованы человеком, которому я ни в чем не могу отказать, предоставьте же мне руководить вами, если хотите, чтобы мы имели успех в деле, которое, признаюсь вам, представляет огромные затруднения и требует чрезвычайной осторожности.

— Я ничего лучше не желаю, но вы должны сказать мне, что я должен делать?

— Теперь весьма немного: следовать за мной издали туда, куда я намерен вас проводить.

— Мы поедem далеко?

— За казармы Акордада, на небольшую улицу, называемую Каллейон дель-Пайаро.

— Что же я буду делать в этой улице?

— Как вы недоверчивы! — вскричал, смеясь, первый всадник. — Слушайте же: в середине улицы Каллейон дель-Пайаро я остановлюсь перед домом довольно жалкого вида, лошадь мою подойдет держать один человек, и я зайду в дом; через несколько минут после меня подъезжайте вы, только сначала удостоверьтесь, не следят ли за вами; отдайте вашу лошадь тому человеку, который будет держать мою и, не говоря ни слова, даже не показывая ему вашего лица, войдите в дом, затворите за собою дверь, и я отведу вас в такое место, где мы будем говорить не опасаясь. Это решено?

— Совершенно, хотя не понимаю, зачем я, в первый раз приспешающий в Мехико, должен соблюдать такие предосторожности?

Первый всадник улыбнулся с насмешливым видом.

— Вы хотите иметь успех? — спросил он.

— Конечно! — энергично вскричал другой. — Если бы даже мне пришлось лишиться жизни!

— Раз так, делайте, как я говорю.

— Поезжайте, а я следую за вами.

Второй всадник удержал свою лошадь, чтобы дать время своему товарищу опередить его, и оба направились к статуе Карла IV, которая, как мы сказали, стоит у входа в Букарели.

Разговаривавшие позабыли про поздний час ночи и окружавшее их уединение: в ту минуту, когда первый всадник проезжал мимо статуи, на плечи его упал аркан, и его стащили с седла.

— Ко мне! — закричал он задыхающимся голосом.

Второй всадник все видел, быстрее мысли завертел он своим арканом над головой и бросил его на разбойника в ту минуту, когда тот скакал в двадцати шагах от него.

Разбойник был остановлен и сброшен с лошади; он не подозревал, что не у одного него был в распоряжении аркан.

Всадник, не останавливая своей лошади, разрезал аркан, давивший его товарища, и воротившись назад, потащил за собой разбойника.

Первый всадник, так счастливо спасенный, освобожденный от аркана, сжимавшего его горло, и, еще не совсем оправившись от волнения, свистнул своей лошади, которая прибежала на его зов, сел на нее и воротился к своему освободителю, который остановился и ждал его на некотором расстоянии.

— Благодарю, — сказал он ему. — Теперь я вам предан на жизнь и на смерть; вы меня спасли — я буду это помнить.

— Ба! — отвечал тот. — Я сделал только то, что вы сделали бы на моем месте.

— Может быть; но я буду вам признателен, это так же верно, как и то, что меня зовут Карнеро, — закричал он, забыв, в радости, что незадолго перед тем советовал не произносить имен, и сам выдал свое инкогнито. — Этот разбойник умер?

— Почти что так. Что нам с ним делать?

— Мы здесь в двух шагах от того дома, где выставляют мертвые тела, — отвечал капатац. — Туда легко перенесут труп; хотя этот человек разбойник и хотел меня убить, полиция так дурно устроена в нашей несчастной стране, что если мы совершим неосто-

рожность и оставим его в живых, у нас будут неприятности.

Сойдя наземь, он наклонился к разбойнику распростертому без чувств у его ног, снял с него аркан и холодно добил его рукояткой пистолета.

Потом оба выехали из Букарели, но на этот раз рядом, боясь нового приключения в этом же роде.

Откровенный разговор

Выехав из Букарели, оба всадника разъехались, как условились сначала, то есть капатац поехал вперед, а за ним, несколько поодаль, дон Марсьяль Тигреро, которого читатель, без сомнения, узнал.

Все случилось так, как говорил капатац.

Улицы были пусты; всадники встретили только несколько сонных дозорных, прислонившихся к стенам или ходивших робкими шагами.

Тигреро въехал в улицу Каллейон дель-Пайаро, перед скромным домом увидел лошадь капатаца, которую держал за узду человек неприятной наружности, и с любопытством смотрел на него.

Дон Марсьяль, следуя данным ему инструкциям, нагнул шляпу на глаза, остановился перед дверью, сошел с лошади, кинул узду тому, кто, по-видимому, ждал его, и, не сказав ни слова, решительно вошел в дом, старательно заперев за собою дверь.

Он очутился в совершенной темноте, но, осмотревшись, что, несмотря на темноту, ему было нелегко — потому что все мексиканские дома выстроены по одному образцу — он пошел вперед и оказался на квадратном дворе, на который выходило несколько дверей; одна из этих дверей была открыта и на пороге стоял человек с сигарой во рту.

Это был Карнеро.

Тигреро подошел к нему, тот посторонился, Тигреро вошел, капатац затворил дверь и, схватив его за руку, шепнул:

— Пойдемте.

Несмотря на уверения в преданности, которые капатац делал незадолго перед тем Тигреро, того несколько тревожила таинственность, с какой его вводили в этот дом; но так как он был молод, силен, хорошо вооружен, храбр и решил дорого продать свою жизнь, он предоставил Карнеро вести себя за руку, напряженно вглядываясь в окружающий его мрак.

Но все окна были закрыты шторами, не пропускавшими никакого света.

Проводник провел Тигреро по нескольким комнатам, пол которых был покрыт циновками, заглушавшими шум шагов, ввел его на лестницу и, отворив ключом, вынутым из кармана, дверь, перед которой наконец остановился, ввел Тигреро в комнату, слабо освещенную лампадой, горевшей перед статуей святой Девы, стоявшей в углу комнаты на пьедестале, покрытом чрезвычайно тонкими кружевами.

— Теперь, — сказал Карнеро, затворив дверь, и Тигреро заметил, что он вынул ключ, — садитесь и будем разговаривать: здесь мы в безопасности.

Дон Марсьяль последовал данному совету и, спокойно усевшись в кресле, бросил вокруг себя любопытный взгляд.

Комната, в которой он находился, была довольно обширна, меблирована богато и со вкусом; несколько дорогих картин висело на стенах, покрытых прекрасными обоями; стол, этажерки, кресла из эбенового и палисандрового дерева украшали комнату; пол был покрыт индейский циновкой; несколько книг было разбросано по столам, а на этажерках стояла серебряная посуда, словом, эта комната дышала комфортом; оба окна, украшенные мавританскими шторами, пропускали чистый воздух, освежавший атмосферу.

Капатац зажег восковые свечи от лампад, поставил их на стол, потом подвинул к Тигреро две бутылки и два серебряных стакана и сел напротив своего гостя.

— Вот херес настоящий — ручаюсь вам, а эта, другая бутылка *чингирито*, обе к вашим услугам, — сказал он, смеясь. — Предпочитаете водку или вино?

— Благодарю, — отвечал дон Марсьяль. — У меня нет охоты пить.

— Вы не захотите меня оскорбить, отказавшись чокнуться со мной.

— Хорошо, я выпью, если вы позволите, несколько капель чингирито с водой, сдвинув для того, чтобы доказать вам, что я ценю вашу вежливость.

— Хорошо, — сказал капатац, подавая Тигреро хрустальный графин, оправленный в серебро филигранной работы.

Когда они выпили, капатац стакан хреса, а Тигреро несколько капель чингирито с водой, капатац поставил стакан на стол и сказал:

— Теперь мне надо объяснить вам, зачем я привел вас сюда так таинственно, чтобы рассеять сомнения, которые могли невольно закрасться к вам в душу.

— Я вас слушаю, — отвечал Тигреро.

— Возьмите же сигару, они превосходны.

Он закурил сигару и подвинул пачку дону Марсьялю, тот выбрал одну сигару, и скоро оба собеседника были окружены облаком синеватого и душистого дыма.

— Мы находимся в отеле генерала дона Себастьяна Герреро, — начал капатац.

— Как! — вскричал Тигреро с беспокойством.

— Успокойтесь, никто не видал, как мы вошли; ваше присутствие здесь неизвестно никому по той простой причине, что я провел вас через мой особый вход.

— Я вас не понимаю!

— Однако это очень легко объяснить: дом, в который я привел вас, принадлежит мне, по причинам, о которых слишком долго будет вам рассказывать и которые вовсе для вас не интересны. Я во время отсутствия генерала, когда он был губернатором в Соноре, вселел сделать проход для сообщения между этим домом и отелем, кроме меня, никто не знает об этом сообщении, которое в известную минуту, — прибавил он с мрачной улыбкой, — может быть очень для меня полезно. Эта комната составляет часть тех комнат, которые я занимаю в отеле генерала и куда генерал никогда не входит; человек, взявший вашу лошадь, предан мне, и даже если он мне изменит, что, вероятно, случится когда-нибудь, эта измена будет для меня не важна, потому что тайная дверь, которая ведет из дома в отель, так хорошо скрыта, что я не боюсь, чтобы ее нашли; итак, вы видите, вам опасаться нечего, никто не знает о вашем присутствии.

— Но за вами могут прийти в случас, если генерал захочет вас видеть?

— Я это предвидел; моя система ничего не предоставляет случаю; сюда нельзя войти так, чтобы я не узнал этого вовремя, и я всегда успею спрятать ту особу, которая по каким-нибудь причинам не желает быть видимой.

— Это прекрасно устроено, я вижу с удовольствием, что вы человек осторожный.

— Вы знаете, сеньор — осторожность есть мать безопасности, особенно в Мексике эта пословица постоянно оправдывается.

Тигреро поклонился вежливо, но как человек, который находит, что его собеседник слишком распространялся об одном предмете и желает, чтобы он перешел к другому.

Капатац прочел этот почти неуловимый оттенок на лице Тигреро и продолжал, улыбаясь:

— Но довольно об этом, перейдем, если вам угодно, к причине нашего свидания. Человек, имя которого бесполезно произносить, но которому я — как я уже имел честь вам говорить — предан телом и душой, прислал вас ко мне за некоторыми сведениями, которые вы желаете узнать; прибавлю теперь, что случившееся сегодня, и великодушные, с каким вы бросились ко мне на помощь, ставят мне законом не только доставить вам сведения, но и помочь в замышляемых вами планах, каковы бы ни были опасности, которым я подвергнусь, помогая вам. Теперь говорите со мною откровенно, не скрывайте от меня ничего; вы останетесь вполне довольны вашей откровенностью со мной.

— Сеньор, — отвечал Тигреро растроганным тоном, — благодарю вас, тем более что вы знаете так же хорошо, как и я, сколько опасностей окружают — я не скажу успех, но только исполнение этих планов.

— Вы говорите правду; но гораздо лучше, чтобы эти планы, пока были мне неизвестны, для того, чтобы вы имели полную свободу расспрашивать меня.

— Да-да, — сказал Тигреро, печально, качая головой, — мое положение так ненадежно, борьба, которую я предпринимаю, безумна, что, хотя меня поддерживают искренние друзья, я должен соблюдать чрезвычайную осторожность. Скажите же мне, все, что вы знаете о

судьбе несчастной донны Аниты Торрес: точно ли она сошла с ума, как распространились слухи?

— Вы знаете, что случилось в пещере после вашего падения в пропасть?

— Нет! Я ничего не знаю о том, что случилось после того, как меня оставили, считая мертвым.

Карнеро подумал с минуту.

— Послушайте, дон Марсьяль — для того чтобы я мог отвечать на вопрос, сделанный вами, вы должны выслушать вам довольно длинный рассказ. Готовы ли вы слушать его?

— Да, — отвечал Тигреро, не колеблясь, — потому что я многого не знаю, а мне нужно знать все; говорите же, сеньор, и как ни были бы тягостны для меня некоторые вещи в этом рассказе, не скрывайте от меня ничего, умоляю вас.

— Я буду вам повиноваться; притом, еще не очень поздно, у нас время есть и через два часа вы узнаете все.

— Жду с нетерпением, чтобы вы начали.

Капатац довольно долго оставался погружен в глубокие и серьезные размышления, наконец он поднял голову, наклонился вперед и, облокотясь левой рукой о стол, начал:

— В то время, когда случились происшествия, о которых я вам говорю, я был управителем в Пальмаре и был свидетелем некоторых из этих происшествий, а о других только слышал. Когда команчи приехали с белыми охотниками, дон Сильва Торрес лежал смертельно раненный, сжимая в руках свою дочь Аниту, которая вдруг сошла с ума, видя, как вы полетели в пропасть с индейским вождем.

Дон Себастьян Герреро был единственным родственником, оставшимся у несчастной молодой девушки, ее и отвезли к нему в ачиенду Пальмар.

— Как! — с удивлением вскричал Тигреро. — Дон Себастьян родственник донны Аниты?

— Вы этого не знали?

— Совсем не знал; однако я несколько лет находился в отношениях довольно коротких с фамилией Торрес, я был даже их Тигреро.

— Я это знаю; вот каково это родство: дон Себастьян женился на племяннице дона Сильвы — вы видите, что

они были очень близкие родственники; только по причинам, мне неизвестным, через несколько лет после свадьбы генерала оба семейства поссорились и прекратили сношения между собой; вот, вероятно, по какой причине вы никогда не слыхали о родстве Сильвы и Торресов.

— Продолжайте! — сказал Тигреро. — Как генерал принял свою родственницу?

— В то время его не было в ачиенде, но к нему послали нарочного; этот нарочный был я; генерал поспешил приехать, он казался очень огорченным двойным несчастьем, постигшим молодую девушку, отдал приказания, чтобы с ней обращались хорошо, определил несколько женщин для ее прислуги и воротился в Сонору, куда его призывали очень важные события.

— Да-да, я слышал об этом вторжении французов, предводитель которых был расстрелян по приказанию генерала; вы говорите об этих событиях, не правда ли?

— Да. Почти тотчас после этих происшествий генерал воротился в Пальмар. Он очень перемерсился; ужасная смерть дочери сделала его мрачным и еще более жестоким ко всем, с кем случай сводил его. Целую неделю он не выходил из своей комнаты и не хотел принимать никого из нас, наконец, в один из дней он меня позвал, чтобы спросить о том, что случилось в ачиенде во время его отсутствия. Я мог немного рассказать ему; жизнь была слишком проста и слишком однообразна в этом отдаленном жилище, для того чтобы там могло произойти что-нибудь интересное, в особенности для него; однако он выслушал меня, не прерывая, опустив голову на руки, нахмутив брови и, по-видимому, очень интересовался тем, что я ему говорил, особенно, когда дело шло о бедной донне Аните, кроткое помешательство которой трогало до слез даже нас, грубых мужчин, когда мы видели, как она, бледная, как призрак, блуждала по аллеям сада, произнося шепотом одно имя, все одно, которого никто из нас не мог слышать, и подняв к небу свое прекрасное лицо, залитое слезами. Генерал все выслушал, потом, когда я замолчал, он довольно долго не говорил ни слова; приподняв, наконец, голову, он взглянул на меня с раздраженным видом.

— Что вы тут делаете? — спросил он меня с гневом.

— Я жду приказания вашего превосходительства.

— Он посмотрел на меня опять, как будто хотел прочесть в моих мыслях, и положил руку на мое плечо.

— Карнеро, — сказал он мне, — вы уже давно служите мне, берегитесь, чтобы я скоро не отказал вам; я не люблю слишком умных и слишком проницательных слуг.

Я хотел извиниться; он персбил меня:

— Ни слова! — сказал он. — Воспользуйтесь моим советом, а теперь проводите меня в комнату донны Аниты.

Я повиновался, потупив голову. Генерал оставался взаперти с молодой девушкой около часа. Что происходило между ними, я не знаю; правда, я слышал, что генерал несколько раз возвышал голос и говорил гневным тоном; донна Анита плакала и как будто просила о чем-то; но осторожность предписывала мне держаться поодаль, так что я не мог понять ни одного из слов генерала. Когда он вышел, он был очень бледен, и резким тоном приказал мне приготовить все к его отъезду. На другой день, на восходе солнца, мы отправились в Мехико, донну Аниту несли за нами в паланкине. Путешествие было продолжительное, но генерал даже не приближался к паланкину. Донну Аниту тотчас по приезде отвезли в монастырь бернардинок, где она была воспитана; добрые сестры приняли ее со слезами горестного сочувствия. Генерал, используя свое влияние, легко сделался опекуном молодой девушки и тотчас взялся за управление ее имением, которое, как вам известно, весьма значительно даже в здешнем краю, где так много богатых людей.

— Я это знаю, — со вздохом сказал Тигреро.

— Окончив все это, — продолжал капатац, — генерал воротился в Сонору, чтобы устроить свои дела и передать дела губернатору, назначенному на его место и который уже прибыл на свое место. Я не скажу вам, что было потом: вы это знаете; притом мы воротились в Мехико только две недели назад, и вы, и ваши друзья следовали за нами почти следом от Скалистых гор.

Тигреро приподнял голову.

— Это все? — спросил он.

— Все, — отвечал капатац.

— Честно слово? — продолжал дон Марсьяль, пристально глядя на него.

Карнеро колесбался.

— Ну нет, — отвечал он наконец. — Я еще должен вам рассказать кое-что.

ГЛАВА XIII

Дон Марсьяль

Капатац встал, отворил дверь, вышел на минуту, воротился на свое место напротив Тигреро, налил стакан хереса, опорожнил его разом, опустил голову на руки и молчал.

Дон Марсьяль с удивлением следил за движениями капатаца; видя, наконец, что он не решается рассказать ему то, чего он ждал с таким нетерпением, он наклонился и слегка дотронулся до него.

Карнеро вздрогнул, как будто его коснулось раскаленное железо.

— Стало быть то, что вы мне откроете, ужасно? — спросил Тигреро шепотом.

— Так ужасно, друг, — отвечал капатац со страхом, которого невозможно передать, — что, находясь один с вами в этой комнате, куда не может забраться ни один шпион, я опасаюсь сказать вам это.

Тигреро печально покачал головой.

— Говорите, друг мой, — сказал он кротким голосом. — Я вытерпел столько жестоких горестей в несколько месяцев, что все пружины души моей давно разорвались от отчаяния; как ни ужасен удар, угрожающий мне, я перенесу его, не бледнея. Увы! Горе уже не имеет на меня влияния.

— Да, вы человек высеченный из гранита — я это знаю, вы стойко боролись с несчастьем; но, поверьте, дон Марсьяль, есть страдания в тысячу раз ужаснее смерти, и я не сознаю себя вправе возбуждать в вас эти страдания.

— Сострадание, которое вы оказываете мне, более ничего, как слабость, друг мой. Я не могу умереть прежде, чем исполню дело, которому посвятил свою бесцветную жизнь, я поклялся во что бы то ни стало защищать, не жалея своей жизни ту, которая в более счастливое время была моей невестой.

— Исполняйте же вашу клятву дон Марсьяль, потому что бедная девушка никогда не находилась в такой большой опасности.

— Что вы хотите сказать? Ради Бога, объяснитесь! — вскричал Тигреро.

— Я хочу сказать, что дон Себастьян желает присвоить себе несметные богатства своей родственницы, которые ему нужны для успеха его честолюбивых планов; я хочу сказать, что, без угрызений совести, без стыда, отложив в сторону всякое человеческое уважение, забывая, что несчастная вверена ему законом, помешана, он холодно хочет сделаться ее палачом.

— Кончайте! Кончайте! Какой страшный план мог составить этот человек?

— О! — вскричал капатац с ужасной иронией. — Этот план прост, честен, его хвалят некоторые люди и находят его удивительным, великолепным.

— Вы терзаете меня!

— Узнайте же все: генерал дон Себастьян Герреро хочет жениться на своей родственнице.

— Жениться! — вскричал Тигреро с испугом. — Но это невозможно.

— Невозможно! — повторил с насмешкой капатац. — О! Как мало знаете вы этого человека с неутомимой волей, дикого зверя с человеческим лицом, который безжалостно уничтожает все осмеливающееся ему сопротивляться; он хочет жениться на донне Аните, захватить ее богатства — и женится на ней, говорю вам.

— Но она помешана.

— Да, помешана.

— Кто же осмелится совершить такой святотатственный брак?

— Полноте! — отвечал капатац, пожимая плечами. — Вы забываете, что генерал обладает талисманом, с которым все возможно, все покупается: люди, женщины, честь и совесть!.. Золото!..

— Это правда! Это правда! — вскричал Тигреро с отчаянием и, закрыв лицо руками, он оставался неподвижен, как будто вдруг его поразил громовой удар.

Наступило продолжительное молчание, во время которого слышалось только заглушаемое рыдание, разрывавшее грудь Тигреро.

Страшно было смотреть на этого человека, храброго, испытанного несчастьем — почти побежденного отчаянием и плакавшего, как робкий, отчаявшийся ребенок.

Капатац, скрестив руки на груди, с бледным лицом и с нахмуренными бровями, смотрел на Тигреро с выражением кроткого и сочувственного сострадания.

— Дон Марсьяль! — сказал он, наконец, резким и повелительным голосом.

— Что вы хотите? — спросил Тигреро, с удивлением поднимая голову.

— Я хочу, чтобы вы выслушали меня, потому что я еще не все сказал.

— Что еще можете вы сообщить мне? — с горечью спросил Тигреро.

— Приподнимитесь, как мужчина, вместо того чтобы сгибаться под тяжестью отчаяния, как ребенок или слабая женщина. Неужели у вас в сердце не остается никакой надежды?

— Ведь вы мне сказали, что у этого человека неумолимая воля, которой ничто не может сопротивляться?

— Я точно сказал вам это, но разве это причина, чтобы отказаться от борьбы, или вы считаете его неуязвимым?

— Да, — с жаром закричал Тигреро, — я могу его убить!

Капатац презрительно пожал плечами.

— Убить его, — повторил он: — полноте! Это мщение глупцов; притом вам всегда остается это средство, когда не будет никаких других; нст, вы можете сделать другое.

Дон Марсьяль пристально посмотрел на капатаца.

— Стало быть, и вы ненавидите его, если не боитесь говорить со мной таким образом? — сказал он.

— Это все равно, ненавижу я его или нет, только бы я был вам полезен.

— Это правда, — прошептал Тигреро.

— Притом, — продолжал капатац, — вы забываете, кем вы рекомендованы мне!

— Валентином, — сказал дон Марсьяль.

— Валентином, да, Валентином, который так же, как и вы, спас мне жизни и которому я общал вечную признательность.

— О! Сам Валентин давно отказался от борьбы с этим демоном, — уныло сказал дон Марсьяль.

Капатац засмеялся.

— Вы думаете? — сказал он с иронией.

— Что мне за дело? — прошептал Тигреро.

— Горе делает вас эгоистом, дон Марсьяль; но я прощаю вам, потому что я сам осудил вас на страдания.

Капатац замолчал, выпил хереса и продолжал.

— Тот плохой врач, кто, сделав болезненную операцию, не сумеет приложить лекарств, которые могут залечить раны.

— Что вы хотите сказать? — вскричал Тигреро невольно заинтересовавшись тоном, которым были произнесены эти слова.

— Неужели вы думаете, — продолжал капатац, — друг мой, что я решился бы возбудить в вас такое страдание, если бы не имел возможности доставить вам большую радость? Скажите, неужели вы это думаете?

— Берегитесь, сеньор, — вскричал Тигреро трепещущим голосом. — Берегитесь! Я не знаю почему, но я невольно почувствовал надежду и предупреждаю вас, что если эта последняя мечта, которую вы стараетесь вложить в мою душу, обманет меня на этот раз, вы убьете меня так же верно, как кинжалом.

Капатац улыбнулся с невыразимой кротостью.

— Надейтесь, друг мой, говорю я вам, — продолжал он. — Я именно хочу, чтобы вы надеялись.

— Говорите, сеньор, — отвечал Тигреро. — Я вас слушаю с доверием, клянусь вам, я не считаю вас способным играть таким горем, как мое.

— Хорошо; вот именно каким я хотел вас видеть. Теперь выслушайте меня: я вам сказал, не правда ли, что по приезде в Мехико донну Аниту отвез в монастырь бенардинок дон Себастьян?

— Да, я помню, кажется, вы это сказали.

— Очень хорошо; донна Анита была принята с распростертыми объятиями добрыми монахинями, воспитав-

шими ее; молодая девушка, очутившись среди подруг своего детства, окруженная внимательным и разумным попечением, расхаживая свободно под огромными деревьями, укрывавшими ее первые годы, почувствовала, что в душу ее возвратилось спокойствие; горе ее мало-помалу сменилось кроткой меланхолией, мысли ее, расстроенные страшной катастрофой, приняли опять свое равновесие — словом, помешательство исчезло от нежных ласк монахинь.

— Итак! — воскликнул дон Марсьяль. — К ней возвратился рассудок!

— Не смею утверждать, потому что для всех она слывет еще помешанной.

— Но когда так!.. — вскричал Тигреро, задыхаясь.

— Когда так, — продолжал капатац, с намерением делая ударение на каждом слове, и пристально глядя на своего собеседника, — если все это думают, стало быть, это неправда.

— Но вы как знаете все эти подробности?

— Самым простым образом; несколько раз дон Себастьян посылал меня с поручениями к настоятельнице, и я случайно узнал в сестре-привратнице мою родственницу, которую считал умершей; добрая женщина — от радости, а может, также, чтобы вознаградить себя за продолжительное молчание, которое она должна сохранять, — рассказывает мне каждый раз, что говорится и делается в монастыре; я слушаю ее с удовольствием — понимаете ли вы теперь?

— О продолжайте! Продолжайте!

— Я почти кончил; по словам моей родственницы, бернардинки, особенно настоятельница, против плана генерала.

— О праведные женщины! — с простодушной радостью вскричал Тигреро.

— Не правда ли, — сказал, смеясь, капатац, — вот, вероятно, по какой причине они сохраняют в тайне возвращение к рассудку своей пансионерки, без сомнения, надеясь, что пока бедная девушка будет слыть помешанной, генерал не осмелится жениться на ней. К несчастью, они не знают с кем имеют дело, не знают свирепого честолюбия этого человека, для удовлетворения которого он не отступит ни перед каким преступлением.

— Увы! — простонал Тигреро с унынием. — Вы видите, друг мой, я погиб!

— Подождите, подождите, друг мой! Ваше положение может быть не так отчаянно, как вы предполагаете.

— У меня сердце разрывается.

— Мужайтесь и выслушайте меня до конца. Вчера я был в монастыре; настоятельница, с которой я имел честь говорить, рассказала мне под секретом — зная, как я интересуюсь донной Анитой, несмотря на то, что служу у дона Себастьяна, — что молодая девушка изъявила намерение говорить с духовником.

— По какой причине?

— Не знаю.

— Но это желание легко удовлетворить; я полагаю — в каждом монастыре есть свои аббаты.

— Ваше замечание справедливо, только кажется, что, по причинам мне не известным, ни настоятельница, ни донна Анита не хотят приглашать ни одного из этих аббатов, и...

— И что? — с живостью перебил дон Марсьяль.

— Настоятельница поручила мне пригласить францисканца или доминиканца, к которому я имел бы доверие.

— А!

— Вы понимаете, друг мой?

— Да-да, продолжайте!

— И привести его туда.

— И вы нашли? — спросил дон Марсьяль задыхающимся голосом.

— Кажется, что так, — улыбаясь, отвечал капатац.

— Когда вы должны вести его туда?

— Завтра в вечерню.

— Очень хорошо; и вы, без сомнения, назначили ему место, где он должен вас ждать?

— Он должен меня ждать в Париане, где я с ним сойду при первом ударе к вечерне.

— Я уверен, что он не опоздает.

— И я также. Что же, сеньор, как вы находите, потеряли вы время, слушая меня?

— Я нахожу, — отвечал дон Марсьяль, с улыбкой протягивая руку капатацу, — что вы очаровательный собеседник и рассказывали очень хорошо.

— Вы мне льстите.

— Нет, клянусь вам; кроме того, я нахожу, что бернардинки хорошие и превосходные женщины.

— Теперь нам надо расстаться, — сказал, вставая, капатац.

— Уже?

— Я должен в эту ночь провожать моего господина в какую-то поездку за город.

— Вероятно, на какой-нибудь заговор.

— Я этого боюсь, но что же делать, я принужден повиноваться.

— Так выгоняйте же меня.

— Я это и сделаю сейчас. Кстати, вы видели дону Валентина после вашего приезда?

— Нет еще, эта продолжительная разлука тревожит меня. Если бы было не так поздно и я знал дорогу, то отправился бы просить гостеприимства у донна Антонио Ралье, его соотечественника, чтобы узнать о нем.

— Вы знаете адрес донна Антонио Ралье?

— Знаю: он живет в улице Монтерилло.

— Это в нескольких шагах; если вы желаете, я велю вас проводить туда.

— Я очень буду вам обязан. Но кому?

— Разве вы забыли человека, который держит вашу лошадь? Он проводит вас.

— Тысячу раз благодарю.

— Полноте! Не стоит благодарности. Вы завтра пойдете гулять в Париян?

— Я очень желаю видеть вашего францисканца.

Оба улыбнулись.

— Теперь дайте мне вашу руку и расстанемся.

Они вышли.

Капатац провел Тигреро по тем же коридорам. Капатац, отворив последнюю дверь, высунул голову: улица была пуста, посмотрев направо и налево, он свистнул, и через несколько минут послышались шаги и явился пеон, ведя за узду лошадь Тигреро.

— Прощайте, сеньор, — сказал капатац. — Благодарю вас за приятный вечер, который вам угодно было посвятить мне. Пиллат, проводи этого кабальеро в улицу Монтерилло и покажи ему дом донна Антонио Ралье.

— Слушаюсь, — лаконично отвечал пеон.

Друзья простились в последний раз, Тигреро сел в седло и поехал за Пиллатом, между тем как капатац воротился в дом, заперев за собой дверь.

После бесчисленных поворотов, всадник и пешеход добрались наконец до улицы, по величине которой Тигреро счел ее принадлежащей к аристократическому кварталу.

— Вот улица Монтерилло, — сказал пеон, — а вот и дон Антонио, которого вы ищете, — прибавил он, указывая на всадника, сопровождаемого тремя слугами верхом и хорошо вооруженными.

— Вы это знаете наверное? — спросил Тигреро.

— Еще бы! Я его знаю хорошо.

— Если так, примите этот пиастр, друг мой, и ступайте, мне больше не нужны ваши услуги.

Пеон поблагодарил и ушел.

Во время этого разговора всадник остановился, очевидно встревоженный.

— Подъезжайте без опасения! — закричал ему Тигреро. — Я друг.

— О-о! Теперь поздно встречать друга на улице, — отвечал дон Антонио, который, однако, подъехал, не колеблясь, но положив руку на оружие, на случай неожиданного нападения.

— Я Марсьяль Тигреро.

— Это другое дело. Чего желаете вы? Гостеприимства? Я велю слуге проводить вас в мой дом, потом оставлю вас до завтра, потому что я занят.

— Принимаю ваше предложение, но, одно слово...

— Говорите!

— Где дон Валентин?

— Вам нужно его видеть?

— Чрезвычайно.

— Пойдемте же со мной, я еду к нему.

— Само небо устроило так кстати! — вскричал Тигреро, следуя за доном Антонио.

Свидание

Было очень поздно, когда заговорщики расстались и последняя группа офицеров вышла из гостиницы; на шоссе уже слышался топот лошаков и лошадей индейцев, схавших на рынок; и хотя темнота была еще сильна, однако звезды начали исчезать на небе, холод сделался пронзительнее — словом, все возвещало скорое явление рассвета.

Оба путешественника опять сели за стол друг против друга, безмолвные и неподвижные, как статуи.

Трактирщик ходил по залу с озабоченным видом, как бы прибирая и чистя, но в действительности довольно растревоженный и желая в глубине сердца поскорее освободиться от этих двух зловещих посетителей, молчание и воздержанность которых мало внушали ему доверия.

Однако тот, что один говорил за себя и за товарища, два раза слегка ударил по столу: трактирщик тотчас подбежал на этот зов.

— Чего вы желаете? — спросил он с раболопным видом.

— Ваш посланец долго не возвращается, — сказал незнакомец. — Ему следовало бы уже воротиться.

— Извините, сеньор, отсюда далеко до улицы Монтерилло, особенно когда идешь пешком, однако, я думаю, что песон скоро воротится.

— Да услышит вас небо! Подайте нам тамариндовую настойку.

В ту минуту, когда трактирщик принес требуемую настойку, постучали в дверь.

— Вот, может быть, наш посланный, — сказал незнакомец.

— Весьма возможно, сеньор, — отвечал трактирщик.

Он немного растворил дверь, которая удерживалась изнутри крепкой железной цепью, не позволявшей отворяться более нескольких дюймов, так что никакой посетитель не мог проскользнуть в дом без позволения хозяина.

Эта мера предосторожности, очень благоразумная и вместе с тем очень простая, принята во всей Мексике из-за того недоверия, какое внушает жителям организация мексиканской полиции, покровительствующей вограм.

Обменявшись несколькими словами шепотом с пришедшим, трактирщик снял цепь и отворил дверь.

— Сеньор, — обратился он к незнакомцу, пившему настойку, — вот ваш посыльный.

— Наконец! — с радостью вскричал путешественник, поставив стакан на стол.

Вошел пеон, вежливо снял шляпу и поклонился.

— Ну, друг мой, — спросил незнакомец, — вы нашли того человека, к которому я вас посылал?

— Нашел, сеньор, мне посчастливилось встретить его в ту минуту, когда он возвращался с улицы Сант-Агустин.

— А-а! Что же он сказал, получив мою записку?

— Во-первых, сеньор, он дал мне пиастр, потом сказал: «Воротись, как можно скорее, и скажи тому, кто послал тебя, что я поспею на свидание, назначаемое им, почти в одно время с тобой!»

— Так что...

— Так что он будет здесь, вероятно, через несколько минут.

— Очень хорошо! Ты малый умный, — отвечал незнакомец. — Вот тебе еще пиастр, теперь ты можешь уйти.

— Благодарю, сеньор, — сказал пеон, весело кладя пиастр в карман. — Если бы каждый месяц было по две ночи такие, как эта, то через год я разбогател бы.

И, поклонившись во второй раз, он вышел из залы по всей вероятности затем, чтобы отправиться спать.

Пеон не солгал, потому что не прошло и десяти минут после его ухода, как раздался топот лошадей, и не только постучались в дверь, но и позвали несколько раз.

— Отворяйте смело, хозяин, — сказал незнакомец. — Я знаю этот голос.

Трактирщик повиновался, и несколько человек вошли в залу.

— Наконец, вы воротились, любезный Валентин! — вскричал по-французски вошедший, с живостью подходя к путешественникам, которые, со своей стороны, подходили к нему.

— Благодарю за скорость, с которой вы явились на мое приглашение, любезный Ральс, — отвистил охотник.

Трактирщик закусил губы, услышав, что говорят на языке, которого он не понимал.

— Гм! Это англичане, — прошептал он с досадой.

— Лусачо, — обратился Валентин к трактирщику; — я должен говорить о важных делах с этими кабальеро, так как я желаю, чтобы вы не мешали, я вас прошу уступить мне эту залу на один час.

— Сеньор... — прошептал трактирщик.

— Я понимаю, вы хотите денег, — хорошо, я вам дам, но с условием, что никто не войдет сюда, пока я не позову.

— Однако, сеньор...

— Выслушайте меня и не персбивайте! Еще не рассветет часа два, итак, до тех пор вы не отворяйте вашей гостиницы. Вы не можете ожидать посетителей; я покупаю у вас каждый час по унции. Вы согласны?

— Я думаю, сеньор, за эту цену я продам вам весь день, если вы желаете.

— Этого не нужно! — вскричал, смеясь, охотник. — Только я не хочу, чтобы подслушивали и подсматривали.

— Я человек честный, сеньор.

— Желаю думать так; только я предупреждаю вас, что если я увижу в щель глаз или ухо, я сейчас пошлю пулю в знак предостережения; а я имею несчастье стрелять очень метко.

— Я позабочусь, чтобы мои люди не беспокоили вас.

— Вы удивительный трактирщик! Я предсказываю вам, что вы быстро разбогатеете, потому что очень хорошо понимаете ваши интересы.

— Я стараюсь угодить тем, кто достаивает своим присутствием мою гостиницу.

— Прекрасное рассуждение. Вот вам две обещанные унции и два пиастра в придачу за ту закуску, которую вы нам подадите. Прикажите поставить лошадей этих кабальеро в конюшню и оставьте нас.

Трактирщик поклонился, сделал гримасу в виде улыбки, принес с проворством — не весьма обыкновенным в людях его звания — заказанную закуску и низко поклонился охотнику.

— Теперь, — сказал он, — никто не войдет сюда без моего приказа.

Он вышел.

Пока Валентин уговаривался с трактирщиком, присутствующие молчали, внутренне смеясь над странным способом действия охотника и над неопровержимыми аргументами, которые он употребил для того, чтобы избавиться от шпионства, которого всегда должно опасаться в подобных местах, где хозяева обыкновенно служат нескольким сторонам сразу, и несколько не совестятся изменять тем, кто дорого им платит.

— Теперь, — сказал Валентин, как только дверь затворилась за трактирщиком, — мы по крайней мере будем разговаривать безопасно.

— Говорите по-испански, друг мой, — отвечал Ральс.

— Зачем же? Так приятно разговаривать на своем языке, когда редко находишь случай, как, например, я. Уверяю вас, Курумилла этим не оскорбится.

— Я вам говорю это не для вождя, дружба которого к вам мне известна.

— Для кого же?

— Для дон Марсьяля, который приехал со мной и имеет сообщить вам что-то важное.

— О-о! Это меняет положение, — сказал охотник, тотчас заменив французский язык испанским. — Вы здесь, любезный дон Марсьяль?

— Да, сеньор, — отвечал Тигреро, выходя из тени, в которой он стоял до сих пор, и сделал несколько шагов вперед. — Я очень рад увидеться с вами.

— Кого вы еще привезли с собой, любезный Антуан?

— Меня, друг мой, — сказал третий человек, сбрасывая с себя плащ. — Брат мой думал, что в случае тревоги лучше, если он будет не один.

— Брат был прав, любезный Эдуард, и я благодарю его за прекрасную мысль, которая доставила мне удовольствие пожать вам руку. Теперь, сеньоры, если вам угодно, мы сядем и поговорим, потому что, если я не ошибаюсь, нам надо пересказать друг другу вещи очень важные, в особенности для меня.

— Действительно, так, — отвечал Антуан Ральс, садясь, и его примеру немедленно последовали остальные.

— Если вы хотите, — начал Валентин, — мы начнем по порядку, таким образом, мы кончим гораздо скорее — вы знаете, что минуты драгоценны.

— Прежде всего, друг мой, — сказал Антуан Ральс, — позвольте мне от имени всех моих родных и от меня самого поблагодарить вас еще раз за услуги, которые вы оказали нам во время нашего путешествия по Скалистым горам; без вас, без вашей разумной дружбы и вашей мужественной преданности, мы никогда бы не выбрались из ущелий, где погибли бы самым жалким образом.

— К чему, друг мой, напоминать в эту минуту?

— К тому, — с живостью персбил Антуан Ральс, — чтобы вы убедились, что можете располагать всеми нами, как вам заблагорассудится: руки, кошель и сердце — все вам принадлежит.

— Я это знаю, друг мой: вы видите, что я, не колеблясь, обратился к вам, рискуя даже скомпрометировать вас. Оставим же это и приступим к делу. Что вы сделали?

— Я исполнил ваше приказание, друг мой: по вашему желанию я нанял и сбилдовал дом на улице Такуба.

— Извините, вам известно, что я очень мало знаю Мехико: я приезжал сюда редко и никогда не оставался надолго.

— Улица Такуба одна из главных в Мехико; она напротив дворца и в двух шагах от той улицы, где я сам живу с моими родными.

— Прекрасно! Под каким именем нанят этот дом для меня?

— Под именем дона Серапио де-ла-Ронда. Ваши слуги уже два дня, как присхали.

— То есть?

— То есть, Весельчак и Черный Лось: первый — ваш мажордом, а второй ваш камердинер; они все привели в порядок, и вы можете переехать, когда хотите.

— Сегодня же.

— Я сам вас провожу.

— Благодарю! А потом?

— Потом брат мой Эдуард нанял от своего имени у заставы Сан-Лазаро небольшой домик, где десять лошадей тотчас будут помещены в великолепной конюшне.

— Хорошо — это касается Курумиллы: он будет жить в этом доме с вашим братом.

— Теперь приступим к другому, друг мой.

— Говорите!

— Вы не будете на меня сердиться?

— На вас? Полноте! — сказал Валентин, протягивая ему руку.

— Не зная, довольно ли у вас денег — а вы знаете, друг мой, что денег понадобится вам много...

— Знаю; ну так что ж?

— Ну...

— Я вижу, что я должен прийти к вам на помощь, любезный Антуан; так как вы считаете меня бедным охотником без копейки за душой и так как сердце ваше полно деликатности, то в каком-нибудь уголку моей спальни, в каком-нибудь ящике, от которого вы дадите мне ключ, вы положили пятьдесят, а может быть, и сто тысяч пиастров с намерением, если эта сумма окажется недостаточной, предложить мне более — не правда ли?

— Вы будете сердиться на меня за это?

— Напротив, я очень вам признателен, друг мой.

— О благодарю!

— Вы за что благодарите меня, любезный Антуан?

— За то, что вы принимаете сто тысяч пиастров.

Валентин улыбнулся.

— Вы именно таковы, каким я считал вас! Только, благодаря вас от глубины всего сердца за услугу, которую вы хотели мне оказать, я не принимаю ее.

— Вы отказывали мне, Валентин? — сказал Ралье печально.

— Я вам не отказываю, друг мой, я просто вам говорю, что мне не нужны эти деньги, и вот вам доказательство, — прибавил он, вынимая из портфеля бумагу,

сложенную вчетверо, которую он подал своему соотечественнику. — Вы банкир, следовательно, вы знаете дом Торнуда Дэвидсона и К°.

— Это самый богатый банкирский дом в Сан-Франциско.

— Разверните же эту бумагу и прочтите.

Ралье повиновался.

— Неограниченный кредит открыт на меня Торнудом, — вскричал он голосом, дрожащим от радости.

— Это вам не нравится? — спросил Валентин, улыбаясь.

— Напротив, стало быть, вы богаты?

Облако печали пробежало по лицу охотника.

— Я вас огорчаю, друг мой?

— Ах! Вы знаете, некоторые раны не закрываются никогда. Да, друг мой, я богат; Курумилла, Вессельчак и я, после смерти моего молочного брата, мы одни знаем в Апахерии самые богатые прииски, какие только существуют на свете. Я не поскал с вами в Мехико, для того, чтобы съездить на эти прииски. Теперь вы понимаете? Но что значит для меня это несметное богатство, когда сердце мое умерло и все радости моей жизни уничтожены навсегда!

Под тяжестью глубокого волнения, охотник опустил голову на грудь и подавил рыдания.

Курумилла встал среди всеобщей тишины, потому что никто не решался сказать слов утешения видя столь сильное горе и, положив руку на плечо Валентина, сказал мрачным голосом:

— Искатель Следов помни, что ты поклялся отомстить за нашего брата.

Охотник выпрямился, как будто его ужалила змея, и, крепко пожав руку, протянутую ему индейцем, смотрел на него с минуту со странной пристальностью.

— Только одни женщины плачут по мертвым, потому что не могут за них отомстить, — продолжал индеец тем же резким тоном.

— Да, вы правы, — отвечал охотник с лихорадочной энергией. — Благодарю вас, вождь, вы заставили меня опомниться.

Курумилла приложил к своему сердцу руку друга и оставался с минуту неподвижен; наконец, он выпустил руку Валентина, сел и, завернувшись в свой плащ, впал

в прежнюю немоту, из которой могло его вывести только такое важное обстоятельство. Валентин два раза провел рукой по лбу, орошенному холодным потом, и силился улыбнуться.

— Простите мне, что я на минуту забыл возложенную на себя роль, друзья, — сказал он кротким голосом.

Три руки молча были протянуты к нему.

— Тсперь, — продолжал он твердым голосом, но в звуках которого еще слышался отголосок бури, — поговорим о бедной донне Аните Торрес.

— Увы! — отвечал Антуан Ральс. — Я ничего не могу сказать о ней, хотя сестра моя Елсна — ее подруга в монастыре бернардинок, куда я ее отдал по вашему желанию — дала мне знать, что через несколько дней сообщит мне важное известие.

— Если вы позволите, это известие сообщу вам я, — сказал дон Марсьаль, вдруг вмешавшись в разговор, который до сих пор он слушал с видом довольно равнодушным.

— Вы знаете что-нибудь? — спросил его Валентин.

— Да, я знаю вещи очень важные, вот почему у меня было такое сильное желание видиться с вами.

— Говорите же, друг мой, говорите, мы вас слушаем!

Тигреро, не заставляя себя просить, тотчас пересказал со всеми подробностями свое свидание с капатацем дона Себастьяна Герреро; три француза выслушали его с самым серьезным вниманием; когда он кончил свой рассказ, Валентин встал.

— Пойдемте, сеньоры, — сказал он, — нам нельзя терять времени, может быть, Бог представляет нам в эту минуту случай, которого мы ждали напрасно так давно.

Присутствующие встали, не спрашивая у охотника объяснения его слов, и через несколько минут Валентин со своими товарищами скакал в город.

«Я не знаю, какой дьявольский план замышляют они, — бормотал трактирщик, смотря, как они исчезали вдаль, — но это предостойные сеньоры, у них в руках унции текут, как вода».

И он воротился в свой трактир, на этот раз не затворив двери, потому что начало рассветать.

Монастырь бернардинок

Монастырь бернардинок возвышается недалеко от Букарели; ни один женский монастырь в Мексике не может сравниться с ним в богатстве; испанские короли и самые знатные вельможи вносили в него щедрые вклады, которые со временем составили огромное богатство.

Обширное помещениe, занимаемое монастырем бернардинок, толстые стены, которыми он окружен, многочисленные купола, венчающие его, достаточно показывают важность, какой он пользуется еще и ныне.

Как и все мексиканские монастыри, монастырь бернардинок обведен толстыми стенами с контрфорсами, придающими ему вид крепости.

Однако высокие колокольни и три купола показывают благочестивое назначение постройки. Обширный двор, вымощенный плитами, ведет к главной капелле, украшенной с роскошью, о которой в Европе трудно составить себе представлениe.

За этим первым двором находится ограда, окружающая бассейн из белой яшмы, в которых бьют фонтаны прозрачной воды; потом идут тенистые аллеи, широкие дворы, богатая и драгоценная библиотека, заключающая ученые сокровища Мексики, восемь дортуаров, обширные, спокойные четыреста келий для монахинь, трапезная, где легко могут поместиться все четыреста человек.

Поэтому всякий посетитель, даже наименее благочестивый, невольно почувствует восторг при виде этого

величественного зрелища, которое превосходит все, что воображение может создать фантастически невозможного.

В тот день, когда мы вводим читателя в монастырь бернардинок, около пяти часов вечера, три особы, собравшись в беседке почти в конце сада, разговаривали между собой с некоторым воодушевлением.

Из этих трех особ самая старшая была монахиней, две другие — молодые девушки, от шестнадцати до восемнадцати лет, носили одежду послушниц.

Первая была настоятельница монастыря, женщина лет пятидесяти, с тонкими аристократическими чертами, с кротким обращением, с движениями благородными и величественными, лицо ее дышало добротой и умом.

Вторая была донна Анита; мы не будем писать ее портрета, читатель уже давно ее знает*; бедная девушка была бледна, как труп, глаза ее, лихорадочно блестя.

Третья была Елена Ральс, белокурая девушка с голубыми глазами, гибким станом, с лукавым взглядом, благородные и хорошо обрисованные черты которой дышали чистосердечием и невинностью молодости, с веселым выражением пансионерки, избалованной снисходительной наставницей.

Елена стояла, прислонившись к дереву возле беседки. Она как будто наблюдала, чтобы никто не прервал разговора настоятельницы с ее подругой.

Донна Анита, сидя на каменной скамье возле настоятельницы, положив руку в ее руку, а голову на ее плечо, говорила с ней шепотом прерывистыми фразами, с трудом вырывавшимися из ее полуоткрытых губ, между тем, как слезы текли по ее щекам.

— Добрая матушка, — говорила она голосом гармоничным, как вздох эоловой арфы, — я не знаю, как вас благодарить за вашу бесконечную доброту ко мне. Увы! Вы теперь заменяете мне всех моих родных, отчего мне нельзя всегда оставаться с вами? Я была бы так счастлива, если бы могла постричься и провести жизнь в этом монастыре под вашим благосклонным покровительством.

* «Анита», «Собрание иностранных романов». 1862, январь, февраль, март.

— Милое дитя, — ласково отвечала настоятельница, — Бог велик, могущество Его безгранично, зачем отчаиваться? Увы! Вы почти дитя, кто знает, сколько радостей и сколько счастья готовит для вас будущее?

Молодая девушка печально вздохнула.

— Ах! — прошептала она. — Будущего не существует для меня, добрая матушка, я бедная, брошенная сирота, без покровительства, во власти жестокого родственника, я должна переносить ужасную муку и под его железным игом вести жизнь горестную и страдальческую.

— Дитя, — с кроткой строгостью отвечала настоятельница, — повторяю вам, что вы еще не знаете, что хранит для вас будущее, вы неблагодарны в эту минуту...

— Неблагодарна я, матушка? — вскричала молодая девушка.

— Да, вы неблагодарны, Анита, и к нам и к себе самой; разве вы считаете ни за что, после ужасного несчастья, поразившего вас, что вы воротились в этот монастырь, где протекло ваше детство, и нашли между нами тех родных, в которых отказывает вам свет? Разве вы считаете ни во что, что имеете возле себя сердца, сожалеющие о вас, голоса, беспрерывно ободряющие вас к мужеству?

— Вооружитесь мужеством, сестра моя, — подтвердил нежный голос Елены.

Донна Анита скрыла на груди настоятельница свое прекрасное лицо, залитое слезами.

— Извините меня, матушка, — прошептала она. — Извините меня, но я разбита этой борьбой, которую так давно выдерживаю без надежды; это мужество, которое вы стараетесь мне придать, не может, несмотря на мои усилия, проникнуть в мое сердце, потому что я имею роковое убеждение, что, несмотря на все ваши старания, вам не удастся отратить ужасного несчастья, нависшего над моей головой.

— Будем рассуждать, дитя мое: до сих пор нам удалось скрыть от всех ваше счастливое возвращение к рассудку.

— Счастливое! — сказала донна Анита со вздохом.

— Да, счастливое, потому что с разумом к вам возвратилась вера, то есть сила. Между тем как сам ваш

опекун считает вас еще помешанной и принужден, против воли, приостановить свои планы на вас; я, пользуясь влиянием моего положения, и, в особенности, высокими связями моих родных, подала просьбу президенту республики в вашу пользу, эту просьбу поддерживают знатнейшие имена в Мехико; я прошу, чтобы свадьба, угрожающая вам, не была совершена против вашей воли — словом, чтобы она была отложена до тех пор, пока вы будете в состоянии отвечать вашему опекуну: да или нет.

— Вы это сделали, добрая матушка? — вскричала молодая девушка, бросившись на шею настоятельнице с безумной радостью.

— Да, я это сделала, дитя мое, и каждую минуту жду ответа, который, по моему мнению, будет благоприятен.

— О матушка! Если это удастся, я буду спасена!

— Не переходите от одной крайности к другой, дитя мое: это все еще одни проскты, одному Богу известно успеем ли мы.

— О! Бог не захочет оставить бедную сироту.

— Уповайте на Него — и десница Его поддержит вас в несчастье.

— Сестра Мария подходит сюда, матушка, — сказала Елена.

Настоятельница сделала движение рукой, донна Анита отодвинулась на конц скамейки, на которой она сидела, скрестила руки и опустила голову на грудь.

— Вы ищете матушку, сестра моя? — спросила Елена у послушницы довольно пожилой, которая приближалась к ней, осматриваясь направо и налево, как будто действительно искала кого-нибудь.

— Да, сестра моя, — отвечала послушница. — Меня послали к матушке с поручением.

— Войдите в беседку, сестра моя, она там отдохает.

Послушница вошла в беседку, приблизилась к настоятельнице, скромно остановилась в трех шагах от нее, скрестила руки на груди, почтительно опустила голову и ждала, чтобы с ней заговорили.

— Чего вы желаете, дочь моя? — спросила настоятельница.

— Прежде всего вашего благословения, матушка, — отвечала послушница.

— Даю вам его, дочь моя; теперь скажите мне какое вы имете ко мне поручение?

— Матушка, один кабальеро благородной наружности, по имени дон Серапио де-ла-Ронда, желает поговорить с вами наедине; привратница ввела его в приемную, где он вас ждет.

— Сейчас иду туда, дочь моя! Попросите через привратницу, чтобы этот кабальеро извинил меня, если я заставлю его ждать: мои преклонные лета не позволяют мне идти скоро. Ступайте, я иду за вами.

Послушница почтительно поклонилась настоятельнице и ушла передать ее ответ.

Настоятельница встала и обе молодые девушки бросились поддержать ее; она остановила их движением руки.

— Останьтесь здесь до вечера, дети мои, — сказала она. — Поговорите между собой, только будьте осторожны, пусть никто не застанет вас врасплох, после вечера приходите ко мне в келью.

Потом, поцеловав донну Аниту, настоятельница удалась, внутренне обеспокоенная посещением человека, которого она не знала и в первый раз слышала его имя.

Когда она вошла в приемную, то быстро осмотрела того, кто желал видиться с ней. Человек этот, приметив ее, встал со стула, на котором сидел, и почтительно поклонился. Первый взгляд был благоприятен для незнакомца, в котором читатель, без сомнения, уже узнал Валентина Гиллуа.

— Садитесь, кабальеро, — сказала настоятельница. — Нам будет удобнее разговаривать сидя.

Валентин поклонился, подал стул настоятельнице и сам сел.

— Мне сказали, — сказала настоятельница, помолчав несколько секунд: — что меня спрашивает дон Серапио де-ла-Ронда.

— Я точно, дон Серапио де-ла-Ронда, — отвечал Валентин, поклонившись.

— Я готова выслушать, кабальеро, что вам угодно мне сообщить.

— Мне поручил министр Гачиснда передать вам эту бумагу и прибавить к ней лично несколько слов.

Сказав это с чрезвычайной вежливостью, Валентин подал настоятельнице бумагу с гербом министерства.

— Распечатайте это письмо, — прибавил он, видя, что настоятельница из всжливости держит в руках конверт, не распечатывая его. — Вам надо узнать, что заключается в этой бумаге, чтобы вы поняли смысл слов, которые я должен прибавить.

Настоятельница внутренне чувствовала нетерпение узнать, что ей пишет министр и, сорвав печать, быстро пробежала бумагу глазами.

При чтении лицо ее просило от радости.

— Итак, его превосходительство удостоил исполнить мою просьбу! — вскричала она.

— Да, сеньора, вы останетесь до нового распоряжения единственной покровительницей молодой девушки; вы должны давать отчет одному министру, а в случае, — прибавил Валентин, с намерением взвешивая слова, — если генерал Герреро, опсун донны Аниты, будет стараться принудить вас выдать ее ему, вы имеете позволение отвезти девушку, столь интересную во многих отношениях, тайно в такой дом вашего ордена, в который вы заблагорассудите.

— О, сеньор! — отвечала настоятельница с радостными слезами на глазах. — Поблагодарите от моего имени его превосходительство за его благородный поступок в отношении молодой девушки.

— Буду иметь честь сделать это, сеньора, — отвечал Валентин, вставая, — а теперь, когда я исполнил поручение, позвольте проститься с вами. Мне очень лестно, что его превосходительство министр дал мне это поручение.

В ту минуту, когда Валентин выходил из монастыря бернардинок, Карнеро входил, в сопровождении францисканца в капюшоне, опущенным на лицо.

Охотник и капатац украдкой переглянулись, но не произнесли ни слова.

Неожиданная радость

Мехико, как мы уже сказали, был выстроен по первоначальному плану после завоевания, так что и ныне он представляет почти тот же вид, какой поразил Кортеса, когда он в первый раз вступал в этот город.

Главная площадь, особенно несколько лет тому назад, прежде французских нововведений, представляла вечером самый живописный вид.

Эта огромная площадь обрамлена с одной стороны тяжелой аркадой, поддерживающей обширные магазины, а с другой — пилястрами, у подножия которых возвышаются лавки.

Дворец президента, собор и Саграрио, обширный базар товаров и, наконец, Париан, другой базар, дополняли четвертую сторону в ту эпоху, к которой относится наша история, потому что теперь произошли большие перемены, и Париан, между прочим, исчез. Самые красивые улицы: Такуба, Монтерилло, Сан-Франциско, Сан-Доминго идут к большой площади.

Собор возвышается на том самом месте, где прежде находился мексиканский Теокали; к несчастью, это здание, снаружи великолепное, внутренне не отвечает впечатлению, какое составляешь себе: украшения его посредственны, дурного вкуса, бедны и ничтожны.

В шестом часу вечера, за несколько минут до вечера, вид главной площади становится истинно волшебным.

Толпа гуляющих, толпа самая пестрая, стекается вдруг со всех сторон: всадники, пешеходы, офицеры, аб-

баты, солдаты, поселяне, леперо, индеанка в красной юбке, светская женщина в шелковом платье — все эти люди скрещиваются, сталкиваются, смешивают свой разговор с детскими криками, с приглашениями леперо, зазывающих покупателей своими докучливыми просьбами, с пронзительным визгом торговок, сидящих в тени аркад. За несколько минут до вечерни францисканец, которого легко было узнать по синей рясе, широкий белый капюшон которой почти совсем закрывал его лицо — вышел на главную площадь из улицы Монтерилло.

Этот человек, высокого роста, крепкого сложения, шел медленно, опустив голову и скрестив руки на груди, как будто был погружен в серьезные размышления; он перешел через площадь и направился к Париану, очень оживленному в эту минуту, потому что в Париане был базар вроде парижского Тампля, и он служил в это время местом покупок для тех, кому кошелек не позволял покупать в других кварталах города вещи и одежду.

Не обращая внимания ни на шум, ни на движение, происходившие вокруг него, францисканец прислонился к лавке уличного писца и обводил площадь скучным и рассеянным взором.

Он недолго оставался в этом положении, потому что едва достиг Париана, начали благовестить к вечерне. При первом ударе соборного колокола шум на площади прекратился, все гуляющие остановились, все мужчины сняли шляпы и каждый шепотом прочел краткую молитву.

При последнем ударе колокола, чья-то рука дотронулась до плеча францисканца, между тем как голос шепнул ему на ухо:

— Вы не опоздали на свидание, сеньор падре.

— Я исполняю свой долг, сын мой, — отвечал францисканец, тотчас обернувшись.

В том человеке, который говорил с ним, он без сомнения узнал друга, потому что тотчас же протянул руку.

— Вы решаетесь? — спросил первый.

— Более чем прежде, сеньор.

— Помните, что вы не должны произносить моего имени, что мы не знаем друг друга; вы францисканец, которого я привел из монастыря Сан-Франциско, по желанию молодой послушницы, в монастырь бернардинок, вы не знаете, кто я.

— Брат мой! Мы, бедные францисканцы, должны служить опечаленным, наша обязанность предписывает помогать им, когда они требуют нашей помощи; мы сами не имеем имени для света и не имеем права спрашивать имени тех, кто нас зовет.

— Прекрасно сказано! — отвечал тот, удерживая улыбку. — Я вижу, что я не ошибся на ваш счет. Пойдемте, отец мой, мы не должны заставлять ждать ту, к которой отправляемся.

Францисканец утвердительно наклонил голову, поместился направо от своего странного собеседника, и оба удалились от Париана, где шум начался еще сильнее после благовеста.

Они неприметно прошли сквозь толпу гуляющих по направлению к монастырю бернардинок и молча шли рядом.

Мы сказали, что у монастырских ворот они встретились с доном Серапио де-ла-Ронда, то есть с Валентином Гиллуа, и все трое украдкой переглянулись.

Сестра-привратница без всякого затруднения впустила францисканца; проводник его простился с ним, обменявшись несколькими приветствиями с сестрой-привратницей, которая проводила францисканца в приспущенную и, попросив его подождать с минуту, отправилась доложить настоятельнице о прибытии духовника, которого требовала молодая послушница.

Мы оставим на несколько минут францисканца и воротимся к двум девушкам, которых оставили в саду.

Как только настоятельница удалилась, молодые девушки сели рядом на скамейку.

— Милая Анита, — сказала Елена: — позволь мне воспользоваться несколькими минутами, в которые мы остались одни, чтобы рассказать тебе о письме, полученном сегодня мной, я боялась, что мне не удастся это сделать; однако то, что я должна сообщить тебе, очень важно.

— Что ты хочешь сказать, моя добрая Елена? Каким образом письмо, о котором ты говоришь, может интересоваться меня?

— Не могу положительно дать тебе объяснения; довольно тебе знать, что мои братья коротко дружны с одним из их соотечественников, который принимает в тебе большое участие, и то, что я должна тебе сказать, относится к этому французу.

— Это странно! — прошптала донна Анита с задумчивым видом. — Я знала только одного француза, я рассказывала тебе эту печальную историю, причину всех моих несчастий; но этот француз, за которого мой отец хотел меня выдать, умер ужасной смсртью. Кто из его соотечественников может принимать во мне участие? Ты его знаешь?

— Очень мало, — отвечала молодая дсвушка, слегка покраснев, — однако настолько, что могу уверить тебя в его благородном сердце; лично он тебя не знает. Но, — прибавила Елсна, вынув письмо из кармана, — вот что мой брат Антуан пишет о нем; хочешь, я тебе прочту?

— Прочти, милая Елсна. Я знаю дружбу твоих родных ко мне, поэтому я всегда с величайшим удовольствием слышу известия о твоих братьях.

— Слушай же! — сказала Елена.

И она прочла:

«Наш друг, Валентин, поручил мне, милая ссстра, сказать твоей приятельнице...»

— Это о тебе идет речь, — прибавила Елсна.

— Продолжай, — сказала донна Анита.

«Скажи своей приятельнице, что духовник, которого она спрашивала, придет сегодня после вечера. Пусть донна Анита вооружится мужеством — оно нужно для радости точно так же, как и для горести; она узнает сегодня новость, которая должна иметь огромное влияние на ее будущность».

— Это странно, — прошптала донна Анита. — Увы! Какую новость могу я узнать?

— Кто знает? — сказала Елена и продолжала читать:

«В особенности, чтобы донна Анита была осторожна, и как удивительно ни показалось бы ей то, что она узнает, пусть она остерегается обнаружить, какое действие произведет это открытие; она не должна забывать, что если у нее есть преданные друзья, то что за ней наблюдают могущественные враги: малейшая неосторожность погубит ее безвозвратно и уничтожит навсегда наши усилия спасти ее; ты должна, милая ссстра, настойчиво растолковать твоей приятельнице этот совет».

— Остальное, — прибавила Елена, улыбаясь, — относится только ко мне, тебе не нужно этого сообщать.

Она сложила письмо, которое снова исчезло в ее кармане.

— Теперь, милочка, ты предупреждена, — сказала она. — Будь же осторожна.

— Боже мой! Я ничего не понимаю в этом письме, я не знаю, кто этот Валентин, о котором говорит твой брат, я, по твоему совету, потребовала духовника...

— То есть по совету моего брата, который поместил меня вместе с тобой не только потому, что я люблю тебя, как сестру, но и для того, чтобы поддерживать тебя и ободрять.

— Я очень признательна и ему, и тебе, милая Елена, если бы тебя не было со мной, несмотря на дружбу, которой удостаивает меня наша добрая настоятельница, я давно уже изнемогла бы от горя.

— Теперь идет дело не обо мне, милочка, а о тебе одной; как ни таинственен и непонятен совет моего брата, я знаю, что он слишком серьезен и слишком добр для того, чтобы не приписывать этому совету большую важность, поэтому я настойчиво прошу тебя быть осторожной.

— Напрасно стараюсь угадать, о какой новости говорит он. Признаюсь тебе, друг мой, что я невольно чувствую тайное нежелание принять этого духовника, о котором он говорит. Увы! Я теперь должна всего бояться и ни на что не надеяться!

— Тише! — с живостью вскричала Елена. — Я слышу шаги в аллее, которая ведет в эту беседку, кто-то приближается, не надо, чтобы нас застали врасплох.

Действительно почти в ту же минуту сестра-привратница, которая уже приходила докладывать настоятельнице о доне Ссрапио де-ла-Ронда, вошла в беседку.

— Сенорита, — обратилась она к Елене. — Матушка-настоятельница желает говорить с вами и с донной Анитой немедленно, она ждет вас в своей келье с францисканцем.

Молодые девушки переглянулись, легкая краска выступила на бледных щеках донны Аниты.

— Мы следуем за вами, сестра моя, — отвечала Елена.

Молодые девушки встали, Елена взяла под руку свою подругу и наклонилась к ней.

— Мужайся, милая, — тихо шепнула она на ухо ей.

Они последовали за сестрой-привратницей, та привела их к келье настоятельницы, потом ушла.

Настоятельница разговаривала с большим воодушевлением с францисканцем; приметив молодых девушек, она замолчала и поспешно встала.

— Благодарите Бога, дитя мое, — сказала она, протягивая руки к донне Аните, — который в своем безграничном милосердии удостоил свершить для вас чудо.

Молодая девушка остановилась в изумлении, взволнованная против воли и бросая направо и налево испуганные взоры.

По знаку настоятельницы, францисканец встал и, отбросив капюшон, упал к ногам девушки.

— Анита, — сказал он голосом, прерывавшимся от волнения, — Анита, узнаете ли вы меня?

При звуке этого голоса, заставившего задрожать все фибры ее сердца, молодая девушка отступила назад, зашаталась и упала на руки Елены, вскричав голосом, который невозможно передать:

— Марсьяль! Марсьяль!

Рыдания вырвались из ее стесненной груди и она залилась слезами.

Она была спасена, потому что неожиданная радость не убила ее.

Тигреро, столь же слабый, как и та, которую он любил, мог только слезами выразить свои чувства.

Несколько минут настоятельница и Елена опасались, что эти два существа, столь испытанные несчастьем, не найдут в себе необходимых сил, чтобы выдержать такое ужасное волнение. Но Тигреро вдруг вскочил, схватив в объятия молодую девушку (которая, со своей стороны, бросилась к нему), вскричав:

— Анита! Милая Анита! Я нашел вас наконец! О! Теперь никакое человеческое могущество не разлучит нас!

— Никогда! Никогда! — шептала она, опустив голову на плечо молодого человека. — Марсьяль! Мой возлюбленный Марсьяль, защитите меня, спасите меня!

— О да, я спасу вас, ангел мой! Мы будем соединены — даю вам клятву!

— Вы обещали мне быть осторожны, — вмешалась настоятельница. — Подумайте, какие опасности окружа-

ют вас, подумайте о неумолимых врагах, поклявшихся погубить вас. Заключите в вашем сердце чувства, которые, если обнаружатся при бесчисленных шпионах, подстерегающих вас, будут причиной вашей смерти, а может быть, и смерти бедной девушки, которую вы любите.

— Благодарю вас! — вскричал Тигреро. — Благодарю, что вы напомнили мне роль, которую я должен играть еще несколько дней; и если я забыл о ней на несколько секунд, то впредь уже не буду забывать этой роли. Не бойтесь, что я погублю счастливую будущность, ожидающую меня, — нет, я сумею преодолеть свои чувства и исполню советы истинных друзей, которым я обязан неизъяснимым счастьем этой минуты.

— О! Теперь я понимаю, — произнесла донна Анита. — Я понимаю таинственные советы, даваемые мне! Ах! Несчастье делает недоверчивой. Прости меня, Боже мой, простите мне, добрая матушка, и ты также, Елена, мой нежный и верный друг, я не смела надеяться, я опасалась засады!

— Я вас прощаю, бедное дитя, — отвечала настоятельница. — Кто может вас осуждать?

Донна Елсна прижала свою подругу к сердцу, не говоря ни слова.

— О! Теперь наши несчастья кончились, Анита! — страстно шептал Тигреро. — У нас есть друзья, которые не оставят нас в борьбе, затеваемой нами против общего врага.

— Марсьяль, — отвечала молодая девушка твердым тоном, который удивил окружающих, — я была слаба, потому что была одна; теперь я знаю, что вы живы, что вы возле меня, чтобы поддерживать меня. О! Если бы мне пришлось пасть мертвой к ногам моего гонителя, я не изменю клятве, которую я дала: принадлежать только вам; считая вас умершим я оставалась верна вашей памяти, священной для меня. Пусть настанут дни испытаний — я сумею их пережить!

Эта сцена продолжалась бы еще долго, но благоразумие требовало, чтобы настоятельница прервала ее, как можно скорее. Выказав твердость только вследствие первого волнения, донна Анита чувствовала себя разбитой, она с трудом держалась на ногах, да и сам дон Марсьяль чувствовал, что энергия оставляет его.

Разлука была мучительна для влюбленных, соединенных столь чудесным образом, когда они не надеялись более увидеться; но их поддерживала надежда скоро встретиться снова под покровительством настоятельницы, которая столько сделала для них и неисчерпаемая доброта которой была им отдана безусловно.

В первый раз после своего вступления в монастырь донна Анита улыбалась сквозь слезы, когда обращалась к Богу со своей ежедневной вечерней молитвой.

Тигреро удалился, чтобы дать отчет Валентину, о том, что происходило на этом свидании, столь давно желанном.

Донна Елна задумчиво направилась в свою келью; молодая девушка мечтала, — о чем? Может быть, она сама этого не знала; однако несколько дней докучливая мысль беспрестанно возмущала ее, хотя донна Елна не могла объяснить причину, спокойное зеркало, в котором отражались ее мысли.

Начало борьбы

Честолюбие — самое ужасное и самое обманчивое из всех человеческих страстей, в том смысле, что оно совершенно сушит сердце и никогда не может насытиться.

Генерал дон Себастьян Герреро не принадлежал к числу людей холодно-жестоких, которыми управляет только инстинкт зла, которых влечет запах крови; но с неумолимой логикой честолюбцев он шел прямо к своей цели, уничтожая без сожалений и без угрызений совести, все препятствия на пути между собой и той целью, которой он поклялся достичь. Он считал людей пешками в той великой партии, которую он разыгрывал, стараясь оправдаться и заглушить свою совесть фразой, которую говорят честолюбцы всех времен и всех стран: Цель оправдывает средства.

Его тайным честолюбием, которое в день притворной откровенности он выказал в разговоре с графом де Пребуа-Крансе в Гермозильо, было не сделаться независимым, а просто заставить избрать себя президентом Мексиканской республики.

Генерал Герреро не из ненависти погубил графа. Честолюбцы, всегда готовые жертвовать своими чувствами во имя своих целей, не знают ни ненависти, ни любви — нет, надо искать другую причину юридического убийства графа, убийства столь неумолимо совершенного; генерал опасался графа как противника, которого он должен был встречать в Соноре, где завязались первые петли, которыми он опутывал Мексику.

Но едва граф упал, окровавленный, на гваймасском берегу, как генерал Герреро увидел ошибочность своего расчета и ошибку, которую он сделал, пожертвовав графом. В самом деле, не говоря о смерти дочери — единственного существа, к которому он сохранял в глубине своего сердца тот огонь, который Господь зажигает в душе всех отцов, — он променял честного противника на ожесточенного врага, тем более опасного, что, не дорожа ничем и не имея никакого честолюбия, тот готов был без малейшей нерешительности и без расчета пожертвовать всем для интересов мщения, которое он поклялся совершить, над телом друга, еще трепещущим в последних конвульсиях.

Этот нсумолимый враг, которого нельзя было остановить ни обольщением, ни страхом, был Валентин Гиллуа.

Генерал сделал ошибку еще важнее и серьезнее, которая должна была иметь для него непредсказуемые последствия.

Он мало знал Валентина Гиллуа, ему была неизвестна нсумолимая энергия его воли. Сравнивая его мысленно с теми лесными наседниками, которые способны в минуту отчаяния выстрелить из-за куста, он пренебрег им.

Валентин остерегся каким-нибудь нсблагоразумным поступком рассеять заблуждение своего врага или даже возбудить его подозрения.

Во время первой экспедиции графа де Пребуа-Крансэ, когда ему сопутствовал успех и его партизаны были близки к успешному осуществлению задуманной графом операции, на Валентина была возложена важная миссия — установить контакт с состоятельными гражданами провинции. Валентин с честью выполнил свою миссию и был по достоинству оценен людьми, с которыми свел его случай. Завязавшиеся тогда отношения получили впоследствии развитие, и эти люди не раз свидетельствовали ему чувство искренней дружбы после смерти графа.

Валентину ничего не стоило сделаться богатейшим в Мексике человеком, потому что он знал, где находятся, по существу, неисчерпаемые запасы золота. И ради того, чтобы отомстить за своего друга, он решился сделать то, чего никогда бы не сделал ради себя.

Вместе с тремя соратниками он смог сделать то, что было бы не под силу двумстам пятидесяти золотоискателям. Со своими верными друзьями он отправился на Дальний Запад. Миновав Апахерию и труднодоступную песчаную пустыню, усеянную выбеленными солнцем костями соратников графа де Лорайля, преодолев усталость и невероятные опасности, друзья добрались наконец до приисков. На этот раз Валентин не ограничился, как обычно, незначительным запасом золота, ему нужно было несметное количество. Для этой цели он привел с собой десять лошаков.

Он возвращался с десятью же лошадьми, нагруженными золотом до предела. Он знал, что ему предстоит борьба с человеком, обладающим несметными богатствами, и в этом смысле должен был сравняться с ним. И в Новом Свете, так же как и в Старом, успех войны и вообще борьбы решает золото. Поэтому Валентин решил обезопасить себя на этот счет.

В Гуаймас Валентин вернулся, по всей видимости, самым богатым человеком Мексики, где даже человек, обладающий поистине несметными богатствами, считается лишь заурядным богачом.

Таким образом, золото этих богатейших приисков, в свое время позволившее графу де Пресбуа-Крансу предпринять его героическую экспедицию, сейчас должно было помочь отомстить за него.

Валентин начал скрытую, не прекращающуюся ни на один день, борьбу с генералом. Генерал терпел удар за ударом; неуголимый противник преследовал его по пятам.

Этот человек, которому без труда удавалось осуществить самый дерзкий задуманный им план и беспрепятственно подниматься все выше и выше на политический Олимп, заставляя удивляться своих противников силой ловкости его и холодному расчету, то по крайней мере необычайному везению, вдруг почувствовал, что фортуна изменила ему, причем так внезапно и так решительно, что уже через шесть недель после казни графа он вынужден был отказаться от должности военного губернатора и фактически бежать из Соноры, где он уже очень давно правил железной рукой.

Это был первый удар по его честолюбивым устремлениям, к тому же нанесенный в момент, когда он только-

только начал приходить в себя после трагической смерти дочери, и тем более страшный, что он не знал, откуда он исходит.

Однако он не долго пребывал в неведении, потому что буквально через час после его отъезда из Гермо-силы каким-то таинственным образом ему было доставлено письмо, в котором слово в слово излагалась клятва, произнесенная над телом несчастного графа, и в заключение уведомлявшее, что отставка генерала — начало обещанного возмездия. Письмо было подписано Валентином Гиллуа.

Таким образом, Валентин приподнял завесу таинственности, тяготившей генерала, и честно предупредил его о своих намерениях.

Получив открытый вызов, генерал пришел в неописуемую ярость, тем более что он был абсолютно бессилен противостоять ему. Потом, когда он успокоился, им овладел страх. Человек, открыто бросающий ему вызов, должен быть, достаточно силен и уверен в своей победе.

Отъезд генерала из Соноры был, в сущности, постыдным бегством, рассчитанным на то, чтобы ввести Валентина в заблуждение относительно своего местонахождения, однако встреча в Чичимексе со всей неотвратимостью доказала ему его полное бессилие перед лицом противника.

Презрение, проявленное Валентином, а главное — то, что он отпустил его, повергли генерала в ужас. Что встреча, давно приготавливаемая охотником, доказала ему, что и на этот раз он был побежден своим врагом.

Презрение, с каким Валентин отослал его после своего бурного с ним объяснения, внутренне наполнило его ужасом: какие зловещие планы замышлял этот человек? Какое ужасное мщение готовил он, если, держа его в своих руках, он с пренебрежением выпустил его, отказавшись убить, когда это был так легко? Какую муку, ужаснее смерти, придумал он для него?

Остаток его путешествия по Скалистым горам до Мехико был одной продолжительной агонией, во время которой, при постоянном опасении и при чрезвычайном нервном раздражении, его больное воображение налагало на него нравственную пытку, вместо которой была бы приятна всякая физическая боль.

В особенности похищение тела его дочери и смерть старого товарища по оружию его отца, единственного человека, которому генерал верил, сломили его энергию, и несколько дней генерал Герреро был до того уничтожен этим двойным несчастьем, что внутренне начал желать смерти.

Наказание его начиналось. Но дон Себастьян Герреро был один из тех могущественных атлетов, которые не дают побеждать себя таким образом; они могут пошатнуться в борьбе, упасть на песок арены, но всегда встают еще ужаснее, еще страшнее; его возмущившаяся гордость возвратила ему оставлявшее его мужество; и так как ему была объявлена неумолимая война, он поклялся поддерживать ее, несмотря ни на какие последствия.

Притом два месяца уже прошло после его приезда в Мехико, а его враг не обнаруживал своего присутствия теми страшными ударами, которые, как громовая туча, вдруг разражались над его головой.

Дон Себастьян мало-помалу начал полагать, что охотнику хотелось только принудить его оставить Сонору, что, не имея надежды выгодно продолжать свои планы в таком городе, как Мехико, он осторожно держался в стороне, и что если не совсем отказался от своего мщения, то по крайней мере обстоятельства, независимые от его воли, принудили его отложить мщение.

Генерал, поселившись в столице Мексики, собрал многочисленную шайку шпионов, которым дорого платил и которым поручено было предупредить его о присутствии Валентина в городе; потом, успокоенный донесениями своих агентов, он с лихорадочным жаром принялся за исполнение своих планов, убежденный, что, если ему удастся достигнуть своей цели, то ненависть преследующего его человека не будет уже опасна для него, тем более что, как только власть перейдет к нему в руки, он легко сможет отделаться от врага, который, по своему иностранному происхождению, не мог быть популярен в Мексике.

Генерал жил в обширном отеле на улице Такуба.

Этот отель был выстроен одним из предков генерала и слыл одним из прекраснейших отелей в столице Мексики.

Мы скажем о нем несколько слов, для того чтобы читатель мог судить об испано-мексиканской архитекту-

ре; притом почти все дома выстроены по одному образцу, и узнав один, легко составить себе довольно верное понятие о том, каковы должны быть другие.

Мексиканская архитектура близка к арабской; но после провозглашения независимости, иностранные архитекторы успели в больших городах, посредством дверей, кстати помещенных, устроить удобные комнаты, тогда как прежде иногда приходилось проходить в столовую через спальню или в гостиную через кухню.

Отель генерала Герреро состоял из четырех корпусов с этажом над антресолями и был опаясан террасами.

Два двора разделяли эти два здания. Широкая каменная лестница вела на первый этаж.

Наверху этой лестницы прекрасная крытая галерея, украшенная вазами с цветами и тропическими растениями, вела в обширную переднюю, которая выходила в большую приспальную залу, потом шло множество комнат, великолепно убранных и меблированных по-европейски, с роскошью и изящным вкусом.

Генерал жил в верхнем этаже своего отеля. Хотя почти все улицы ныне вымощены и, кроме нижних кварталов, каналы исчезли, однако в нескольких домах под землей встречается вода, что создаст такую сырость, что на нижнем этаже жить нельзя, и он почти во всех домах отдается под лавки и магазины.

Корпус здания, выходившего на улицу Такуба, был занят роскошными лавками, вид которых украшал фасад отеля.

Живопись и резные украшения на стенах, по испанскому обычаю, придавали отелю отпечаток странности, который был не без прелести и дополнялся множеством кустов всякого рода, которыми была украшена терраса отеля, делая из него сад, вроде садов вавилонских, висящий почти на двадцать метров от земли.

Эти висятые сады, из середины которых высятся купола церквей, придают городу истинно волшебный вид, когда вечером при чудном закате солнца смотришь на него с вершины соборных башен.

Прошло семь или восемь дней после происшествий, рассказанных нами в предыдущей главе, генерал Герреро, вследствие продолжительного разговора с полковником доном Хайме Лупс, доном Сирвенем и двумя-тремя другими из самых верных его сообщников, разговора, в

котором были сделаны последние распоряжения, выслушал донесения своих шпионов, уверивших его, что человек, за которым им поручено было наблюдать, еще не приехал в Мехико. Потом, так как приближался час спектакля, дон Себастьян Герреро, освободившись на время от всякого беспокойства, приготовился присутствовать при одном особенном представлении, которое в тот вечер давалось в театре Санта-Анна; в ту минуту, когда он отдавал приказание подавать карету, дверь гостиной, в которой он находился, отворилась и на пороге явился слуга, почтительно поклонившись.

— Чего ты хочешь? — спросил генерал.

— Какой-то кабальеро желает поговорить несколько минут с вашим превосходительством.

— Тсперь невозможно, — отвечал генерал, взглянув на часы. — Ты знаешь этого человека, Изидро?

— Нет, ваше превосходительство, этого кабальеро я еще не имел чести видеть в вашем отеле.

— Гм! — сказал дон Себастьян, качая головой с задумчивым видом. — Это человек порядочный?

— В этом я могу уверить ваше превосходительство. Он мне сказал, что должен сообщить вашему превосходительству нечто очень важное.

В том положении, в каком находился дон Себастьян Герреро, глава готовившегося политического переворота, он не мог пренебрегать никаким известием, и, после некоторого размышления, он сказал:

— Ты должен был отвечать этому человеку, что я не могу принять его так поздно — пусть придет завтра.

— Я ему говорил.

— А он настаивал?

— Несколько раз.

— Знаешь ли ты его имя по крайней мере?

— Когда я его спросил, он ответил, что вы его не знаете, но если вы пожелаете узнать, как его зовут, он сам скажет вашему превосходительству.

— Какой странный человек! — подумал генерал. — Хорошо, — прибавил он вслух. — Проводи этого человека в зеркальную гостиную, я сейчас туда иду.

Слуга почтительно поклонился.

«Кто может быть этот человек и какие важные вещи имеет он сообщить мне? — прошептал генерал, оставшись один. — Гм! Вероятно, какой-нибудь бедняга из

наших, которому нужны деньги. Пусть остерегается, я не позволю безнаказанно обирать себя и сумею растолковать ему это, если его известие будет не важно».

Бросив на стул шляпу с перьями, которую он держал в руке, дон Себастьян отправился в зеркальную гостиную.

ГЛАВА XVIII

Визит

Зеркальная гостиная была огромная комната, отделенная от большой галереи двумя передними, и меблированная с необыкновенной роскошью. В этой гостиной генерал давал пышные пиры, изысканность которых еще доныне, после стольких лет, осталась знаменитой в памяти высшего мексиканского общества.

Комната эта, освещенная только двумя лампами, была в эту минуту погружена в полумрак другие комнаты отеля начали уже освещать и они блистали огнями.

Человек, одетый по-европейски, в костюме совершенно черном, на котором, как бы кровавым знаком, виднелась лента Почетного легиона, небрежно красовавшаяся в петлице, стоял с шляпой в руке, прислонившись к той самой консоли, на которой стояли лампы, и, склонив голову на грудь, по-видимому, задумался так глубоко, что когда дон Себастьян вошел в гостиную, шум шагов, заглушаемый коврами, не достиг слуха этого человека, и он не поднял голову, чтобы встретить генерала.

Дон Себастьян опустил портьеру, подошел к своему гостю, стараясь узнать его, что, впрочем, пока было невозможно из-за позы незнакомца.

Когда дон Себастьян подошел совсем близко, и незнакомец поднял голову, генерал, несмотря на всю власть над собой, задрожал и сделал два шага назад.

— Дон Валентин! — вскричал он задыхающимся голосом. — Вы здесь?

— Я самый, генерал, — отвечал тот с неприметной улыбкой, низко кланяясь ему, — разве вы не ожидали моего визита?

Искатель Следов, по своему обыкновению, прямо задал вопрос.

Горькая улыбка сжала бледные губы генерала, преодолев свое волнение, он отвечал насмешливым тоном:

— Конечно, кабальеро, я надеялся принять вас, но не здесь и не при подобных обстоятельствах; я должен вам признаться, что не смел льстить себя мыслью о подобной милости.

— Я очень рад, генерал, — отвечал Валентин, снова поклонившись, — что предупредил ваше желание.

— Я вам докажу, сеньор, — возразил дон Себастьян, сжав зубы, — какую цену приписываю вашему визиту.

Говоря таким образом, дон Себастьян протянул руку к колокольчику.

— Извините, генерал, — сказал француз с невозмутимым хладнокровием, — кажется, вы имеете намерение позвать кого-нибудь из ваших слуг?

— А если бы я действительно имел это намерение, сеньор? — надменно сказал дон Себастьян.

— Если бы так, — проговорил Валентин с ледяной всхливающей, — было бы лучше, если бы вы этого не делали.

— А по какой причине, позвольте вас спросить?

— По самой простой, генерал. Имея честь знать вас коротко, я не был так глуп, чтоб предать себя в ваши руки — вот и все. Моя карета в эту минуту стоит перед перистилем большой лестницы вашего отеля; в этой карете сидят двое моих друзей, и по всей вероятности, если я не выйду отсюда через полчаса, они сами придут осведомиться, что происходило между нами и что сделалось со мной.

Генерал закусил губы.

— Вы ошиблись относительно моих намерений, сеньор, — сказал он, — я вас не боюсь, точно так же, как вы не боитесь меня. Я дворянин, и если бы вы в десять раз более были моим врагом, я и тогда не старался бы освободиться от вас убийством.

— Пусть так, генерал, я желаю, чтобы я ошибся, и в таком случае примите мои извинения; притом, приехав

к вам таким образом, я, кажется, выказал к вам доверие...

— За которое я благодарю вас, сеньор; но так как я полагаю, что только причины необыкновенно важные могли побудить вас явиться ко мне и что разговор, который вы хотите иметь со мной, должен быть продолжителен, я хотел дать моим людям приказание отложить карету и не допускать, чтобы нам помешали.

Валентин поклонился молча, но с неприметной улыбкой и, облокотившись снова о консоль, начал крутить свои длинные и тонкие светло-русые усы, между тем как генерал звонил.

Вошел слуга.

— Вели отложить карету, — сказал генерал, — и не принимать никого. Ступай!

Слуга поклонился и сделал шаг, чтобы уйти.

— А! — сказал дон Себастьян, остановив слугу рукой. — Попроси от имени этого кабальеро особ, сидящих в его карете, сделать мне честь войти, здесь им будет удобней ждать конца разговора, который, может быть, продлится довольно долго. Подай закуску этим господам в голубую гостиную, в ту, — прибавил дон Себастьян с намерением, пристально смотря на француза, — которая возле этой комнаты. Ступай.

Слуга ушел.

— Будете ли вы еще опасаться засады, сеньор? — обратился дон Себастьян к французу. — Ваши друзья будут теперь, если понадобится, возле вас, чтобы оказать вам помощь.

— Я знал, что вы храбры до отважности, — любезно ответил француз, — я рад видеть, что вы не менее благородны.

— Теперь, сеньор, не угодно ли вам сесть, — сказал дон Себастьян, указывая ему на кресло, — смею ли предложить вам закусить что-нибудь.

— Генерал, — сказал Валентин, садясь, — позвольте мне отказаться. Я в молодости участвовал в американской войне; в той стране имеют обыкновение закусывать только с друзьями, а так как мы, по крайншей мере теперь, враги, прошу вас оставить меня в том положении, в каком я нахожусь в отношении к вам.

— Этот обычай, на который вы намекаете, сеньор, существует также и у нас, — отвечал генерал, — однако

ему изменяют иногда. Впрочем, действуйте, как хотите; я жду, чтобы вы объяснили мне цель этого визита, который для меня удивителен.

— Не стану долее употреблять во зло ваше терпение, генерал, — ответил Валентин, поклонившись, — я просто пришел предложить вам сделку.

— Сделку! — вскричал дон Себастьян с удивлением. — Я вас не понимаю.

— Я буду иметь честь объяснитьсь, сеньор.

Генерал поклонился.

— Я жду, — сказал он.

— Вы дипломат, генерал, — продолжал Валентин, — и, без сомнения, вам известно, что плохой мир лучше хорошей войны.

— В некоторых случаях, конечно; только я позволю себе заметить, что в настоящих обстоятельствах, кабальеро, я должен ждать ваших предложений, а не делать их вам, так как война — употребляя ваше выражение — начата вами, а не мной.

— Я думаю, что гораздо лучше не рассуждать об этом предмете, в котором мы с трудом согласимся с вами, только для того, чтобы снять всякую двусмысленность и прямо поставить вопрос. Я напому вам в нескольких словах, какие причины возбудили разделяющую нас ненависть.

— Свои доводы, сеньор, вы уже изложили мне однажды во всех подробностях в крепости Чичимек. Я не стану спорить о степени их справедливости, скажу только, что чувство дружелюбия и ненависти, симпатии и антипатии не подвластны рассудку. Поэтому лучше просто констатировать симпатию или ненависть, не пытаясь выяснять природу чувств, что, повторяю, не подвластно нашей воле.

— Вы вольны рассуждать подобным образом, сеньор, хотя я придерживаюсь иной точки зрения. Но я не намерен с вами спорить, а потому констатирую: ненависть, испытываемая нами друг к другу, неискоренима и ничто не способно ее погасить.

— Но вы только что предлагали мне сделку.

— Конечно, но заключение сделки не означает прекращения вражды. Я могу, скажем, приостановить враждебные действия против вас, но это отнюдь не означает, что сделались друзьями.

— Я согласен с вами. Приступим же к делу. Благоволите объяснить, в чем суть предлагаемой сделки.

— Позвольте сначала, в соответствии с моим неизменным принципом поступать честно, обозначить, так сказать, наши исходные позиции.

— Вы все время говорите загадками, сеньор, совершенно недоступными моему пониманию.

— Постараюсь выразиться более ясно. Когда я объясню вам ваши намерения и средства, которыми вы собираетесь добиваться их осуществления, вы поймете, что мне удалось помешать вам.

— Слушаю вас, сеньор, — отвечал генерал, хмуря брови.

— В двух словах ваш план сводится к тому, чтобы свергнуть генерала К. и провозгласить себя президентом республики.

— Вот оно что! — воскликнул генерал, раздражаясь деланным смехом. — Знаете, сеньор, в нашей благословенной стране это честолюбивое намерение приписывают всем высшим офицерам, которые в силу своего богатства или по какой-то иной причине оказались на виду у общества. Так что это обвинение лишено всякого смысла.

— В самом деле, если бы с вашей стороны дело ограничивалось одним лишь желанием, то можно было бы и впрямь все отнести на счет специфики страны. Но в действительности дело обстоит иначе.

— Что вы хотите этим сказать?

— Боже мой, генерал! Я хочу сказать, что вы возглавили заговор, что заговор, не удавшийся в Соноре, вы теперь затеяли в Мехико и, несомненно, с теми же самыми шансами на успех. Возможно, вы и преуспели бы в осуществлении своего замысла, если бы я не пожелал расстроить ваши планы.

Далее. Я хочу вам сказать, что несколько дней назад в гостинице Лусачо состоялось собрание ваших сообщников, на которое вы явились с двумя мешками золота. Я хочу сказать, что после раздачи золота вам были даны последние указания и фактически обозначен день решающих действий. Ну, что, генерал, может быть, я не прав? Мои шпионы гораздо проворнее и смысленей ваших, которые даже не способны были уведомить вас о моем появлении в Мехико, между тем как я нахожусь здесь уже более недели.

— Я отвечу откровенностью на вашу откровенность, сеньор. Нет смысла таиться от врага, которому все так хорошо известно. В отношении моих планов вы осведомлены совершенно верно. Как видите, я не считаю нужным притворяться.

— Тем более что вы отлично сознаете, что это бессмысленно, не правда ли, сеньор?

— Возможно. Но хотя вам известно довольно многое, однако не все.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен.

— Чего же я, по-вашему, не знаю?

— Того, что вы не выйдете отсюда и что я прострелю вам голову! — вскричал дон Себастьян, вскочив и заряжая пистолет.

Француз не сделал ни малейшего движения, а только пристально посмотрел на мексиканца и сказал ледяным тоном:

— Вы не сделаете этого.

Дон Себастьян остался неподвижен, потупив глаза, с бледным лицом и трепещущей рукой; потом через несколько секунд, он разрядил пистолет и с унынием опустился на кресло.

— Вы зашли слишком или не довольно далеко, кабальеро, — холодно продолжал Валентин. — Всякая угроза должна быть исполнена во что бы то ни стало, как только она сделана. Вы размыслили; перестанем говорить об этом и вернемся к нашему разговору.

В рассуждениях подобного рода все выгоды бывают на стороне того противника, который сохраняет хладнокровие. Дон Себастьян, стыдясь гнева, которому он позволил увлечь себя, и, в особенности, разбитый насмешливо-презрительным ответом своего врага, остался безмолвен и неподвижен; он сознался, наконец, что с таким человеком, как тот, который находился перед ним, всякая борьба, кроме засады, которая была противна его гордости, должна была непременно окончиться неудачей.

— Но оставим пока, — продолжал Валентин, спокойный и холодный, — этот заговор, к которому мы вернемся после, и перейдем к предмету, не менее интересному. Вы опекун донны Аниты Торрес, дон Себастьян Герреро, не так ли?

Генерал вздрогнул, но промолчал.

— Вследствие одной ужасной катастрофы, — продолжал Валентин, — эта молодая девушка сошла с ума, что не мешает вам иметь намерение жениться на ней — пренебрегая всеми божественными и человеческими законами — по той простой причине, что она колоссально богата и что вам нужно ее состояние для исполнения ваших честолюбивых планов. Правда, что молодая девушка вас не любит; правда также, что отец назначал ее другому и что этого другого вы упорно выдасте за мертвого, несмотря на то, что он жив; но какое вам дело до этого! К несчастью, один из моих искренних друзей, о котором вы, вероятно, никогда не слыхали, дон Серапио де-ла-Ронда, услышал об этом деле. Я скажу вам по секрету, что дон Серапио пользуется большим уважением некоторых особ и очень обширным влиянием. Не знаю, почему дон Серапио принял участие в донне Аните и забрал себе в голову выдать ее — нравится вам это или нет — за того, кого она любит и кому предназначал ее отец.

— Но этот негодяй умер! — вскричал генерал с гневом.

— Вы знаете, что он жив, сеньор, — отвечал Валентин, — и для уничтожения всех ваших сомнений, если еще они остались у вас, я дам вам доказательство. Дон Марсьяль, — сказал он, возвысив голос, — войдите, прошу вас, и скажите сами генералу Герреро, что вы никогда не были убиты.

— О! — прошептал генерал с бешенством. — Этот человек — демон!

В эту минуту портьера приподнялась и новое лицо вошло в гостиную.

Помощь

Человек, вошедший в зеркальную гостиную, был в костюме всадников, прогуливающих по Букарели верхом возле карстных дверей — то ссть в панталонах, застегнутых сверху донизу, в шелковом поясе, в шляпе с широкими полями, украшенной в два ряда золотым позументом.

Он непринужденно приблизился к дону Себастьяну, держа шляпу в правой руке, поклонился ему с той изящной вежливостью, которая свойственна только одним мексиканцам, и, выпрямившись с гордостью, сказал насмешливым тоном:

— Вы узнаете меня, дон Себастьян? И верите, что я жив — или тень Марсьяла Тигреро вышла из могилы, чтобы с вами говорить?

Из-за приподнятой портьеры виднелось насмешливое и лукавое лицо Весельчака, глаза которого, пристально устремленные на генерала, как будто с нетерпением ждали ответа. Но дон Себастьян, раздражаемый противоречивыми чувствами, медлил с ответом. Однако надо было решиться на что-нибудь. Дон Себастьян встал и, посмотрев Тигреро в лицо, сказал твердым голосом:

— Кто вы, сеньор, и по какому праву спрашиваете меня?

— Прекрасно сыграно, — сказал Валентин, смеясь, — ей-Богу, кабальеро, с вами приятно бороться, клянусь моей душой — вы противник сильный.

— Вы думаете? — спросил дон Себастьян с глухим гневом.

— Конечно, — отвечал охотник, — я сознаюсь в этом. Покоритесь же вашей участи: вы находитесь в безвыходном положении.

На несколько минут наступило молчание. Наконец генерал как будто решил; он обернулся к Весельчаку, все еще неподвижному, и, поклонившись ему с иронической вежливостью, сказал:

— К чему вы прячетесь за этой портьерой? Выйдите, кабальеро, ваше присутствие не может не быть приятно всем, находящимся здесь.

Канадец тотчас вошел и, почтительно поклонившись дону Себастьяну, непринужденно облокотился о кресло Валентина.

— Вы видите, сеньоры, — надменно продолжал дон Себастьян, — что я подражаю вашему примеру и так же, как вы, держу карты на столе; вы явились в мой отель предложить мне сделку — не правда ли, дон Валентин? Вам, сеньор, — обратился он к Тигреро, — я сказал, что я вас не узнал, а вас я в первый раз принимаю у себя; вы верно пришли присутствовать при том, что будет происходить, вероятно, с намерением, в случае необходимости, служить свидетелем этим кабальеро, вашим друзьям. Ну сеньоры, останьтесь же довольны все трое; я жду ваших предложений, дон Валентин; вам, сеньор, хотя до сих пор я опровергал ваше чудесное воскрешение, я признаюсь, что вы живы и действительно дон Марсьяль, бывший жених донны Аниты Торрес; а вам, сеньор, хотя я вас не знаю, поручаю засвидетельствовать, перед кем вам угодно, истину произнесенных мной слов. Довольны ли вы все трое, сеньоры? Не могу ли я еще сделать что-нибудь для вашего удовольствия? Говорите, я готов.

— Нельзя уступить любезнее, — отвечал Валентин, поклонившись с иронией.

— Благодарю за одобрение, кабальеро; теперь благоволите, прошу вас, нимало не медля, сообщить мне, на каких условиях соглашаетесь вы не преследовать меня той ужасной ненавистью, которой вы угрожаете мне беспрестанно, но действия которой, по-моему мнению, несколько медлительны.

Эти слова были произнесены со смесью надменности и презрения, которые невозможно передать. На минуту сам Валентин онемел — до того эта внезапная перемена в расположении духа его противника показалась ему необыкновенной.

— Я жду, — продолжал генерал, со скучающим видом, опускаясь на кресло.

— Кончим... — сказал, наконец, Валентин, решительно выпрямившись.

— Я этого и желаю, — перебил дон Себастьян, не принужденно закуривая сигару.

— Вот мои условия, — резко и жестко сказал охотник, внутренне оскорбленный этим притворным равнодушием. — Вы немедленно оставите Мехико, откажитесь от донны Аниты, которой возвратите не только ее свободу, но и право располагать, как она хочет, ее рукой и состоянием; вы продадите ваши поместья и уедите в Соединенные Штаты, клятвенно обещая никогда не возвращаться в Мексику. Со своей стороны, я обязуюсь возвратить вам тело вашей дочери и не стараться вам вредить каким бы то ни было образом.

— Иместе вы прибавить еще что-нибудь? — спросил дон Себастьян, небрежно следуя глазами за синеватым дымом своей сигары, поднимавшимся спиралью к потолку.

— Ничего; но берегитесь, сеньор, я также дал клятву; по тому, что я вам сказал, вы поняли, до какой степени я знаю ваши тайны, отказывайтесь или соглашайтесь, но решите что-нибудь, потому что сегодня в последний раз мы встретимся лицом к лицу при подобных условиях. Партия, которую мы играем, ужасна, и должна кончиться смертью одного из нас. Я буду к вам беспощаден, точно так же, как и вы, без сомнения, будете беспощадны ко мне; подумайте серьезно, прежде чем решитесь сказать да или нет, я даю вам полчаса на размышление.

Дон Себастьян захохотал нервным и отрывистым смехом.

— Ей-Богу, кабальеро, — вскричал он с движением презрения. — Я вас слушаю с чрезвычайным удивлением; вы располагаете моей волей с легкостью, ни с чем не сравнимой! Я не знаю, кто даст вам право действовать таким образом, но ненависть, как бы ни была она силь-

на, не может иметь этого преимущества. Я полагаю, вы считаете себя гораздо могущественнее, чем вы есть на самом деле, притом, что ни случилось бы, запомните хорошенько вот что: я не отступлю ни на один дюйм перед вами; принять ваши шутовские и смешные условия значило бы покрыть себя позором и погубить себя навсегда; помните это: если бы вы были гений зла в человеческом обличии, я тем не менее настойчиво продолжал бы идти по тому пути, который я начертал себе и по которому буду идти, пренебрегая всеми опасностями; как ни ужасны были бы препятствия, которые вы воздвигнете на моем пути, я их уничтожу или храбро паду, погребенный под развалинами моих неудавшихся планов. Итак, знайте наперед, дон Валентин, что я презираю ваши угрозы и что они не могут меня остановить; а вы, дон Марсьяль — если уж вас зовут так — знайте, что я женюсь на донне Аните, какие усилия ни придумали бы вы, чтобы не допустить этого, потому что я так хочу и потому, что ни один человек на свете никогда не пытался сопротивляться моей воле, не будучи тотчас же неумолимо разбит мной; а теперь, сеньоры, мы сказали все друг другу — ведь мы сказали все, не правда ли? Невозможно более сомневаться насчет наших взаимных намерений! Позвольте мне проститься с вами, я желаю схватить в театр, уже очень поздно.

Он позвонил, вошел слуга.

— Вели заложить карету, — приказал ему дон Себастьян.

— Итак, — сказал Валентин, вставая, — между нами война насмерть?

— Пусть так, война насмерть.

— Мы увидимся еще один раз, генерал, — отвечал охотник, — накануне вашей смерти.

— Принимаю это свидание и без ропота склоняюсь перед вами, если вы будете так могущественны, что достигнете этого результата, но, поверьте мне, я еще не дошел до этого.

— Вы гораздо ближе к вашему падению, нежели предполагаете, может быть.

— Может статься. Но прекратим этот разговор: дальнейшие рассуждения были бы бесполезны.

Посвети! — сказал он слуге, который в эту минуту входил в гостиную.

Три друга встали, обменялись с генералом безмолвными поклонами; он проводил их до двери гостиной, и они пошли за слугой, который нес перед ними свечу.

Две карсты ждали внизу. Валентин со своими друзьями сел в одну, генерал поместился в другую, и они слышали, как он твердым голосом приказал ехать в театр Санта-Анна.

Этот театр был выстроен в 1844 году испанским архитектором Гидалго; это здание не имеет ничего замечательного снаружи ни по фасаду, ни по положению; но внутри удобен, изящен и даже грациозен, все сделано с мастерством и изысканностью.

После наружного перистилия идет двор со стеклянным куполом, потом широкие лестницы с низкими перилами, обширные и высокие коридоры, двойной ряд галерей на двор и просторное фойе для гуляющих.

Зала хорошо построена, хорошо украшена и просторна; она имеет три ряда лож с нижней галерсеей, замещающей бенуар, и с верхней галерсеей над третьим ярусом лож для народа.

В партере — это стоит заметить — у каждого есть свое кресло и каждый проходит на свое место по проходам, устроенным посреди и вокруг залы. В ложах может поместиться по десяти человек, они отделены одна от другой тонкими и легкими колоннами и невысокой перегородкой; к каждой ложе примыкает будуар, куда уходят во время антракта; нет балюстрад, которые в парижских театрах закрывают наряды дам, края лож невысоки и позволяют видеть зрительниц и любоваться их великолепными нарядами.

Когда дон Себастьян вошел в свою ложу, находившуюся в первом ярусе, почти напротив сцены, зала представляла вид поистине волшебный.

Особенное представление собрало огромное число зрителей; великолепные наряды дам были усыпаны бриллиантами, сверкавшими от потоков света, которым они были залиты.

Дон Себастьян, на минуту наклонившись вперед, чтобы обменяться поклонами со своими многочисленными знакомыми и дать заметить свое присутствие, удалился в глубину ложи, раскрыл бинокль и начал лорнировать с равнодушным видом.

Но если под силой твердой воли лицо его было холодно, спокойно и бесстрастно, страшная буря бушевала в его сердце. Сцена, за несколько минут перед тем происходившая в его отеле, наполнила его беспокойством и мрачным предчувствием; он понимал, что противники его должны были считать себя сильными, если осмелились вызывать его на бой лично и смело явиться даже в его дом. Напрасно ломал он себе голову, чтобы придумать средство освободиться от этих ожесточенных врагов; каждую минуту положение его становилось все более критическим и, если не нанести удар смелый и отчаянный, он считал себя погибшим безвозвратно.

В президентской ложе сидел сам президент со своими адъютантами; дону Себастьяну показалось несколько раз, будто президент смотрел на него со странным выражением, наклоняясь к особам, сидящим возле него, обменивался с ними несколькими словами и указывал на него. Может быть, этого не было в действительности, а только совесть дона Себастьяна внушала ему подозрения, бывшие далекот от мыслей тех, которых в эту минуту он имел столько причин остерегаться; но, действительны они были или нет, а эти подозрения терзали сердце дона Себастьяна и доказывали ему необходимость кончить все разом во что бы то ни стало.

Между тем представление шло своим порядком; занавес опустился для последнего антракта. Дон Себастьян, терзаемый беспокойством и убежденный, что он оставался в театре довольно времени для того, чтобы дать заметить свое присутствие, намеревался уехать, когда дверь ложи отворилась, и вошел полковник Лупо.

— А, это вы, полковник! — сказал дон Себастьян, протягивая ему руку и улыбаясь с принужденным видом. — Добро пожаловать! Я не надеялся иметь удовольствие видеть вас и хотел уже уехать.

— Не буду останавливать вас, генерал, я скажу вам только несколько слов.

— О наших делах?

— Они идут, как нельзя лучше.

— Подозрения нет?

— Ни малейшей тени.

Генерал вздохнул как человек, с груди которого сняли душившую его тяжесть.

— Могу я быть вам полезен в чем-нибудь? — спросил он рассеянно.

— Теперь меня привел сюда только ваш интерес.

— Как это?

— Сегодня ко мне подошел леперо, негодяй самого худшего разряда, который, по его словам, хочет отомстить какому-то французу, которого вы знаете, и который желает отдать себя под ваше покровительство в случае, если его кинжал очутится в теле его врага.

— Гм! Гм! Это дело серьезное, — сказал дон Себастьян, неприметно вздрогнув, — я не знаю до какой степени я могу отважиться быть порукой за такого негодяя.

— Он уверяет, будто вы знаете его давно и что, устраивая свои дела, он устроит и ваши.

— Вы знаете, что я не сторонник ударов кинжалом, убийство всегда вредит политике.

— Это правда; но вы не можете принимать на себя ответственность за преступления всякого негодяя.

— Этот «достойный» человек сказал вам свое имя, любезный полковник?

— Да, но, кажется, лучше произнести его на чистом воздухе, чем в том месте, где мы теперь находимся.

— Еще одно слово: ловко ли вы допрашивали его, и действительно ли он имеет намерение быть нам полезным?

— Быть полезен вам, вы хотите сказать.

— Как вам угодно.

— Я могу сказать почти утвердительно.

— Хорошо. Мы выйдем отсюда. Оружие с вами?

— Я думаю, в Мехико было бы сумасбродно выходить без оружия.

— Со мной пистолет; я отошлю мою карету, мыворотимся домой пешком и будем разговаривать доро́гой. Вы согласны, любезный полковник?

— Конечно, генерал, тем более что, если вы пожелаете увидеть этого негодяя, мне будет очень легко проводить вас, не привлекая внимания, в лачугу, занимаемую им.

Дон Себастьян пристально взглянул на своего сообщника.

— Вы говорите мне не все, полковник? — сказал он.

— Действительно, генерал! Только вы, вероятно, понимаете, какие причины в эту минуту не позволяют мне говорить.

— Пойдемте же!

Он завернулся в плащ и вместе с полковником вышел из ложи.

Лаксей ждал под перистилем его приказания, чтобы вслеть подавать карету.

— Возвратитесь в отель, — сказал генерал, — ночь хороша, я хочу прогуляться пешком.

Лакей удалился.

— Пойдемте, полковник, — продолжал дон Себастьян.

Оба вышли из театра.

Царагате

Ночь была ясная, тихая, звездная, глубокая тишина господствовала на пустынных улицах — словом, это была одна из тех восхитительных мексиканских ночей, столь наполненных ароматами цветущих растений, одна из тех ночей, которые располагают душу к сладостной мечтательности.

Генерал и полковник, старательно закутавшись в плащи, шли рядом посреди улицы, боясь засады, и опытным взором осматривая углубления дверей и темные углы поперечных улиц.

Когда они отошли от театра настолько, чтобы не опасаться нескромных глаз и ушей, дон Себастьян наконец прервал молчание.

— Теперь, сеньор дон Хайме, поговорим откровенно — хотите?

— Я сам этого желаю, — поклонившись, отвечал полковник.

— Скажите мне прежде всего, — продолжал дон Себастьян, — кто этот человек, которым, по вашим словам, я могу так хорошо воспользоваться?

— Ничего не может быть легче: этот человек негодяй самого худшего разряда, как я уже имел честь вам говорить, его прошлое довольно темно — вот все, что я мог узнать: этот человек, который, кажется, не принадлежит ни к какой стране, но побывал во всех и говорит на всех языках довольно легко, находился в Сан-Франциско, когда граф де Пребуа-Крансе набирал

шайку разбойников, с которыми намеревался расчлени- нить нашу прекрасную страну; этот план — будет ска- зано между нами — удался бы, если бы не ваше искусство, не ваше мужество.

— Оставим это, любезный полковник! — с живостью перебил его дон Себастьян. — Я исполнил в этом обстоя- тельстве мой долг так, как всегда буду исполнять его, когда дело будет идти о делах моего отечества.

Полковник поклонился.

— Негодяй, о котором мы говорим, — сказал он, — не мог пропустить такого великолепного случая: он за- вербовался в отряд графа; я думаю, что он умирал с голода в Сан-Франциско и по некоторым причинам, ему одному известным, рад был оставить этот город... Но, может быть, я докучаю вам этими подробностями?

— Напротив, любезный полковник, я желаю ближе узнать этого негодая, чтобы рассудить, можно ли поло- житься на его уверения.

— Присхав в Гваймас, он почти тотчас же сделался тайным агентом несчастного полковника Флоресса, так подло убитого французами, как вам известно.

— Увы! — сказал дон Себастьян с сардонической улыбкой.

— Сеньор Паво также использовал его несколько раз. — продолжал дон Хайме. — К несчастью для наше- го негодая, дон Валентин, друг графа, открыл, неизвест- но каким образом, все его проделки и потребовал его изгнания из отряда, вследствие ссоры с одним из фран- цузских офицеров.

— Я, кажется, слышал в то время об этом деле; этот негодяй, кажется, был известен под прозвищем Царагате?

— Точно так, генерал! Взбесившись на то, что с ним случилось, и приписывая вину в этом дону Валентину, он дал клятву убить его, как только представится случай.

— И что же?

— Кажется, несмотря на его добрую волю и его силь- ное желание освободиться от своего врага, этот случай еще не представился, потому что он еще не убит.

— Это так; но вы как встретились с этим негодяем, полковник?

— Вы знаете, генерал, — отвечал тот нерешитель- но, — что я принужден для интересов нашего дела ви-

деть довольно дурное общество. Этот негодяй сам пришел ко мне; я его расспросил и, зная ваше отношение к этому французу, я хотел сообщить вам об этом приобретении. Если я сделал что-то не так, — простите меня, и перестанем говорить об этом.

— Напротив, полковник, — с живостью вскричал дон Себастьян, — я не только не должен ничего вам прощать, но еще должен вас благодарить, потому что известие, сообщенное вами, явилось, как нельзя кстати. Впрочем, судите сами, я буду откровенен с вами, тем более что, кроме высокого уважения, которое я имею к вашему характеру, дело идет в эту минуту о наших общих интересах.

— Вы меня пугаете!

— Вы испугаетесь еще более, когда узнаете, что этот Валентин, этот француз, этот демон, неизвестно какими способами узнал о наших планах; мало того, начиная с меня, ему известны все наши сообщники.

— Боже! — вскричал полковник, вздрогнув от удивления, и побледнел от страха. — Но, если так, мы погибли!

— Признаюсь, что наша возможность на успех очень уменьшилась.

— Извините, если я буду расспрашивать вас, генерал, — продолжал полковник с волнением, — но в подобных обстоятельствах...

— Расспрашивайте, расспрашивайте, любезный полковник, не стесняйтесь!

— Положительно ли уверены вы в этом?

— Судите сами: за час до открытия театра, сам дон Валентин... вы слышите, не правда ли? Сам он прислал со своими друзьями, без сомнения, разбойниками, находящимися у него на жалованьи, в мой отель, где все мне открыл. Что вы скажете на это?

— Я скажу, что, если этот человек не умрет, то мы погибли безвозвратно.

— Это также мое мнение, — холодно сказал дон Себастьян.

— Как же, несмотря на это ужасное известие, вы решились показаться в театре?

Дон Себастьян улыбнулся и презрительно пожал плечами.

— Разве я должен был выказать посторонним, терзавшее меня беспокойство? Поверьте, полковник, только

одна смелость может нас спасти; не забудьте, что дело идет о нашей голове.

— Постараюсь не забыть.

— Что касается этого человека, Царагате, я не должен и не хочу его видеть; действуйте с ним, как сами решите. Вы понимаете, что я не должен знать, как вы с ним условитесь, чтоб я мог доказать, в случае надобности, что я ничего об этом не знал; притом, вам известно, я не люблю крайних мер: вид подобного злодея был бы мне противен, тем более что я не терплю крови. Увы, — прибавил он со вздохом, — я был принужден проливать слишком много крови в продолжении моей жизни.

— Когда так, я право не знаю... — прошептал полковник.

— Я испытываю к вам полное доверие: вы человек умный, я уполномочиваю вас на все; все, что вы сделаете, будет хорошо. Вы меня понимаете, не правда ли?

— Да-да, — пробормотал полковник с угрюмым видом, — я слишком хорошо понимаю вас... Я вижу...

— Что вы видите? — персбил дон Себастьян. — Что если нам удастся, вы будете генералом и сонорским губернатором — перспектива довольно хорошая, как мне кажется, и стоит того, чтоб рискнуть чем-нибудь...

— Бесполезно было напоминать ваше обещание, вы знаете, что я вам предан.

— Конечно, я это знаю. Я оставляю вас. Более продолжительный разговор при лунном сиянии мог бы возбудить подозрения. Спокойной ночи! Приходите завтра завтракать со мною.

— Непременно буду, генерал! Спокойной ночи, целую руки вашего превосходительства.

Дон Себастьян надвинул шляпу на глаза, закутался в плащ и удалился большими шагами по направлению к улице Такуба, где находился его отель.

Оставшись один, полковник начал серьезно размышлять: данное ему поручение было чрезвычайно важно, потому что он, как нельзя лучше, уловил оттенок намеков генерала, и надо было действовать решительно, не компрометируя начальника, и действовать, как можно скорее, из опасения, что, если промедлить или если план не удастся, быть самому арестованным и расстрелянным через двадцать четыре часа, потому что мексиканцы, по примеру своих прежних повелителей-испанцев, не шу-

тят, когда дело идет о политических возмущениях, и решительно пресекают зло в самом начале.

Положение было критическое; надо было решиться на что-нибудь, малейшее промедление могло все погубить; но в такой поздний час ночи где искать такого человека, как Царагате, который не имел постоянного жилища и вел жизнь, вероятно, весьма сомнительную?

Мехико, так же, как все большие города, имеет множество подозрительных домов, посещаемых мошенниками всякого рода, постоянно рыскающими по улицам, чтобы отыскивать более или менее прибыльные приключения под благосклонным покровительством луны.

Притом, хотя достойный полковник в продолжение своей жизни посещал общества довольно смешанные, он вовсе не желал идти один ночью в нижние кварталы города, в притоны воров и убийц, куда и при солнечном свете нельзя войти без опасения.

В ту минуту, когда полковник машинально поднял голову, бросив на небо отчаянный взгляд, ему показалось, что несколько подозрительных теней бродит около него. Полковник был храбр, тем более что ему было нечего терять. Он взялся за эфес шпаги, полураскрыл свой плащ, и в ту минуту, когда пятеро молодцов напали на него с длинными кинжалами, он стоял по всем правилам искусства, прислонившись левой ногой к столбу и намотав плащ на руку в виде щита.

Нападение было сильно; полковник храбро отражал его; притом все происходило по-мексикански, без крика, без зова. Тот, на кого нападают таким образом на мексиканской улице, считает себя погибшим до такой степени, что вообще старается защищаться, как может, не теряя времени, чтобы просить помощи, которая не явится.

Однако нападающие, имея оружие короткое и тяжелое, заметно уступали тонкой и длинной рапире полковника, которая скользила и изгибалась, как змея, и уже кольнула двух довольно опасно, так что другие начали размышлять и нападали осторожнее.

Полковник чувствовал, что они слабеют.

— Ну, негодяи! — закричал он, проткнув одного из разбойников, который тотчас повалился на мостовую. — Кончайте, черт побери!

— Остановитесь! Остановитесь, — закричал тот, кто, по-видимому, был главарем нападающих. — Мы ошиблись!

Разбойники сами этого желали и тотчас отступили на несколько шагов назад.

— Да, вы ошиблись! — закричал раздраженный полковник.

— Возможно ли! — продолжал первый. — Это вы, сеньор дон Хайме Лупо?

— Кто меня зовет? — спросил полковник, с удивлением отступая назад.

— Я, сеньор, друг!

— Друг? Станный друг, старавшийся убить меня.

— Поверьте, полковник, что если бы мы знали, с кем имеем дело, мы никогда не напали бы на вас, все это произошло вследствие недоразумения, конечно, достойного сожаления. Но вы извините...

— Но кто вы, черт побери!

— Как, сеньор, вы не узнаете Царагате?

— Царагате! — вскричал полковник с радостным удивлением. — Знаете ли, однако, что вы занимаетесь странным ремеслом?

— Ах, сеньор! Делаешь что можешь, — отвечал разбойник плачущим голосом.

— Гм! Стало быть, теперь вы сделались вором!

Нсгодняй вслнчествснно выпрямлся.

— Нет, сеньор, я оказываю услугу вместе с этими благородными кабальсрo тем, кто просит мoсгo coдeйсгвня.

Благородные кабальсрo, видя, что дело улаживается миром, заткнули кнжалы за пояс и казались довольными этой нсожиданной развязкой, кроме бедняги, который получил последний удар рапирой и просто решил отдать свою скверную душу дьяволу — довольно жалкое приобретение, будет сказано между нами, для духа тьмы.

— Разве кто-нибудь просил вашего содействия против мсня, сеньор Царагате? — спросил полковник, вкладывая шпагу в ножны.

— Совсем нст, сеньор; я имел уже честь замстить вам, что вышло недоразуменис. Мы ждали здсь одного молодого любезника, который нссколько дней назад взял дурную привычку шататься под окнами любовницы од-

ного сенатора, которому это очень не нравится и который дружески просил меня освободить его от этого докучливого человека.

— Сеньор Царагате! Вы действуете слишком круто, и ваш сенатор, кажется мне, несколько запальчив; но так как ваше дело, кажется, не удалось в эту ночь...

— И мне так кажется, сеньор; любезник верно услышал брэнчанье шпаг и остерегся подойти.

— Если так, он сделал хорошо. Во всяком случае, если другие причины вас не удерживают и вы согласны идти со мной, я буду говорить с вами об очень серьезных вещах. Я вас искал.

— Вот что значит случай! — вскричал разбойник.

— Гм! Постараемся, чтобы в другой раз он не был так крут.

Царагате расхохотался.

— Вот отдайте это от моего имени этим благородным кабальеро, — продолжал полковник, положив в руку разбойника золотую монету, — и попросите их простить мне, что я принял их несколько сердито.

— О! Они на вас не сердятся — будьте в том уверены.

Разбойники, совершенно примирившись с полковником посредством золотой монеты, низко раскланялись с ним, предложили ему свои услуги и, обменявшись несколькими словами шепотом со своим предводителем, повернули направо, между тем как полковник и Царагате повернули налево.

— Эти молодцы, кажется, довольно решительны, — сказал полковник, чтобы приступить к делу.

— Настоящие львы, сеньор, и преспослушные.

— Прекрасно; а их много у вас под рукой?

— В случае надобности, мне будет очень легко набрать дюжину.

— И все такие храбры?

— Все.

— Это прекрасно! Знаете, сеньор Царагате, что вы пресчастливый кабальеро.

— Вы мне льстите, сеньор!

— Нет, я вам сообщаю свое мнение — вот и все.

— Извините, сеньор — но позвольте спросить, куда мы идем?

— Вы имеете желание идти куда-нибудь?

— Вовсе нет, сеньор; однако, признаюсь вам, что я вообще люблю знать, куда я иду.

— Это показывает человека здравомыслящего. Мы идем ко мне — вам это неудобно?

— Вовсе нет! Вы говорили, сеньор, что я человек счастливый.

— Да, я повторяю: я нахожу вас очень счастливым.

— Гм! Вы знаете пословицу, сеньор: «Каждый знает отчего ему ногу жмет»?

— Справедливо, а разве у вас «жмет» ногу?

— Увы!.. — сказал Царагате, вздохнув.

Полковник поглядел на него с лукавым видом.

— Я понимаю ваше горе, — сказал он, — оно тем сильнее, что ему помочь нельзя.

— Вы думаете?

— Утверждаю.

— А может быть, вы ошибаетесь?

— Полноте! Вы так любезно отдаете себя в распоряжение тех, кто хочет отомстить за обиду, а принуждены отказаться от своего собственного мщения.

— О-о! Сеньор, что это вы говорите?

— Я говорю правду: вы ненавидите этого француза, о котором еще сегодня мне говорили, но вы его боитесь.

— Боюсь! — вскричал Царагате с гнсом.

— Я так думаю, — бесстрастно отвечал полковник, — и для доказательства моих слов я, не зная даже этого человека и не имея никакого интереса во всем этом, буду держать с вами пари, если вы хотите.

— Пари?

— Да.

— Какое?

— А такое, что в двадцать четыре часа, даже при помощи ваших двенадцати товарищей, вы не осмелитесь отомстить вашему врагу.

— А в чем будет состоять ваше пари, сеньор?

— Боже мой! Я так уверен, что ничем не рискую, что держу пари в сто унций. Хотите?

— Сто унций! — вскричал разбойник и глаза его сверкнули алчностью. — За такую сумму я убью родного брата.

— Вы хвастаетесь, сеньор!

— Вот ваша дверь! Стало быть, мне не нужно идти дальше. Вы сказали сто унций, не правда ли?

— Сказал.

— Прощайте! Начинаящийся день не кончится без того, чтобы я не был отмщен.

— Чтож, увидим. Спокойной ночи, сеньор Царагате! Полковник вошел в свой дом, бормоча про себя:

— Кажется, я недурно устроил, если проклятый француз ускольнет от ищеек, которых я напустил на него, то это будет настоящий демон, как думает дон Себастьян!

После свидания

Дом, выбранный для Валентина банкиром Ралье, находился, как мы сказали выше, на улице Такуба, и по странной случайности, несколько не преднамеренной, только в нескольких шагах от отеля дон Себастьяна Герреро, чего тот никак не подозревал, потому что до той минуты, когда охотник счел необходимым сделать ему визит, он не знал о его присутствии в Мехико, несмотря на кучу шпионов, которым он платил для того, чтобы они наблюдали за всеми действиями Валентина и донесли ему о его приезде в столицу.

Стало быть, охотнику стоило сделать только несколько шагов, чтобы вернуться домой по выходе от генерала; но, подозревая, что дон Себастьян прикажет следовать за его каретой, он приказал кучеру отправиться в Аламеду, а оттуда в Букарели.

Было уже довольно поздно, так что аллеи Аламеды были совершенно пусты.

Этого, без сомнения, желал Валентин, потому что посреди аллеи он сделал знак кучеру остановиться и вышел из кареты со своими товарищами, приказав кучеру внимательно смотреть за лошадьми (в Мехико в экипажи не запрягают лошадей) и не позволять подходить к карете, из боязни одного из тех неожиданных нападений, которые так часты в этом месте и, в особенности, в этот час; три товарища вошли в тенистые аллеи, где скоро исчезли, стараясь, однако, и не слишком удалять-

ся, чтобы в случае тревоги успеть прийти на помощь кучеру.

Валентин, как и все люди, привыкшие к жизни в пустыне, то есть к обширным просторам не доверял каменным стенам, толщина которых, по его мнению, была неплохим убежищем для шпионов; поэтому, когда ему приходилось толковать о важном деле или сообщать своим друзьям что-нибудь серьезное, он предпочитал (несмотря на старание, с каким был выбран его соотечественником дом для него, несмотря на то, что слугами у него были преданные друзья) — отправляться или в Аламеду, или в Букарели, или в окрестности Мехико, где, поставив часовым Курумиллу, то есть человека, которому он доверял вполне и которого *чутье*, да простят нам это выражение, было непогрешимо, он надеялся безопасно доверить свои душевные тайны друзьям, которых он созывал на эти странные совещания на открытом воздухе.

Под густыми дересвьями охотник остановился.

— Нам будет удобно здесь, — сказал он, садясь на каменную скамью и приглашая друзей последовать его примеру, — мы можем разговаривать без опасения.

— У дересвьев есть глаза и у листьев уши, — нравоучительно отвечал Весельчак, — я ничего на свете так не боюсь, как этих прозрачных перегородок с зеленью, сквозь которые все видно и все слышно.

— Да, — отвечал, улыбаясь, Валентин, — если не умешь принимать предосторожностей.

В ту же минуту он издал звук, подражая свисту змеи. Ему отвечал точно такой же свист, как отголосок из чащи.

— Это сигнал вождя, — сказал канадец.

— Он ждет нас более часа. Как вы думаете, в безопасности мы?

— Конечно, если Курумилла стережет нас, нам нечего опасаться неожиданного нападения.

— Будем же говорить, — сказал дон Марсьаль.

— Позвольте, — возразил Валентин, — нам надо прежде выслушать донесение друга, донесение драгоценное, которое, без сомнения, решит, какие меры должны мы принять.

— О ком вы говорите?

— Сейчас узнаете, — отвечал Валентин и три раза слегка хлопнул в ладоши.

Тотчас в соседних кустах послышался легкий шум, неприметный шелест листьев, и в четырех шагах от охотников внезапно явился человек.

Это был Карнеро, капатац дона Себастьяна. На нем была шляпа с широкими полями, надвинутая на глаза, и он был закутан в широкий плащ.

— Добрый вечер, сеньоры, — сказал он, вежливо поклонившись, — я жду уже более часа, и почти отчаялся видеть вас сегодня.

— Генерал Герреро задержал нас долее, чем мы думали.

— Вы были у него?

— Ведь я вам говорил?

— Да, но я не смел верить, что у вас достанет смелости так безрассудно отважиться явиться в логово льва.

— Ба! — возразил Валентин с презрительной улыбкой. — Лев, как вы его называете, клянусь вам, был необыкновенно тих — он совсем спрятал когти и принял нас чрезвычайно вежливо.

— Берсегитесь же, — заметил капатац, значительно покачав головой, — если он принял вас таким образом, как вы говорите, а я не имею никакой причины, чтобы сомневаться в ваших словах, значит, он готовит что-нибудь страшное.

— Я сам этого мнения; вопрос в том — дадим ли мы ему время действовать?

— Он очень хитер, любезный Валентин, — продолжал капатац. — Несмотря на клятву, которую я вам дал, когда, по вашей просьбе, согласился остаться у него на службе, бывают дни, что, несмотря на то, как хорошо мне известен его характер, он пугает меня самого, и я почти готов отказаться от тяжелой обязанности, которую из преданности к вам взял на себя.

— Не теряйте мужества, друг мой, наберитесь терпения, еще на несколько дней, и, поверьте мне, мы будем отмщены!

— Дай Бог! — сказал капатац со вздохом. — Но, признаюсь вам, я не смею этому вскричать, хотя вы убеждаете меня в том.

— Не узнали ли вы каких-нибудь важных известий после нашего последнего свидания?

— Одно, которое, я полагаю, очень важно для вас.

— Говорите, друг мой.

— То, что я должен вам сообщить, коротко, а между тем очень серьезно. Дон Себастьян, после секретного разговора со своим поверенным, приказал мне отнести письмо в монастырь бернардинок.

— В монастырь бернардинок! — вскричал дон Марсьяль.

— Молчите! — сказал Валентин. — А знаете вы содержание этого письма, Карнеро?

— Донна Анита дала мне его прочесть. Дон Себастьян уведомляет настоятельницу, что он решил жениться на донне Аните, помешана она или нет, и что послезавтра, на восходе солнца, он придет в монастырь священника для совершения этого брака.

— Великий Боже! Что делать? — вскричал Тигреро в отчаянии. — Как помешать исполнению этого гнусного плана?

— Молчите! — опять остановил его Валентин. — Это все, Карнеро?

— Нет; дон Себастьян прибавляет еще, чтобы настоятельница приготовила молодую девушку к этому союзу, что сам он заседит завтра в монастырь объяснить донне Аните свою решительную волю; вот буквальные выражения его письма.

— Очень хорошо, друг мой. Благодарю вас за эти драгоценные сведения! Всего важнее, чтобы дон Себастьян не мог отправиться в монастырь бернардинок до трех часов дня. Вы понимаете, друг мой, как это важно? Устройте же это!

— Будьте спокойны, любезный Валентин; дон Себастьян не поедет в монастырь прежде назначенного вами часа, какие бы средства ни пришлось мне употребить на это.

— Полагаюсь на ваше обещание, друг мой! Теперь прощайте!

Валентин протянул капатацу руку, которую тот крепко пожал.

— Когда я вас увижу? — спросил капатац.

— Скоро! Я дам вам знать, — отвечал охотник.

Капатац поклонился, углубился в кусты и исчез; шум его шагов быстро отдалялся и наконец совершенно стих через несколько минут.

— Друзья мои, — сказал тогда Валентин: — настала минуту великой борьбы, к которой так долго готовились

мы; не будем увлекаться ненавистью, будем действовать не так, как люди, которые мстят, а как люди правосудные; кровь призывает кровь по законам пустыни; но вспомните, что, как ни виновен этот человек, которого мы осудили, его смерть была бы неизгладимым пятном, клеймом бесславия на нашей чести.

— Но это чудовище не может назваться человеком! — вскричал Тигреро с гневом, тем более сильным, что он сдерживал его.

— Он может раскаяться.

— Разве мы миссионеры, чтобы проповедовать о забвении оскорбления? — с насмешкой сказал дон Марсьаль.

— Нет, друг мой, мы просто люди в великом и высоком значении этого слова, люди, которые часто грешили сами, но сделали лучше вследствие той борьбы, которую выдержали в жизни, вследствие горести, которая часто склоняла их головы под своим железным игом, и теперь хотят наказать, презирая мщение, которое представляют людям малодушным! Кто из вас, друзья мои, осмелится сказать, что он страдал более меня? Только в том я признаю право полагать на меня свою волю, и что он велит мне сделать — я сделаю.

— Простите меня, друг мой, — отвечал Тигреро, — вы всегда добры, вы всегда велики. Господь, наложив на вас тяжкую обязанность, одарил вас в то же время душой энергичной, и таким сердцем, которое не слабеет, а, напротив, укрепляется от несчастья; мы же люди обыкновенные; в нас беспрерывно пробуждается, несмотря на все наши усилия, свирепый инстинкт, мы не знаем другого закона, кроме закона возмездия. Забудьте безумные слова, произнесенные мною, и будьте убеждены, что я всегда с радостью буду повиноваться вам, что бы вы ни приказали мне, в убеждении, что вы можете желать только справедливого.

Охотник, пока друг его говорил голосом, прерывавшимся от волнения, опустил голову на руки и, по-видимому, был погружен в мрачные и горестные мысли.

— Мне не за что прощать вас, друг мой, — отвечал он кротким и ласковым голосом, — потому что я сам страдаю, я понимаю, что должны чувствовать вы. И мое сердце бьется часто от гнева и негодования — поверьте, друг мой, я должен выдерживать ежеминутную борьбу с

самим собой, чтобы не ослабеть и не увлечься мщением там, где должно быть только наказание. Но оставим это, время дорого, мы должны принять меры таким образом, чтобы враги не обманули нас. Я был сегодня во дворце и имел с президентом республики — которого, как вам известно, я знаю давно и который удостаивает меня дружбой, хотя я считаю себя ее недостойным — продолжительный разговор, длившийся более часа; он дал мне бумагу, бланкет, с которым я могу делать, все что считаю нужным, для успеха наших планов.

— Вы получили эту бумагу?

— Она у меня на груди. Выслушайте меня: завтра на рассвете отправляйтесь в дом дон-Антонио Ральс — он будет предупрежден о вашем визите — и сделайте то, что он скажет вам.

— А вы?

— Обо мне не беспокойтесь, друг мой, думайте только о ваших делах, потому что, повторяю вам, решительная минута приближается. Послезавтра настанут празднества по случаю годовщины мексиканской независимости, то есть послезавтра мы начинаем битву с нашим врагом, битва будет жестокая, потому что этот человек имеет железную волю, страшную энергию. Мы можем победить его, но не укротить; и если мы не будем остерсгаться, он проскользнет между наших рук, как змея. Итак, наши личные дела должны быть окончены завтра. Хотя, на первый взгляд, меня не будет рядом с вами, но, знайте, буду помогать вам всеми силами. Только не забудьте, что вы должны действовать очень осторожно, в особенности, чрезвычайно сдержанно, если вы забудетесь хоть на одну секунду, это сейчас уведомит бесчисленных шпионов, рассыпанных вокруг монастыря бернардинок. Вы слышали и поняли, не правда ли, друг мой?

— Да, дон Валентин.

— И вы будете действовать так, как я вам сказал?

— Обещаю вам.

— Подумайте, что дело идет, может быть, о потере вашего будущего счастья.

— Не забуду ваших распоряжений, клянусь вам! Я сделал слишком крупную ставку в этой партии, которая должна решить мою жизнь, для того, чтобы позволить себе увлечься.

— Хорошо, я рад слышать, что вы думаете таким образом; но будьте уверены, друг мой, мы успеем — я в этом убежден.

— Да услышит вас Бог!

— Бог всегда слышит тех, кто обращается к нему с сердцем чистым и живою верой. Надейтесь, говорю я вам. Тсперь, любезный дон Марсьяль, позвольте мне сказать несколько слов нашему доброму другу Весельчаку.

— Я ухожу.

— К чему? Разве у меня есть тайны от вас? То, что я скажу ему, вы можете слышать.

— Вы ничего не можете сказать мне, Валентин, — отвечал охотник, качая головой, — чего я не знал бы уже; я не имею другого интереса в том, что будет происходить, кроме интересов глубокой дружбы, которая привязывала меня к графу, а теперь к вам. Воспоминание о нашем несчастном друге так глубоко в моем сердце, что я готов рисковать моей жизнью рядом с вами, чтобы отмстить за него; вы должны это знать, Валентин — вот и все. Я не оставлю вас в час битвы, я останусь возле вас, если бы даже вы приказывали мне оставить вас; я хочу — слышите ли вы? — я хочу, и дал клятву самому себе, если понадобится, защитить вас своим телом. Тсперь дайте мне вашу руку и не будем более говорить об этом, не правда ли?

Валентин оставался с минуту неподвижен, горячая слеза сбсжала по его загорелым щекам, он пожал руку честному и простодушному канадцу, и сказал ему в ответ только три слова.

— Благодарю, я согласен.

Они встали и вернулись к своей карете, но прежде Валентин сигналом уведомил Курумиллу, своего верного телохранителя, что он может оставить свой пост и что разговор кончился. Через четверть часа три товарища приехали в дом в улице Табука, где Курумилла уже их ждал.

Бланкет

На следующее утро в Мехико был праздник, в этом нет ничего необыкновенного в стране, где целый год непрерывный праздник.

На этот раз дело было серьезнее: отмечалась годовщина провозглашения мексиканской независимости.

На восходе солнца по улицам, по всем перекресткам города разъезжал отряд солдат, объявлявший, при звуках труб и барабанов, что на другой день будет бой быков, благодарственные обедни во всех церквях, бесплатные спектакли, смотр гарнизона, фейерверк, иллюминация и бал на чистом воздухе.

Правительство устраивало все великолепно: народ с утра бегал по улицам, смеясь, крича, пуская ракеты, воспевая похвалы президенту республики и заранее празднуя завтрашнее торжество.

Дон Марсьяль, чтобы сбить с толку шпионов, без сомнения, расставленных около дома Валентина, оставил своего друга ночью и воротился к себе домой, а за несколько минут до рассвета отправился к Ралье.

Хотя было еще очень рано, однако француз уже встал и разговаривал с своим братом Эдуардом, в ожидании Тигреро.

Эдуард был готов к отъезду, брат давал ему последние распоряжения.

— Добро пожаловать, — дружелюбно сказал француз, дону Марсьялю, — я занимался нашим делом: брат мой Эдуард едет в нашу виллу, куда вчера уже уехали

моя мать и брат Огюст, чтобы мы нашли там все в порядке по приезде.

Хотя Тигреро не совсем понял, что говорил ему банкир, он не стал переспрашивать, и молча поклонился.

— Итак, это решено, — продолжал Ральс, обращаясь к брату, — приготовь все, потому что мы, вероятно, приедем до полудня, то есть к завтраку.

— Ваш загородный дом недалеко от города? — спросил Тигреро, чтобы сказать что-нибудь.

— Только две мили, в Сан-Анджело, но в превосходно расположен на случай нападения. Вы знаете, что Сан-Анджело выстроен на склоне потухшего вулкана, окружен лавой и зубчатыми окалинами, которые делают очень трудным доступ к нему.

— Признаюсь, я этого не знал.

— В такой стране, как эта, надо принимать меры предосторожности и постоянно остерегаться. Поезжай же, любезный Эдуард, твое оружие в порядке, тебя сопровождают два решительных псона, притом настал день, и ты совершишь просто прогулку. До свидания!

Братья пожали друг другу руки, и молодой человек, поклонившись дону Марсьялю, вышел из дома в сопровождении двух слуг, так же хорошо вооруженных, как он, и на прекрасных лошадях.

Во время этого разговора псоны заложили карсту.

— Прошу вас, — сказал Ральс.

— Как? — спросил дон Марсьяль. — В карсту?

— Неужели вы думали, что я решусь поехать в монастырь верхом? Нас сейчас узнали бы.

— Но эта карета выдаст вас.

— Согласен; но не будут знать, кто в ней сидит, когда шторы будут опущены, а я это сделаю, прежде чем уеду из дома.

Тигреро сел возле француза, тот опустил шторы, и карета рванулась по направлению диаметрально противоположному тому, по которому должна была бы ехать в монастырь.

— Куда же мы едем? — спросил Тигреро через минуту.

— В монастырь бернардинок.

— Мне кажется, мы едем не по той дороге.

— Может быть, но эта дорога безопаснее.

— Смиренно признаюсь, что я ничего не понимаю.
Ралье расхохотался.

— Друг мой, — отвечал он, — вы поймете, когда придет время. Будьте спокойны! Знайте только, что, действуя таким образом, я буквально исполняю инструкции Валентина, моего и вашего друга. Не даром прозвали его уже давно *Искателем Следов*. Притом, вы знаете поговорку лугов, всегда казавшуюся мне чрезвычайно справедливой: «Самая краткая дорога от одного пункта до другого идет изгибом». Мы едем изгибом — вот и все. Притом во всем, что будет происходить, вы должны остаться зрителем, а не действующим лицом, и повиноваться мне во всем, что я прикажу. Эта роль вам не нравится?

Француз говорил все это тем вселым тоном и с тем очаровательным добродушием, которые составляли основу его характера и завосвывали ему любовь всех, с кем сводил его случай.

— Я буду охотно повиноваться, вам, сеньор дон Антонио, — отвечал Тигреро. — Доверие нашего общего друга к вам служит мне ручательством ваших намерений. Располагайте же мной, как хотите, не опасаясь ни малейшего возражения с моей стороны.

— Прекрасно сказано! — заметил, смеясь, банкир. — Прежде всего, любезный сеньор, вы сделаете мне удовольствие — перемените костюм.

— Переменить костюм! — вскричал Тигреро. — Но вам надо было сказать мне заранее!

— Ни к чему, любезный сеньор: у меня здесь есть все, что вам нужно.

— Здесь?

— Посмотрите-ка, — сказал банкир, вынимая из одного кармана кареты платье францисканца, а из другого сандалии и веревку, — вы уже надевали этот костюм.

— Точно.

— Наденьте же его опять, вот зачем: в монастыре бернардинок вас считают францисканцем; те, которым не известна наша тайна, должны думать будто я приехал с францисканцем.

— Я повинуюсь вам. Но ваш кучер не будет удивлен, когда из кареты, в которую сел кабальеро, выйдет францисканец?

— Мой кучер? Вы верно на него не посмотрели?

— Нет! Все индейцы похожи один на другого и все отвратительны.

— Это правда! Однако, посмотрите на него.

Дон Марсьяль наклонился вперед и немного раздвинул штору.

— Курумилла! — закричал он с удивлением. — Как он удачно переодет!

— Думаете ли вы, что он удивится?

— Я ошибся.

— Вы не дали себе труда подумать.

— Я переоденусь; однако, если вы позволите, я спрячу оружие под одежду.

— Если позволю! В случае надобности, пожалуй, прикажу. Но какое у вас оружие?

— Кинжал, нож и пара пистолетов.

— Прекрасно! Если понадобится, я могу вам найти винтовку.

Разговаривая таким образом, Тигреро переменил костюм, то есть просто надел рясу поверх платья, обвязался веревкой вместо пояса, заменил обувь сандалиями.

— Вот вы теперь францисканец вполне, — сказал француз, смеясь.

— Нет, мне еще недостает одной необходимой вещи.

— Чего же?

— Шляпы!

— Это правда.

— Я не знаю даже, как мы достанем эту часть моего костюма.

— Невсрующий человек! — сказал француз с улыбкой. — Смотрите!

Он поднял подушку с передней скамейки и вынул из ящика шляпу францисканца, которую подал Тигреро.

— Теперь все ли у вас есть? — спросил он с насмешкой.

— Кажется. Но ваша карета настоящий походный магазин.

— Да, в ней есть всего понемногу. Но вот мы приехали, — прибавил он, увидев, что карета остановилась. — Помните, что вы не должны сами начинать, а делать только то, что я вам скажу. Это решено, не правда ли?

Француз отворил дверцу — карета действительно остановилась перед монастырем бернардинок. Два или три

человека зловещей наружности бродили около монастырского здания, несмотря на их притворное равнодушие, в них легко можно было узнать шпионов. Француз и его товарищ догадались об этом, они вышли из кареты с равнодушием, так же хорошо разыгранным, как и равнодушие шпионов, и подошли к двери, которая отворилась и затворилась за ними с поспешностью доказывавшей, как мало доверяла привратница людям, оставшимся на улице.

— Чего вы желаете, сеньоры? — всжливовспросила привратница, поклонившись им, как знакомым.

— Любесзная сестра, — отвечал француз, — будьте так добры, доложите настоятельнице о нас и попросите ее удостоить нас разговором на несколько минут.

— Еще очень рано, брат мой, — отвечала привратница, — я не знаю, может ли наша матушка принять вас в эту пору.

— Скажите ей только мое имя, ссстра моя, я убежден, что она без всякого затруднсния примет нас.

— Сомневаюсь, брат мой, повторяю вам: еще очень рано; однако я ей доложу, чтобы услужить вам.

— Я глубоко признателен вам за эту доброту, ссстра моя.

Привратница вышла из гостиной и просила подождать ее.

Во время ее отсутствия, француз и его товарищ не обмснялись ни одним словом; впрочем, это отсутствие продолжалось не более нескольких минут.

Не говоря ни слова, привратница сделала знак посетителям следовать за ней и провсела их в ту комнату, куда мы уже вводили читателя и где настоятельница их ждала.

Она была бледна и казалась озабочена; она движением руки пригласила посетителей садиться и молча ждала, чтобы они заговорили; они, со своей стороны, как будто ждали, чтоб она осведомилась о причинах их посещения: но так как она медлила, это молчание угрожало продолжаться долее. Ралье решился прервать его.

— Я имел честь, — сказал он, почтительно поклонившись, — послать вам вчера с моим слугой письмо, в котором предупреждал вас о моем посещении.

— Да, кабальеро, — отвечала она тотчас, — я действительно получила это письмо, и ваша сестра Елена

готова ехать с вами тотчас, как вы изъявите желанис; однако позвольте мне обратиться к вам с просьбой.

— Говорите, если я могу сделать вам угодное, поверьте, я с удовольствием воспользуюсь этим случаем.

— Я не знаю, кабальеро, как мне объясниться; то, что я желаю сказать вам, так странно, что я, право, боюсь заставить вас улыбнуться. Хотя донна Елена только несколько месяцев в нашем монастыре, она так сумела заслужить любовь всех окружающих своим очаровательным характером, что ее отъезд огорчает всех нас.

— Вы меня делаете очень счастливым и очень гордым, говоря таким образом о моей сестре.

— Эти похвалы служат выражением самой строгой истины, кабальеро; мы все очень огорчены, что ваша сестра оставляет нас. Однако я не решилась бы передавать вам наши сожаления, если бы очень серьезная причина не заставила меня считать обязанностью сказать вам об этом.

— Я слушаю вас, хотя заранее угадываю, что вы скажете мне.

Настоятельница взглянула на него с удивлением.

— Вы угадываете? О, это невозможно, сеньор!

Француз улыбнулся.

— Сестра моя Елена — как это обыкновенно случается в монастырях — выбрала одну из своих подруг, которую она любит больше других, в свои наперсницы — так ли это?

— Как, вы это знаете?

Ральс продолжал, улыбаясь:

— Эта молодая девушка, столь любимая не только Еленой, но и вами, и всей вашей общиной, девушка восхитительная, кроткая, робкая, любящая, вследствие большого несчастья, помешалась; но ваши попечения возвратили ей рассудок. Вы старательно сохраняете эту тайну, в особенности от ее опскуна, который, мало того что присвоил ее состояние, хочет еще похитить ее счастье, принудить ее выйти за него замуж.

— Сеньор! Сеньор! — вскричала настоятельница, вставая с удивлением, смешанным с испугом. — Кто вы? Вы знаете то, что я считала скрытым от всех.

— Кто я? Брат Елены, то есть человек, которому вы должны верить вполне. Успокойтесь же и позвольте мне кончить.

Настоятельница в сильном волнении села на свое место.

— Продолжайте, кабальеро, — сказала она.

— Опекун донны Аниты — так, кажется, зовут молодую девушку — или по подозрению, или по какой-нибудь другой причине написал вам вчера, чтобы вы приготовили ее обвенчаться с ним в самом непродолжительном времени, то есть через двадцать четыре часа; после получения этого рокового письма донна Анита погружена в глубокое отчаяние, которое еще увеличивает внезапный отъезд моей сестры, единственного друга, перед которым она может свободно изливать свое сердце; но вы, сударыня, так праведны и так добры, вам известно, что Господь может, по своему желанию, расстраивать злые планы и заменять горесть радостью. Не был ли у вас вчера дон Серапио де-ла-Ронда.

— Точно, этот сеньор посещал меня за несколько минут до того, как я получила роковое письмо, о котором вы упоминаете.

— Не сказал ли вам дон Серапио, оставляя вас, фразу: сообщите донне Аните, что о ней считается друг, что этот друг дал ей уже доказательство, какое участие он принимает в ее судьбе, и что в тот день, когда снова она увидит того францисканца, который у нее уже был, в тот день ее несчастья кончатся.

— Да, сеньор, дон Серапио произнес эти слова.

— Я прислан к вам не только им, но еще и другою особою — словом, ни более ни менее как президентом республики, не только увезти мою сестру, но и просить отпустить со мной донну Аниту, которая должна ехать с моей сестрой.

— Бог свидетель, сеньор, что я была бы рада исполнить ваше желание; к несчастью, это зависит не от меня. Донна Анита была мне поручена ее единственным родственником, который в то же время ей и опекун; и хотя он недостойн этого звания, и хотя мое сердце обливадается кровью, отказывая вам, я должна и могу вручить донну Аниту только одному ему.

— Это возражение с вашей стороны, справедливость которого я сознаю, предвидели те особы, которые послали меня, и они придумали средство снять с вас всю ответственность. Отец мой, вручите госпоже настоятельнице ту бумагу, которую вы привезли.

Не говоря ни слова, дон Марсьяль вынул из кармана бланкет, отданный ему Валентином, и подал его настоятельнице.

— Это что такое? — спросила она.

— Это бумага, — отвечал француз, — бланкет президента республики: он приказывает вам передать донну Аниту мне.

— Я это вижу, — отвечала настоятельница печально, — к несчастью, этот бланкет, который везде имел бы силу закона, здесь бессилён: мы подчинены власти духовной и должны получать приказания от нее.

Тигреро украдкой бросил отчаянный взгляд на своего спутника, который все улыбался.

— Что же вам нужно? — спросил француз. — Для того, чтобы вы согласились отдать нам эту несчастную девушку?

— Увы, сеньор, не я отказываю вам, Бог мне свидетель, что я горячо желаю, чтобы она избавилась от своего гонителя.

— Я в этом убежден. Вот почему я и прошу вас сказать мне: чье позволение нужно вам для того, чтобы отдать ее мне?

— Я не могу позволить донне Аните оставить этот монастырь без приказания, подписанного мексиканским архиепископом, который один имеет право приказывать здесь и которому я обязана повиноваться.

— А если б у меня было это приказание, все ваши опасения прекратились бы?

— Все, сеньор.

— Вы без затруднения отпустили бы донну Аниту?

— Я сейчас передала бы ее вам, сеньор.

— Если так, передайте же ее, потому что я привез вам это приказание.

— Вы привезли его? — вскричала настоятельница, не скрывая своей радости.

— Вот оно, — отвечал банкир, вынимая из своего портфеля бумагу и подавая ее настоятельнице.

Она тотчас развернула и быстро пробежала ее глазами.

— О! Теперь, — сказала она, — донна Анита свободна, и я сейчас...

— Позвольте, — перебил Ралье, — вы все прочли в бумаге, которую я имел честь вам передать?

— Все.

— Когда так, прикажите молодым девушкам снять одежду послушниц и надеть светское платье. А так как их отъезд должен быть сохранен в тайне, прикажите, чтобы моя карета въехала в первый двор монастыря: я видел, что здесь недалеко бродят люди зловещей наружности, очень похожие на шпионов.

— Но что же я буду отвечать опекуну молодой девушки? Я должна его видеть сегодня же.

— Я это знаю. Выиграйте время, скажите, что донна Анита нездорова, что вам удалось заставить ее согласиться на этот брак, но с условием, что он будет отложен на сутки. Я вам советую говорить неправду, но она необходима, и я уверен, что Бог вас простит.

— О! Я с радостью беру на себя ответственность за эту ложь. Опекун донны Аниты не посмеет противиться такой короткой отсрочке... Но, когда пройдет это время, то есть через сорок восемь часов?

— Через сорок восемь часов? — вскричал француз мрачным голосом. — ...Генерал Герреро не придет требовать руки донны Аниты.

На дороге

Все опасения настоятельницы были таким образом уничтожены одно за другим банкиром Ралье посредством двойных предписаний, которые он позаботился достать; надо было немедленно заняться отъездом пансионсрок.

Настоятельница, понимавшая, как важно кончить все это поскорее, оставила гостей в приемной и сама пошла предупредить молодых девушек, отдав прежде приказание, чтобы карета въехала на первый двор монастыря.

В женской общине — мы это говорим без всякого сатирического намерения — ничто не может долго оставаться в секрете; и как только двое мужчин вошли в присмную настоятельницы, так слух об отъезде донны Елены и донны Аниты распространился между всеми с чрезвычайной быстротой. Кто распространил это известие — никто не мог бы этого сказать точно, однако все говорили об этом.

Молодые девушки, конечно, узнали первыми; сначала беспокойство их было велико, в особенности дрожала донна Анита, думая, что за ней приехали по приказанию ее опекуна и что францисканец, с которым разговаривала настоятельница, был выбран для того, чтобы обвенчать ее без отлагательства. Когда настоятельница, оставив гостей, вошла в келью донны Елены, она нашла обсих девушек в объятиях друг друга, заливавшихся слезами.

К счастью, недоразумение скоро разъяснилось, горе перешло в радость, когда настоятельница, расплакавшаяся вместе со своими пансионерками, объяснила им, что из этих двух незнакомцев, которых они так опасались, один был брат донны Елены, другой — тот францисканец, которого донна Анита уже имела случай видеть один раз, и что они приехали не для того, чтобы увеличить огорчение молодой девушки, а для того, чтобы избавить ее от тиранства, тяготевшего над ней.

Елена, узнав, что брат ее Антуан в монастыре, запрыгала от радости и развеяла последние опасения своей приятельницы, которая, как все несчастные, с жадностью ухватилась за эту новую надежду на спасение, которую вкладывали в ее сердце, когда она думала, что не имеет уже возможности избегнуть своей злой участи.

Настоятельница торопила их с приготовлениями к отъезду, помогла переменить костюм и, поцеловав несколько раз, проводила в приемную.

Чтобы избежать шума, когда молодые девушки будут оставлять монастырь, где все их обожали, настоятельница пришла в голову хорошая мысль: запретить всем бернардинкам выходить из келий. Эта мера была очень благоразумна: не допустив прощания, она не допускала также криков и слез, шум которых мог быть услышан врагами.

Прощание было коротко, нельзя было терять ни минуты, молодые девушки опустили покрывала и вместе с настоятельницей сошли на монастырский двор.

Карста подъехала как можно ближе к монастырю, двор был совершенно пуст, только настоятельница и сестра-привратница с другой доверенной бернардинкой присутствовали при отъезде.

Француз открыл дверцу — записка, лежавшая на скамейке, бросилась ему в глаза, он схватил ее и сжал в руке. Поцеловав в последний раз добрую настоятельницу, молодые девушки сели в карету, дон Марсьяль с Антоаном Ралье поместились на передней скамейке, но банкир прежде сказал кучеру, то есть Курумилле, два индейских слова, на которые тот отвечал мрачной улыбкой. Потом, по знаку настоятельницы, ворота монастыря отворились, и карета, запряженная шестью лошадьми, поскакала во весь опор.

Толпа молча расступилась, ворота немедленно затворились, и карета исчезла почти тотчас за углом ближайшей улицы.

Было около семи часов утра.

Беглецы — их нельзя назвать иначе — молча скакали в продолжение десяти первых минут, потом француз слегка дотронулся до плеча своего спутника и подал ему записку, которую он нашел в карете.

— Прочтите, — сказал он.

На этой бумаге было написано только одно слово наскоро и карандашом: «Остерегайтесь!»

— О-о! — вскричал Тигреро, побледнев. — Это что значит?

— Это значит, — беззаботно отвечал француз, — что, несмотря на наши предосторожности, а может быть, и по милости их — потому что в этих дьявольских делах никогда не знаешь, как действовать, чтобы обмануть тех, кого опасаясь — наш след открыли и, вероятно, за нами гонятся.

— Что же будет с этими бедными молодыми девушками в случае схватки?

— В случае битвы, хотите вы сказать, потому что битва будет, и битва ожесточенная, я предсказываю вам! Мы будем их защищать.

— Я это знаю. Но если нас убьют?

— Зачем об этом думать заранее?

— Ах, Боже мой! — прошептала донна Анита, спрятав голову на груди своей приятельницы.

— Успокойтесь, сеньорита, — сказал француз, — и молчите: звук вашего голоса могут узнать и увериться в том, что, может быть, подозревают; притом успокойтесь: если у нас есть враги, то у нас есть также и друзья. Если позаботились нас предупредить, то по всей вероятности этот неизвестный советчик не остановится на этом и придумает средство помочь нам более действенным образом.

Между тем карета все мчалась со страшной быстротой и скоро должна была выехать из города.

Расскажем теперь, каким образом француз был предупрежден об угрожавшей ему опасности.

Дон Себастьян Герреро нанял шайку шпионов из леpero и других мошенников, известных своей хитростью и если Валентин избежал их надзора и расстроил их

козни, то это по причине той привычки к осторожности, которую охотник уже столько лет применял в прерии и которая сделалась у него как бы врожденным чувством — так хорошо овладел он искусством открывать врага, как бы тот ни прятался. Но если его не узнали, то его друзья не могли избежать зорких глаз шпионов дона Себастьяна.

Монастырь бернардинок сделался главным объектом надзора. Приезд в монастырь кареты с опущенными шторами тотчас возбудил тревогу; хотя банкира Ралье не знали в лицо, то что он француз, было достаточно для возбуждения подозрений.

Пока банкир и его спутник разговаривали с настоятельницей в приемной, один леперо притворился больным и велел двум своим сообщникам отнести себя к монастырским воротам, где добрая привратница поспешила окружить его всеми попечениями, каких, по-видимому, требовало его состояние.

Между тем как леперо как бы мало-помалу приходил в себя, его товарищи расспрашивали с тем хитрым искусством, которое свойственно мексиканской натуре, привратницу, женщину добрую, но далеко не дальновидную и очень болтливую, которая, найдя случай поговорить, ухватила за него с поспешностью и, сама не подозревая, какой делает она вред, рассказала все, что знала. (Поспешим сказать, что она знала немного, но это немного, услышанное людьми смыслными, было очень важно).

Когда три леперо выпытали от привратницы все, что она могла им сообщить, они оставили ее.

В ту минуту, когда они выходили на улицу, то очутились лицом к лицу с Карнеро, капатацем дона Себастьяна, которого господин его послал разузнать новости; они подбежали к нему и в нескольких словах рассказали ему, в чем дело.

Капатац внутренне задрожал и понял опасность, угрожавшую его друзьям.

Карнеро был человек умный, он понял, что надо сделать и решился на это в одну минуту, нимало не колеблясь.

Он очень хвалил леперо за то искусство, с каким они успели разведать тайну, дал им несколько пиастров и отправил к генералу, а сам начал бродить около мона-

стыря и, в особенности, около кареты, к которой Курумилла дал ему подойти без затруднений, потому что читатель, без сомнения, угадал — неприязнь, показываемая индейцем к капатацу, была притворная, и что они, напротив, были очень дружны между собой, когда их не могли ни видеть, ни слышать.

Капатац ловко воспользовался шумом, поднявшимся в толпе при въезде кареты на монастырский двор, чтобы бросить неприметно в окно кареты записку, найденную банкиром Ралье.

В уверенности, что друзья его будут остерегаться, он удалился в свою очередь, приказав шпионам, которых оставлял перед монастырем, продолжать стеречь; он, куря сигарку, направился к главной площади.

Перед дверью одного трактира он увидел человека облизовавшего губами огромную сигару. Капатац вошел в трактир, выпил рюмку ликеру, но, пошарив в кармане, по неловкости выронил пиастр, который подкатился к ногам человека, остановившегося перед дверью; тот поспешил наклониться, поднял монету и отдал ее капатацу, который расплатился, вышел и беззаботно продолжал свою прогулку.

На площади человек, стоявший перед дверью трактира и, вероятно, шедший по той же дороге, очутился позади его.

— Весельчак — спросил в полголоса капатац, не оборачиваясь.

— Что? — отвечал тот тем же тоном.

— Дон Себастьян знает о монастырском деле; и, если вы не поспешите, дон Марсьяль, дон Антонио и молодые девушки будут атакованы на дороге. Предупредите вашего друга, не теряя ни одной минуты! Черт побери эту сигарку! — сказал он, бросив ее с гневом. — Она погасла.

Он обернулся, чтобы воротиться назад, Весельчак исчез. Канадец с проворством, которое его отличало, уже бежал по направлению к жилищу Валентина. Капатац же, не торопясь, воротился медленно в отель дона Себастьяна.

Он нашел своего господина в бешеном гневе на всех своих людей, в особенности, на себя.

Получив донесение своих шпионов, дон Себастьян тотчас приказал восьмерым слугам сесть на лошадей.

По странной случайности, конечно, приготовленной заранее, ни одна из лошадей не годилась: три хромали, четверем пустили кровь, остальные три не были подкованы.

Капатац между тем пришел с испуганным лицом, которое еще увеличило бешенство генсрала.

Карнеро благоразумно дал утихнуть гневу своего господина, потом отвечал ему.

Он доказал ему, что он сделает большую ошибку, отправившись сам преследовать беглецов накануне решительного удара, который должен был решить его судьбу; потом дал ему заметить, что шести шпионов под предводительством решительного человека достаточно для того, чтобы справиться с двумя людьми, вероятно, плохо вооруженными и, сверх того, закрывшимися в карете с женщинами, которых они не захотят подвергнуть смертельной опасности.

Эти довады были основательны, дон Себастьян выслушал их и сказал:

— Хорошо, Карнеро, вы самый старый из моих слуг, — я поручаю вам привести ко мне мою племянницу.

Капатац состроил гримасу.

— Вероятно, придется получить много ударов, а пользы будет мало в подобной экспедиции, — сказал он.

— Я думал, что вы мне преданы, — с горечью возразил генсрал.

— Ваше превосходительство не ошибаетесь: я действительно вам предан, только я дорожу своей шкурой.

— Я дам вам по двадцать пять унций за каждый удар, который она получит, довольно этого?

— Я вижу, вашему превосходительству угодно, чтобы ее с меня содрали совсем, — весело вскричал капатац.

— Итак, это решено?

— Я полагаю так: за эту цену отказался бы безумец!

— Но лошади?

— У нас пасутся десять или двенадцать, по крайнсей мере.

— Это правда, я не подумал об этом, — вскричал дон Себастьян, ударив себя по лбу, — пусть сейчас поймут семь.

— Куда надо отвезти сеньориту Аниту?

— Сюда, в мой отель; я не хочу, чтобы она ступила хоть ногой в монастырь бернардинок.

— Очень хорошо! Итак, я еду, генерал?

— Сейчас же, если возможно.

— Через двадцать минут я выеду из отеля.

Но нетерпение генерала было так сильно, что он пошел вместе с капатацем, сам наблюдал за всеми приготовлениями к экспедиции и воротился в свои комнаты не прежде, как уверился, что Карнеро с выбранными им пеонами бросился в погоню за беглецами.

Между тем карета катилась быстро, пересхав заставу Сан-Лазаро, она вдруг повернула направо в довольно узкую улицу и остановилась перед скромным домом; тотчас дверь этого дома растворилась и оттуда вышел человек, держа за узду лошадей в полной упряжи, у каждой на седле была винтовка.

Француз вышел из кареты и вслел своему спутнику сделать то же.

— Снимите ваш костюм, — сказал он, толкнув сго в дом.

Тигреро повиновался с радостным видом; пока он снимал одежду францисканца, банкир Ральс сажился в седло, и обратившись к молодым девушкам сказал:

— Что бы ни случилось, не говорите ни слова, не кричите, не поднимайте штор, мы будем ехать у двсрец, дело идет о жизни.

Дон Марсьяль в эту минуту вышел из дома в своем платье.

— Садитесь на лошадь и поедem, — сказал сму Ральс.

Тигреро вскочил на лошадь, приготовленную для него. В карету между тем впрягли других лошадей, и она помчалась с прежней быстротой.

Дом, у которого останавливались, был нанят Валентином для сго лошадей.

Полчаса прошло таким образом, лошади скакали во весь опор, карета исчезала в густом облаке пыли, поднимаемом сго. Дон Марсьяль чувствовал себя как бы возродившимся — приближение опасности возвратило сму, как бы по волшебству, сго прежнюю пылкость, он горел нетерпением очутиться лицом к лицу со своим врагом. Француз был спокойнес, храбрый до отважности, он ожидал не без тайного беспокойства битвы, в которой

сестра его могла пострадать, однако он решился встретить опасность лицом к лицу, как бы многочисленны ни были те, кто осмелится на него напасть.

Вдруг индейский вождь вскрикнул. Дон Марсьяль и Антуан Ралье обернулись: довольно многочисленная группа скакала к ним во весь опор.

В эту минуту карета ехала по дороге, обрамленной с одной стороны довольно густым наростником, а с другой — глубоким оврагом.

По знаку француза карету остановили, дамы вышли и под защитой Курумиллы спрятались в кустах. Дон Марсьяль и Ралье, с винтовками на плече, ждали, гордо остановившись посреди дороги, нападения противников, потому что, по всей вероятности, подъезжавшие к ним, были враги.

Схватка

Курумилла, спрятав с индейской хитростью, молодых девушек в таком месте, где до них не могли долететь пули, стал с винтовкой в руке не возле всадников, а, с характерной осторожностью краснокожих, позади кареты, зная, вероятно, что он один составлял всю инфантерию сражающихся и из пустого понятия о чести не хотел подвергаться верной смерти, бесполезной для тех, кого он намеревался защищать.

Досхав на ружейный выстрел от кареты, всадники остановились и выказали нерешительность, которую беглецы не понимали, судя по тому, как их преследовали до сих пор.

Причина этой нерешительности, которую француз со своим спутником знать не могли, была, однако, очень проста.

Карнеро — это капатац дона Себастьяна и его псоны преследовал карету — приместил вдруг с тайным удовольствием, которое остерегался выказать своим спутникам, что, если они преследовали карету, то другие всадники преследовали их самих и подъезжали к ним с головокружительной быстротой. Тогда они остановились, как мы сказали, в нерешительности, раздумывая, что им делать.

Они буквально попали между двух огней; положение становилось критическим и заслуживало серьезного размышления.

Капатац высказал мнение, что следует ретироваться, ссылаясь, с некоторой логикой на то, что партия была неравная и успех весьма сомнителен.

Пеоны, все люди смелые, имели, однако, огромное уважение в целости своих членов и не желали подвергать их опасности в такой невыгодной борьбе с противниками, которые не отступят. Они были готовы последовать совету капатаца и ретироваться, прежде, чем отступление сделалась бы невозможным.

К несчастью, между пеонами находился Царагате. Думая, после своего разговора с полковником, что ему лучше известны тайные намерения генерала, и привлечаемый надеждой на богатую награду, если сможет освободить его от врага, то ссть убить Валентина, побуждаемый, может быть, личной ненавистью к охотнику, он не хотел слушать никаких доводов и клялся со страшными ругательствами, что исполнит во что бы то ни стало приказание генерала и что, если те, кого ему поручили арестовать, находятся в нескольких шагах перед ними, то они не должны ретироваться, не попробовав исполнить свою обязанность, и что если его товарищи будут так малодушны, что бросят его, то он один будет сражаться, в уверенности, что генерал будет ему благодарен.

Перед таким резким и решительным напором колебаться становилось невозможно, тем более что всадники быстро приближались, и если капатац слишком замедлил бы нападение, то на него самого напали бы сзади. Принужденный сражаться против воли, а в особенности, боясь быть обвиненным в измене, Карнеро подал сигнал броситься вперед. Но едва пеоны двинулись с места, как раздались три ружейные выстрела, и три всадника покатились на землю.

Это вновь прибывшие уведомили своих друзей, что к ним подоспела помощь.

Упавшие всадники не были ранены, а только очень ушиблись от падения и не могли участвовать в борьбе; были ранены их лошади, и так искусно, что лежали на земле, не шевелясь.

— Э-э! — сказал капатац. — У этих молодцов рука меткая. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что нас останется еще четверо, то есть вдвое больше против тех, которые нас ждут там, и что этого достаточно для того, чтобы победить.

— Не полагайтесь на это, Царагате, друг мой, — сказал с насмешкой капатац, — это люди железные, которых надо убить два раза, прежде чем они упадут.

Тигреро и его спутник, услышали выстрелы и увидели, как упали пеоны.

— Вот и Валентин! — сказала француз.

— И я так думаю, — отвечал дон Марсьяль.

— Нападем?

— Нападем!

И, пришпорив лошадей, они, как молния, налетели на пеонов.

Валентин и два его товарища, Весельчак и Черный Лось — потому что француз не ошибся, это действительно прискакал охотник, предупрежденный канадцем, — напали на пеонов в одно время с доном Марсьялем и его спутником.

Между противниками началась страшная борьба, безмолвная, ожесточенная; враги схватились грудь в грудь, слишком сблизившись, чтобы употреблять огнестрельное оружие, они старались заколоть друг друга кинжалом и сбросить с лошади, слышались только восклицания ярости, но ни одного слова, ни одного крика.

Как только Царагате узнал Валентина, он устремился к нему, охотник, хотя застигнутый врасплох, отчаянно сопротивлялся: оба свились, как две змеи, и при взаимных усилиях сбить друг друга с лошади наконец свалились оба на землю под ноги сражающихся, которые, не думая о них, не примечая их падения, продолжали бешено нападать друг на друга.

Охотник обладал большой силой и беспримерной ловкостью, но на этот раз он нашел противника достойного себя.

Царагате был несколькими годами моложе Валентина и в полном расцвете телесной силы; возбужденный еще обещанием богатой награды, он делал сверхъестественные усилия, чтобы одолеть противника и вонзить ему в горло свой кинжал. Несколько раз уже каждый из них успел опрокинуть под себя своего врага, но, как это часто случается в борьбе грудь в грудь, резкое движение поясницы или плеч переменяло позицию и повергало вниз того, кто за секунду перед тем находился наверху.

Однако Валентин чувствовал, что его силы истощаются; непредвиденное сопротивление, встреченное им в противнике по наружности столь мало его достойном, раздражало его и лишало хладнокровия; собрав всю силу, какая у него осталась, он сделал решительное усилие, успел опрокинуть в последний раз своего врага и держать его в совершенной неподвижности; но в ту же минуту Валентин вскрикнул от боли и покатился по земле: копыто одной из лошадей раздавило ему левую руку.

Царагате приподнялся и вскочил, как тигр, с радостным воем стал он коленом на грудь охотника и приготовился воткнуть ему в сердце кинжал.

Валентин почувствовал себя погибшим и даже не старался избежать угрожавшей ему смерти.

— Бедный Луи! — прошептал он только, устремив на разбойника ясный и неустрашимый взор.

— А-а! — прорычал Царагате со свирепым смыслом. — Наконец я держу в руках мое мщение, проклятый *Искатель Следов*.

Он не кончил, кто-то нисоизданно схватил его за густые волосы, между тем как колена, уперевшиеся об его плечи, принудили его согнуться назад, он увидал, как бы в страшном сновидении, чье-то отвратительное лицо над своей головой, и с ужасным хрипением покатился на землю: в сердце его воткнулся нож, между тем как волосы, вдруг сорванные, обнажили череп, обливший кровью все около него.

Курумилла схватил на руки тело друга, которого спас еще раз, и отнес его на край дороги. Валентин был без чувств.

Индеец, как только увидел, что его спутники напали на пеонов, вышел из своей засады и, считая за разумное оставаться позади, последовал за ними на поле битвы.

Он присутствовал бесстрастным, но не равнодушным зрителем продолжительной борьбы охотника и Царагате, напрасно стараясь помочь своему другу; оба противника так сцепились, движения были их так быстры и они так скоро изменяли положение, что, желая помочь охотнику, индеец боялся ранить его, он ждал с чрезвычайным беспокойством случая, который долго заставлял себя ждать, и который Царагате вдруг ему доставил, теряя время на то, чтобы оскорблять своего врага, вместо того

чтобы сразу убить, как только раны, полученные охотником, предали его беззащитным в руки разбойника.

Арокан прыгнул, как хищный зверь, на мексиканца и, не колеблясь, заколол его кинжалом с проворством, отличающим краснокожих, и которым он обладал в высокой степени.

Почти в ту же минуту всадники также кончили свою битву.

Пеоны хорошо защищались, но, плохо поддерживаемые капатацем, который с начала борьбы был обезоружен доном Марсьялем, видя Царагате мертвым и троих товарищей сбитыми с лошадей и неспособными помогать им, сдались.

Рана капатаца была ему сделана по его просьбе доном Марсьялем, чтобы не выдать его перед генералом; это был широкий разрез на правой руке, очень опасный с первого взгляда и весьма незначительный в действительности. Весельчак почти убил одного псона, так что поле битвы окончательно осталось за охотниками.

Когда победа была за ними упрочена, они все столпились с беспокойством вокруг Валентина. Курумилла немедленно перевязал ему рану с искусством опытного врача. Валентин скоро раскрыл глаза и успокоил своих друзей улыбкой. Индейцу он протянул свою правую руку, которую тот приложил к сердцу с выражением неописуемого счастья, издал свое любимое восклицание: «уг!», единственное слово, произносимое им и в горести, и в радости, когда его душило внутреннее волнение.

— Сеньоры, — сказал охотник, — вождь спас меня, у меня сломана только рука, я дешево отделался; будем продолжать наш путь, прежде чем явятся другие враги.

— А мы, сеньор? — смиренно спросил капатац.

Валентин встал с помощью Курумиллы и, бросив грозный взгляд на пеонов, сказал гневно:

— А вы, презренные убийцы, воротитесь к вашему господину и скажите ему, как мы вас приняли. Но этого мало для наказания вашего вероломства, я отмщу за гнусную засаду, жертвами которой чуть не сделались друзья мои и я. Я узнаю, могут ли разбойники безнаказанно нападать на мирных путешественников в двух милях от Мехико и днем.

Валентин ошибался, потому что хотя пеоны действительно имели намерение напасть на них, но охотники сами начали битву, с самого начала сбив с лошадей троих мексиканцев; но пеоны, упрекаемые совестью, не заметили этого тонкого оттенка и считали себя очень счастливыми, что отстались так дешево и смогли спокойно покинуть поле битвы, тогда как опасались быть преданными в руки правосудия своими победителями.

Они рассыпались в извинениях, в уверениях преданности и поспешили убраться, не подняв даже тело своего убитого товарища Царагате, бросив его посреди дороги.

Капатац, делая вид, что сильно страдает от ран, но на самом деле лишь для того, чтобы дать Валентину и его друзьям время укрыться от преследований, потребовал, чтобы возвращение в город произошло, как можно медленнее, так что они только через два часа досхали до отеля генерала.

Как только пеоны скрылись с поля битвы, охотник дал своим товарищам знак ретироваться.

Дон Марсьяль поспешил успокоить дам, которые ни живы ни мертвы сидели в убежище, где их спрятал индеец; он посадил их в карету, не говоря ничего, кроме того, что опасность прошла и остаток путешествия совершится безопасно.

Друзья Валентина напрасно хотели принудить его занять место вместе с дамами в карете, охотник не захотел согласиться, он непременно желал сесть на лошадь и продолжать скакать возле дворца, уверяя, что в случае новой тревоги — что, впрочем, было невсроятно — он может, несмотря на свою сломанную руку, быть полезен своим товарищам.

Те слишком хорошо знали его неумолимую волю и не настаивали долее. Курумилла сел опять на козла, и карета тронулась.

Остальной путь прошел без всяких приключений, через двадцать минут доехали до загородного дома банкира Ралье.

Валентин, не сходя с лошади, простился.

— Как, — сказал ему Ралье, — вы уезжаете, Валентин, не отдохнув ни минуты?

— Я должен ехать, любезный Ралье, — отвечал он, — вы знаете, какие важные причины требуют моего присутствия в Мехико.

— Но вы ранены?

— Со мною Курумилла, он перевяжет мои раны. Не беспокойтесь обо мне; притом я надеюсь скоро вас увидеть. Этот загородный дом, кажется мне, довольно крепок и может устоять против нападения. Есть у вас здесь люди?

— У меня здесь двенадцать слуг и мои два брата.

— Тогда я спокоен, притом дело только об одной ночи, и я думаю, что после урока, данного его людям, дон Себастьян не решится на второе нападение по крайней мере еще несколько дней, тем более что он полагается на успех своего предприятия. Присажайте ко мне завтра на рассвете.

— Непременно буду.

— Я уезжаю.

— Вы не проститесь с этими дамами?

— Они не знают о моем присутствии, лучше, чтобы они меня не видели. До завтра!

Сделав знак своим спутникам, которые все, считая и Курумиллу — ему дали лошадь — окружили его, Валентин поскакал в Мехико, так мало думая о своей ране, как будто она была царапиной.

Бой быков

Вернувшись в отель, капатац не встретил своего господина, чему был очень рад, желая, насколько возможно, замедлить объяснение; он боялся, что несмотря на рану, которую он выставлял с большим старанием, объяснение это не послужит к его выгоде, особенно в деле с таким человеком, как дон Себастьян, проницательный взгляд которого доходил до глубины души и открывал там истину, как бы ни запрятана она была под двойной сетью лжи.

Оставалось только несколько часов до начала предприятия, затеянного с таким старанием и с такой таинственностью. Дон Себастьян принужден был оставить на время интересы ненависти и любви и заниматься только своим честолюбием; главные заговорщики собрались у полковника Лупо, и были сделаны последние распоряжения.

Хотя президент, по-видимому, ничего не знал о том, что затевалось против него, однако он сделал для затравки церемонии некоторые распоряжения, которые не могли не беспокоить людей, интерес которых требовал знать все, и которым обстоятельство, самое ничтожное по значению, весьма естественно, должно было казаться опасным.

Дон Себастьян, со смелостью, отличавшей его, захотел узнать всю глубину опасности, которой он подвергался; он отправился во дворец в сопровождении только двух адъютантов.

Президент принял дона Себастьяна с улыбкой и самым любезным образом.

Этот дружеский прием — может быть, дружеский чересчур — вместо того чтобы успокоить дона Себастьяна, напротив, увеличил его беспокойство: он был мексиканцем и знал пословицу своей страны: «Губы улыбаются, рот лжет».

Дон Себастьян был слишком хитер, чтобы выказать свои чувства, он притворился, будто он в восхищении, оставался довольно долго у президента, который обращался с ним с дружеской фамильярностью и жаловался, что генерал редко его посещает, что он не просит никакого места — словом, оба расстались внешне очень довольные друг другом.

Однако генерал заметил, что во дворе были расставлены солдаты, что несколько пушек, может быть, случайно, совсем закрывали главный вход, что войска эти были под командой офицеров, ему не известных и, сверх того, слывших преданными президенту республики.

После этого смелого визита, генерал сел на лошадь и под предлогом прогулки объехал все кварталы города; везде с величайшей деятельностью занимались приготовлениями к завтрашнему празднику; на площади Нскатитлан, например, находящейся в одном из самых худших кварталов столицы, устроили арену для боя быков, на котором должен был присутствовать президент.

Многочисленные деревянные постройки, воздвигнутые специально для этого случая, наполняли окрестность, обыкновенно посвящаемую бою быков. Тут устроена была также огромная зала зелени со свежими боскетами, с таинственными аллеями, где на другой день столько народа должно было пить и есть отвратительную мексиканскую стряпню.

В самой середине арены посадили дерево в шесть или семь метров высоты с ветками и листьями, оно, буквально было покрыто цветными платками, развевавшимися по ветру.

Это дерево называлось *Гора Парнас*; на него должны были взбираться леперо в ту минуту, когда начинается бег, и пробный бык с рогами, обвешенными шарами, пускается в арену.

Все трактиры по соседству с этой площадью были наполнены отвратительной оборванной чернью, которая

ревела, пела, кричала и свистела, напиваясь, курая и обмениваясь иногда ударами ножом, к величайшей радости зрителей.

По всем улицам, где должна была проходить процессия, украшали дома; мексиканское знамя было воткнуто во всех местах, куда только можно было; однако во всех этих праздничных приготовлениях было, мы повторяем, что-то мрачное и грозное, холодившее сердце. Через все заставы входили непрерывно новые войска и занимали стратегические позиции, превосходно выбранные. Аламсда и Букарели были превращены в бивуаки; и хотя внешне эти солдаты оказались в Мехико только для того чтобы присутствовать на празднике, однако были в походной форме и вид их заставлял серьезно призадуматься тех, кто находился на пути их или осматривал их бивуаки.

Когда готовится какое-нибудь важное событие, в воздухе есть признаки, никогда не обманывающие виновников политических переворотов; какое-то неопределенное беспокойство овладевает массами и превращает их радость в лихорадочное волнение, которое пугает их самих, и они не знают чему приписывать эту перемену в расположении духа.

Мексиканское население, казавшееся сумасбродным и радостным, как всегда, в ожидании праздника, для недальновидных взглядов равнодушных зрителей, на самом деле было поражено печалью и беспокойством. Дон Себастьян заметил эти признаки; зловещие предчувствия овладели им: он понял, что ужасная буря скрывается под этой притворной тишиной; мрачные предсказания Валентина пришли ему на ум; он боялся, чтобы не осуществились угрозы охотника, и, не будучи в состоянии узнать, откуда происходит опасность, предвидел, что страшная угроза нависла над его головой и что его честолюбивые планы, может быть, скоро будут потоплены в потоках крови.

К несчастью, было слишком поздно, чтобы отступить назад, надо было во что бы то ни стало идти до конца; времени не доставало, чтобы отменить приказ, данный его соучастникам, и убедить их отложить выступление до более благоприятной минуты; по зрелому размышлению, дон Себастьян решил положиться на случай. Впрочем, честолюбцы рассчитывают более, чем вообще

предполагают, на случай, и великолепные соображения, которыми восхищаются, когда успех увенчал их, чаще всего бывают неожиданным результатом стечения обстоятельств, вовсе не зависящих от воли того, кто им воспользовался. История, особенно современная, полна этих невозможных результатов, которых люди благоразумные не осмелились даже предположить, и которые, однако, составили репутацию многих гениальных людей.

Дон Себастьян вернулся в свой отель к шести часам вечера в отчаянии и видя уже уничтоженными свои планы; донесение капатаца еще увеличивало его уныние, это была капля, переполнившая слишком наполненный сосуд; он удалился в свою комнату в бешенстве, сердясь на самого себя за то ужасное положение, в которое попал, потому что чувствовал, что быстро скользил по гибельному скату, на котором ему невозможно было удержаться.

Его тайное беспокойство увеличивалось еще оттого, что он должен был беспрестанно отправлять курьеров, принимать донесения, разговаривать со своими сообщниками и не только притворяться перед ними спокойным и веселым, но и поощрять их, сообщая им горячность и надежду, которых у него не было.

Вся ночь прошла таким образом, ночь ужасная, во время которой генерал терпел все пытки, осаждающие честолюбца накануне постыдной измены перед теми, кого он клялся защищать, глухой ропот совести, который никогда нельзя заглушить и который внушил бы жалость к этим несчастным, если бы они сами не позаботились поставить себя вне сострадания. Самый спасительный урок, какой только можно дать честолюбцам, которых так много во всяком обществе, это — сделать их свидетелями той ужасной тоски, которая овладевает заговорщиками в ночь, предшествующую мятежу планам.

Восход солнца застал генерала за последними распоряжениями. Разбитый усталостью от продолжительной бессонницы, с лицом бледным, с глазами горевшими лихорадкой, он хотел на несколько минут предаться тому успокоению, в котором он так нуждался, но его усилия были бесполезны: он находился в таком сильном волнении перед наступлением решительного часа, что сон не мог сомкнуть его век.

Уже колокола во всех церквах наполняли воздух радостным трезвоним; на всех улицах и на всех перекрестках мальчишки и леперо пускали ракеты с громкими криками, походившими скорее на вой бешенства, чем на проявления веселости; народ в самых лучших нарядах выходил толпами из домов и потоком разливался по городу.

Смотр войскам был назначен утром в семь часов, чтобы избавить солдат от дневного зноя.

Войска были расположены в Букарели и на дороге, которая соединяет его с Аламедой.

Мы имели уже случай говорить, что в мексиканской армии двадцать тысяч солдат и двадцать четыре тысячи офицеров. В огромной толпе, собравшейся на парад, более всего виднелось офицерских мундиров; все офицеры, находившиеся в эту минуту в Мехико, сочли своим долгом присутствовать на параде.

Без четверти восемь часов раздался барабанный бой, оглушительное «ура!» толпы, и президент республики подъехал в Букарели, в сопровождении главного штаба, сиявшего золотом и шитьем.

Мексиканцы любят до страсти все блестящее, и президент был встречен восторженной толпой.

Генерал Герреро, в парадном мундире, присоединился к главному штабу президента, так же, как и полковник Лупо, и многие из его сообщников; другие, смешавшись с толпой с оружием под плащами, пили с леперо, уже полупьяными, и подстрекали их к беспорядкам.

Между тем парад кончился; правда, президент только проскакал по рядам войск, потом приказал войскам пройти мимо себя, не рискуя — так как ему было известно невежество офицеров и солдат — исполнением какого-нибудь маневра, который нарушил бы очарование зрителей.

Потом президент отправился со своим главным штабом в собор. Мы ничего не скажем об официальных приемах, занявших все утро.

Настал час боя быков. После парада войсками уже не занимались; они как будто вдруг исчезали. Ни одного солдата нельзя было встретить на улицах, но народ не думал о них, он пускал шутихи, смеялся и ревел — этого было вполне достаточно для его удовольствия. Заметили только, что солдаты, незаметные во всех кварта-

лах города, как будто назначили друг другу свидание, чтобы присутствовать на бое быков. Почти вся часть цирка, находившаяся на солнце, была занята солдатами, примешанными к толпе леперо и составлявшими с этими оборванцами самый неожиданный контраст.

Приехал президент; цирк в одну минуту заполонила толпа. С утра бесчисленное множество леперо пели и ели с криком свирепой радости у балаганов, устроенных посреди арены.

Вдруг, по данному сигналу, дверь отворилась, и бык устремился на арену. Тогда произошла сцена неслыханная, невообразимая: леперо, застигнутые неожиданным появлением быка, бросились с криком прочь, толкаясь, опрокидывая друг друга, стараясь убежать от быка, который, подстрекаемый шумом, гнался за ними.

В одну минуту арена очистилась, балаганы были растоптаны, пировавшие укрылись, как успели, за столбами, отвратительно кривляясь.

Несколько леперо, однако, посмелее других, устремились к парнасской горе, не только, чтобы искать там убежища, но и стащить все цветные платки, привязанные к ветвям. В одну минуту густые листья дерева исчезли под толпой бросившихся на него леперо.

Бык несколько минут забавлялся разбрасыванием обломков балагана, потом остановился и стал осматриваться кругом. Приметив дерево, единственное препятствие, мешавшее ему очистить арену, он остался в минуту неподвижен, как будто колебался, какое принять решение, потом опустил голову, вскинул песок передними ногами, замахал хвостом и, бросившись к дереву, несколько раз ударил его рогами.

Леперо закричали от страха. Дерево, слишком тяжело увешенное и беспрерывно толкаемое снизу быком, зашаталось, наклонилось, потом упало набок, увлекая в своем падении леперо, уцепившихся за его ветки.

Народ захлопал в ладоши, разразился неистовыми криками, которые перешли в рев, когда одного беднягу вдруг подхватил бык на рога и швырнул в воздух.

Вдруг в ту минуту, когда радость доходила до неистовства, раздалось несколько пушечных выстрелов, а за ними ружейная перестрелка.

Как бы по волшебству, бык исчез, солдаты, рассыпанные по цирку, бросились на арену и прицелившись в

зрителей, которые сидели на скамейках и в ложах неподвижные от ужаса, не понимая, что происходит.

Вдруг двадцать музыкантов, за ними восемь офицеров и двенадцать солдат вошли на арену с барабанным боем.

Когда восстановилась тишина, было объявлено, что генерал дон Себастьян Герреро, поднявший мятеж против мексиканского правительства, должен подлежать военному суду.

Толпа выслушала это известие с изумлением, тем более что с каждой минутой перестрелка становилась сильнее и пушечные выстрелы раздавались ближе.

В Мехико опять началась одна из тех страшных сцен убийств и кровопролития, которые после провозглашения независимости так часто заливали кровью его улицы и площади.

Президент, сидя верхом на лошади посреди арены, отдавал распоряжения, принимал курьеров и посылал подкрепление туда, где была в нем надобность.

Цирк превратился в главный штаб; зрители — хотя между ними было произведено несколько арестов — могли бы удалиться, но они оставались с трепетом в своих ложах, предпочитая это убежище улицам, сделавшимся полем битвы.

Между тем беспорядки принимали угрожающие размеры; генерал Герреро начал свое дело, обеспечив себе все возможные шансы для победы, и усилия его непременно увенчались бы успехом, если бы ему не изменили, потому что, несмотря на все предосторожности, принятые правительством, дело было затеяно так горячо и решительно, что битва длилась уже три часа, а невозможно было узнать, на чьей стороне перевес.

Битва

Президент Мексиканской республики знал замыслы Герреро насколько это было возможно; ему известен был даже день, назначенный для приведения их в исполнение; но кто были сообщники дона Себастьяна и какой он составил план — этого он не знал. Так как мятеж должен был произойти в Мехико, президент наполнил столицу войсками, призвав к себе тех, на чью верность он мог положиться.

Но этим и ограничились его приготовления; он был принужден ждать этого взрыва.

Он вдруг раздался, как удар грома, в двадцати местах сразу, к двум часам дня. Президент, присутствовавший на бое быков только для того, чтобы не быть окруженным в своем дворце, тотчас принял меры, которые считал самыми действенными.

Между тем известия быстро сменялись одно другим и становились все неблагоприятнее.

Инсургенты сначала попробовали овладеть домом президента, но, после довольно серьезной битвы, понеся потери, они отступили на улицы Такуба, Монсерилло, Сан-Огюстин, построили баррикады и вели ожесточенную перестрелку с войсками президента.

Пушки гремели на площади, пули производили большие опустошения в рядах инсургентов, которые отвечали только криками бешенства и усиливали выстрелы.

Полковник Лупо овладел двумя заставами, куда беспрерывно прибывали новые подкрепления к инсурген-

там; они уже овладели третьей частью города; иностранные негодяи, поселившиеся в Мехико, выставляли свой национальный флаг на домах, в которых они заперлись, в сильнейшем беспокойстве.

Президент оставался неподвижен посреди арены, хмурия брови при каждом новом известии и в гневом ударяя сжатым кулаком по седлу своей лошади.

Вдруг какой-то человек проскользнул между ногами лошадей и слегка коснулся сапога президента. Тот с живостью обернулся.

— Ах, — вскричал он, узнав его, — наконец! Ну что, Курумилла?

Индеец ничего не отвечал, а только сунул ему в руку бумагу, сложенную вчетверо, и исчез так же мгновенно, как появился.

Президент развернул записку и пробежал ее глазами. В ней заключались только эти слова, написанные по-французски:

«Все идет хорошо. Нападайте сильнее».

Лицо президента прояснилось; он гордо приподнял голову и, взмахнув шпагой с воинственным видом, закричал голосом, который слышали все:

— Вперед!

Вонзив шпоры в бока лошади, он поскакал во весь опор, а за ним большая часть его войска; остальные же остались в прежнем положении до новых распоряжений.

— Теперь, — сказал президент, обернувшись к офицерам окружавшим его, — партия выиграна, через час инсургенты будут побеждены.

Точно, дело совсем переменялось. Вот что было.

Валентин, как мы сказали, нанял один дом на улице Такуба, в другой в окрестностях заставы Сан-Лазаро. В ночь накануне этого дня пятьсот решительных солдат под командой верных офицеров были введены в дом на улице Такуба, где были спрятаны таким образом, что никто не подозревал их присутствия. Столько же нашли укрытие в доме близ заставы Сан-Лазаро.

Дон Марсьяль во главе довольно сильного отряда засел в небольшом доме, принадлежащем капатацу, и как только Карперо уведомил его, что дон Себастьян уехал на парад, дон Марсьяль прошел в его отель через известную нам дверь и овладел отелем, не сделав ни одного выстрела.

Тигреро немедленно устроил западню, в которую попались главные инсургенты, они являлись, думая встретиться в отеле дона Себастьяна, и тотчас попадали в плен.

Когда эти три пункта были заняты, правая сторона ждала что будет дальше. Полковник Лупо напал так стремительно и неожиданно на заставу Сан-Лазаро, что ему никак нельзя было помешать сжечь ее. Правда, после ожесточенного сражения, полковник наконец был вынужден отступить и повернуть своих солдат к главному корпусу инсургентов, которые еще были властелинами центра города.

Мы сказали, что в Мехико все дома кончаются террасами, поэтому при всех политических беспорядках уличные сцены повторяются на крышах, тактика, принимаемая в подобных случаях, состоит в том, чтобы поставить войска на террасы. По странной случайности, инсургенты, захватив главные улицы, забыли или, лучше сказать, пренебрегли занять дома.

Вдруг террасы на улице Такуба, по соседству с Главной площадью, покрылись стрелками, открывшими адскую стрельбу по инсургентам, сгруппировавшимся под ними. Тот же самый маневр исполнялся на улицах Монтерилло, Сан-Огюстин, и даже на террасе дворца президента появились солдаты.

Артиллеристы, стрелявшие до сих пор издали, подвинули свои пушки к самому входу улицы и, несмотря на выстрелы инсургентов, бесстрашно поставили свои батареи и начали осыпать картечью защитников баррикад.

Почти тотчас зашли в тыл инсургентов войска, верные правительству, поддерживаемые стрелками на террасе. Инсургенты почувствовали себя погибшими. Они находились уже не между двух, а между трех огней; однако они сопротивлялись мужественно, зная, что если попадутся живыми в руки победителя, то будут беспощадно застрелены, поэтому они давали себя убивать с индейским стоицизмом, не отступая ни на один шаг.

Дон Себастьян обезумев от бешенства, без шляпы, с лицом почерневшим от пороха, в мундире, разорванном в нескольких местах, заставлял свою лошадь перескакивать через трупы и слепо скакал в самую середину батальона президента, а за ним небольшое число преданных друзей, которые отрешенно давали себя убивать возле него.

Битва положительно переходила в резню; обе партии — как это, к несчастью, всегда случается в междоусобных войнах — сражались с тем бóльшим ожесточением, что для многих из них политика была только предлогом, и они пользовались случаем насытить личную ненависть и отомстить за старые обиды.

Однако дело не могло продолжаться таким образом, надо было во что бы то ни стало выйти из этого ужасного положения.

Герреро, не зная, что дом его занят войсками президента, решил добраться до своего отеля, укрепиться там и добиться почетной капитуляции для своих товарищей и для себя. Задумав этот план, он захотел его исполнить.

Дон Себастьян собрал вокруг себя оставшихся в живых мужественных товарищей, составил из них группу немногочисленную, потому что картечь и пули сделали ужасные опустошения в рядах инсургентов, но все людей решительных, и поместился во главе их.

— Вперед! Вперед! Двинемся! — закричал он, устремившись на неприятеля.

Его сообщники последовали за ним с воим бешенства.

Натиск был ужасен, схватка отчаянная в продолжение четырех или пяти минут, страшная тишина наступила в смешанной толпе сражавшихся с ожесточением друг против друга.

Они дрались грудь в грудь и закалывали друг друга без всякой пощады, отбросив уже огнестрельное оружие и предпочитая действовать саблями и штыками.

Наконец войска президента начали отходить. Инсургенты воспользовались этим, чтобы удвоить свои усилия, уже сверхъестественные, и добрались до отеля.

Ворота были выбиты в одну минуту и все, как попало, устремились на двор. Они были спасены! Потому что, наконец, достигли убежища, где надеялись защищаться.

Но произошло нечто ужасное: галерея, занимавшая глубину двора, и лестница были целиком заняты солдатами; как только появились инсургенты, ружья поднялись, огненный ураган налетел на них, как ветер смерти, и тотчас грома трупов усыпала двор.

Оставшиеся в живых инсургенты, испуганные этим внезапным нападением, которого они вовсе не ожидали,

быстро отступили назад, инстинктивно отыскивая выход. Творилось что-то ужасное; битва приняла гигантские размеры. Отгоняемые во двор преследовавшими их солдатами, отбрасываемые назад теми, кто в них стрелял, а теперь колол штыками, несчастные, обезумев от ужаса, не думали даже о том, чтобы защищаться, а бросались на колени перед своими палачами и, складывая трепещущие руки, умоляли о сострадании нападающих, которые, опьянев от крови, одержимые той ужасной страстью к убийству, которая на поле битвы овладевает самыми холодными людьми, убивали их, как быков на бойне, и, вонзая в них с хохотом свои сабли и штыки, испытывали странное наслаждение, видя, как жертвы их изгибались с жалобными криками в последних конвульсиях.

Дон Себастьян Герреро не был ранен, его как будто защищали какие-то чары посреди этой сцены убийств; он защищался, как лев, против нескольких солдат, которые напрасно старались проткнуть его штыками; прислонившись к колонне, он вертел саблей вокруг головы и, очевидно, искал смерти, но и желал продать жизнь, как можно дороже.

Вдруг Валентин проложил себе путь сквозь толпу сражавшихся, за ним следовали Черный Лось, Вессельчак и Курумилла, стараясь отвести удары, беспрестанно наносимые Валентину солдатами, которых он расталкивал направо и налево, чтобы добраться до генерала.

— Ах! — вскричал тот, приметив его. — Вот и ты, наконец!

И дон Себастьян замахнулся на охотника своей шпагой; Вессельчак отвел саблю; Валентин продолжал продвигаться.

— Прочь! — приказал он солдатам, окружившим генерала. — Этот человек принадлежит мне!

Солдаты, хотя они не знали охотника, оробев от тона, которым были произнесены эти слова, и узнав в нем одного из тех избранных людей, которые всегда умеют повелевать, почтительно расступились, не возражая. Охотник бросил им свой кошелек.

— Ты смешь нападать на льва! — закричал дон Себастьян, заскрежетав зубами. — Хотя он загнан собаками, но он может еще отомстить за свою смерть!

— Вы не умрете, — холодно отвечал охотник, — бросьте эту шпагу, она бесполезна вам.

— Ха-ха-ха! Я не умру! — с хохотом бешенства выкрикнул дон Себастьян. — Почему же это так?

— Потому что смерть была бы для вас благодеянием, — резко отвечал охотник, — а вы должны быть наказаны.

— О!.. — простонал дон Себастьян.

И, ослепленный яростью, он бросился на охотника.

Тот, не отступая ни на шаг, только сделал движение рукой — петля опустилась на плечи дона Себастьяна, и он с гневным криком упал на землю.

Курумилла набросил на него аркан.

Напрасно дон Себастьян старался еще защищаться; после бесполезного сопротивления он остался неподвижен и был принужден, если не признать себя побежденным, то предоставить себя на волю победителя.

По знаку Валентина его обезоружили, потом связали таким образом, что он не мог сделать ни малейшего движения.

Резня кончилась, восстание было утоплено в крови. Несколько инсургентов, оставшихся в живых, были взяты в плен, но победители в первую минуту восторга многих персрубили, только энергичное вмешательство офицеров могло положить конец этой слишком поспешной расправе.

В эту минуту раздались веселые восклицания, и президент республики въехал на двор отеля во главе многочисленной свиты, сиявшей блестящими мундирами.

— А-а! — сказал он, бросив презрительный взгляд на дона Себастьяна, распростертого на ступенях лестницы. — Так этот человек намеревался изменить постановления своей страны?

Дон Себастьян не удостоил его ответом, но устремил на президента взгляд, исполненный такой неумолимой ненависти, что тот не мог выдержать этого взгляда и был принужден отвернуться.

— Этот человек сдался? — спросил президент одного из своих офицеров.

— Нет, трус! — отвечал генерал, сжав зубы. — Нет, я не хочу сдаваться палачам.

— Отведите этого человека в тюрьму вместе с другими пленными, — продолжал президент, — надо сделать пример; только наблюдайте, чтобы их не оскорбил народ.

— Да, — прошептал дон Себастьян, — все та же система.

— Те несчастные, которые были завлечены и сознались в своем преступлении, будут помилованы. Урок, который они получили, был довольно жесток и я убежден, что он принесет им пользу.

— Милосердие после резни тоже в обычае у мексиканских президентов, — сказал опять дон Себастьян.

Президент ничего ему не отвечал и выехал из отеля.

Через несколько минут пленников отвели в тюрьму, несмотря на попытки толпы, убить их дорогой.

На другой же день был учрежден военный суд, который начал судить пленников, захваченных с оружием в руке.

Дон Себастьян Герреро одним из первых был приведен в суд; он не хотел защищаться и во время прений сохранял мрачно безмолвие; его единогласно приговорили к расстрелу, а состояние его определили конфисковать.

По произнесении этого приговора, дон Себастьян был отведен в капеллу, где должен был оставаться три дня до казни.

В капелле

По испанскому обычаю, сохранившемуся во всех колониях принадлежащих этому государству, осужденных на смерть отводят в капеллу, в которой устроен алтарь, а стены обиты черным сукном, усыпанным серебряными блестками; возле кровати осужденного ставят гроб, в который после казни должно быть положено его тело; два священника сменяют один другого; но один постоянно остается в капелле; они поочередно служат обедни и увещевают осужденного раскаяться в своих преступлениях, и умоляют о божественном милосердии. Этот обычай, доведенный до крайности, вполне согласуется с испанским нравом, он имеет целью обратить осужденного к благочестивым мыслям и редко не достигает желаемых последствий.

Итак, дон Себастьян отвели в капеллу; два францисканца ордена, самого уважаемого в Мехико, вошли туда вместе с ним.

Первые часы, которые он провел там, были ужасны; эта гордая душа, эта могучая натура возмутилась против несчастья и не хотела примириться со своим поражением; мрачный и безмолвный, нахмутив брови и прижав кулаки к груди, дон Себастьян, как дикий зверь, забился в угол и, припоминая всю свою жизнь, видел с трепетом ужаса целый ряд окровавленных жертв, принесенных в жертву его честолюбию.

Потом он припоминал свои первые годы, когда он жил в Пальмаре, в великолепной ачиенде своего отца;

жизнь его протекла спокойно и тихо, без огорчений и без желаний, среди преданных слуг.

Мало-помалу настоящее изгладилось из его мыслей, угрюмые черты его смягчились и две слезы, может быть, первые, пролитые этим железным человеком, медленно потекли по его впалым щекам.

Францисканцы спокойно следили за переменами в подвижных чертах осужденного; они понимали, что начинается их обязанность утешителей; они тихо подошли к дону Себастьяну и заплакали вместе с ним; тогда этот человек, которого ничто не могло укротить, почувствовал в душе страшную тоску; облако, закрывавшее его глаза, растаяло, как зимний снег при первых лучах солнца, и он упал в объятия, открывшиеся, чтобы принять его, закричав с выражением отчаянного горя, которое невозможно передать:

— Умилосердись, Боже мой! Умилосердись!

Борьба была коротка, но ужасна; вера победила сомнение.

Тогда дон Себастьян вступил с францисканцами в разговор, продолжавшийся за полночь; в этом разговоре он сознался во всех своих преступлениях и во всех своих проступках и смиренно просил прощения у Бога, Которого он оскорбил и перед Которым он скоро должен был явиться.

На другой день, вскоре после восхода солнца, один из францисканцев, отлучавшийся на час, воротился и привел с собой капатаца дона Себастьяна.

Карнеро насилу согласился прийти; он, справедливо, опасался упреков своего бывшего господина. Очень удивился он, когда генерал принял его с веселым видом, ласково, и не сделал ни малейшего намека на измену, в которой был виновен капатац; измену эту вполне обнаружили заседания суда.

Карнеро допрашивал взглядом обоих францисканцев, не смея верить словам своего господина и каждую минуту ожидая услышать его упреки; но генерал продолжал разговор, как начал, говоря с капатацем ласково и кротко.

В ту минуту, когда капатац хотел уйти, дон Себастьян удержал его.

— Пойдите еще на минуту, — сказал он. — Вы знаете дона Валентина, этого французского охотника, которого я безумно ненавижу?

— Знаю, — пролепетал Карнеро.

— Попросите его навестить меня; это человек с благородным сердцем; я убежден, что он не откажется приехать. Я был бы счастлив, если бы он согласился привести с собою дона Марсьяля, этого Тигреро, который имел такие важные причины жаловаться на меня, и мою племянницу, донну Аниту Торрес. Хотите взять на себя это поручение, без сомнения, последнее, которое я дам вам?

— С радостью, генерал! — отвечал капатац, растроганный против воли такой кротостью.

— Теперь ступайте, будьте счастливы и молитесь за меня, мы не увидимся более.

Капатац вышел совсем не в таком расположении духа, в каком пришел в капеллу, и поспешил к Валентину.

Охотника не было дома, он отправился во дворец президента, но скоро воротился. Капатац передал ему поручение своего бывшего господина.

— Поеду, — просто сказал он.

Курумиллу немедленно отправили в загородный дом банкира Ралье с письмом. Во время его отсутствия, Валентин имел продолжительный разговор с Вессельчаком и Черным Лосем. К пяти часам вечера к дому Валентина подъехала карета.

В ней сидели Ралье, Анита и дон Марсьяль.

— Благодарю! — сказал Валентин, встретив их.

— Вы мне приказали приехать, я повиновался вам, как всегда, — отвечал Тигреро.

— И вы поступили хорошо, друг мой.

— Теперь скажите нам, чего вы желаете от нас?

— Чтобы вы поехали со мной туда, куда я теперь еду.

— А можно вас спросить...

— Куда? — улыбаясь, перебил охотник. — Очень можете: я везу вас, донну Аниту и особ, находящихся здесь, в ту капеллу, где заключен генерал Герреро.

— В капеллу! — с удивлением закричал Тигреро. — К чему?

— Что вам за нужда? Генерал пожелал вас видеть. Отказом нельзя отвечать на просьбы человека, которому остается жить несколько часов.

Тигреро потупил голову и ничего не отвечал.

— Я поеду! — вскричала донна Анита, отирая слезы, лившиеся по ее лицу.

— Вы женщина, сеньорита, вы добры и снисходительны, — сказал охотник. — А вы еще мне не отвечали, дон Марсьяль? — сказал он легким упреком.

— Если вы требуете, дон Валентин, я поеду, — отвечал наконец дон Марсьяль с усилием.

— Я ничего не требую — я прошу.

— Поедемте, Марсьяль, умоляю вас, — кротко сказала донна Анита.

— Да будет ваша воля и я этом, как во всем, — сказал он, — готов следовать за вами, дон Валентин.

Донна Анита, Валентин, Ралье и Марсьяль сели в карету. Оба канадца и Курумилла поехали за ними верхом к капелле, где содержался осужденный.

Повсюду находили они следы ожесточенной борьбы, которая несколько дней тому назад обагрила город кровью; и хотя переезд в сущности был очень не далек, друзья досхали до капеллы уже ночью, по причине поворотов, которые они принуждены были делать.

Валентин попросил своих друзей подождать у ворот и вошел только с донной Анитой и с Тигреро.

Дон Себастьян с нетерпением их ждал; увидев их, он обнаружил большую радость. Молодая девушка не могла пресодолеть своего волнения и бросилась на шею дяди, заливаясь слезами и громко рыдая. Дон Себастьян нежно прижал ее в своей груди и поцеловал в лоб.

— Я тем более тронут этими знаками привязанности, дитя мое, — сказал он с волнением, — что я был очень жесток к вам. Простите ли вы мне те страдания, какие я заставил вас выдержать?

— О дядюшка! Не говорите так, не единственный ли вы родственник, остающийся у меня?

— Весьма не надолго, — сказал он с печальной улыбкой, — вот почему, вместо того чтобы приходить в умиление вместе с вами, я должен нимало не медля, подумать о вашем будущем.

— Не говорите таким образом в эту минуту, дядюшка, — отвечала Анита и зарыдала еще громче.

— Напротив, дитя мое, теперь-то, когда я оставляю вас, я должен дать вам покровителя. Дон Марсьяль, я очень виноват перед вами; вот моя рука, возьмите ее — это рука человека, совершенно раскаявшегося в своих заблуждениях и в том вреде, которого он был причиной.

Тигреро, более взволнованный, чем хотел выказать, сделал шаг вперед и дружески пожал протянутую ему руку.

— Генерал, — сказал он голосом, которому напрасно силился придать твердость, — эта минута, которой я не надеялся никогда дожждаться, наполняет меня и радостью, и горестью в одно и то же время.

— А вы можете доказать мне на деле, что вы искренно мне простили.

— Говорите, генерал, и если это будет в моей власти... — начал дон Марсьяль с жаром.

— Я думаю, — отвечал дон Себастьян с печальной улыбкой, — вы согласитесь принять руку моей племянницы от меня и обвенчаться с ней теперь в этой капелле.

— О генерал!.. — вскричал Тигреро, задыхаясь от волнения.

— Дядюшка, в эту ужасную минуту... — робко прошептала молодая девушка.

— Оставьте мне утешение умереть, зная, что вы счастливы. Дон Валентин, вы, наверно, привезли кого-нибудь из ваших друзей?

— Они ждут ваших приказаний, генерал, — отвечал охотник.

— Пусть они войдут, время не терпит.

Один из францисканцев все приготовил заранее.

Когда охотник и французский банкир вошли в сопровождении Курумиллы и караульного офицера, предупрежденного заранее, дон Себастьян быстро подошел к ним.

— Сеньоры, — сказал он, — я прошу вас сделать мне честь присутствовать при венчании моей племянницы донны Аниты Торрес с этим кабальеро.

Вошедшие почтительно поклонились; по знаку одного из францисканцев они стали на колени, и церемония началась; она продолжалась минут двадцать, но никогда свадебный обряд не был совершен и выслушан с большим благочестием.

Когда он окончился, свидетели хотели уйти.

— Еще минуту, сеньоры, — сказал генерал, — теперь я должен сделать вас свидетелями одного весьма важного признания.

Они остановились. Дон Себастьян подошел к Валентину.

— Кабальеро, — сказал он, — я знаю все причины вашей ненависти ко мне, причины справедливые — я в этом сознаюсь. Я сам теперь нахожусь в таком положении, в какое я поставил графа Луи де Пребуа-Крансе, самого дорогого вашего друга; также, как и он, завтра на рассвете я буду расстрелян, с той разницей, однако, что он умер невинным в тех преступлениях, в каких я его обвинял, а я виноват и заслужил свой приговор. Дон Валентин, я раскаиваюсь в несправедном убийстве вашего друга. Дон Валентин, простите ли вы меня?

— Генерал дон Себастьян Герреро, я вам прощаю убийство моего друга, — отвечал охотник твердым голосом, — я вам прощаю горестную жизнь, на которую вы осудили меня.

— Вы мне прощаете без тайной мысли?

— Без тайной мысли.

— Благодарю. Мы были созданы для того, чтобы любить друг друга, а не ненавидеть. Я ошибался в вас: у вас великое и благородное сердце. Теперь пусть наступит смерть, я приму ее с радостью, убежденный, что Господь сжалятся надо мной за мое искреннее раскаяние. Племянница, будьте счастливы с супругом выбранным вами. Сеньоры, примите мою признательность. Дон Валентин, еще раз благодарю. Прощайте все, я не принадлежу более земле; дайте мне подумать о спасении моей души.

— Еще одно слово, — сказал Валентин. — Генерал, я вам простил, теперь моя очередь просить у вас прощения, я вас обманул.

— Вы обманули меня?

— Да! Возьмите эту бумагу. Президент республики решил, по моей настоятельной просьбе, отменить вынесенный вам приговор. Вы свободны!

Присутствующие вскрикнули от восторга.

Дон Себастьян побледнел, зашатался, думали было, что он упадет; холодный пот выступил на его висках; донна Анита бросилась поддержать его, но он слегка оттолкнул ее, сделал усилие над собой и закричал прерывающимся голосом:

— Дон Валентин! Дон Валентин! Так вот ваше мщение! О! Слеп я был, слеп, я не непонимал вас! Вы осуждаете меня на жизнь, — хорошо! Я не обману вашего ожидания. Отцы мои, — обратился он к францискан-

цам, — ведите меня в ваш монастырь, генерал Герреро умер, я теперь францисканец вашего ордена!

Обращение дона Себастьяна было искренно. Через пять месяцев он умер в монастыре святого Франциска, разбитый угрызениями совести и жертвой жестоких истязаний, какие он налагал на себя.

Через два дня после описанной нами сцены Валентин и его товарищи уехали из Мехико в Сонору.

На сонорской границе охотник, несмотря на настоятельные просьбы друзей, расстался с ними и вернулся в пустыню.

Дон Марсьяль и донна Анита поселились в Мехико вместе с семейством Ралье. Через месяц после отъезда Валентина донна Елена воротилась в монастырь и через год, несмотря на просьбы ее родных, удивленных такой странной решимостью, которую, по-видимому, не оправдывало ничто, молодая девушка постриглась.

Когда я встретил Валентина на берегах реки Хоакин, через несколько времени после происшествий, описанных в этом продолжительном рассказе, он уезжал в сопровождении Курумиллы в одну отважную экспедицию по Скалистым горам, откуда, сказал он мне с той кроткой и меланхолической улыбкой, с которой обыкновенно говорил со мной, он *надеялся* не воротиться.

Я провожал его несколько дней, потом нам надо было расстаться. Он обнял меня, пожал мне руку и в сопровождении своего безмолвного друга углубился в горы; долго я следовал за ними глазами, чувствуя невольно, как сердце мое сжималось от печального предчувствия. Он обернулся в последний раз, сделал мне рукой прощальный знак и исчез на повороте тропинки.

Мне не суждено было увидеться с ним более.

С тех пор никто ничего не слышал ни о нем, ни о Курумилле; все мои старания отыскать их или по крайней мере иметь о них известия — были напрасны!

Живы ли они еще — никто этого не знает; мрак покрыл этих двух избранных людей; вероятно, само время никогда не поднимет таинственного покрывала, окружающего их судьбу, потому что все, к несчастью, заставляет меня предполагать, что они погибли в этой мрачной экспедиции, откуда Валентин *надеялся* не воротиться.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННАЯ

Часть первая

ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	53
ГЛАВА IV	67

Часть вторая

ГЛАВА I	73
ГЛАВА II	79
ГЛАВА III	89
ГЛАВА IV	93
ГЛАВА V	100
ГЛАВА VI	106
ГЛАВА VII	112
ГЛАВА VIII	117
ГЛАВА IX	121
ГЛАВА X	124
ГЛАВА XI	127
ГЛАВА XII	133

ГЛАВА XIII	136
ГЛАВА XIV	139
ГЛАВА XV	145
ГЛАВА XVI	148
ГЛАВА XVII	154
ГЛАВА XVIII	163
ГЛАВА XIX	171
ГЛАВА XX	178
ГЛАВА XXI	185
ГЛАВА XXII	192

Часть третья

ВОСКРЕСШИЕ

ГЛАВА I	199
ГЛАВА II	207
ГЛАВА III	214
ГЛАВА IV	219
ГЛАВА V	225
ГЛАВА VI	232
ГЛАВА VII	240
ГЛАВА VIII	246
ГЛАВА IX	255
ГЛАВА X	261
ГЛАВА XI	267
ГЛАВА XII	277
ГЛАВА XIII	281
ГЛАВА XIV	285

ГЛАВА XV	293
ГЛАВА XVI	296
ГЛАВА XVII	299
ГЛАВА XVIII	302
ГЛАВА XIX	307
ГЛАВА XX	313

ВАЛЕНТИН ГИЛЛУА

ГЛАВА I	
Гора Реки Ветра	320
ГЛАВА II	
Живой мертвец	327
ГЛАВА III	
Договор	335
ГЛАВА IV	
Путешественники	342
ГЛАВА V	
Крепость Чичимек	349
ГЛАВА VI	
Сюрприз	356
ГЛАВА VII	
Объяснение	363
ГЛАВА VIII	
Продолженис объяснения	370
ГЛАВА IX	
Мехико	377
ГЛАВА X	
Гостиница	386
ГЛАВА XI	
Гулянье Букарели	395
ГЛАВА XII	
Откровенный разговор	402

ГЛАВА XIII	
Дон Марсьяль	410
ГЛАВА XIV	
Свидание	418
ГЛАВА XV	
Монастырь бернардинок	426
ГЛАВА XVI	
Неожиданная радость	432
ГЛАВА XVII	
Начало борьбы	440
ГЛАВА XVIII	
Визит	448
ГЛАВА XIX	
Помощь	455
ГЛАВА XX	
Царагате	463
ГЛАВА XXI	
После свидания	472
ГЛАВА XXII	
Бланкет	479
ГЛАВА XXIII	
На дороге	488
ГЛАВА XXIV	
Схватка	496
ГЛАВА XXV	
Бой быков	503
ГЛАВА XXVI	
Битва	510
ГЛАВА XXVII	
В капелле	517

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 23

Редактор *И. Шургина*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректоры *В. Антонова, М. Александрова,*
В. Рейбекель

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 5.04.95.
Формат 84х108 1/32. Бумага тип. Печать высокая. Усл. печ.
л. 27,72. Уч.-изд. л. 29,96. Тираж 25 000 экз. Заказ 260

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Оригинал-макет и диапозитивы подготовлены ТОО
«Макет». 141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АООТ
«Ярославский полиграфкомбинат». 150049,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Scan Kreyder - 18.02.2018 - STERLITAMAK

